

№ 1 (25) ▪ 2021

▪ April

Russian Linguistic Bulletin

ISSN 2303-9868 PRINT

ISSN 2227-6017 ONLINE

Yekaterinburg

2021

RUSSIAN LINGUISTIC BULLETIN
ISSN 2313-0288 PRINT
ISSN 2411-2968 ONLINE

Theoretical and scientific journal.
Published 4 times a year.
Founder: Sokolova M.V.
Editor in chief: Smirnova N.L., PhD
Publisher and editorial address: Yekaterinburg, Akademicheskaya
St., Bldg. 11A, office 4, 620137, Russian Federation
Email: editors@rulb.org
Website: www.rulb.org
16+

№ 1 (25) 2021
April

Publication date 19.04.2021
Signed for publication 12.04.2021
Price: free.
Impact factor RSCI (2018) – 0,123
https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=50831

Russian Linguistic Bulletin is a peer-reviewed scholarly journal dedicated to the questions of linguistics, which provides an opportunity to publish scientific achievements to graduate students, university professors, persons with a scientific degree, public figures, figures of culture, education and politicians from the CIS countries and around the world.

The journal is an open access journal which means that everybody can read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles in accordance with CC Licence type: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Certificate number of registration in the Federal Supervision Service in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications: **ПН № ФЦ 77 – 58339 (terminated 07.04.2021), ЭЛ № ФЦ 77 – 73011**

Editorial board:

Rastjagaev A.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Slozenikina Ju.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Shtreker N.Ju. PhD in Pedagogy, PhD in Philology, Kaluga State Pedagogical University (Kaluga, Russia)
Levickij A.Je. PhD in Philology, Moscow State University (Moscow, Russia)
Alikae R.S. PhD in Philology, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia)
Erofeeva E.V. PhD in Philology, Perm State University (Perm, Russia)
Ivanov A.V. PhD in Philology, State Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Magirovskaja O.V. PhD in Philology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Kyuchukov H. PhD in Philology, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (Stendal, Germany)
Umnyashkin A.A. MD, professor, PhD in Philology, Director of the Center for Study of Ancient and Modern Languages of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)
Moradi H. PhD, Lecturer, Shahid Chamran University of Ahvaz, (Ahvaz, Iran)
Iseni B.A., professor, PhD in Philology, State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Jurkovič V. PhD, Associate Professor, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)
Ma Daoshan, PhD, Professor, Tianjin Polytechnic University (Tianjin, China)
Gutovskaya G.S., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Medvedeva O., PhD in Humanities, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Korostenskiënė J., PhD in Linguistics, Professor, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Alimi D., PhD in Linguistics, Assoc.Prof., State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Pllana Gani, Doctor, PhD in Linguistics, University of Prishtina "Hasan Prishtina" (Prishtina, Republic of Kosovo)
Kulesh H.I., Professor, Doctor of Pedagogy, PhD in Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Yekaterinburg 2021

Table of Contents

LINGUISTICS AND LANGUAGES (UDC 81)

Ананьина М.А. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	6
Карапетова И.Н. ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА	10
Guryeva Z.I., Petrushova, E.V. TEXTUAL ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF BUSINESS COMMUNICATION: PRAGMALINGUISTIC ASPECT	13
Shashkova V.N. “IDENTIFICATION IN POLICE INVESTIGATION”: ORGANIZATION AND SPECIFICS OF NOMINATION	18
Bajburina R.Z., Sergeeva E.N. ABOUT THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF MEANINGS OF THE SYNONYMS BY THE EXAMPLE OF THE ENGLISH VERBS OF POSITIVE ASSESSMENT	22
Габдуллина В.Р. СВОЕОБРАЗИЕ В ХАРАКТЕРЕ АССОЦИИРОВАНИЯ В ТАТАРСКОМ, БАШКИРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	25
Samigoullina A.D. A STUDY OF ENGLISH BLENDS RELATED TO COVID-19.....	30
Vlasenko N.I., Tolmacheva I.A. SOME ASPECTS OF LANGUAGE INTERACTION.....	35
Astapenko E.V. UPDATING THE SYNONYMS OF THE TERM “TEACHER” IN THE VOCABULARY OF MODERN ENGLISH (FROM MISSIONER TO ZOOM TUTOR).....	38
Shirobokova L.P., Perkova E.L. THE ROLE OF THE INFORMATIVITY CATEGORY IN THE FORMATION OF THE LAW TEXT TYPE (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE).....	45
Baldanova E.A., Dondokova N.B. CORPUS LINGUISTICS IN THE LANGUAGE EDUCATION.....	49
Даниленко Н.Б. БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «КОНСЕРВАТИЗМ».....	54
Titlova A.S. MEMETICS AS ONE OF THE FORMS OF INTERNET TEXT PRECEDENCE.....	58
Гречухина З.Р. СИНКРЕТИЗМ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ «В» И «НА» (ЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ И ЦЕЛИ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ И ПРИЧИНЫ)	61
Eliseeva Yu.S., Simonova K.Yu. NICKNAMES IN ENGLISH ICE HOCKEY TERMINOLOGY: SEMANTIC FEATURES	68
Korolkova A.V., Tishina A.E. SYNTACTIC SEMANTICS OF RUSSIAN APHORISMS.....	71
Karachina O.E. CAUSES AND EFFECTS OF METAPHOR MISUSE	77

Shamina N.V. THE CHARACTERISTICS OF ENGLISH PREFERENCE-COMPARISON MODAL PHRASES IN THE EVALUATION MODALITY SYSTEM.....	81
Uskova A.I. MOTIVATION OF THE ARGOT (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES).....	86
Marchenko O.P. SEMANTIC CATEGORY NORMS OF ENGLISH LANGUAGE FOR NATIVE RUSSIAN SPEAKERS.....	89
Egorova A.A. LINGUISTIC, COMMUNICATIVE AND SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE DEFINITION OF THE TERM “TRANSLATION”	93
Dmitrieva E.I. SEMANTIC CLUSTERING AND COMBINATIVITY OF AFFIXES IN THE ENGLISH LANGUAGE	104
Sveshnikova M.I. ARTISTIC TRANSLATION OF A POETIC TEXT AS THE CREATION OF A NEW AUTHOR’S REALITY (BASED ON TRANSLATIONS OF POEMS BY I. A. BUNIN INTO FRENCH).....	111
Phuong Nguyen Hoang ENGLISH PERCEPTION VERBS COGNITIVE METAPHORS AND THEIR EQUIVALENCE IN VIETNAMESE..	115
Семашко Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ НАПРАВЛЕННОСТИ, В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	123
TEXT LINGUISTICS, DISCOURSE ANALYSIS. TYPOLOGICAL LINGUISTICS (UDC 81’4)	
Жоробекова С.А., Осмонова Н.А., Сабирова В.К. ДИСКУРС ЯЗЫКОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	127
Vinnikova T.F., Zorina Yu.V. PECULIARITIES OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN DIFFERENT LANGUAGES.....	130
Тоцкая О.В., Ткачева Н.А., Андиш И.Б., Каданцева Д.С. МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	133
Баханович А.С. ИРОНИЯ КАК ФЕНОМЕН «ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ»: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРСКИХ СКАЗОК И ПЕРЕСКАЗОВ ГРЕЧЕСКИХ МИФОВ).....	140
Швагрукова Е.В., Надеина Л.В., Поздеева Г.П. АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КАЛАМБУР В АВТОБИОГРАФИИ В.В. НАБОКОВА «SPEAK, MEMORY!».....	144
PSYCHOLINGUISTICS. PSYCHOLOGY OF LANGUAGE (UDC 81’23)	
Moiseeva A.V. “COUNTERTEXT” BY A.I. NOVIKOV: REVISITED THE CLASSIFICATION OF EVALUATIVE REACTIONS....	149
SOCIOLINGUISTICS. USAGE OF LANGUAGE (UDC 81’27)	
Zeng Ting A REVIEW OF RESEARCH ON CHINA’S IMAGE ON NEW MEDIA.....	153
LITERATURE (UDC 82)	
Сычёва А.В., Ковынева Е.А. ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЖАНРА ПЕСЕНКИ И СПЕЦИФИКА ЕГО ВОССОЗДАНИЯ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б. ОКУДЖАВЫ)	157
Ковынева Е.А., Сычёва А.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «ER STARB VOR MOHAISZK» Э. М. РЕМАРКА СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА	163

Velilaeva L.R.

SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE USA OF THE XIXTH CENTURY: PLOTS AND SYMBOLS 169

Соколова Г.А.

ВРЕМЕННЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ В СКАЗКЕ Л. ТИКА «БЕЛОКУРЫЙ ЭКБЕРТ»..... 173

Беляев Д.В.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА 176

Ryndina Yu.V.

SIGNS OF ARTISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “PATTERNS OF FAMILY LIFE” IN MARY NORTON’S “THE BORROWERS” 180

Alla Aida

THE SEMANTIC FUNCTION OF SUPRA-SEGMENTAL FEATURES IN CHILDREN’S LITERATURE IN ENGLISH AND THEIR TRANSFERENCE INTO ALBANIAN..... 184

CHINESE LANGUAGES (UDC 811.581)

Костенюк Н.В., Шмакова А.С.

ОСНОВНЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАСТИЦЫ 了 (LE) В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ... 190

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Научная статья

Ананьина М.А. *

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (AnaninaMA[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблеме стилистической функции аллюзивного имени собственного в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения У.С. Моэма, Г. Грина, Н. Хорнби и других англоязычных авторов. На основе изучения и обобщения научных источников делается вывод об основных функциях аллюзивного имени в художественном тексте. Помимо текстообразующей, или текстопорождающей, интегрирующей и функции реализации интертекстуальности, выделяется группа стилистических функций, создающих иронию, экспрессию, особое социальное звучание текста. Результаты работы могут быть применены в курсе зарубежной литературы, стилистики английского языка.

Ключевые слова: аллюзивное имя собственное, аллюзия, стилистическая функция, художественный текст.

FUNCTIONAL ASPECTS OF ALLUSIVE NAMES IN LITERARY TEXTS

Research article

Ananyina M.A. *

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (AnaninaMA[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses the stylistic function of the allusive proper name in a literary text. The material of the study was the works of W. S. Maugham, G. Green, N. Hornby, and other English-language authors. The authors draw conclusions on the main functions of allusive names in a literary text based on the study and generalization of scientific sources. In addition to the text-forming, or text-generating, integrating, and intertextuality realization functions, there is a group of stylistic functions that create irony, expression, and a particular social sound of the text. The results of the study can be applied in the courses on foreign literature and English stylistics.

Keywords: allusive proper name, allusion, stylistic function, literary text.

Введение

Современный этап развития науки и общества характеризуется широким интересом к проблемам текста, к особенностям его воздействия на читателя, к вопросам порождения текста, его анализа. Мы приходим к эпохе управляемого текста и управляемого сознания человека. Текст начинается пониматься как аргумент для изменения картины мира человека, его сознания [1]. Филология не остается в стороне от процессов, происходящих в современной науке. Особую роль приобретает взаимодействие различных знаковых систем, пластов культуры. В данных условиях особую значимость приобретает взаимодействие текстов и широкое понимание самого текста. На наш взгляд, подчас, текст управляет нашим восприятием реальности, и реальность будет по-разному отражаться в сознании в зависимости от интерпретации, предложенной в тексте. З.Я. Тураева выделяет поэтику ассоциаций, когда текст включается в континуум мировой культуры [1]. В связи с этим, актуальной становится проблема приращения смысла, цитирования и введения в текст элементов других текстов. Маркерами интертекстуальности являются цитаты, аллюзии, образные средства [2]. В данной работе исследуются функции аллюзивных имен в художественном тексте.

Основными методами исследования являются аналитический метод, метод контекстуального анализа, метод интертекстуального анализа. В ходе исследования художественных текстов так же использовался метод сплошной выборки аллюзивных имен.

Изучая произведения классиков, таких, как Ч. Диккенс, Дж. Остин, О. Уайльд и другие, читатель сталкивается с огромным количеством цитат и аллюзий на произведения У. Шекспира, библейские тексты, английские народные произведения. Может появиться иллюзия, что цитирование характерно только для классической литературы, аллюзии служат средством выражения кругозора автора, его начитанности, и во многом данное явление устарело. Однако, как показывает опыт изучения более современных авторов, цитирование, наоборот, продолжает оставаться актуальным в литературе, активно используется в построении текстов. Напрашивается вывод об универсальности данного явления.

Поскольку управление восприятием играет важную роль в настоящее время, то можно поставить вопрос о возможности использования аллюзивных имен в данном аспекте. Как отмечает Г.Р. Яусс, «психический процесс усвоения текста на первичном уровне эстетического опыта состоит не в случайном нагромождении субъектных впечатлений; при первом чтении идет прокладывание определенных направлений в процессе управляемого восприятия» [3, С. 194]. Автор подчеркивает необходимость эстетического опыта читателя. Можно говорить об эстетической функции аллюзий, аллюзивного имени.

Прежде чем выявлять основные функции аллюзивного имени, обратимся к имеющемуся научному опыту по данному вопросу. В классической работе А.В. Суперанская выделяет четыре основные функции имен собственных:

коммуникативную (имя как основа для сообщения и общения), апеллятивную (как призыв и воздействие на собеседника), экспрессивную (характерна для аллюзивных имен, обладающих культурно-ассоциативными коннотациями) и дейктическую (указательную). Кроме того, специальными ономастическими функциями являются идентификация объекта и социальная легализация личности [4, С. 272-274].

Н.В. Васильева выделяет такие функции собственных имен в художественном тексте, как идентифицирующая, функция создания иллюзии реальности повествования, характеристики, перспективации, эстетическая функция, морфологизации [5, С. 132-129]. Эти функции выделяются на основе классификации Д. Лампинга и они включают все имена собственные в произведении. Аллюзивные имена, на наш взгляд, требуют особого подхода в силу своей специфики и культурной отнесенности.

Е.Ф. Исаева, опираясь на работы Н.А. Фатеевой, подчеркивает роль аллюзии в создании подтекста, выражения имплицитного смысла текста. Исследовать выделяет такие функции аллюзивного имени, как текстопорождающая, экспрессивная (эстетическая, стилистическая), символическая (поэтическая) и интегрирующая [6, С. 47]. На наш взгляд, пристального внимания заслуживает эстетическая (экспрессивная, стилистическая) функция, которая проявляется в том, что аллюзивное имя, вводимое в контекст, может выходить за рамки родной ономастической системы читателя. Автор посредством этой функции сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, прагматических установках, сообщая тексту престижность, одиозность и другие черты [6, С. 49].

Мы считаем, что нужно разделять экспрессивную функцию и функцию выражения социального статуса. Экспрессивная функция – это выполнение стилистической функции аллюзивного имени, связанное с коннотациями, выразительностью. Функция выражения социального статуса имеет отношение к общему уровню повествования, к созданию портрета персонажа как начитанного и разносторонне образованного человека. Наличие имен часто может приводить к возвышенности повествования, вывода текст на более высокий духовный уровень. А также способствовать созданию иронии, когда образ не соответствует этому заданному уровню. Например, в книге Дж. Голсуорси мы сталкиваемся с иронией: *By the cigars they smoke, and the composers they love, ye shall know the texture of men's souls. Old Jolyon could not bear a strong cigar or Wagner's music. He loved Beethoven and Mozart, Handel and Gluck, and Schuman, and, for some occult reason, the operas of Meyerbeer; but of late years he had been seduced by Chopin, just as in painting he had succumbed to Botticelli. In yielding to these tastes he had been conscious of divergence from the standard of the Golden Age. Their poetry was not that of Milton and Byron and Tennyson; of Raphael and Titian; Mozart and Beethoven.* (J. Galsworthy, "The Man of Property") [7]. В одном контексте оказываются сигары и музыка Вагнера, оксюморон приводит к ироничности контекста, выражающего связь предпочтений в музыке и картинам приверженность человека какому-то стилю. Но этот стиль не является реальным отражением чувств героя, а данью моде и эпохе.

Аналогичный пример из книги У.С. Моэма: *Brabazon thought Chippendale would be more in keeping with Mrs Bradley's personality.* (W.S. Maugham, "The Razor's Edge") [8]. Ироничность контексту придает сочетание личности миссис Брэдли и мебели марки чиппендейл, символа респектабельности и достатка.

L.M. Cherchata приводит классификацию аллюзий Питера Вердонка, согласно которой ряд функций, таких, как эстетическая, символическая, коннотативная, уже упоминались в других таксономиях. Однако дополнительно выделяются идеологическая функция, связанная с воссозданием политической и социальной атмосферы, вклад в развитие темы и структуры литературного текста, передача национальной ментальности, усиление проблемы, ее заострение, а также полемическая функция, функция создания иронии [9, С. 91]. Мы можем сделать вывод о том, что многие функции выделяются учеными и носят различные названия. Общими являются эстетическая, экспрессивная, символическая, текстообразующая функции.

В работах подчеркивается огромный ассоциативный фон аллюзивных имен, их участие в отражении авторского мировидения, социальный контекст эпохи [10]. Д.М. Дреева, И.К. Костуева подчеркивают, что аллюзия является посредником интертекстуальных отношений, выполняет в художественном тексте смыслообразующую функцию, функцию апелляции к авторитетам, демонстрации эрудиции автора и орнаментальную функцию [11].

Некоторые авторы выделяют специфически стилистические функции аллюзивного имени. Т.С. Сиренко считает, что аллюзия выполняет функцию создания иронии, комического эффекта, сравнительно-уподобительную, окказиональную (отсылка к определенному явлению, факту, прагматическая функция) функции [12].

Главный герой романа Ника Хорнби "Мой мальчик" подросток Маркус мечтает о семейном обучении, но у него нет денег, чтобы платить за обучение. Его содержит мама, которая вынуждена много работать, потому что она единственный кормилец в семье. В связи с этим, Маркус упоминает имя героя фильма «Один дома» Маколея Калкина, который получил домашнее образование: *The only other kind of person he could think of who didn't go to school was the Macaulay Culkin kind. They'd had some thing about him on Saturday-morning TV once, and they said he got taught in a caravan sort of thing by a private tutor....Macaulay Culkin probably got three hundred and fifty pounds a week, maybe even more, which meant that if he were Macaulay Culkin he could pay his mum to teach him. But if being Macaulay Culkin meant being good at drama, then forget it: he was crap at drama...Which was why he wanted to be Macaulay Culkin. Which was why he was never going to be Macaulay Culkin in a thousand years, let alone in the next few days.* (N. Hornby, "About a Boy") [13]. Данное аллюзивное имя выполняет текстообразующую функцию. Оно формирует мысль героя в абзаце и повторяется на протяжении всего текста, читатель понимает, какую важную роль играет это имя в картине мира мальчика. Он не просто любит этот фильм, но буквально готов войти в образ героя, походить на него.

Заключение

Как показывает проведенный обзор и результаты исследования, аллюзивные имена представляют собой особые, культурно насыщенные знаки текста, которые выполняют множество функций, включающих экспрессивную, эстетическую, символическую, текстообразующую, функцию выражения эрудиции автора и выражения социального

статуса. Изучение функций аллюзивных антропонимов имеет большие перспективы и научную значимость в связи с развитием филологической науки, изменением перспективы восприятия текста, антропоцентричностью и ассоциативностью современного мышления. Цитирование активно используется в современных текстах, изменяются источники, а также орнаментальность текста, способы отражения мировоззренческих ценностей. Однако интертекстуальность и использование аллюзий носят универсальный характер, видоизменяясь, продолжают играть важную роль в построении художественного текста.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Тураева З.Я. Перелистывая страницы. Образ науки и культуры на рубеже тысячелетий / Тураева З.Я. // От мастерства писателя к открытиям читателя: В поисках сущности текста. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 85-98.
2. Тураева З.Я. Интертекстуальность и единство культуры / Тураева З.Я. // От мастерства писателя к открытиям читателя: В поисках сущности текста. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 75-84.
3. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы / Яусс Г.Р. // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 192-200.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / Суперанская А.В. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368 с.
5. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста / Васильева Н.В. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
6. Исаева Е.Ф. Антропонимические аллюзии и их функции в русских и испанских художественных текстах / Исаева Е.Ф. // Вестник ун-та Российской Академии образования, 2011. – №1. – С. 47-50.
7. Galsworthy J. The Forsyte Saga. The Man of Property / Galsworthy J. – М.: Капо, 2011. – 608 p.
8. Моэм У.С. Острие бритвы. Книга для чтения на английском языке / Моэм У.С. Комментарий М.В. Дьячкова. – М.: Издательство «Менеджер», 2005. – 320 с.
9. Cherchata L.M. Allusion as a text-making element in the novel “Fahrenheit 451” by Ray Bradbury / Cherchata L.M. // Molodij vchenij. – 2015. – №8-2 (23). – p. 91-96.
10. Селиверстова Е.И. Имена собственные в аспекте культурной семантики и вербализации авторского замысла (на примере повести М. Булгакова «Собачье сердце» и её перевода на китайский язык) / Селиверстова Е.И., Чжан Ди // Коммуникативные исследования, 2018. – №2 (16). – С. 197-210.
11. Дреева Д.М. Аллюзия как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе / Дреева Д.М., Кастуева И.К. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1-1. – С. 1257.
12. Сиренко Т.С. Стилистический аспект аллюзии / Сиренко Т.С. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №1. – С. 364-366.
13. Hornby N. About a Boy / Hornby N. – London: Penguin Books, 2014. – 278 p.
14. Verdonk P. Stylistics / P. Verdonk. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 283 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Turaeva Z. Ya. Perelistyvaya stranitsy. Obraz nauki i kultury na rubezhe tysyacheletiy [Turning the pages. The image of science at the edge of the millenium] / Turaeva Z. Ya. // Ot mastrestva pisatelya k otkrytiyam chitatel'ya: v poiskakh sushhnosti teksta [From the mastery of the writer to the discoveries of the reader: in search of the essence of meaning]. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – P. 85-98. [in Russian]
2. Turaeva Z. Ya. Inertekstualnost i edinstvo kultury [Intertextuality and the unity of culture] / Turaeva Z. Ya. // Ot mastrestva pisatelya k otkrytiyam chitatel'ya: v poiskakh sushhnosti teksta [From the mastery of the writer to the discoveries of the reader: in search of the essence of meaning]. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – P.75-84. [in Russian]
3. Yauss G.R. Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [The History of literature as a challenge to the theory of literature] / Yauss G.R. // Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya [Modern literary theory. Anthology] / Comp. by I.V. Kabanova. – М.: Phlinta: Nauka, 2004. – P. 192-200. [in Russian]
4. Superankaya A.V. Obshhaya yeoriya imeni sobstvennogo [General theory of a personal name] / Superankaya A.V. Edit. 2-nd, corr. – М.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 368 p. [in Russian]
5. Vasilyeva N.V. Sobstvennoye imya v mire teksta [A personal name in the worl of a text] / Vasilyeva N.V. Edit. 2-nd, corr. – М.: Knizhny dom “LIBROKOM”, 2009. – 224 p. [in Russian]
6. Isaeva E.Ph. Antroponimicheskiye allyuzii i ikh phunktsii v russkikh i ispanskikh khudozhestvennykh tekstakh [Antroponimic allusions and their functions in Russian and Spanish literary texts] / Isaeva E.Ph. // Vestnik un-ta Rossiyskoi Akademii obrazovaniya [Bulletin of the Russian Academy of education], 2011. – №1. – P. 47-50. [in Russian]
7. Galsworthy J. The Forsyte Saga. The Man of Property / Galsworthy J. – М.: Капо, 2011. – 608 p.
8. Moem U.S. Ostrie britvy. Kniga dlya chteniya na anglijskom yazyke [Razor edge. English reading book] / Moem U.S. Comment. M.V. D'yachkova. – М.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2005. – 320 p.
9. Cherchata L.M. Allusion as a text-making element in the novel “Fahrenheit 451” by Ray Bradbury / Cherchata L.M. // Molodij vchenij. – 2015. – №8-2 (23). – p. 91-96.
10. Seliverstova E.I. Imena sobstvennye v aspekte kulturnoi semantiki i verbalizatsii avtorskogo zamysla (na primere povesti M.V. Bulgakova “Cobachye serdtse” i yeye perevoda na kitaiski yazyk) [Personal names in the aspect of cultural semantics and verbalization of the author's message (on the example of the novel “The Dog's heart” by M.V. Bulgakov and its translation into Chinese)] / Seliverstova E.I., Chzhan Di // Kommunikativnyye issledovaniya [Communicative research],

2018. – №2 (16). – P. 197-210. [in Russian]

11. Dreyeva D.M. Allyuziya kak sredstvo manifestatsii intertekstualnykh svyazei d poeticheskogo diskursa [Allusion as a means of manifestation of intertextual connections in a poetic discourse] / Dreyeva D.M., Katuyeva I.K. // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. – 2015. – №1-1. – P. 1257. [in Russian]

12. Sirienko T.S. Stilisticheskiy aspekt allyuzii [Stylistic aspect of allusion] / Sirienko T.S. // *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences]. – 2015. – №1. – P. 364-366

13. Hornby N. *About a Boy* / Hornby N. – London: Penguin Books, 2014. – 278 p.

14. Verdonk P. *Stylistics* / P. Verdonk. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 283 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.6>**ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА**

Научная статья

Карапетова И.Н. *

ORCID: 0000-0001-5267-403X,

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

* Корреспондирующий автор (avroora0503[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности модально-оценочной лексики на примере отрывка из газетной статьи британской газеты The Guardian. Наличие эмоционально-окрашенных модальных маркеров в подобных текстах позволяет автору сформировать положительное или отрицательное отношение у читателя к тому или иному политическому событию или личности. Актуальность данной статьи заключается в изучении политических СМИ, так как в современном политическом пространстве передача новой информации, событий и процессов способствует созданию определенной языковой среды социума. При помощи лексико-семантических и когнитивно-прагматических репрезентаций в тексте формируется система модальных отношений между автором и читателем газетного текста политического характера.

Ключевые слова: экспрессивность, выдвижение, языковое пространство, модальность, когнитивный, политический газетный дискурс, распределение информации, средства массовой информации, языковые компоненты.

ASPECTS OF THE MODAL AND EVALUATIVE VOCABULARY IN THE POLITICAL NEWSPAPER DISCOURSE

Research article

Karapetova I.N. *

ORCID: 0000-0001-5267-403X,

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

* Corresponding author (avroora0503[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the aspects of the modal-evaluative vocabulary based on an excerpt from an article of the British newspaper The Guardian. The presence of emotional modal markers in such texts allows their authors to form a positive or negative attitude of the reader to a particular political event or personality. The relevance of this article lies in the study of political media since in the modern political environment, the transmission of new information, events, and processes contributes to the creation of a certain linguistic environment of society. With the help of lexical-semantic and cognitive-pragmatic representations in the text, the study forms a system of modal relations between the author and the reader of a political newspaper text.

Keywords: expressiveness, extension, linguistic environment, modality, cognitive, political newspaper discourse, information distribution, mass media, language components.

В рамках современного языкового пространства особый интерес представляет изучение политических СМИ, так как это всегда передача новой информации, событий и процессов в современном мире политики, что немаловажно для формирования языковой среды социума под влиянием коммуникационных технологий. Познавая реальный мир, человеческое сознание не просто отражает его, но и категоризирует посредством языка. Поэтому язык СМИ представляет собой структурно-организованную классификацию человеческого опыта, отражает диалектику объективной действительности и отражается в сознании читателя в виде определенных понятийных категорий [4, С. 170].

Газетные и журнальные статьи могут быть адекватно поняты только в том случае, если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации [2, С. 41].

Важно отметить, что исследование политического дискурса в газетных статьях лежит на пересечении разных дисциплин и «связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных политических ситуациях» [6, С. 46]. Поэтому при рассмотрении политических СМИ важно учитывать их лексико-семантическую и когнитивно-прагматическую репрезентацию в контексте, что подразумевает, прежде всего, изучение совокупности языковых (главным образом, лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также и общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [5, С. 110].

Также важно подчеркнуть, что на основе этих языковых компонентов с их специфическими лексико-семантическими и когнитивно-прагматическими характеристиками в тексте (в данном случае в политической газетной статье) формируется система модальных отношений. Связь прагматической и семантической структур высказывания обеспечивается через содержательные компоненты, имеющие непосредственное отношение к модальности и к распределению информации. Модальность сопоставима с оценкой со стороны говорящего достоверности, необходимости или желательности, возможности описываемого факта, а также с его отнесением к одному из

возможных или невозможных миров; модальность предполагает распределение информации как исходной, данной, так и новой, вводимой, находящейся в фокусе внимания говорящего.

В данной статье мы рассмотрим эмотивно-окрашенные модальные маркеры, с помощью которых автор формирует свою оценку по отношению к описываемому политическому событию или личности для обеспечения адекватного восприятия ситуации или проблемы.

Понятие эмотивных средств связано с категорией экспрессивности, то есть с выражением эмоций, при котором общение сохраняет свою жизненность, естественность, эмоциональность и экспрессивность. Манифестации различных эмоций средствами языка в речи фактически являются коммуникативными функциями этих средств.

Категория *экспрессивности* имеет в языке длительную традицию и является одним из основных приемов журналистики. В теоретических исследованиях со времен античности фигурирует понятие «экспрессия», которое обозначает в переводе с латинского (*expressio*) «выражение». Понятие «выразительность» определяется как особо выделенный, подчеркнутый способ выражения мыслей и чувств и нередко отождествляется с понятием «экспрессивность», особенно если это последнее связывается с особым подчеркиванием, «выдвижением» некоторого передаваемого языковыми средствами смысла. Под выдвижение понимается наличие в тексте каких-либо формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами одного уровня.

Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а, следовательно, эмоциональностью.

В связи с общественно-политической ситуацией в мире сфера безопасности является весьма важной для исследования [1, С. 61]. Так, человечество переживает достаточно сложный, но значимый этап развития – эпоху глобализации. На современном этапе развития в обществе происходят значительные изменения на всех уровнях социального бытия [3, С. 119]. Рассмотрим актуальную на данный момент тему сложных и довольно негативных отношений между США и Ираном и проанализируем отрывок из газетной статьи «By killing Qassem Suleimani, Trump has achieved the impossible: uniting Iran» из британской газеты The Guardian:

“The national *hero*’s assassination has brought together Iran’s divided government and its *exhausted and desperate* public” [7].

Во-первых, следует отметить, что данный военный лидер пользовался огромной популярностью среди жителей Ирана (*hero*) и, во-вторых, несмотря на политический и экономический кризис в стране (*exhausted and desperate* public), народ все же объединяется и готов бороться за свои права и полномочия. Автор имплицитно характеризует сильный и волевой характер народа Ирана, который готов помочь улучшить положение в стране.

Или, к примеру, “Suleimani was one of the most *influential* and *powerful* men in the Islamic Republic of Iran. He had more sway than the president had, spoke to all the various factions, and had a direct line to the *supreme leader*. Most importantly, he was popular with the general public. One poll, taken as the fight against Islamic State raged, found that 73% of Iranians had a *favourable opinion of him*.” [7].

Из данного отрывка ясно, что авторская позиция наряду с мнением иранского народа по отношению к политическому лидеру Ирана вполне положительная, и он характеризует Сулеймани как одного из влиятельных, продвинутых и верховных лидеров страны. Создавая положительную характеристику политического лидера, автор формирует политическую обстановку в стране и имплицитно, безусловно, гнев и раздражение иранского народа по отношению к политике и президенту США.

“In a sense, though, the *formidable* show of unity is no surprise. Iran – like any other country – is *proud, patriotic*, and its people tend to put their differences aside when faced with an *outside enemy*. Suleimani oversaw Iran’s regional policy, and as a result is regarded as having spent his lifetime defending his country. While many in the region viewed Suleimani as a deeply *controversial figure*, to put it mildly, a significant number of Iranians, Kurds and Iraqis saw him as having been *pivotal* in stopping Islamic State.” [7].

Автор, используя модально-эмотивные языковые маркеры, выраженные прилагательными и существительными, не только номинирует основные события и дает характеристику политическому лидеру и народу, но и имплицитно выражает свою позицию по отношению к описываемым явлениям, происходящим в Иране. Имплицитно свою позицию, автор также призывает читателя к определенному мнению и действию по отношению к США.

Следовательно, в политических средствах массовой информации инициатор коммуникации, или адресант пропагандирует и моделирует культурные ценности страны, социальный порядок и концептуальную картину мира, которая присуща конкретному языковому сообществу. На основе этого строится комплекс взаимоотношений между автором политической газетной статьи и читателем, который в свою очередь функционально направлен на формирование у реципиента фрагмента картины мира. Поэтому данный вид коммуникации обуславливает политическую и социальную реальность, имеющую целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий со стороны коммуникантов, что напрямую и косвенно влияет на политический и социальный статус страны и общества в целом.

Таким образом, мы можем отметить, что модально-оценочные компоненты в газетной статье обуславливают авторскую позицию и формируют эмотивно-окрасочный фон событий и явлений, происходящих в данном обществе и в стране. Такие понятия как «модальность» и «оценочность» являются тесно сопряженными понятиями, поскольку «оценочность текста» представляет собой главный элемент субъективной модальности. В газетном тексте именно совокупность модально-оценочных компонентов, по нашему мнению, представляет собой субъективную модальность, базирующуюся на политических взглядах адресанта. Поскольку любой политический дискурс напрямую связан с мироощущением, мировоззрением, мирозерцанием и миропереживанием общества, то функциональные особенности и характеристики дискурса также могут рассматриваться с различных позиций читателя.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисова М.К. Продуктивные модели терминодеривации в сфере безопасности на примере тематических областей «Международная безопасность», «Ядерная безопасность» (на материале современного русского языка) / Борисова М.К. // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 61-68.
2. Давыдова А.Р. Тема-рематическая структура публицистического текста: когнитивно-фреймовый подход / Давыдова А.Р., Зайцева О.Л. 2011. ПГЛУ. 180 с.
3. Карапетова И.Н. Роль межкультурной коммуникации в международных отношениях на современном этапе / Карапетова И.Н. // Университетские чтения – 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2019. С. 119-123.
4. Переяшкина Л.Н. Когнитивные аспекты негации в языке / Переяшкина Л.Н. // Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2015. С. 169-173.
5. Тоцкая О.В. Лексико-семантическая репрезентация концепта Female Fashion в современной англоязычной картине мира / Тоцкая О.В. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011. №4, с. 110-114.
6. Bell D.M. Innuendo / Bell D.M. // J. of pragmatics. – Amsterdam, 1997. – Vol.27, № 1. – P. 35-59.
7. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.google.co.uk/amp/s/amp.theguardian.com/commentisfree/2020/jan/07/qassem-suleimani-trump-uniting-iran-assassination-government> (дата обращения: 20.06.2019).

Список литературы на английском / References in English

1. Borisova M.K. Produktivnye modeli terminoderivatsii v sfere bezopasnosti na primere tematicheskikh oblastej «Mezhdunarodnaya bezopasnost'», «YAdernaya bezopasnost'» (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) [Productive models of terminology derivation in the field of security on the example of the thematic areas "International security", "Nuclear security" (based on the material of the modern Russian language)] / Borisova M.K. // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). P. 61-68. [in Russian]
2. Davydova A.R. Tema-rematicheskaya struktura publicisticheskogo teksta: kognitivno-frejmovyj podhod [Topic-rhematic structure of a journalistic text: cognitive-frame approach] / Davydova A.R., Zajceva O.L. 2011. PGLU. 180 p. [in Russian]
3. Karapetova I.N. Rol' mezhkul'turnoj kommunikacii v mezhdunarodnyh otnosheniyah na sovremennom etape [The role of intercultural communication in international relations at the present stage] / Karapetova I.N. // Universitetskie chteniya – 2019. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU [University Readings - 2019. Materials of Scientific and Methodological Readings of PSU]. 2019. P. 119-123. [in Russian]
4. Pereyashkina L.N. Kognitivnye aspekty negatsii v yazyke [Cognitive aspects of language negation] / Pereyashkina L.N. // Universitetskie chteniya – 2015. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU [University Readings - 2015. Materials of Scientific and Methodological Readings of PSLU]. 2015. P. 169-173. [in Russian]
5. Tockaya O.V. Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya koncepta Female Fashion v sovremennoj angloyazychnoj kartine mira [Lexico-semantic representation of the concept of Female Fashion in the modern English-language picture of the world] / Tockaya O.V. // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University], 2011. №4, p. 110-114. [in Russian]
6. Bell D.M. Innuendo / Bell D.M. // J. of pragmatics. – Amsterdam, 1997. – Vol.27, № 1. – P. 35-59.
7. The Guardian [Electronic resource]. – URL: <http://www.google.co.uk/amp/s/amp.theguardian.com/commentisfree/2020/jan/07/qassem-suleimani-trump-uniting-iran-assassination-government> (accessed: 20.06.2019).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.9>**ТЕКСТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Гурьева З.И.^{1*}, Петрушова Е.В.²^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (ziguryeva[at]mail.ru)

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые теоретические проблемы текстуальной деятельности как важного регулятора социального взаимодействия в процессе международной бизнес-коммуникации. Эффективность обмена текстовой информацией – необходимое условие успешного взаимодействия представителей различных культур в процессе бизнес-коммуникации. Однако одну и ту же информацию можно передать различными способами: в устной или письменной форме; в виде монологической речи или диалогического взаимодействия; непосредственно, глядя собеседнику (аудитории) в лицо, или опосредованно – по телефону, факсу, телексу, электронной почте. Способ осуществления речи значительно влияет на отбор и аранжировку языковых средств в процессе текстовой деятельности. В статье приводятся примеры целей и способов передачи информации посредством бизнес-текстов.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, бизнес-текст, текстовая деятельность, эффективность, социальное взаимодействие, культура.

**TEXTUAL ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF BUSINESS COMMUNICATION: PRAGMALINGUISTIC
ASPECT**

Research article

Guryeva Z.I.^{1*}, Petrushova, E.V.²^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (ziguryeva[at]mail.ru)

Abstract

The paper makes an attempt to discuss some theoretical problems of textual activity as an important social interaction regulator in the field of international business communication. The efficiency of information exchange is an important prerequisite of successful interaction of representatives of different cultures in the process of business communication. However, the information can be transferred by different means: orally or in the written form; by monologue or dialogue speech; directly – face-to-face – or indirectly – by telephone, fax, telex, e-mail. The method of information transfer influences the choice and arrangement of language means in the process of textual activity. Some examples of goals and ways of communicating information by business texts are given.

Keywords: business-communication, business-text, textual activity, efficiency, social interaction, culture.

Introduction

Until recently, the main and primary object of linguistic analysis was the text as a material from which only various data on the system-structural parameters of the language were drawn. Now the text is considered not only as a research material, but also as its subject – the product of textual activity. The textual activity itself, being a reflection of human thinking, is a process of generating many different kinds of texts.

Textual activity serves to meet the immediate material needs of a person indirectly – through the satisfaction of his most important need for self-expression, in the organization of relationships and interactions with other people. People are constantly in the process of interrelated actions, the means of coordination of which is language communication. The existence of language already implies a social connection between people and, therefore, communication as a necessary condition for the life of the individual in society and society in individuals. "Without language, there is no human community, there is no common cause" [1, P. 3].

Speech is included in the complex world of human existence, where it, acting as a form of communication, is opposed to material and production activities, being at the same time genetically and functionally woven into the joint work of people, which caused its emergence and development, predetermining any activity – material and spiritual, production and communication.

Frank Dance found 96 definitions of the notion "communication" [2], but we think that the definition, given in Collins Dictionary of Business, is the most suitable: "Communication is the exchange of information in an organization" [3]. Accordingly, by business communication we understand interpersonal exchange of textual information for the purpose of organizing and optimizing a particular type of business activity: industrial, scientific, commercial, managerial, etc.

No area of human activity can be considered without taking into account the features of speech communication. Communication means understanding and mutual understanding. Mutual understanding is not a direct act, but mediated by the exchange of messages, news, messages, information, i.e. texts in the process of textual activity. The success of almost any activity of people depends on the degree of mutual understanding. This is most important in the process of making business and management decisions. Therefore, understanding and mutual understanding is the basis for effective communication, especially in business.

Let's start by identifying where effective speech communication is required outside and inside a business enterprise.

Business communication penetrates into practically all the spheres of human activity. Organizations rely on communication among employees at all levels to decide on and implement their goals. These goals are established by thinking and talking about them and then committing them to paper in the form of a business plan. When the business plan is ready, the businessman will find partners and convince them to take part in the transaction, get loans. So, he makes a business plan not only for himself, but also to demonstrate the reliability of the conceived business. The businessman himself needs a plan to act not blindly, but according to a well-thought-out, calculated scheme. The business plan allows you to see the model, the image of the future operation, so that you can focus on key issues, do not forget anything significant, and prepare in advance for the implementation of the required actions. The business plan helps to determine what contracts and transactions need to be concluded to ensure the operation, assess its rational scale and expected result, and achieve confidence in success. As an external document, a business plan is necessary for an entrepreneur to enter into contacts with interested persons and organizations, it is designed to convince them of the thorough verification of the operation. The business plan can also be requested by official, state bodies, without whose permission the entrepreneur cannot carry out his plan.

From a linguistic point of view, a business plan is a complex fragment of professional textual activity, the generation and understanding of which depends on knowledge of a broad pragmatic context. When compiling it, it is generally accepted to adhere to a certain structure. In terms of lexical composition, a business plan is a business text rich in such professional terms as audit, off-shore, hedging, futures transactions and many others that are incomprehensible to a wide range of people. As you know, professional jargon is considered a metalanguage of a certain sphere of use, which covers both individual and collective cognitive systems belonging to a certain group of specialists.

In an effort to achieve their goals, people in business must make and implement many decisions. Often their deliberations depend on reports that are prepared by others and that analyze the pros and cons of various actions. In larger companies, the data may be put together using a computerized management information system that prepares reports automatically. In smaller companies, management may obtain the required information through face-to-face contact with lower-level employees or in the form of hand-prepared memos or reports.

However, without communication, it is impossible to get the necessary loans, attract investment capital. To provide the required financing, you need to fill out numerous forms, discuss the terms of the loan. Selling and buying stocks, bonds, and other securities requires a lot of verbal communication and written business correspondence. After obtaining the necessary capital, entrepreneurs should keep their investors informed about the state of Affairs.

To obtain the necessary supplies and services, companies develop written specifications with a precise description of their requirements. They place orders for materials and negotiate with the aim of making profitable deals.

Among the very mobile, fairly quickly and continuously expended material resources are working capital. No business operation can be carried out without human resources, labor force.

The primary and most important task of an entrepreneur is to form a working team. Organizations attract, train, interest and evaluate their employees in the process of communicating with them. Preliminary interviews, a multi-stage process of selecting candidates for a job, psychological testing, and the use of recommendations are widespread. If a company wants to hire someone, it must advertise the job, review the resume, conduct an interview, and finally make a job offer. There are also temporary employment contracts, which are issued for work, but for a certain probationary period and only then decide whether to extend the contract for a longer period. The new employee should be introduced to the entire organization. The employer should explain to him his duties, personally discussing with him his achievements or failures in such a way that employees feel a direct connection between their hard work and the monetary reward received for it.

Communication can take place between managers and employees, as well as between representative bodies, such as trade unions. Information is also passed to people and organizations outside the company. For example, company newspapers such as *Ford News* not only inform employees about the firm, but presents a picture to the outside world of its operations [4].

No matter what material and monetary resources and employees an entrepreneur has, he cannot do without interaction with other firms, entrepreneurs.

As a rule, it is formed by transactions. The conclusion and execution of the transaction must be preceded by negotiations between the parties involved in it. A transaction becomes legally binding if it is secured by an official contract drawn up in accordance with the current legal norms.

The most important stage of any business operation is the process of producing goods – a huge flow of interactions that includes numerous communicative acts. The idea of creating a new product arises in someone's head, and for its implementation one must conduct marketing research, an advertising campaign for the sale of goods. When the time comes for full-scale production, the company prepares a manufacturing plan. As production gets under way, workers report any problems that arise. Records are kept regarding raw materials, inventory levels, and product quality. In the process of manufacturing goods, there are a lot of technical and moral problems that require discussion and appropriate decisions. The necessary orders are given, records of material and labor costs are made, financial reports and operating instructions are drawn up. The contracts or deals are concluded for the provision of services in the field of transportation and sale of goods. Finally, arrangements are made by phone or in writing for shipping the product.

Any interaction with customers also requires communication in one form or another. Promotional letters and brochures, offer letters, personal call offers to customers, telephone consultations – all this is used to attract customers. Communication plays an important role in resolving conflict issues and customer complaints. Even price tags on products are a form of communication.

Communication also occurs between businesses and government. Often, companies must demonstrate their compliance with regulations by preparing reports. It is another type of business communication of an entrepreneur in any operation. We are talking about state taxes paid by entrepreneurs to the state and local budgets. Their social necessity is unquestionable. If one of the parties violates the transaction, the other party may apply to a court or arbitration in the hope of compensating for the losses incurred. Often there are difficult and even tense relations between entrepreneurs and employees of various public services that

control their activities, including the tax police and the tax Inspectorate. Ideally, the relationship between entrepreneurs and government authorities should be a collaboration. And, again, it is language communication that is the link between the individual and society.

And finally, after the end of the production cycle, the last stage comes – the performance evaluation. In order to properly evaluate the results of any activity, you need to pass the relevant information to management, who will draw conclusions about the achievement of certain results. Statistical data on such important indicators of production as costs, sales, productivity, turnover and others are prepared. These can be various types of reports, invoices, memos, etc.

Of course, such a description of the business operation does not claim to be exhaustive. We simply listed a number of elements involved in a typical business communication situation. These situations, as well as their understanding, are dynamic: they change in accordance with cause-and-effect relationships, conventions, and other restrictions on the sequence of actions and events.

The concept of these events and situations also includes the characteristics of the person himself – his knowledge, his actions, rules of behavior in society, the ability to argue his point of view, the ability to evaluate, engage in creative activities, etc. Here, both the addresser, i.e. the one who sends the business message, and the addressee, the one to whom it is sent, are important. Already in the very definition of a communicative act, there is an idea of the need for interaction between two parties – “transmitting” and “receiving”.

It is quite natural that numerous communicative acts are usually included in the flow of the above-mentioned interactions. This is evidenced, first of all, by a great diversity of contracts. The conclusion of contracts or drafting of contracts, however, is preceded by a long period of business negotiations. The latter can be carried out either directly in the form of face-to-face business communication or by phone, or indirectly in the form of business correspondence (business letters, memoranda, faxes, business documentation, reports, instructions, questionnaires, forms, etc.)

Ways or media of business communication vary from written methods, such as annual reports, to oral methods such as discussions, to the use of information technology, such as a modem or a “fax” machine, videos and electronic mail. Thus, by the way of business communication, we understand, first of all, the code, the communication channel and the norm of interaction.

The means of transmitting information from person to person are divided into verbal and non-verbal. Verbal communication is communication with the help of words, non-verbal is the transmission of information using various non-verbal symbols and signs. Verbal communication is the sum total of all types of speech activity representing the receipt, processing, transmission, storage and usage of both professionally and emotionally relevant information. The process of verbal communication is necessarily carried out either orally or in writing.

Let's consider the main parameters for which the oral and written versions of business speech are contrasted.

First of all, they differ in their material form: the flow of sounds and lines of written words, intonation division and punctuation marks are extremely different phenomena. Then, undoubtedly, the conditions of generation. Thus, the main feature of oral speech is its irreversibility, the progressive and linear nature of its deployment in time. While written speech is deployed in a static space, which provides the writer with the opportunity to get out of the time flow of speech, think about it, return to what has already been written for the purpose of correction and clarification.

The specificity of oral speech in comparison with written speech is also determined by the fact that the speaker and the listener have at their disposal a whole complex of linguistic, paralinguistic and extralinguistic means, which the writer and the reader lack: intonation, facial expressions, gestures, situational conditionality of speech give the oral utterance an implicit semantic background, which in written speech can be expressed only by lexical and syntactic means.

Writing, when the writer has the ability to comprehend what is written, go back and adjust the text to fit with their ideas about his form, of course, is a more complex speech activity than brief oral statements – replica dialogues, requests, commands, one-word orders, etc.

Indeed, if, in analyzing brief oral utterances, we can confine ourselves to stating any one illocutionary force for each utterance, then in studying written texts we find a hierarchical system of goals that coordinates the formal organization of discourse, which determines the nature of the connections between utterances. “As a part of the language in general (and not a specific language), then the communicative attitude as its component is, in all probability, a universal category” [5, P. 172].

Oral and written business language systematically present the distinguished varieties of the literary language. If written business speech represents an official business style of speech, then oral business speech is characterized by various forms of hybrid style formations.

Written business speech is represented by all types of business letters, documents that record social and legal relations – contracts, deals, transactions, agreements and all types of related documents. “The written form, as the most universal and accessible for study and perception, is the main and only form of documenting procedural actions in civil proceedings. At the present stage of development of legislative stylistics, there is clearly a tendency to typify and standardize written procedural documents” [6, P. 19].

Oral business speech is presented in the framework of business negotiations, meetings, consultations, interviews, etc. According to modern researchers in the field of business communication [4], [7], oral forms of business communication are given much more time (listening – 45%, speaking – 30%) than written (writing – 9%, reading – 16%). This is not surprising, since most of the time businessmen spend on business conversations, negotiations, discussions, interviews, speeches at meetings and presentations, where they either talk themselves or listen to others. Working with the staff, holding meetings and interviews, various speeches take a lot of time.

The overall picture of the interaction of oral and written speech will become even more complicated if the analysis introduces variability in the form of monological and dialogical speech. So, for example, the monologue-instruction of the head on any production issue can be presented either in the form of a written order, or in the form of an oral order. The dialogue between two employees of the company can take place either in the form of a conversation, or through the exchange

of business letters or memos. As for the meeting of Directors, production meetings, they are a special type of business communication, in which oral speech (monologue, dialogue and even polylogue) and written speech (agenda, minutes of the meeting, various reports, etc.) coexist.

The differences between dialogue and monologue speech are significant. If monologue speech tends to be more bookish, dialogue speech tends to be colloquial, which is reflected primarily in the textual organization and syntactic features of speech. However, numerous pragmatic factors and various ways of combining them in each specific act of communication lead to the fact that the actually observed speech variants can be presented in such a way that the transition from written to oral speech in a number of parameters will look like a smooth and gradual, and not at all abrupt. This is facilitated by the existence of various norms of interaction, i. e. the position of communicants in space. From the point of view of the norms of interaction, there are: a) direct or contact communication; b) indirect or distant communication.

Face-to-face communication has a number of advantages. It allows you to have instant feedback, constructive criticism and exchange of opinions, encourages cooperation, and promotes the rapid dissemination of information.

Indirect, or distant, communication is not only such traditional communication as mail and Fax, but also paging communication, speech on radio, television, in the media, communication through a Bulletin Board, the Internet.

A special place is occupied by a telephone conversation. On the one hand, it is an oral dialogical communication, and, on the other hand, it is a kind of distant communication.

The connections between communicants both in the process of direct and indirect communication are diverse. They can be straight, directed from the speaker to listener or from writer to reader, and the opposite, going from listening to speaking or reading to writing. They can also be explicit and hidden.

In the case of monologue oral speech, the “speaker – listener” relationship is twofold. On the one hand, there is a direct, explicit connection made by extralinguistic factors, such as facial expressions, pantomime, which accompany the performance (speaking) and are a reflection of the mental state of the speaker at the time of speech. On the other hand, there is an explicit, but mediated by the text of the message, connection with all the features inherent in the oral statement. There are also other connections, for example, the direct connection “from the listener to the speaker”, which we understand as any reaction to the text of the message: the attentive intense look of the listener, signs of agreement or disagreement with the thoughts expressed by the speaker, remarks, notes, etc. that somehow affect the speaker.

Describing the process of oral monologue communication, we can also talk about hidden connections. Hidden feedback “from the message to its author” has the specificity that the speaker is both its creator and its performer. In the case of a report, oratorical speech, the speaker is influenced by the already written part of the speech. In the audience, the prepared speech may be perceived differently than its author intended.

Thus, both written and especially oral forms of speech are represented by a whole range of options, the content and form of which depend, in addition to the purpose, topic of the message and method of communication, on such parameters as the nature of relations between communicants. When we communicate with people who share similar experiences and expectations, much what we say automatically fits into their mental framework. Interestingly enough, one person may react differently to the same words on different occasions. A message that might be perfectly clear and acceptable in one situation can lead to confusion and hostility in another, depending on the emotional relationship between receiver and sender [8].

Cultural background of communicators is also of great importance. It is a generally known fact that businesspeople of different nationalities sometimes have problems in understanding each other because of differences of ethnic and cultural character. Cross-cultural competence deals with religious, political, philosophical, educational, ethic aspects of communicators' views.

Different cultures prefer different styles of social interaction. Nevertheless, it is necessary to differentiate language and culture. For example, English-speaking world is divided today into many parts from the cultural point of view. For instance, Australian English has also developed a number of features that reflect history, culture and traditions of Australia [9].

The digital era has brought with it many new means for the purpose of business communication. Today one can reach a colleague instantly with a touch of a button. Businessmen have the opportunity to check their emails and text each other at any time. It is very important for business organizations to use the latest technology for communication purposes [10].

Conclusion

In conclusion it should be stressed that good communication is vital for the efficient running of a business. Someone who is able to communicate skillfully (especially in the field of business) has a great advantage over others. This is confirmed by the data of sociological studies, according to which 85% of employers consider knowledge of speech culture to be extremely important qualities of potential employees. For communication to be effective the correct message must be sent and received. That's why the sender of the message should think about his or her audience, let them know what to expect, use vivid language, stick to the point, connect new ideas to familiar ones, emphasize and review key points, minimize noise, and provide opportunities for feedback [7]. We should not forget that business communication is sometimes compared to a two-way street, because representatives of the business world spend a lot of time receiving and transmitting information, which also requires great skills in listening and reading, speaking and writing. Consequently, effective verbal communication is the basis of efficient business communication. Embracing new technology is also essential here.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Колшанский Г.В. – М., Наука, 1990. – 102 с.
2. Dance F.E.X. The “Concept” of Communication // F.E.X. Dance // Journal of Communication. – 1970. Vol. 20. – Iss. 2. – P. 201-210.
3. Pass C. Collins Dictionary of Business / C. Pass. B. Lowes, A. Pendleton et al. // Harper Collins Publishers, 1999. – 706 p.
4. Thill J.V. Excellence in Business Communication / John V. Thill, Courtland L. Bovee, McGraw-Hill, 12th Edition. – Pearson Paper, 2017. – 672 p.
5. John R. Searle. A Re-Discovery of the Mind. A Bradford Book. – The MIT Press, Camb., Mass, London, England, 1992. – 234 p.
6. Савинова Е.Е. Семантико-синтаксическая реализация языка форм правовых процессуальных действий: дис. ... канд. филол. наук: 07.00.02: защищена 22.01.02: утв. 15.07.02 / Савинова Елена Евгеньевна. – Краснодар, 2002. – 129 с.
7. Hall D. Business Studies / D. Hall, R. Jones, C. Raffo et al. // Causeway Press, 2008. – 812 p.
8. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Routledge, 2016. – 278 p.
9. Importance of business communication in modern world [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.buzzle.com/articles/importance-of-business-communication-in-modern-world.htm> (дата обращения: 19.01.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Kolshanskij G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [Objective picture of the world in cognition and language] / Kolshanskij G.V. – M., Nauka, 1990. – 102 p. [in Russian]
2. Dance F.E.X. The “Concept” of Communication // F.E.X. Dance // Journal of Communication. – 1970. Vol. 20. – Iss. 2. – P. 201-210.
3. Pass C. Collins Dictionary of Business / C. Pass. B. Lowes, A. Pendleton et al. // Harper Collins Publishers, 1999. – 706 p.
4. Thill J.V. Excellence in Business Communication / John V. Thill, Courtland L. Bovee, McGraw-Hill, 12th Edition. – Pearson Paper, 2017. – 672 p.
5. John R. Searle. A Re-Discovery of the Mind. A Bradford Book. – The MIT Press, Camb., Mass, London, England, 1992. – 234 p.
6. Savinova E. E. Semantiko-sintaksicheskaya realizatsiya yazyka form pravovyh protsessualnyh dejstviy [Semantic and syntactic implementation of the language of forms of legal procedural actions]: dis. ... of PhD in Philology: 07.00.02: defense of the thesis 22.01.02: approved 15.07.02 / Savinova Elena Evgenyevna. – Krasnodar, 2002. – 129 p. [in Russian]
7. Hall D. Business Studies / D. Hall, R. Jones, C. Raffo et al. // Causeway Press, 2008. – 812 p.
8. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Routledge, 2016. – 278 p.
9. Importance of business communication in modern world [Electronic resource]. – URL: <http://www.buzzle.com/articles/importance-of-business-communication-in-modern-world.htm> (accessed: 19.01.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.10>**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПОЛИЦЕЙСКОМ РАССЛЕДОВАНИИ»:
ОРГАНИЗАЦИЯ И СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИИ**

Научная статья

Шашкова В.Н. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

* Корреспондирующий автор (valentina.shash[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена возможностям структурирования семантического поля “Identification in Police Investigation” с опорой на функционально-ролевой принцип, а также рассмотрению основных черт номинации единиц анализируемого поля и отдельных аспектов их семантики.

В результате анализа в качестве основных механизмов номинации выявлены уточнение сигнификативного значения номинативной единицы за счёт введения дополнительных лексических единиц, функциональный перенос, метонимия, а также конверсия.

Регулярным типом системных отношений среди единиц семантического поля “Identification in Police Investigation” выступают синонимические, а также гиперо-гипонимические отношения, притом со-гипонимы формируют синонимический ряд, составляющие которого отличаются по денотативному компоненту.

Ключевые слова: семантическое поле, номинативная единица, референтная область, гиперо-гипонимические отношения, уточнение сигнификативного значения, функциональный перенос, метонимия, конверсия.

“IDENTIFICATION IN POLICE INVESTIGATION”: ORGANIZATION AND SPECIFICS OF NOMINATION

Research article

Shashkova V.N. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia

* Corresponding author (valentina.shash[at]mail.ru)

Abstract

The article elicits the possibilities of structuring the semantic field “Identification in Police Investigation” based on the functional-role principle, as well as to the consideration of the main features of the nomination in the analyzed field and certain aspects of semantics.

As a result of the analysis, specification of the significative meaning due to the introduction of additional lexemes, functional transfer, metonymy and conversion are elicited as the dominant nomination mechanisms.

The regular type of systemic relations among the units of the semantic field “Identification in Police Investigation” is represented by synonymic and hyper-hyponymic relations. Moreover, co-hyponyms form a synonymic row, the constituents of which differ in their denotative component.

Keywords: semantic field, nominative unit, reference zone, hyper-hyponymic relations, specification of the significative meaning, functional transfer, metonymy, conversion.

Introduction

The most important prerequisite for our research is the thesis that the lexical component of speech in any sphere of communication is the primary indicator of the reference zone, since it reflects the conceptual content of those nominative language units that form the corresponding lexical-semantic field. For a systematic representation of the nominative means we turned to such a cognitive structure for storing and presenting knowledge as a proposition, which is interpreted in accordance with the concept of J. Anderson. The proposition is understood not as “a component of the functional semantics of the statement” [3, P. 218-219], but as “a cognitive structure, which, on the one hand, reflects the situation in the field of communication” [7, P. 426], on the other hand, allows for a systemic categorization of the nominative units forming the lexical-semantic field. In this sense, the proposition makes it possible to single out clusters of vocabulary based on the functional-role principle thus serving as an instrument in delimitation of the lexical-semantic field.

The article aims at highlighting the definitive characteristics of semantics and nomination of the units forming the lexical-semantic field “Identification in Police Investigation” taking into account the reference zone and the limitations of the language use which it imposes.

The study material included two sources, namely “Procedures: Photo Arrays and Line-ups. Model Policy” published by the New York State Division of Criminal Justice Services [9] and “Seattle Police Department Manual” by Adrian Diaz [8] outlining the specifics of conducting identification procedures.

Methods

The cognitive-discursive paradigm, established in linguistics, predetermines the attention of researchers to the field of communication, in which textual activity takes place, as well as to the selectivity of linguistic means serving this area. The cognitive component in the cognitive-discursive paradigm is realized by “the fixation of human experience and knowledge in the form of cognitive structures stored in our minds” [4, P. 8]. This component is associated with the interpretation of the context, forming a “conceptual basis for understanding the nature of the context as a cognitive education” [2, P. 160]. A

discursive approach involves taking into account a wide context of professional activity and textual activity serving the former in the relevant field of communication, which is evident by the “thematic repertoire” [1, P. 52], reflecting “the specific context of the subject area, and in the set of genres, understood as stable forms of utterance, and in the selectivity of the lexical component and grammatical structures, which manifests itself in texts of one discursive profile” [5, P. 62]. The classification of nominative units was carried out based on the functional-role principle [6, P. 193]. Semantic analysis was the main linguistic method used in the study. In terms of its underlying points, the research carried out does not contain anything revolutionary. It demonstrates ways of structuring the particular lexical-semantic field in order to study lexical systematicity, which can further be exploited by employing the principle of a structural organization of any lexical-semantic field in the process of teaching English for special purposes.

Results

To illustrate the possibilities of using the functional-role approach to identifying the paradigmatic organization of the units of the lexical-semantic field, we turn to the linguistic material. Actants in the analyzed texts are represented by the following nominative units: “*an eyewitness*”, “*a suspect*”, “*a perpetrator*”, “*an administrator*”, “*a filler / a foil*”, “*an investigator*”, “*a (lead) detective*”, “*a photographer*” [8], [9]. The basic nominative feature underlying the units of this cluster is the functional transfer which can easily prompt the deontic responsibilities of the subject named: an administrator is the one who administers an identification procedure, an investigator is the one who investigates a case within which an identification procedure is conducted, a filler is a person, other than the suspect, who is used in a line-up or a photo array.

Actions which dominantly manifest themselves through verbal phrases and in part through event nouns which are a means of naming an implicit proposition can be classified in accordance with the actant they are typically performed by. The major actants in the reference zone “Identification in Police Investigation” are (1) investigators, (2) administrators and (3) eyewitnesses. We circumscribe the verbal phrases to these three groups as they are representative enough to make inferences about the specificities of nomination. The first group of the verbal phrases consists of the units naming actions predicated to the investigator: “*to conduct / to carry out an (eyewitness) identification*”, “*to select fillers*”, “*to position the suspect randomly in line-ups*”, “*to instruct the witness / the fillers*”, “*to present the photomontage to sb*”, “*to document the procedure*”, “*to video record the line-up / the show-up*”, “*to document identification or non-identification in writing*” [8], [9]. Synonymic relations can be found within this subgroup as in the doublet “*to conduct an identification*” and “*to carry out an identification*”. At the same time these two synonyms semantically are hyperonyms in relation to all the other items which are co-hyponyms in the given row of nominative units.

The verbal phrases naming the actions of the administrator compose the following nominative units: “*to conduct photo arrays either in person or via email*”, “*to select subjects for a line-up*”, “*to load a line-up with people*”, “*to present the lineup (to a witness)*”, “*to document any statements of the victim and / or the witness*”, “*to document results of the identification*”, “*to instruct the witness(es)*” [8], [9]. Here again synonymic expressions come to the fore underscoring the specific weight of synonymic relations within the analyzed semantic field as illustrated in the following word chains: *to select subjects for a line-up* – *to load a line-up with people*.

Eyewitnesses’ actions are reflected by the following verbal phrases: “*to come in for the identification procedure*”, “*to view the lineup*”, “*to choose one of the people from the line-up*”, “*to make an identification / a selection*”, “*to confirm the identification*”, “*to provide the level of certainty*”, “*to describe one’s certainty about the identification*” [8], [9]. Synonymy manifests itself in the nominations of identification’s ultimate result: *to make an identification* – *to make a selection*, *to provide the level of certainty* – *to describe one’s certainty about the identification*.

As can be seen from the examples above, the typical nomination mechanism manifesting itself in the selected verbal phrases is the specification of significative meaning by adding a lexical item. The expansion of the verbal phrases beyond the typical frame V + O (verb + object) is carried out by adding attributes expressed by an adjective (*a consistent appearance*) or a noun in the common case (*photo arrays*, *identification presentations*, *line-up participants*). Prepositional specifications of nouns within verbal phrases include nouns or noun substitutes (the indefinite pronoun *one*) in the possessive case: *the witness’ signature*, *one’s consent*, *one’s certainty*. Attributive specifications can be in post position to the noun syntactically dependent on the verb in a verbal phrase: *the circumstances of the show-up*, *results of the identification*, *the description of the suspect*.

More typically verbal phrases take adverbial specifications: *to position the suspect randomly* (adverbial of manner) *in line-ups* (adverbial of place), *to document identification in writing* (adverbial of manner), *to conduct photo arrays either in person or via email* (adverbial of manner). Logically the procedural nature of identification entails the frequency of use of adverbial modifiers of manner.

The semantic object within the proposition of identification in police investigation is primarily represented by the types of identification and its procedures: “*portrait parle*”, “*a police line-up / an identity parade*”, “*a show-up*”, “*fingerprint identification*”, “*identification of sweat and grease deposits*”, “*brain fingerprinting*”, “*DNA profiling / DNA typing*”, “*DNA phenotyping*”, “*a cognitive interview*”, “*an identikit / a photofit*” [8], [9]. The particularity of nomination is represented by the combination of metonymy and conversion. Metonymy manifests itself as a transfer from the process into the result. Conversion is connected with the use of *-ing* forms which intrinsically incorporate nominal and verbal features.

The nominative units referring to semantic objects are often specified by attributes: “*a line-up method*”, “*a live line-up*”, “*a photo line-up*”, “*a simultaneous line-up*”, “*a sequential line-up*” [8], [9]. The specification of significative meaning of the lexical item is the regular nomination mechanism due to the need to highlight the differential features of identification procedures, which is why it is verbalized with a high degree of frequency as part of complex nominatives.

The outcome of the identification procedure is represented by the following nominative units: “*recognition*”, “*identification*”, “*confirmation*”, “*audio / video recording*” [8], [9]. The nomination mechanism functioning in all the units of this group is metonymy.

Another aspect of the analysis is represented by the semantic relations within the semantic field. The basic types have been outlined with regard to verbal groups denoting actions in the process of identification. On the one hand, there are synonymic relations, such as manifesting themselves in the doublets: *a line-up – an identity parade, a filler – a foil, an identikit – a photofit, DNA profiling – DNA typing*. Another type of semantic relations is hypero-hyponymic relations represented by the following example: *an identification procedure → a line-up, an identity parade, a show-up, a photo array, a photomontage*.

An important aspect of semantic content is connected with the difference between a line-up and a show-up. The differential semantic components are the location (in a police station or at the crime scene) and the number of people presented for the identification procedure (minimum 5 or only 1 correspondingly).

In some cases synonyms differ in their stylistic reference. If “fillers” is a nomination from regulatory legal acts, “foils” is a lexical item from the professional sublanguage of investigators.

Conclusion

The analysis allowed us to pinpoint the dominant nomination mechanisms manifesting themselves in the nominative units of the semantic field “Identification in Police Investigation”, namely the specification of significative meaning of the nominative unit, functional transfer, metonymy and conversion.

The analysis of the nominative units pertinent to the semantic field “Identification in Police Investigation” shows that the functional-role principle is a viable instrument for organizing the lexical clusters thus outlining the structure of the semantic field. The semantic field “Identification in Police Investigation” is not reduced to the clusters used to exemplify the organization of the field and allow for a more deliberate presentation, nor is it circumscribed by the nominative units used for illustration in this article. The proposed methodology outlines the contours for a more detailed study with a wider selection of nominative units. This principle can well be used in teaching the subject matter relating to the topic of identification in police investigation as it represents the situational layout behind the procedure of identification in police investigation and can serve as a mnemonic device.

The prospects of this study include identifying general trends in nominalization on the basis of normative legal acts for further comparison with texts of other genres within the framework of legal discourse and further on the material of texts of a different discourse type.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк / Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
2. Дубровская О.Г. Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации текста / Дубровская О.Г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 155–161.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / Кобозева И.М. – М.: URSS, 2000. – 352 с.
4. Суворова С.Л. Межкультурная парадигма иноязычного образования: полипарадигмальный аспект / Суворова С.Л. // Вестник Шадринского государственного педагогического института, 2015. – № 3. – С. 5–10.
5. Шашкова В.Н. Возможности организации работы над совершенствованием навыков лексического оформления речи в условиях дискурсивного подхода к обучению иностранным языкам / Шашкова В.Н. // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2020. – № 6–3 (96). – С. 96–98.
6. Шашкова В.Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) / Шашкова В.Н. // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.) / под ред. О.Ю. Ивановой. – Орёл, 2018. – С. 192–199.
7. Anderson J. R. A theory for the recognition of items from short memorized lists / J. R. Anderson // Psychological Review – 1976. Vol. 86. P. 417–438.
8. Diaz A. Seattle Police Department Manual. Conducting Identification Procedures [Электронный ресурс] – URL: <https://www.seattle.gov/police-manual/title-15---primary-investigation/15170---conducting-identification-procedures> (дата обращения: 19.01.21).
9. Procedures: Photo Arrays and Line-ups. Model Policy. – New York State Division of Criminal Justice Services. Office of Public Safety, 2015. – 24 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Dijk van T.A. Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya [Language. Knowledge. Communication] / T.A. van Dijk. – Blagoveschensk: Blagoveschenskiy gosudarstvenniy universitet, 2000. – 308 p. [in Russian]
2. Dubrovskaya O.G. Kognitivno-diskursivnoye napravleniye kognitivnoi lingvistiki kak paradigma znaniya dlya interpretatsii teksta [Cognitive-discursive dimension of cognitive linguistics as a knowledge paradigm for text interpretation] / O.G. Dubrovskaya // The Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2011. – P. 155–161. [in Russian]
3. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika [Linguistic semantics] / Kobozeva I.M. – Moscow: Editorial URSS. – 352 p. [in Russian]
4. Suvorova S.L. Mezhhkul'turnaya paradigm inoyazychnogo obrazovaniya: poliparadigmal'nyi aspekt [Intercultural paradigm of foreign education: poly-paradigm aspect] / S.L. Suvorova // The Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical Institute,

2015. – N 3. – P. 5–10. [in Russian]

5. Shashkova V.N. Vozmozhnosti organizatsii raboty nad sovershenstvovaniem navykov leksicheskogo oformleniya rechi v usloviyakh diskursivnogo podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam [Ways of organizing work at improving the skills of lexical expression in the conditions of the discourse approach to teaching foreign languages] / V.N. Shashkova // International Research Journal, 2020. – N 6. – Vol. 3. – P. 96–98. [in Russian]

6. Shashkova V.N. Analiz sredstv i mekhanizmov nominatsii, ispol'zuemykh pri opisani referentnoi oblasti "Dejatelnost sotrudnika OVD" (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [The analysis of nomination means and mechanisms used to describe the reference zone "The Law Enforcement Official's Activities" (as exemplified in Russian and English)] / V. N. Shashkova // Materialy tret'yei Mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii "Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya i literaturovedeniya v svete mezhkul'turnoi kommunikatsii [Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference "The Problems of Linguistics, methodology of teaching and the theory of literature in light of intercultural communication"]. – Oryol: Oryol State University named after I. S. Turgenev, 2018. – P. 192-199. [in Russian]

7. Anderson J. R. A theory for the recognition of items from short memorized lists / J. R. Anderson // Psychological Review – 1976. Vol. 86. P. 417–438.

8. Diaz A. Seattle Police Department Manual. Conducting Identification Procedures [Electronic resource] – URL: <https://www.seattle.gov/police-manual/title-15---primary-investigation/15170---conducting-identification-procedures> (accessed: 19.01.21).

9. Procedures: Photo Arrays and Line-ups. Model Policy. – New York State Division of Criminal Justice Services. Office of Public Safety, 2015. – 24 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.12>

О ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СИНОНИМОВ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Научная статья

Байбурина Р.З.¹, Сергеева Е.Н.²*^{1,2} Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, России

* Корреспондирующий автор (lenockin[at]rambler.ru)

Аннотация

Цель данной работы заключается в анализе проблемы дифференциации значений синонимов, влияния когнитивной конструкции на формирование или модификацию значения слова, представления лексического значения в лексикографических источниках. В качестве примера рассматриваются английские глаголы положительной оценки, в частности предикативная единица “admire”. Результаты приведенного экспериментального исследования могут быть применены при формулировании словарных дефиниций глаголов положительной оценки в словарях различного рода; в процессе преподавания практической грамматики английского языка; в качестве модели исследования фактического материала при написании курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций.

Ключевые слова: глаголы положительной оценки, лексическое значение, грамматика конструкций, глагол “admire”.

ABOUT THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF MEANINGS OF THE SYNONYMS BY THE EXAMPLE OF THE ENGLISH VERBS OF POSITIVE ASSESSMENT

Research article

Bajburina R.Z.¹, Sergeeva E.N.²*^{1,2} Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia

* Corresponding author (lenockin[at]rambler.ru)

Abstract

The purpose of this work is to analyze the problem of differentiating the meanings of synonyms, the influence of cognitive construction on the formation or modification of the meaning of a word, the representation of lexical meaning in lexicographic sources. The English verbs of positive assessment are examined as an example. The predicative unit “admire” is considered particularly. The results of the experimental study can be used in the formulation of dictionary definitions of the English verbs of positive assessment; in the process of teaching the English language; as a model for the study of factual material while writing different scientific papers.

Keywords: the verbs of positive assessment, lexical meaning, the construction grammar, the verb “admire”.

In this article the problem of differentiation of the meanings of synonyms, the influence of cognitive construction on the formation or modification of the meaning of a word is highlighted by the example of individual verbal units.

The study is based on the material taken from the original texts of fiction of the English and the American authors of the XIX, XX, XXI centuries, the periodicals, the Internet. The corpus of examples is approximately 2000 units, collected from the electronic and printed texts. The dictionary definitions of the analyzed verbs were also used in the study. In the course of the experimental research we analyzed the information from the informants, they have given their assessment of certain usage of the verbs and comments on them, and have proposed their own sentences to explain the meanings of the words. All the 15 informants were native speakers of both British and American versions of English. Most of them were people with higher education, engaged in the field of teaching. The tests offered to the informants were evaluated according to a five-point system, which made it possible to identify and compare differences in the assessment of the submitted materials. The presence of the checked characteristic in the semantic structure of the predicate was considered proven if it was confirmed in at least 80% of the total number of submitted sentences in which it was checked.

We use the methods of semantic interpretation, distributional analysis, inductive analysis, and component analysis based on the experimental method, and the hypothetical-deductive method as the leading one.

The study of dictionary definitions of the English verbs of positive assessment in various synonymic and explanatory dictionaries has allowed us to distinguish such verbs as “respect”, “regard”, “admire”, “esteem”, “value”, “appreciate”. The survey of the collected factual material, carrying out and analysis of the search tests that “a model of the occurrence of a positive assessment at the result of sensory perception and comprehension of the subject of the qualities of the object of these is presented in the meaning of these verbal units; they are frequent lexemes, which reflect the systematic semantic relations of the stative types of verbs and their inherent characteristics, but they have their own peculiarities”.

We draw attention to the problem of the representation of lexical meaning in different lexicographic sources, when synonyms receive almost similar definitions or are explained through each other. For example, in the English-Russian dictionaries, the verbs in question are translated almost identically: *respect* – «1. уважать, почитать; 2. щадить, беречь»; *esteem* – «1. уважать, чтить, почитать; 2. давать оценку»; *regard* – «уважать» [5].

In the English-English dictionaries, we observe a similar phenomenon: *respect* – “to admire someone because they have high standards and good qualities such as fairness and honesty → admire, respect somebody for (doing) something. *She respected him for his honesty. I respect his views, although I do not agree with them*”; *esteem* – “to respect and admire someone or something. *Peden was greatly esteemed by the people of Ayrshire*”; *admire* – “to respect and like someone

because they have done something that you think is good, or to respect their qualities or skills. *I really admire the way she brings up those kids all on her own*" [11].

The same is true in the Collins Cobuild English Language Dictionary, where the meaning of a word is given by describing a denotative situation: *respect* – "If you respect someone, you have a good opinion of their character or of their ideas, judgments, etc.: *He was particularly respected for his integrity*"; *esteem* – "If you esteem someone, you admire and respect them very much. *He esteemed his colleague*"; *admire* – "If you admire someone or something, you like and respect them very much. *He admired the way she had coped with life. Those who knew him will admire him for his work*"; *appreciate* – "If you appreciate something, for example a piece of music or good food, you recognize and understand the good qualities or features that it has and like or admire it. *In time you'll appreciate the beauty and subtlety of this language*"; *value* – "If you value something, you think that it is important and appreciate it. *I've done business with Mr. Weston before. I value the work he gives me*" [6].

Thus, we can conclude that the above dictionary definitions do not allow us to differentiate the meanings of the verbs and, consequently, to determine the conditions for their use, since the signs that contribute to the differentiation of the area of their denotation are not explicated. Therefore, it is necessary to clarify the area of nomination of each lexical unit of this group. Many researchers came to this conclusion when analyzing other groups of words in their works, for example, the works devoted to the analysis of the internal structure of the English verbs of the verbs of experiential semantics [3], motivation [4], objection [1]; the verbs as part of phraseological units [2].

In our research, we rely on the theory of the semantic types of predicates, the theory of the Construction Grammar that are able to describe and explain the mechanisms of changing the meaning of a verb. The main thesis of the Construction Grammar states that "the meaning of a language unit is formed under the influence of context, and the leading semantic factor is the cognitive construction that determines the true meaning of the predicate" [2, P. 37]. The presence of certain features in the semantic structure of the left-sided and right-sided actants determines the semantic type of the predicate. The change in the semantic structure of the actant may lead to a change in the lexical meaning of the word. This change affects the grammatical form of the verb.

The analysis of the actual material allowed us to formulate and verify the hypothesis that "the verbs of positive assessment 'respect', 'regard', 'admire', 'esteem', 'appreciate', 'value' differ from each other in the 'system of value orientations' that underlies the subject's assessment of the object".

Below we will analyze the verb "admire". As our experimental research has shown, "admire" can be attributed to various lexical and semantic groups: "1) to the group of verbs with the meaning of a positive assessment, 2) to the group of verbs of vision like 'look' with the meaning of the orientation of the subject's gaze on the object".

During the search tests, we have asked the informants to comment on the sentences: 1. *I admire her because she's well-organized and creative*. 2. *I respect her because she's well-organized and creative*.

According to their estimates, the use of the verb "admire" in this context implies a very high emotionally colored assessment by subject *I* of the qualities "well-organized and creative" of the object *her*, implying that the subject would necessarily like to possess these qualities himself. The use of the verb "respect" implies a more rational assessment of the qualities of the object, implying that these qualities are worthy of a positive assessment in society.

We can conclude that the assessment expressed by the verb "admire" is purely subjective, since it is not determined by any given norms. This subjective perception of the object serves as a reference point for the assessment. Therefore, the sentence: *I admire your brazenness* received high marks. And the sentences with other analyzed verbs in this context were rated low. On this basis, we have referred the verb "admire" to a subgroup of verbs, in the meaning of which the leading information is the subject's assessment of the object on the basis of a "personal value system". Studies have shown that the assessing quality of the object can be called directly in the text: *"I admire all that quaint, old-fashioned politeness; it is much more to my taste than modern ease; modern ease often disgusts me"* [7]; the quality of the object can be identified through his "displays": *"Americans admire those who create jobs, pay bills and deliver honest value"* [14]; the "displays" of the object may be updated as the most specific one-time action: *"I admire you all frightfully, you know, for giving up everything to come and do this"* [8], the "displays" of the qualities of the object may be the "class" action: *"I admire him because he cares about his team"* [15].

So, the first meaning of the verb "admire" can be formulated as: the highest degree of positive subjective assessment of the object's qualities which can be called or revealed through the "displays" of the object. It should be noted that, the information about the subject's pleasure of the sensory perception of the object can be emphasized in the meaning of the verb "admire". On this basis, we distinguish the lexical-semantic variant of the first meaning of this verb: 1) *"And now, my little honest girl," said the gentleman who had admired her brother's scotch, turning to Anne, "and now tell me who you are, and what you and your brother want or wish for most in the world"* [9], *"I admire your skin because it is so velvet and gentle, and it's a pleasure to touch it"* (a search test), 3) *"I admire the tones of concertina"* [10], 4) *"That beautiful young lady at Miss Havingsham's, is more beautiful than anybody ever was, I admire her dreadfully"* [13].

We should say that that the verb "admire" can have a second meaning, and in this case, it transfers to the lexical and semantic group of verbs of vision like "look" with the meaning of directing of the subject's gaze at the object. Thus, in the sentence *"She admired herself in the glass"* [14], the verb "admire" is used to denote a high degree of positive subjective assessment of the subject *She* of the object *herself*. At the same time, the verb "admire" also denotes the process of directing the subject's gaze at the object, because in this sentence this verb can be replaced by the verb "look": *"She looked at herself in the glass with admiration"* (a search test). "In this case, the sign "application of a biological force" (expressed in the process of directing the subject's gaze to the object, caused by the certain parameters of the object) is a differential one for separating the meanings of this verb".

Thus, the experimental study of the semantic structure of the synonyms, in particular, the English verbs of positive assessment, allows us to clarify the cognitive constructions that affect the meaning of language units, and helps to formulate their dictionary definitions in dictionaries of various kinds.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Валова, Ю. В. Когнитивный потенциал английских глаголов возражения decline, refuse, reject : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Валова. – Уфа, 2013. – 155 с.
2. Каримова, Л. Н. Когнитивные механизмы изменения значения глагола в составе английских фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Каримова. – Уфа, 2017. – 25 с.
3. Корнеева, Е. Г. Сематическая модель английских экспериментальных глаголов: дис. ... канд. филол. наук. / Е. Г. Корнеева. – Уфа, 2010. – 146 с.
4. Кузьмина, В. В. Сематическая модель английских мотивационных глаголов : дис. ... канд. филол. наук. / В. В. Кузьмина. – Уфа, 2012. – 179 с.
5. Новый большой англо–русский словарь в 3 т. Под редакцией Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М: Русский язык, 1993 – 1994 гг. [Электронный ресурс] // – URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (дата обращения: 18.01.2021).
6. Русско-английский словарь [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.collins.co.uk/COBUILD/AdvancedLearnersDictionaryforKindle.html> (дата обращения: 18.01.2021).
7. Austen, J., Lady Susan. [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.gutenberg.org> (дата обращения: 18.01.2021).
8. Galsworthy, J. The Forsyte Sags. The man of Property. Book 1 / Galsworthy, J. – Moscow: Progress Publishers, 1975. – 384 p.
9. Edgeworth, M. The Parent's Assistant. [Электронный ресурс] / Edgeworth, M. // – URL: <https://www.gutenberg.org> (дата обращения: 18.01.2021).
10. Jerome, J.K. Three Men in a Boat. [Электронный ресурс] / Jerome, J.K. // – URL: <https://www.gutenberg.org> (дата обращения: 18.01.2021).
11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 18.01.2021).
12. Rowling, J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix / Rowling, J.K. – Bloomsbury Publishing PLC, 2003. – 766 p.
13. Sparks, N. Nights in Rodanthe / Sparks, N. – New York: Warner Books, 2004. – 222 p.
14. The Economist [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.economist.com> (дата обращения: 18.01.2021).
15. The Readers Digest [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.readersdigest.co.uk/> (дата обращения: 18.01.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Valova, YU. V. Kognitivnyy potencial anglijskih glagolov vozrazheniya decline, refuse, reject [The cognitive potential of the English verbs objection decline, refuse, reject]: dis. ... of PhD in Philology / YU. V. Valova. – Ufa, 2013. – 155 p. [in Russian]
2. Karimova, L. N. Kognitivnye mekhanizmy izmeneniya znacheniya glagola v sostave anglijskih frazeologicheskikh edinic [Cognitive mechanisms of changing the meaning of a verb in English phraseological units]: abstr. dis. ... of PhD in Philology / L. N. Karimova. – Ufa, 2017. – 25 p.
3. Korneeva, E. G. Sematicheskaya model' anglijskih eksperiencial'nyh glagolov [Sematic Model of English Experimental Verbs]: dis. ... of PhD in Philology / E. G. Korneeva. – Ufa, 2010. – 146 p. [in Russian]
4. Kuz'mina, V. V. Sematicheskaya model' anglijskih motivacionnyh glagolov [Sematic Model of English Motivational Verbs]: dis. ... of PhD in Philology / V. V. Kuz'mina. – Ufa, 2012. – 179 p. [in Russian]
5. Novyj bol'shoj anglo–russkij slovar' v 3 t. [New Big English-Russian dictionary in 3 volumes]. Edit. by YU. D. Apresyana, E. M. Mednikovoj – M: Russkij yazyk, 1993 – 1994. [Electronic resource] // – URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (accessed: 18.01.2021).
6. Russko-anglijskij slovar' [Electronic resource] [Russian-English dictionary] // – URL: <https://www.collins.co.uk/COBUILD/AdvancedLearnersDictionaryforKindle.html> (accessed: 18.01.2021). [in Russian]
7. Austen, J., Lady Susan. [Electronic resource] // – URL: <https://www.gutenberg.org> (accessed: 18.01.2021).
8. Galsworthy, J. The Forsyte Sags. The man of Property. Book 1 / Galsworthy, J. – Moscow: Progress Publishers, 1975. – 384 p.
9. Edgeworth, M. The Parent's Assistant. [Electronic resource] / Edgeworth, M. // – URL: <https://www.gutenberg.org> (accessed: 18.01.2021).
10. Jerome, J.K. Three Men in a Boat. [Electronic resource] / Jerome, J.K. // – URL: <https://www.gutenberg.org> (accessed: 18.01.2021).
11. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource] // – URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed: 18.01.2021).
12. Rowling, J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix / Rowling, J.K. – Bloomsbury Publishing PLC, 2003. – 766 p.
13. Sparks, N. Nights in Rodanthe / Sparks, N. – New York: Warner Books, 2004. – 222 p.
14. The Economist [Electronic resource] // – URL: <https://www.economist.com> (accessed: 18.01.2021).
15. The Readers Digest [Electronic resource] // – URL: <https://www.readersdigest.co.uk/> (accessed: 18.01.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.14>**СВОЕОБРАЗИЕ В ХАРАКТЕРЕ АССОЦИИРОВАНИЯ В ТАТАРСКОМ, БАШКИРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Научная статья

Габдуллина В.Р. *

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (venera-nurieva[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена интерпретации экспериментальных данных, полученных в результате свободных ассоциативных экспериментов с испытуемыми-татарами, башкирами и русскими детского возраста. Выявляются пути и способы ассоциирования в родственных и разносистемных языках на примере вышеуказанных языков.

Материалы экспериментов показали, что русский и башкирский языки имеют больше общего в возрастной динамике развития значения слова, по сравнению с татарским языком. В материалах, полученных в татарском языке, наблюдается более интенсивный процесс дифференциации значения слова, который усиливается с возрастом. А в материалах, полученных в башкирском языке, идет более выраженный и интенсивный процесс генерализации с возрастом.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, татарский язык, башкирский язык, русский язык, значение слова, испытуемые детского возраста.

ON THE UNIQUENESS IN THE NATURE OF ASSOCIATION IN THE TATAR, BASHKIR, AND RUSSIAN LANGUAGES

Research article

Gabdullina V.R. *

Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic Bashkortostan, Ufa, Russia

* Corresponding author (venera-nurieva[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses the interpretation of experimental data obtained as a result of free association experiments conducted with Tatar, Bashkir, and Russian children. The study identifies the ways and methods of association in related and dissimilar languages using the above-mentioned languages as an example.

The experimental data demonstrates that the Russian and Bashkir languages have more in common in the age dynamics of the semantic development of a word compared to that of the Tatar language. The materials obtained in the Tatar language indicate a more intensive process of differentiation of the semantic contents of words, which increases with age, while in the materials obtained in the Bashkir language, there is a more pronounced and intensive process of generalization with advancing age.

Keywords: associative experiment, Tatar language, Bashkir language, Russian language, the meaning of words, children's subjects.

Сегодня онтогенез речевой способности, характер мышления ребенка, стратегии ассоциирования в онтогенезе продолжают привлекать к себе внимание многих специалистов в нашей стране и за рубежом. Рассматриваются возрастные и индивидуальные нормы формирования разных сторон речевой способности ребенка, данные усвоения детьми языков разного типа, выявляются формы существующих отклонений.

К числу основных результатов, полученных Т. Н. Ушаковой при исследовании раннего речевого онтогенеза, отнесём открытие того, что элемент психического, т.е. зародыш сознания у новорожденного обнаруживается с самого начала появления его на свет. Согласно автору, процесс развития сознания идет по общим законам эволюции: сначала вводятся в действие грубые, простые голосовые проявления, по мере развития и роста ребенка они обогащаются, разнообразятся, затем уточняются, дифференцируются. И только на этой подготовленной почве появляются первые ростки звукового языка. Описывая такие события в развитии речи младенца, как крик и плач, сменяющиеся на гуканье и гуление, затем лепет и младенческое пение, Т.Н. Ушакова выясняет, что к своим первым словам ребенок приходит с некоторым уровнем языкового сознания. Побудительное начало этого процесса автор видит в том, что вошедшее в нервную систему возбуждение по общим законам работы мозга вызывает ответную реакцию в виде активизации двигательных органов, т.е. активизацию голосовой активности. Развиваясь с возрастом, этот интенциональный импульс сохраняет и развивает свое значение. У взрослого человека он становится стержнем речевого процесса и составляет богатую характеристику психологического содержания речи [7].

Подводя итог количественного анализа данных роста словаря ребёнка, С. Л. Рубинштейн отмечает, что идет не только количественный рост словаря, но и смысловое развитие значения слов. Одно и то же слово у взрослого и у ребёнка на различных этапах интеллектуального развития ребёнка имеет различное значение. Первоначально у ребёнка оно срastaется с той частной ситуацией, в которой оно было применено, комплексно объединяясь с несущественными, случайными для его значения признаками. Лишь постепенно ребёнок овладевает обобщённым значением понятия, независимым от частных ситуаций и несущественных признаков [5, С. 344-346].

Продолжая тему роста словаря ребёнка, отметим точку зрения А. Р. Лурия, считающего, что с появлением морфологически дифференцированного слова значительно увеличивается словарь ребёнка. Если слова приобретают более определенное устойчивое значение, начиная обозначать предметы или действия, то ребенок перестает выражать

одним словом самые разнообразные ситуации и нуждается в большем количестве дифференцированных слов [2, С. 163].

Н. Н. Поддьяков, посвятивший множество работ изучению различных форм мыслительной деятельности ребенка, отмечает, что эта деятельность проявляется в формах наглядно-действенного мышления, возникающего в тесной связи с практической деятельностью ребенка; наглядно-образного мышления, протекающего в процессе решения ребенком определенных задач в плане представлений без участия практических действий; и в форме понятийного мышления, когда реальность отражается в понятиях [3, С. 133-134].

В процессе размышления ребёнок нуждается в огромной цепи знаний, и при знакомстве с чем-то новым и неопознанным ребенок, воспринимая его тактильно, акустически, визуально и через речь окружающих, устанавливает связь между этим новым и теми знаниями, которыми уже владеет. Сравнивая и обобщая новую информацию с уже имеющейся, ребенок получает элементарные представления и понятия, которые ему нужно назвать и не всегда эти понятия могут соответствовать норме слова.

Вопрос о том, чем обусловлены различия в разных языковых и возрастных группах, и что важнее в межъязыковых сопоставительных экспериментах: обнаружить больше отличительных или универсальных тенденций в процессе ассоциирования и идентификации значения слова послужил отправной точкой для наших исследований и изысканий.

Продолжая традиции Уфимской группы психолингвистов, занимающейся динамикой развития речи в детском возрасте, в целях изучения возрастной динамики функционирования значения слова в разносистемных и родственных языках нами были проведены свободные ассоциативные эксперименты на материале татарского и башкирского языков в четырех возрастных группах детей: дошкольный возраст (4–6 лет), младший школьный возраст (7–10 лет), средний школьный возраст (11–14 лет) и старший школьный возраст (15–17 лет).

Первоначальной целью свободных ассоциативных экспериментов с испытуемыми-татарами и башкирами было показать не только структурное сходство татарского и башкирского языков, но и одинаковые пути и способы ассоциирования в двух родственных языках и разные в разносистемных. Однако, материалы экспериментов не подтвердили исходное предположение.

Оказалось, что сходство в языковой структуре еще не говорит о том, что языковое сознание носителей двух родственных языков также совпадает.

Интерпретация данных показала, что русский и башкирский языки имеют больше общего в возрастной динамике развития значения слова, по сравнению с татарским языком. Возможно, что пути развития значения слова могут отличаться не только в разносистемных языках (в русском и татарском языках, в русском и башкирском языках), но и внутри родственных языков (в нашем случае в татарском и башкирском языках). В материалах, полученных в татарском языке, наблюдается более интенсивный процесс дифференциации значения слова, который усиливается с возрастом. А в материалах, полученных в башкирском языке, идет более выраженный и интенсивный процесс генерализации с возрастом. Подкрепим наши предположения следующими реакциями испытуемых в исследуемых языках.

Приведем в качестве примера слово-стимул КЕШЕ (ЧЕЛОВЕК), к которому автор уже обращался в одной из своих работ, рассматривая эмоциональную составляющую реакций, полученных на данный стимул в татарском и башкирском языках [9, С. 7]. Рассмотрим реакции, полученные на первое значение татарского и башкирского слова-стимула КЕШЕ (ЧЕЛОВЕК) «мыслящее, говорящее, работающее и пользующееся результатами труда живое существо, личность; существо/личность, имеющая какие-либо общие (совместные) характеристики (черты) с какой-либо средой, организацией (человек науки, городской человек); принадлежность к каким-либо родственным, половым и возрастным различиям (девушка «кыз кеше», жена, парень); высоко моральная и духовно мыслящая личность». Толковый словарь татарского языка дает 5 значений слова КЕШЕ [6], а современный толковый словарь башкирского языка – 4 значения слова [8]. Сравним качественные и количественные изменения процесса дифференциации и генерализации в реакциях по возрастам в двух тюркских языках.

Процесс дифференциации в татарском языке можно проследить по следующим реакциям:

— **в дошкольном возрасте:** мин (я), без (мы), эти-эни (родители), айбәт 4(2м,2д); баш-кул-аяк (голова-рука-нога), йори (ходит), куз (глаза), начар (плохой), балалар (дети), машина йортуче – шофер (водитель машины – шофер), укытучы (учитель), апа (-лар) (сестра (-ы), абый(-лар) (братья), кешеләрне яратырга кирәк (надо любить людей), ашай-йоклай-эшкә бара (ест, спит, ходит на работу), сандали, кеше — бала ул (человек – это ребенок), апам (сестренка, братишка), кеше асфальт сала (человек кладет асфальт), Алия, врач кеше (врач), Азамат, айбәт итеп яшәсен (пусть хорошо живет) и др.;

— **в младшем школьном возрасте:** бәхетле (счастливый), кыз (девочка, девушка), айбәт, яхшы (хороший), матур (красивый), бара (идет), таза (здоровый), малай(мальчик, парень), эни(мама), мин (я), пычрак кеше (грязный человек), зур(взрослый), эшли(работает), шат (радостный, довольный), көлә (смеется), йөгәрә(бежит) и др.;

— **в среднем школьном возрасте:** мин(я), айбәт,яхшы (хороший), акыллы(умный), дус(друг), матур(красивый), алама, начар(плохой), без(мы), эшләргә(работать), тәрбиялә(воспитанный), уйнарга(играть), кыз(девочка, девушка), син һәм мин(ты и я), яшәй(живет), моңсу(грустный), жин(черт), яратқан кеше(любимый человек), иптәш(товарищ), яхшы иптеш(хороший товарищ), укырга тиеш(должен учиться), юмарт (добрый), укытучы(ученик), эни(мама), аңлай торган(тот, кто понимает), якын кеше (близкий человек), яратырга (любить), үзем(сам) и др.;

— **в старшем школьном возрасте:** айбәт, яхшы(хороший), мин үзем(я сам), алама, начар(плохой), башлы(мыслящий, умный), уңган(трудолюбивый), дус(-лар)(друг, друзья), көчле(сильный), акыллы(разумный), оло кеше (взрослый), яраткан(любимый), матур (красивый), баләкәй (маленький), уку(учиться, учеба), кеше бәхете(человеческое счастье), бала(ребенок), дусларырга(подружиться), Денис, кешелекле(человечный), әби кеше (бабушка), биология 8кл, озон тормыш(долгая жизнь), туганнар(родственники), кеше силуэты (силуэт человека),

юаши (робкий, стеснительный), егет (парень), якыннарым(близкие люди), эни-эти(родители), сөләшәргә(разговаривать), шат йөзле (жизнерадостный), изгелекле (добрый) и др.;

Процесс генерализации в татарском языке проявляется в следующих примерах:

— **в дошкольном возрасте:** кеше (человек), өй (дом), разные, чит кеше (чужой);

— **в младшем школьном возрасте:** без бөтәбездә кешеләр (мы все-люди), шәхес (личность), кешеләр(люди);

— **в среднем школьном возрасте:** жан иясе(душа), акыл иясе(обитель ума), жан(душа), бер жанлек(какое-то животное, зверь), гомер(жизнь), жәмәгәт(общество), жанлек(зверь, животное), тере(живой);

— **в старшем школьном возрасте:** шәхес (личность), кеше (человек), кешеләр (люди), ниндидер жан иясе(какое-то живое существо), адәм баласы (человеческое дитя), үзе бер личность(сам целая личность), матурлык (красота), башилы хайван (умное животное), ихтирам (уважение, почтение), кешеләр күп (людей много).

Вышеназванные примеры дифференциации изобилуют более четкими различительными признаками предметов и явлений действительности, а присутствующие, хотя и в малом количестве примеры генерализации говорят об обобщении наиболее существенного, отказе от деталей.

Теперь продемонстрируем протекание процессов дифференциации и генерализации в реакциях в башкирском языке.

Процесс дифференциации значения слова прослеживается в следующих реакциях:

— **в дошкольном возрасте:** зур(большой), оло(взрослый), йөрөй(ходит), атлай(шагает), матур(красивый), якшы(хороший), һәйбәт(хороший), акыллы (умный), мин(я), без(мы), тән азгалары бар (есть части тела), уның кәүҙәһе, күҙләре, башы, аяктары, кулдары бар (у него есть туловище, глаза, голова, ноги, руки), уйлай(думает), туганым (мой родственник) и т.д.;

— **в младшем школьном возрасте:** күз(глаза), танау(нос), йөрәк(сердце), насар(плохой), матур(красивый), сибәр(красивый), апай(братишка), эшләй(работает), бабай(бабай, дед), әсәй-атай-өләсәй-олаһай (папа-мама-бабушка-дедушка), ярата (любит), усал укытыусы нисек дәфтәргә «2» куя(как злая учительница ставит в тетради «2»), белемле(знающий, образованный), туйга сыгырга бай кешегә(выйти замуж за богатого человека), укытыусы(учитель), тырыш(старательный), робот и др.;

— **в среднем школьном возрасте:** изгеле(святой), изге(добрый), ата-әсәне күрергә(увидеть папу-маму), ике аякта йөрөгән айбер(вещь, которая ходит на двух ногах), үзбездән кеше(свой человек), дуслашырга(дружить), тизкәре (упрямый), көслө(сильный), ышанышсыз (не надежный), күнелле(веселый), яраткан (любимый), тыныс(спокойный), бай(богатый), яратырга(любить), тырыш(старательный) и др.;

— **в старшем школьном возрасте:** кешелекле(человеческий), һин (ты), тискәре(упрямый), ул(он), һөйләшәргә(разговаривать), бәләкәй (маленький), йәш (молодой), ниндәй? (какой?), усал (злой), унган(трудолюбивый), берҙән-бер (единственный), югары белемле (много знающий), зыян (вред), хисле (эмоциональный) и др.

Далее приведем реакции, которые представляют собой обобщения разного уровня:

— **в дошкольном возрасте:** йән эйәһе(живое существо), Алла бәндәһе(божье существо), бәхет барыһынала (всем счастья) и т.д.

— **в младшем школьном возрасте:** тере йән (живое существо), йән эйәһе(живая душа), личность, гаилә(семья), йәнлек (животное) и др.

— **в среднем школьном возрасте:** йән эйәһе(живое существо, душа), йәмғиәт(общество), йәмғәт (общество), закон, хөрмәт(уважение), төрлөсә(разные), ул тере организм(это живой организм), личность, гражданин, просто кеше (просто человек, народ) и др.;

— **в старшем школьном возрасте:** һәйбәтлек (добро, что-то хорошее), халыҡ (народ), шәхес (личность), йән (душа), гомер(жизнь), һайуандар да аламарақтары була (бывает даже хуже животного), донъяның йәшәүселәре(жители земли), кәшине кешилекте итеп күрәү(видеть человека человеком), йәмғиәт (общество), хомосапиенс (хомосапиенс), һәйбәт кеше — йәмғиәт (хороший человек — общество), бөтә донъя (весь мир) и др.

В русском языке для сравнительного анализа процессов дифференциации и генерализации мы обратились к слову-стимулу ШКОЛА, поскольку слово-стимул ЧЕЛОВЕК не был включен в список слов-стимулов в свободном ассоциативном эксперименте с испытуемыми-русскими.

Примеры дифференцирования значения слова можно проследить по следующим реакциям:

— **в дошкольном возрасте:** писать, ходить в школу, первый класс, парта, портфель, старший брат, книга, мальчик, мед, мяч, очки, петух, пионер, ребята, доска, фартук, учительница, ученик, пятерка, букварь, учиться, петух, продленка, тетрадь, школьник и др.;

— **в младшем школьном возрасте:** школьник, учиться, ходить в школу, писать, дети, родной дом, учительница, детский сад, моя, урок, директор, музыкальная школа, классы, тетрадь, физкультура, школьный дом и др.;

— **в среднем школьном возрасте:** учиться, учителя, класс, урок, ходить в школу, парта, первоклассники, большая, светлая, ребята, спортивная, школа для собак, школьники, здание, ученик, моя, школа №54, учебники, плохая, школа для собак, школьники и др.;

— **в старшем школьном возрасте:** учиться, урок, учеба, учителя, здание, класс, «двойка», ученик, книги, алгебра, буфет, Галина Михайловна, звонок, литература, парты и учебники, первая учительница, читать, хочу в школу, идти в школу, литература, перемена, и др.

Далее приведем реакции, которые представляют собой обобщения:

— **в дошкольном возрасте:** любить, занимаешься, знание;

— **в младшем школьном возрасте:** любимая, родная, знакомая, примерная, учеба, дом знаний, думать, страна знаний, улица;

— **в среднем школьном возрасте:** хорошая, любимая, развалина, веселая, хорошо заниматься, хочу в школу, баловаться, родная, дом знаний, мир знаний, написать, плохая, советская;

— в старшем школьном возрасте: учебное заведение, не хочу! Рано вставать, сегодня, лень, муки, отвращение, плохое настроение, получение знаний, скучная суэта, тишина урока, тоска и холод, хочу домой, шесть часов своей жизни.

Как видно из вышеперечисленных реакций у испытуемых-татар сильная дифференциация и “ослабленная” генерализация по сравнению с испытуемыми-башкирами, у которых оба процесса и дифференциация и генерализация более выражены и присутствуют в реакциях испытуемых с самого детства.

Обращаясь к спиралевидной модели развития значения слова, предложенной Т. М. Рогожниковой, мы можем «...проследить за двумя основными путями развития значения слова: 1) расширяющаяся с возрастом дифференциация значений слов вследствие более четкого различения признаков предметов и явлений действительности; 2) отвлечение от различительных признаков, ведущее к более высоким уровням обобщения» [4, С. 144]. Увязывая спиралевидную модель развития слова с результатами анализа нашего ассоциативного эксперимента, мы можем говорить о возможности развития значения слова, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Назовем горизонтальное направление количественно-качественными изменениями (по мере взросления происходит накопление знаний, происходит расширение семантических связей, расширение набора значений полисемантического слова), а вертикальное направление можно обозначить, как направление качественно-количественных перемен (происходят бесчисленные перегруппировки единиц идиолексикона человека, изменяются способы увязывания со словом информации об окружающем мире). Горизонтальное изображение, т.е. накопление дифференциальных признаков и последующее их расширение присуще испытуемым-татарам, а вертикальный срез, т.е. непрерывающиеся качественные перестроения идиолексикона, под которым понимается выделение и обобщение самого главного и важного характерен для испытуемых-башкир.

Таким образом, качественная интерпретация результатов эксперимента показала разницу в путях развития значения слова внутри тюркских языков. В татарском языке на лицо более интенсивный процесс дифференциации значения слова, который усиливается с возрастом. У испытуемых-татар “ослабленная” генерализация по сравнению с испытуемыми-башкирами, у которых оба процесса и дифференциация, и генерализация более выражены и присутствуют в реакциях испытуемых с самого детства. В русском языке идет постепенный процесс генерализации с возрастом, хотя процесс дифференциации значения слова также имеет место.

Несмотря на то, что с возрастом изменяется структура ассоциативного поля и удельный вес каждого из секторов поля, у испытуемых всех трех языков, наблюдаются реакции, которые появляются в самом раннем детстве и сохраняются на протяжении всех исследуемых возрастов, т.е. в нашем случае с 4 лет до 17 лет. Приведем несколько примеров.

У испытуемых-русских всех возрастов встречаются следующие реакции на слово-стимул ГОРЬКИЙ: *лук, огурец, перец, лимон*;

у татар – *лимон, суган (лук), бороч (перец), миләш (рябина), сарымсак (чеснок), тәмсез (невкусный), балан (калина)*;

у башкир – *лимон, борос (перец), һуган (лук), һарымһак (чеснок), тоз (соль), катык (катык), корот (корот), алма (яблоко), кыяр (огурец), тәмһез (не вкусно)*.

На слово-стимул ЛЮБИТЬ и его корреляты ЯРАТЫРГА / ЯРАТЫРҖА и в русском, и в татарском, и в башкирском языках следующие реакции полностью совпадают как в языках, так и во всех возрастах: *маму-папу, родителей/эни-эти/эсэйзе-атайзы; маму/эни/эсэйзе; гаиләнә/гаиләне (семья), папу/эти/атайымды; тугандарны/тугандарзы (родственников), мәктәп/мәктәп (школу), Родина/туган як/тыуган як*. Более того, все вышеперечисленные слова имеют высокий показатель стереотипности. Наличие таких константных реакций, на наш взгляд, говорит о том, что формирующиеся у маленького ребенка ассоциативные связи играют в дальнейшем роль опорных элементов для построения системы значений в индивидуальном сознании ребенка. Эти опорные элементы служат своего рода основой, вокруг которой сплетается целая сеть взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

Таким образом, можно предположить, что такого рода повторяющиеся из возраста в возраст реакции можно назвать “ядром” лексикона человека. А.А. Залевская отмечает, что «признание ассоциативной природы всех (любых) проявлений того, что принято называть значением слова, ведет к трактовке значения как процесса соотношения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью единиц глубинного яруса лексикона, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром. Слово имеет значение не само по себе, а только в силу того, что оно возбуждает определенные психические образы в сознании индивида» [1, С. 107].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
3. Поддъяков Н.Н. Мышление дошкольника / Н.Н. Поддъяков. – М.: АПН РСФСР, 1977. – 271 с.
4. Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова (монография). – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 573 с.
6. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә: оч томда. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1977–1981. Т. 1–3.
7. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс] / Т.Н. Ушакова // 2000, – URL: www.ilingran.ru (дата обращения: 09.01.2021)

8. Хәзерге башкорт әзәби теленең аңлатмалы һүзлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әзәбиәт институты). – Өфө, 2004. – 528 бит.

9. Gabdullina V.R. EMOTIONAL COMPONENT OF THE WORD MEANING MANIFESTATION IN CHILDREN ASSOCIATIONS / V.R. Gabdullina // Russian Linguistic Bulletin. — 2015. — № 2 (2). — С. 5—7.

Список литературы на английском / References in English

1. Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word. Text: Selected Works] / A.A. Zalevskaya. – М.:Gnozis, 2005. – 543 p. [in Russian]

2. Luriya A. R. Lekcii po obshchej psihologii [Lectures on General Psychology] / A. R. Luriya. – St. Petersburg: Peter, 2004. – 320 p. [in Russian]

3. Poddjyakov N. N. Myshlenie doshkol'nika [Preschool child's thought] / N. N. Poddjyakov. – М.: APN RSFSR, 1977. – 271 p. [in Russian]

4. Rogozhnikova T. M. Psiholingvisticheskoe issledovanie funkcionirovaniya mnogoznachnogo slova (monografiya) [Psycholinguistic research of the polysemantic word functioning (monograph)]. – Ufa: USATU, 2000. – 242 p. [in Russian]

5. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchej psihologii [Elementary General Psychology] / S.L. Rubinshtein. – М.: Publisher AN USSR, 1946. – 573 p. [in Russian]

6. Explanatory dictionary of the Tatar language: 3 parts. Kazan: Publisher Tatarstan Book, 1977-1981. P. 2. [in Tatar]

7. Ushakova T. N. YAzykovoe soznanie i principy ego issledovaniya [Linguistic consciousness and principles of its research] [Electronic resource] / T. N. Ushakova // 2000, – URL: www.ilingran.ru (accessed: 09.01.2021) [in Russian]

8. Modern explanatory dictionary of the Bashkir language. – Ufa, 2004. – 528 p. [in Tatar]

9. Gabdullina V.R. EMOTIONAL COMPONENT OF THE WORD MEANING MANIFESTATION IN CHILDREN ASSOCIATIONS / V.R. Gabdullina // Russian Linguistic Bulletin. — 2015. — № 2 (2). — С. 5—7.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.15>

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ-БЛЕНДЫ, ПОЯВИВШИЕСЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Научная статья

Самигуллина А.Д. *

ORCID: 0000-0002-8819-9805,

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (anna_samigoullina[at]rambler.ru)

Аннотация

В 2020 году под влиянием пандемии коронавируса в английском языке появилось огромное количество неологизмов. Значительная их часть состоит из слов, образовавшихся в процессе лексической контаминации (блендинга), то есть слияния или наложения двух исходных лексем. Целью данной статьи является изучение англоязычных контаминантов (блендов), связанных с пандемией Ковид-19, и анализ их морфологической структуры. В статье представлены различные подходы к морфологической классификации подобных словообразований и проводится различие между процессами контаминации и словосложения.

Анализ морфологической структуры неологизмов, связанных с пандемией коронавируса, показал, что наиболее распространенными типами контаминантов (блендов) являются так называемые «бленды-матрешки», которые образуются путем вклинивания одного слова внутрь другого, а также частичные бленды, состоящие из основы первого слова и конечного элемента второго слова.

Ключевые слова: лексическая контаминация, бленд, блендинг, контаминант, словообразование, неологизм, ковид-19.

A STUDY OF ENGLISH BLENDS RELATED TO COVID-19

Research article

Samigoullina A.D. *

ORCID: 0000-0002-8819-9805,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

* Corresponding author (anna_samigoullina[at]rambler.ru)

Abstract

The year 2020 was characterized by an unprecedented number of neologism and coinages that appeared in the English language under the influence of the pandemic of Covid-19. A significant proportion of these coinages is made up of blends, that is, word formations that consist of two source lexemes which merge or overlap. This paper purports to describe the Covid-related blends in the English language and analyse their structure. The article presents different approaches to a morphological classification of blends and makes a distinction between blends and clipped compounds. The analysis of the morphological structure of Covid-related blends showed that among these lexical formations, substitution blends prevail over overlap blends; a common type of blending is combining the first source word in its entirety with the final splinter of the second source word.

Keywords: blend, portmanteau word, word formation, neologism, coinage, Covid-19.

Introduction

In early 2020, the world received news of the outbreak of a new virus. On February 11, Director-General of World Health Organization announced the name of the disease, *Covid-19*, containing blended parts of two lexemes, *coronavirus* and *disease*. The name of the virus appeared merely a month later in Merriam-Webster's online dictionary [11], the shortest time its lexicographers had ever formally recognized a word. According to Oxford English Dictionary (OED), the lexeme *Covid-19* was one of the top five most frequent nouns in the Oxford Monitor Corpus of English in April 2020, along with *people*, *time*, *year*, and *coronavirus* [13].

The upheaval of Covid-19 brought about the emergence of a vast number of neologisms in the English language. British linguist Tony Thorne compiled a list of Covid-related vocabulary; according to him, over 1,000 new coinages appeared in the English language since the outbreak of the pandemic [18]. A significant number of these neologisms, such as *covidiot*, *twindemic*, *anthropause*, are blends of two separate stems. This paper purports to describe and classify the Covid-related blends coined in the English language and analyse their structure.

Data and methods

Blends are lexemes combining a whole word and part of another word or parts of two words. Blends are sometimes referred to as '**portmanteau words**', a term invented by Ch. L. Dodgson (Lewis Carroll) whose character Humpty Dumpty compares such words to a suitcase with two separate departments because "there are two meanings packed up into one word" [7]. The truncated component parts of the blended words are called **splinters** [3], [9] or **constituents** [10], [15], and the co-activated words themselves are referred to as **source lexemes**, since they are diachronically prior and synchronically more primary [8, P. 72].

In spite of plethora of research dedicated to blends, there is no consensual definition of this type of word formation. A particular formation may or may not be treated as a blend depending on the defining criteria a researcher utilizes to characterize blends. Many linguists adopt a rather broad approach to blends [4], [2], [9], [10]. According to Bauer, blending

occurs when ‘two words simply merge where they overlap, so no information is lost, but repetition of letter combinations is avoided’ [4, P. 46]; and Algeo defines a blend as “any combination of two (or more) etyma with omission of part of at least one etymon” [2, P. 76].

In contrast, Bat-El provides a far narrower outlook on blends: she maintains that blends must exhibit some sort of structural fusion, the byproduct of which is “the truncation of segmental material from the inner edges of the two words or only one of them” (specifically, the second) [3, P. 66]. Under this approach, *infodemic* (*information* + *epidemic*) and *drivecation* (*drive* + *vacation*) qualify as blends, because the inner edges of both source lexemes are truncated (*infodemic*), or the beginning of the second source lexeme is truncated (*drivecation*). In contrast, the forms in which the right edges of both words are truncated, such as *quarantech* (*quarantine* + *technology*), and forms in which only the first word undergoes truncation, e.g. *quaranteam* (*quarantine* + *team*) are not treated by Bat-El as blends; instead, she considers these forms to be ‘clipped’, or shortened, compounds [3, P. 66].

Instead of following Bat-El’s narrow approach, this paper considers blending to be a more extensive category that comprises a variety of lexemes, the distinguishing feature being the truncation of some linguistic (phonetic or orthographic) material from one or both source lexemes.

Using this criterion, we selected 73 formations related to Covid-19 that can be characterized as blends. The main sources of data were:

- Thorne’s website ‘Language and Culture’ [18], which contains a running list of Covid-related neologisms;
- the updates publicized by the OED containing words, sub-entries, and revisions that have been added to the Oxford English Dictionary in the months of 2020 [13];
- the special guide to coronavirus vocabulary published in the Merriam-Webster Dictionary Online [12];
- the Cambridge Dictionary Blog dedicated to neologisms [6];
- the Rice University Neologisms Database compiled by Kemmer [17];
- linguistic research dedicated to the topic [16].

Results and Discussion

The principles employed by linguists in order to analyse the structure of blends and classify them vary considerably. For instance, Kemmer discriminates between **substitution blends**, which involve a replacement of part of one source lexeme with another whole lexeme, and **overlap blends**, which share some phonetic or orthographic material where the two source words merge [8, P. 73-74]. She believes it to be useful to distinguish substitution blends as a conceptually separate class, because the whole source lexeme that is used as a ‘replacement part’ serves a contrasting function and its full meaning is brought to the blend [8, P. 75].

One should note that in order for substitution blends to be transparent, the substitute source lexeme must be phonologically similar to the replacement part in the other source lexeme, for example, contain the same phoneme or combination of phonemes, or rhyme with the replacement part. For instance, in the substitution blend *anthropause* (*Anthropos* + *pause*), which means ‘global reduction in modern human activity’, the final combination of phonemes [pɔːs] is replaced by the word *pause* [pɔːz], diverging by one consonant sound. The blend *ronavation* (*rona* + *renovation*) meaning ‘renovation one starts during the lockdown’ the replacement part [ˌrenə] in *renovation* is substituted with *rona* [ˈrəʊnə], the slang word for *corona*, which diverges by one vowel.

It should be noted that substitution blends constitute a clear majority among the English blends related to Covid-19: we found 46 **substitution blends**, which accounts for 63% of all the blends selected for the analysis. This list includes such blends as follows (the substitution part in one of the source lexemes is underlined):

- *blursday* (*blur* + *Thursday*): any day of the week during the lockdown because they all blur together;
- *cluttercore* (*clutter* + *normcore*): an aesthetic or decorating style that embraces clutter;
- *covidpreneur* (*covid* + *entrepreneur*): a person or organization that exploits panic related to the Covid-19 pandemic by purchasing and reselling consumer goods;
- *homecation* (*home* + *vacation*): a holiday spent completely at home;
- *homeference* (*home* + *conference*): an online conference taken from home;
- *infits* (*in* + *outfit*): an outfit one wears while staying in;
- *inflammageing* (*inflammation* + *ageing*): aging caused by inflammation;
- *maskhole* (*mask* + *asshole*): an unwise person who refuses to wear a mask;
- *mockdown* (*mock* + *lockdown*): a half-hearted attempt to apply restrictions and rules to control the spread of Covid-19;
- *morona* (*corona* + *moron*): an unwise person who ignores or doesn’t understand the safety guidelines for preventing the spread of Covid-19;
- *quaranteam* (*quarantine* + *team*): a group of people who create a social circle during the Covid-19 pandemic, prohibiting interaction with others;
- *ronacoaster* (*rona*, slang for ‘corona’ + *rollercoaster*): a feeling, situation, or experience that changes very quickly during the pandemic;
- *schoolcation* (*school* + *vacation*): a family holiday during which the children receive online schooling;
- *shecession* (*she* + *recession*): an economic recession that affects mostly women;
- *smizing* (*smiling* + *eyes*): showing a smile by one’s eyes because one is wearing a face mask;
- *spendemic* (*spend* + *pandemic*): excessive spending during the pandemic;
- *twindemic* (*twin* + *epidemic*): situation in which influenza and a second Covid-19 spike could appear simultaneously, overwhelming hospitals;
- *walktail* (*walk* + *cocktail*): an alcoholic drink one drinks during a walk because of bar restrictions;
- *workation* (*work* + *vacation*): a holiday where you stay in a hotel or other accommodation and work from there;

— *zombie* (*zoom* + *zombie*): a person who is exhausted by endless Zoom conferences.

In case of **overlap blends**, the whole source words overlap so that both of them are preserved in their entirety, or splinters of the source words overlap where they are merged together (in this case, some linguistic material is truncated). This type of blends is substantially less common in the list of Covid-related English blends: we found 10 examples of overlap blends (13.7%), such as the following (the overlapping part is marked in bold):

- *coronapocalypse* (*corona* + *apocalypse*): extreme reactions to the outbreak of COVID-19;
- *coroneologism* (*corona* + *neologism*): a neologism that appeared during the Covid-19 pandemic;
- *coronial/coronnial* (*corona* + *millennial*): the new generation of children born during the Covid-19 pandemic;
- *covidiot* (*covid* + *idiot*): someone who unwisely disregards health and safety guidelines about Covid-19;
- *covidivorce* (*covid* + *divorce*): a divorce happening during (and often as a result of) the lockdown;
- *locktail* (*lockdown* + *cocktail*): a medicinal cocktail one drinks during the lockdown;
- *maskne* (*mask* + *acne*): acne or skin irritation that occurs on a person's face (especially on and around the nose and chin) from regularly wearing a face mask;
- *nakation* (*naked* + *vacation*): a type of holiday where people do not have to wear clothes most of the time;
- *phygital* (*physical* + *digital*): using a combination of physical and digital elements to sell and market a product;
- *quarantini* (*quarantine* + *martini*): a martini or other form of alcohol one drinks during the lockdown;
- *quaranzine* (*quarantine* + *magazine*): a collaborative, virtual magazine documenting people's life and thoughts during Covid-19;
- *zumping* (*zoom* + *dumping*): dumping someone in an online conference.

Although there is no doubt that Kemmer's classification is useful, it has some drawbacks. First, a few Covid-related blends (11% of the analysed lexemes) can be assigned to both substitution blends and overlap blends. For instance, one can argue that in *covidivorce* (*covid* + *divorce*), the initial syllable of the second source lexeme is substituted by a full source word *covid*, or that both source words are preserved in their entirety with an overlapping syllable *-vid-*.

Furthermore, a number of blends (8.2%) do not fall into either of the two categories. For example, in the blend *pancession* (*pandemic* + *recession*), meaning 'waning of the world's economies during the pandemic of Covid-19', the two source words are combined without an overlap (therefore, it does not qualify as an overlap blend) and neither of the splinters is a full word (thus, it is not a substitution blend). Other examples of blends that cannot be included into either category are *infodemic* (*information* + *epidemic*): rapid and far-reaching spread of both accurate and inaccurate information about Covid-19; *lockstalgia* (*lockdown* + *nostalgia*): a feeling of missing the lockdown when one goes back to work; *quarandating* (*quarantine* + *dating*): online dating during the pandemic.

This problem can be addressed by suggesting a more detailed classification of blends, for instance, one similar to the approach proposed to Lehrer [9, P. 591-592], discriminating between blends formed by the whole source words (W1 and W2) or their splinters, in different combinations; written down using the formula from Plag [15, P. 123].

Type 1. AB (W1) + CD (W2) = AD

Blends of the first type consist of two splinters: the initial part of the first source lexeme and the final part of the second source lexeme. This type is most commonly recognized 'proper blends' [15] or 'prototypical blends' [5].

We found 16 blends of this type in the material under analysis (21.9%), including *boreout* (*boredom* + *burnout*), *coronopticon* (*corona* + *panopticon*), *infodemic* (*information* + *epidemic*), *locktail* (*lockdown* + *cocktail*), *loxit* (*lockdown* + *exit*), *phygital* (*physical* + *digital*), *techceleration* (*technology* + *acceleration*), *lockstalgia* (*lockdown* + *nostalgia*), *zumping* (*zoom* + *dumping*): the splinters of the two source words are underlined.

The splinters sometimes overlap, e.g. *coronial/coronnial* (*corona* + *millennial*: overlapping sound [n]), *quarantini* (*quarantine* + *martini*: overlapping combination [ti:n]), causing the blends to exhibit some sort of structural fusion; however, this is not an essential criterion, and splinters often they do not share any segmental material, as in *zumping* (*zoom* + *dumping*).

Type 2. AB (W1) + CD (W2) = AC

This type of blend combines two initial splinters of two base words. In the list of Covid-related coinages, we found only two blends of this type (2.7%): *hyflex* (*hybrid* + *flexible*), meaning a way of learning in which lessons are given face to face in classrooms and also made available on the internet, and *quarantech* (*quarantine* + *technology*): the new technologies that appeared during the lockdown.

Because the combinations of these source lexemes were not attested before the Covid-19 pandemic, we believe the lexemes *hyflex* and *quarantech* to be examples of blends, rather than shortened compounds. In contrast, lexemes *elbump* (*elbow* + *bump*) and *techceleration* (*technology* + *acceleration*), which we initially treated as blends, are shortened versions of pre-existing compounds *elbow bump* and *technology acceleration*, fixed in OED [13]; therefore, there are good reasons not to treat as proper blends, but as clipped compounds, and exclude them from the list of analysed material.

Type 3. AB (W1) + BC (W2) = ABC (complete overlap)

Blends of this type comprise two whole words with a sound or a combination of sounds overlapping, with no segmental material truncated. This requires that the phoneme or combination of phonemes of the first source word (W1) should coincide with the initial phoneme or combination of phonemes of the second source word (W2).

Such blends resemble compounds most closely, the major difference being that the source words share overlapping segments. Therefore, no structural segments are lost, making this type of blend the most transparent one. The analysed material comprises 9 blends of Type 3 (12.3%), including *coronapocalypse* (*corona* + *apocalypse*), *covideo* (*covid* + *video*), *covidiot* (*covid* + *idiot*), *covidivorce* (*covid* + *divorce*), *coronacronym* (*corona* + *acronym*).

Type 4. AB (W1) + CD (W2) = ABD

This type of blend consists of the first source word (whole) and the final splinter of the second source word. This is the most common type of Covid-related blends and includes 23 lexemes, which accounts for 31.5%, such as *coronacation* (*corona* + *vacation*), *coronanoia* (*corona* + *paranoia*), *drivecation* (*drive* + *vacation*), *mockdown* (*mock* + *lockdown*), *spendemic* (*spend* + *pandemic*), *walktail* (*walk* + *cocktail*), *coronacoaster* (*corona* + *rollercoaster*), *covidpreneur* (*covid* + *entrepreneur*), *homeference* (*home* + *conference*), *coronasplaining* (*corona* + *explaining*), *shecession* (*she* + *recession*).

Type 5. AB (W1) + CD (W2) = ACD

Blends of Type 5 combine the initial splinter of the first source word and the whole second source word. We found 11 blends of this type (15%) among coinages related to Covid, including *quarantanning* (*quarantine* + *tanning*), *quaranteam* (*quarantine* + *team*), *quarantroll* (*quarantine* + *troll*), *coroneologism* (*corona* + *neologism*), *covexit* (*covid* + *exit*), *inflammageing* (*inflammation* + *ageing*).

Type 5. Eye blends

Eye blends must be read rather than seen, because their phonologic form is identical to one of the source words, but the graphic form is different. We found two eye blends (2.7%) in the material under analysis: *quaranteen* (*quarantine* + *teen*) and *maskulinity* (*mask* + *masculinity*).

Many linguists note that blending can, and frequently does, create new morphemes or give new meanings to old ones when recurrent splinters occur in several blends [1], [5], [9]. Lehrer argues that if there are only a few examples of blends with the same splinter, the semi-productivity can be attributed to the process of analogy. However, if instances of blends with a certain splinter are numerous, that it is plausible to maintain that a new morpheme has been created [9, P. 592].

The instances of such morpheme-like splinters in the list of Covid-related vocabulary include the following:

coron-/corona-/rona- (connected to, or caused by, the coronavirus): 21 blends (28.8%), e.g. *coronacation* (*corona* + *vacation*), *coronageddon* (*corona* + *armageddon*), *coronallusional* (*corona* + *delusional*), *coronanoia* (*corona* + *paranoia*), *coronapocalypse* (*corona* + *apocalypse*), *coronarita* (*corona* + *margarita*), *coronasomnia* (*corona* + *insomnia*), *coronaspiracy* (*theory*) (*corona* + *conspiracy*), *coronaverse* (*corona* + *universe*), *coronawashing* (*corona* + *brainwashing*), *coroneologism* (*corona* + *neologism*), *coronial*, *coronnial* (*corona* + *millennial*), *ronacoaster* (*corona* + *coaster*), *ronavation* (*corona* + *renovation*);

quaran- (connected to, or caused by, the quarantine and self-isolation): 13 blends (17.8%), such as *quarandating* (*quarantine* + *dating*), *quaranqueen* (*quarantine* + *queen*), *quarantanning* (*quarantine* + *tanning*), *quaranteen* (*quarantine* + *teen*), *quarantimes* (*quarantine* + *times*), *quarantini* (*quarantine* + *martini*), *quarantrend* (*quarantine* + *trend*), *quarantroll* (*quarantine* + *troll*), *quarantunes* (*quarantine* + *tunes*), *quaranzine* (*quarantine* + *magazine*);

cov-/covid- (connected to, or caused by, the Covid-19): 6 blends (8%), such as *covexit* (*covid* + *exit*), *covideo* (*covid* + *video*), *covidiot* (*covid* + *idiot*), *covidivorce* (*covid* + *divorce*), *covidpreneur* (*covid* + *entrepreneur*);

mask- (connected to, or caused by, wearing a face mask): 3 blends (4%): *maskhole* (*mask* + *asshole*), *maskne* (*mask* + *acne*), *maskulinity* (*mask* + *masculinity*);

-cation/-kation (a certain, safer type of vacation during lockdown): 8 blends (11%): *coronacation* (*corona* + *vacation*), *drivecation* (*drive* + *vacation*), *safecation* (*safe* + *vacation*), *staycation* (*stay* + *vacation*), *schoolcation* (*school* + *vacation*): a family holiday during which the children receive online schooling; *workkation* (*work* + *vacation*): a holiday where you stay in a hotel or other accommodation and work from there; *nakation* (*naked* + *vacation*): a type of holiday where people do not have to wear clothes most of the time.

Beliaeva argues that in instances when blend splinters are used recurrently, like in the examples given above, the resulting lexical formations resemble affixations rather than typical blends, ensuring the productivity of the word formation pattern [5, P. 17].

It should be noted that apart from the last morpheme-like splinter (*-cation*), all the other examples are initial splinters, which is not a typical phenomenon. Lehrer argues that the most recurrent splinters, such as *-thon*, *-holic*, *-gate*, and *-scape*, *-topia* occur at the end of the word; initial morpheme-like splinters are quite rare and include such examples as *e-* (from *electronic*), *eco-* (from *ecological*) and *-Mc* (as in *McMuffin*) [9, P. 591-592].

Conclusions

The upheaval of Covid-19 gave rise to a vast number of neologisms describing the new reality people faced during the pandemic. Blending as a word formation type is similar to compounding, and some linguists do not make a distinction between blends and clipped compounds. This paper argues that blends should be discriminated from clipped compounds, which are contractions of pre-existing compounds, while blends are likely to be instances of new word formation, which does not occur in the full, non-truncated, form.

The article presents two different approaches to a morphological classification of blends. Substitution blends account for almost two-thirds of the analysed lexemes, whereas overlap blends are much less common. The analysis of the morphological structure of blends related to Covid-19 showed that the most common type of blending is combining the first source word in its entirety with the final splinter of the second source word. A few splinters are recurrent, making it possible to argue that these serve as new morphemes and actively participate in the process of creating further coinages in the English language.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Algeo J. The Origins and Development of the English Language: Sixth Edition / J. Algeo. – Boston: Wadsworth, Cengage Learning. – 2010. – 347 p.
2. Algeo J. Vocabulary / J. Algeo // The Cambridge History of the English Language. Ed. by. S. Romaine– Cambridge: CUP. – 1999. – Pp. 57-91.
3. Bat-El O. Blends / O. Bat-El // Encyclopedia of Language and Linguistics. Ed. by K. Brown. – Oxford: Elsevier. – 2006. – Pp. 66-70.
4. Bauer, L. Introducing linguistic morphology / L. Bauer. – Edinburgh: Edinburgh University Press. – 1988. – 366 p.
5. Beliaeva N. Blending creativity and productivity: on the issue of delimiting the boundaries of blends as a type of word formation / N. Beliaeva // Journal in English Lexicology [Electronic Resource]. – Vol. 14. – 2019. – URL: <http://journals.openedition.org/lexis/4004>. (accessed: 15.02.2021) DOI: 10.4000/lexis.4004
6. Cambridge Dictionary Blog: Neologisms [Electronic resource]. – URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/6/> (accessed: 15.02.2021)
7. Carroll, L. Through the Looking-Glass [Electronic resource] / L. Carrol. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/12/12-h/12-h.htm> (accessed: 15.02.2021)
8. Kemmer S. Schemas and Lexical Blends / S. Kemmer // Motivation in Language: Studies in honor of Günter Radden / Ed. by H. Cuyckens et al. – Series IV, Current issues in linguistic theory. – Vol. 243. – 2003. – Pp. 69-97.
9. Lehrer A. Neologisms / A. Lehrer // Encyclopedia of Language and Linguistics. Ed. by K. Brown. – Oxford: Elsevier. – 2006. – Pp. 590-593.
10. Mattiello E. A corpus-based analysis of new English blends / E. Mattiello // Lexis [Electronic Resource] 14. – 2019. – URL: <http://journals.openedition.org/lexis/3660>. DOI: <https://doi.org/10.4000/lexis.3660> (accessed: 15.02.2021)
11. Merriam-Webster Dictionary [Electronic Resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 15.02.2021)
12. Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide> (accessed: 15.02.2021)
13. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 15.02.2021)
14. Oxford Languages Report: Words of the Unprecedented Year [Electronic resource]. – URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (accessed: 15.02.2021)
15. Plag I. Word-Formation in English / I. Plag. – Cambridge: CUP, 2003. – 240 p.
16. Roig-Marín, A. English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary / A. Roig-Marín // English Today. – 2020. – Pp. 1-3. doi:10.1017/S0266078420000255
17. The Rice University Neologisms Database [Electronic Resource]. – URL: <https://neologisms.rice.edu/> (accessed: 15.02.2021)
18. Thorne T. Coronaspeak – the language of Covid-19 goes viral [Electronic Resource]. – URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/>

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.17>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

Научная статья

Власенко Н.И.¹, Толмачева И.А.^{2*}^{1, 2} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (toirina[at]yandex.ru)

Аннотация

Освоение иностранного языка происходит в тесном взаимодействии языковых систем в сознании учащихся. Навыки и умения, сформированные на базе родного языка, учащиеся переносят в речь на русском языке. Этот перенос может быть отрицательным (неосознанным, стихийным), и его результатом является ошибочное речевое действие. А также перенос может быть и положительным (осознанным, целенаправленным). В данной статье раскрываются подходы к изучению взаимодействия языков в сознании многоязычного индивида. Авторы описывают проблемы двуязычия и предпосылки его возникновения. Рассматриваются исследования лексикона многоязычного индивида. Авторы описывают различные гипотезы того, как двуязычный индивид может реагировать на набор «стандартных» слов-стимулов в зависимости от того, на каком из своих двух языков он в данный момент говорит. Обсуждается вопрос метаязыкового сознания. Так же описываются стратегии, используемые обучаемыми при овладении вторым языком.

Ключевые слова: взаимодействие языков, двуязычие, психолингвистика, иностранные учащиеся, индивид, сознание.

SOME ASPECTS OF LANGUAGE INTERACTION

Research article

Vlasenko N.I.¹, Tolmacheva I.A.^{2*}^{1, 2} South-west State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (toirina[at]yandex.ru)

Abstract

The development of a foreign language takes place in close cooperation of language systems in consciousness of students. Skills formed on the basis of the mother tongue are transferred to speech in Russian. This transfer can be negative (unconscious, spontaneous) and its result is an erroneous speech action. And transfer can be positive (conscious, focused). This article reveals approaches to study language interaction in consciousness of multilingual individual. The authors describe problems of bilingualism and its prerequisites. Studies of multilingual individual lexicon are described. The authors describe various hypotheses of how bilingual individual can respond to a set of "standard" word stimulus depending on which of two languages this individual currently speaks. The issue of meta-linguistic consciousness is discussed. The strategies used by trainees in mastering the second language are also described.

Keywords: language interaction, bilingualism, psycholinguistics, foreign students, individual, consciousness.

Introduction

Languages interaction is studied by various scientific disciplines and from various scientific points of view. This topic is interesting from sociological, cultural, sociolinguistic, linguistic, psycholinguistic and other scientific points of view. In this work, the phenomenon of languages interaction from psycholinguistics point of view is studied at the level of individual consciousness. Psycholinguistic approach to the study of languages interaction involves the study of those changes that occur in the consciousness of an individual who speaks several languages or studies several languages [10, P.73].

A distinctive feature of people who speak two or more languages is their ability to speak one language almost without any impurity of the other. Therefore, it must be understood that there is a general organizing principle that ensures separate existence of languages in psyche of a multilingual individual. So, there are two hypotheses according to P. Kolers. The first hypothesis is that the elements of reality are encoded only once in a lifetime at the first perception and there is some common repository of traces of perception from which each of the languages known to a multilingual individual "draws upon". According to another hypothesis, elements of reality are encoded and stored in memory along with elements of the language through which they were perceived and thus each language has its own special repository of traces of perception [6, P. 261].

The fact that a bilingual individual reacts differently to a set of "standard" stimulus words depending on which of two languages this individual currently speaks can be interpreted using the hypothesis of shared storage of perception in memory. This hypothesis is called "shared hypothesis". Conversely, if perception in the past was encoded and placed in memory in a form specifically related to the language in which a person mentally called them, then bilingual people should have separately stored arrays of perceptions for each of known languages. In other words, they have to code each element of perceived reality several times, according to the number of languages they know. This means that it is impossible to name directly or extract some experience from memory, using wrong language in which it was encoded. You can do this only by performing a special additional operation — transfer. The assumption of separate storage of traces of perception in memory is called "separate hypothesis" (separated hypothesis) [6, P. 270].

Studies of recent years are still trying to solve the question of whether different languages represent the same common system or coexist independently of each other. E. Bialistok and K. Hakuta describe opinions of researchers who uphold both points of view. At the same time, they propose their own model, which is based on a representation approach. The authors believe that there is one common system and several subsystems, different components of language knowledge can be

represented in various ways. The central general representation is the same for all languages and the representations for the characteristic features of each of the languages exist independently, but are interconnected. The general system includes abstract language knowledge derived from a combination of universal grammar available to all people and conceptual knowledge acquired during the study of the first language. Individual representations for each language contain information about specific details, such as lexicon, certain grammatical rules, pragmatic restrictions, etc. [11, P. 123].

Z.B. Devitskaya believes that "such an approach only considers functioning of declarative and procedural knowledge about language, highlighting general, universal and private language aspects. Principles of speech activity in conditions of proficiency in several languages, their interaction at the level of generation and perception of speech are not taken into account" [4, P. 85]. The author refers to the experimental data of a number of modern Western researchers who come to the conclusion of a single, integrated, non-selective (nonselective) lexicon of bilingual. A person should form a common semantic world in order to fit into its individual context. This semantic world will act as a specialized translator from one language to another. Thus, bilingual consciousness is formed.

Z.B. Devitskaya, N.I. Vlasenko, I.A. Tolmacheva, V.V. Zvyagintseva [1], [2], [4], [5] say that the results of native and well-known foreign languages interaction in educational conditions, the processes of positive and negative transfer are in the speech activity of students. The authors refer to A.A. Leontyev, who says that the transition from one language to another is a change in transition rules from the program to its implementation. Such a change cannot be carried out immediately by simultaneously switching the old rules to new ones. A person passes through a stage of indirect proficiency in a foreign language; the system of rules for the implementation of mother tongue program, which is increasingly reduced over time, acts as an intermediary link [7, P. 117], [8].

The development of a foreign language takes place in close cooperation of language systems in consciousness of students. The skills and abilities formed on the basis of mother tongue are transferred to speech in Russian. This transfer can be negative (unconscious, spontaneous). And an erroneous speech action is its result. This phenomenon is called interference. This transfer can also be positive (conscious, focused). This happens when a student consciously assimilates grammatical material and is already unknowingly able to use it in speech. Therefore, the problem of using positive transfer, as well as preventing and overcoming interference, is one of the factors for improving the effectiveness of training. The principle of a conscious approach to language learning is related to a comparative method of learning. Recognizing similarities and differences between two language systems makes it possible to control the process of foreign language assimilating secretly.

Experience with foreign students shows that the major source of errors in Russian speech of foreign students is the negative impact of their mother tongue or intermediary language. Teaching phonetics, grammar and vocabulary using typical educational materials that are not oriented to particular language of students does not take into account the interference of their native language [1]. And as a result, foreign students do not hear what is in the studied language but they hear what they are used to hear in their native language: they pronounce sounds, use words, forms with the association of their native language and not with the rules of the studied language.

When teaching Russian to foreign students from Asia, Africa and Latin America, it is important to take into account not only their native language, but also previously learned language (s). A.A. Leontiev writes that "under multilingualism, interference arises more often not on the basis of mother tongue, but on the basis of the first foreign (or generally non-native) language. Therefore, the consideration of intermediary language is even more important in such cases than the consideration of native language" [7, P. 31]. Reliance on intermediary language is particularly important in teaching English and French-speaking students from Asia and Africa because their native languages are either completely unfamiliar to teachers or there are differences between their native languages and Russian language and it is difficult to compare them.

Each language user has certain ideas about the language, its units, processes of its use and study, a kind of "personal theory" of the language. Such meta-language activity is expressed not only in explicit reflections on the structure of the language, but in less explicit opinions and even prejudices. In the process of foreign language learning and teaching, both the student and the teacher are mostly not aware of their meta-language activities. Nevertheless, the first words and phrases learned in a foreign language become meta-language models for students.

E.Yu. Myagkova considers the formation of meta-linguistic consciousness, which includes elements "related to ideas about the structure and rules of the language functioning, acting as supports (models) for the construction and interpretation of the statement" [9, P. 205]. These supports (models) perform an identifying and modeling function. New speech constructions can be created on their basis and with their help. If the individual speaks several languages, the units of an internal meta-language act as an "additional" language that provides interaction between "external" languages.

It should be noted that, despite these contradictions, many practical problems (in particular, the problems of early mastery of languages, learning, cultural adaptation, etc.) are successfully solved in a number of countries (this is evidenced, for example, by the results of a search using keyword "bilinguism" in Internet search engines).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Власенко Н.И. Выявление уровня владения и употребления профессиональной лексики студентами-иностранцами (на примере экспериментального исследования) / Власенко Н.И., Толмачёва И.А. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 2 (19). С. 72-76.
2. Власенко Н.И. Принципы выделения стилей речи, их классификация и субклассификации / Власенко Н.И. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 27-31.

3. Власенко Н.И. Способы и формы выражения коммуникативной цели асерттивов в англоязычной переписке / Власенко Н.И. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14). С. 44-49.
4. Девицкая З.Б. Психолингвистическое исследование усвоения лексики при учебном многоязычии: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 163 с.
5. Звягинцева В.В. Профессиональная коммуникация в рамках взаимодействия языков / Звягинцева В.В., Толмачева И.А. // Язык в научной, профессиональной и межкультурной коммуникации: методика преподавания. Сборник материалов научно-методической конференции-семинара. 2014, С. 200-203
6. Колерс П. Межязыковые словесные ассоциации / Колерс П. // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. Языковые контакты. С. 254–274.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / Леонтьев А.А. – М.: Смысл, 1997. 287 с.
8. Леонтьев А.А. Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Русский язык, 1988. – 263 с.
9. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иноязычного текста / Мягкова Е.Ю. Под общ.ред. А.А. Залевской // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 122–130.
10. Толмачева И.А. Особенности многоязычия иностранных студентов / Толмачева И.А. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. №4. с. 71-76.
11. Bialystok E. In other words. The Science and Psychology of Second-Language Acquisition / Bialystok E., Hakuta K. BasicBooks, 1994. 246 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Vlasenko N.I. Vyyavleniye urovnya vladeniya i upotrebleniya professional'noj leksiki studentami-inostrancami (na primere eksperimental'nogo issledovaniya) [Identification of the level of possession and use of professional vocabulary by foreign students (using the example of an experimental study)] / Vlasenko N.I., Tolmacheva I.A. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology]. - 2016. - № 2 (19). P. 72-76. [in Russian]
2. Vlasenko N.I. Principy vydeleniya stilej rechi, ih klassifikaciya i subklassifikacii [How speech styles are highlighted, classified, and subclassified] / Vlasenko N.I. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology] - 2013. № 2. P. 27-31. [in Russian]
3. Vlasenko N.I. Sposoby i formy kommunikativnoy tseli assertivov v angloyazychnoy perepiske [Methods and forms of expressing the communicative goal of assertions in the English-language correspondence] Vlasenko N.I. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology] - 2015. № 1(14). P. 44-49. [in Russian]
4. Devickaya Z.B. Psiholingvisticheskoe issledovanie usvoeniya leksiki pri uchebnom mnogoyazychii [Psycholinguistic study of vocabulary assimilation in educational multilingualism]: dis. ... of Ph.D. in Pshyology -Tver, 2008 - 163 p. [in Russian]
5. Zvyaginceva V.V. Professional'naya kommunikaciya v ramkah vzaimodejstviya yazykov [Professional communication in language interaction] / Zvyaginceva V.V., Tolmacheva I.A. // Yazyk v nauchnoj, professional'noj i mezhkul'turnoj kommunikacii: metodika prepodavaniya [Language in scientific, professional and intercultural communication: teaching methodology] – Kursk, 2014, pp. 200-203 [in Russian]
6. Kolers P. Mezhyazykovye slovesnye associacii [Interlingua word associations] // Novoe v lingvistike [New in linguistics] / Kolers P. / Yazykovye kontakty [Language contacts]. – M., Progress. -VI edition- pp. 254–274 [in Russian]
7. Leont'ev A.A. Osnovypsiholingvistiki [Psycholinguistic basis] / A.A. Leontev. - M.: Smysl, 1997 - 287 p [in Russian]
8. Leont'ev A.A. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam [Methodology of Russian for foreigners] / A.A. Leontev. – M.: Russkij yazyk, 1988. – 263 p [in Russian]
9. Myagkova E.Yu. Modelirovanie vnutrennego metayazyka pri obuchenii ponimaniyu inoyazychnogo teksta [Modeling of internal metalanguage in learning to understand foreign texts] / E.Yu .Myagkova// Slovoitekst [Word and the text] Tver. gos. un-t [Tver state university]. – Tver, 2006, pp. 122–130 [in Russian]
10. Tolmacheva I.A. Osobennosti mnogoyazychiya inostrannyh studentov [Polilingual peculiarities of foreign students] / Tolmacheva I.A. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology] - 2013. №4. pp. 71-76 [in Russian]
11. Bialystok E. In other words. The Science and Psychology of Second-Language Acquisition / Bialystok E., Hakuta K. BasicBooks, 1994. 246 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.18>**ОБНОВЛЕНИЕ СИНОНИМОВ ТЕРМИНА «УЧИТЕЛЬ» В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ОТ MISSIONARY ДО ZOOM TUTOR)**

Научная статья

Астапенко Е.В. *

ORCID: 0000-0002-5996-4707,

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

* Корреспондирующий автор (elenastap[at]gmail.com)

Аннотация

Термин «учитель» является ядерным компонентом концептосферы «образование» во многих языках мира. В условиях глобализации и интернационализации системы образования происходят стремительные изменения в области информационных технологий, появляются новые научные знания и реалии, требующие своей особой номинации. Каждая инновация сопровождается возникновением и закреплением в языке и речи новых терминов. Вполне объяснимы новые функции и задачи современных учителей, отвечающих на вызовы общества, характеризующегося возрастающей диджитализацией и новыми условиями социальной среды, интенсивными технологическими изменениями во всех сферах жизни, в том числе и образовании. Неслучайно обычный школьный учитель становится zoom tutor, online tutor или Skype tutor, осуществляющий преподавание с помощью различных информационных онлайн платформ. Синонимический ряд термина «teacher» расширяется и обновляется параллельно с появлением новых функций учителя и разновидностей педагогической деятельности, в которую он включен. В статье анализируются синонимические ряды термина «учитель» на примерах английских словарей, тезаурусов и глоссариев. Проведен семантический и сопоставительный анализ синонимов термина «учитель» с целью выявления новых лексических единиц с коннотацией «учитель / преподаватель».

Ключевые слова: синонимический ряд, учитель, преподаватель университета, термин, образование, современный английский язык, глоссарий, тезаурус.

UPDATING THE SYNONYMS OF THE TERM “TEACHER” IN THE VOCABULARY OF MODERN ENGLISH (FROM MISSIONER TO ZOOM TUTOR)

Research article

Astapenko E.V. *

ORCID: 0000-0002-5996-4707,

Tver State University, Tver, Russia

* Corresponding author (elenastap[at]gmail.com)

Abstract

The term “teacher” is a nuclear component of the concept “education” in many languages of the world. In the context of globalization and internationalization of the education system, rapid changes take place in the field of information technology, new scientific knowledge and realities appear that require their own special nomination. Each innovation is accompanied by the emergence and consolidation of new terms in the language and speech. New functions and tasks of modern teachers are quite explainable, responding to the challenges of the society, characterized by increasing digitalization and new conditions of the social environment, intensive technological changes in all spheres of life, including education. It is no coincidence that an ordinary schoolteacher becomes a zoom tutor, an online tutor or a Skype tutor, who teaches using various online information platforms. The synonymic set of the term “teacher” is expanded and updated in parallel with the emergence of new functions of the teacher and varieties of pedagogical activity in which he is included. The article analyses the synonymic set of the term “teacher” on the examples of English dictionaries, thesauruses and glossaries. A semantic and comparative analysis of the synonyms for the term “teacher” is carried out to identify new lexical units with the connotation “teacher / university lecturer”.

Keywords: synonymic set, teacher, university lecturer, term, education, modern English, glossary, thesaurus.

Introduction

The concept “teacher” is in the focus of attention of domestic researchers, not to mention the international researches about new functions and roles of a modern pedagogue working in difficult social, ethnical, religious and multicultural environments. This is particularly noticeable in the studies of Russian researchers, pedagogues, philologists, psychologists and philosophers, in which the personality of a teacher is considered in different aspects: the psychological aspects of the teacher's pedagogical activity (E.R. Ganeeva, L.V. Lidak, L.M. Mitina, O.K. Pozdnyakova, S.V. Subbotin, L.N. Talalova); teacher's mission (A.V. Utkin); evolution of the personal and professional ideal of the teacher (I.D. Lechitsky); social and psychological foundations of the teacher's image (A.A. Kalyuzhny); teacher as a phenomenon of a culture and social reality (E.N. Zarechneva, N.Yu. Maksimova, E.V. Piskunova, I.P. Safronov); model of a modern teacher (L.M. Sharova, S.L. Fomenko) and many others.

We should also mention critical studies of foreign scientists touching upon the following problems: the functioning of American schools, the goals and values of modern education, problems of the quality of education, features of the teacher's pedagogical activity in modern society, the priority personal and professional qualities of a teacher, current teaching methods, the impact of learning on a personality and others (M. Barber, J. Bruner, J. Gatto, T. Gordon, J. Goodlad, F. Jackson, A. Dreher, J. Kozol, A. Cohn, D. Cohen, D. Lemov, P. Mac-Laren, D. Ravich, C. Silberman, B. Skinner, R. Slater, K. Tucker, E.L. Thorndike, L. Ferlazzo, M. Fullan, A. Hartman, J. Hattie and others).

A teacher has to perform a lot of functions, the main important of them are social, educational, emotional, informational, administrative and control. The variety of terms with the connotation “teacher” justifies this statement. As an example we can list the dictionary entry “teacher” from Merriam-Webster’s Thesaurus numbering 49 synonyms: “*educationist [chiefly British], educator, instructor, pedagogue / pedagog, preceptor, schoolteacher, headmaster, master, rector, schoolmaster, headmistress, instructress, mistress [chiefly British], schoolmarm (or schoolma'am), schoolmistress, coach, guide, guru, preparer, trainer, mentor, tutor, tutoress, drillmaster, inculcator, dean, docent, doctor, don, prof, professor, regius professor, academe, academic, academician, didact, pedant, governess, homeschooler, intern (also interne), practice teacher, reader, student teacher, catechist, lecturer, moralizer, preacher*” [9]. Why are there so many synonyms? What are their origins? What do they mean? What are the reasons for updating the synonymic set of the term “teacher” in modern English? The article examines these questions and offers options for answers.

Methods

The study of the development and updating the synonymic set of the term “teacher” in English required the following scientific methods: semantic and comparative analysis of a synonymic set “teacher” from various dictionaries, thesauruses and glossaries; method of interpretation; elements of quantitative analysis to determine the ratio of synonyms close in meaning and thematically related terms with the meaning of “teacher / university lecturer”; elements of historical and etymological analysis, which made it possible to trace the emergence of new synonyms of the term “teacher” in the terminological systems of secondary and higher education in Great Britain and the USA.

Results and Discussion

To define an English-language term “teacher” in the general education system, it is reasonable to mention some domestic linguists who touch on the nature of the term in their studies (M.Ya. Blokh, V.M. Leichik, S.D. Shelov, K.Ya. Averbukh, Tserkun Yu.B., and etc.). In this study the English term “teacher” is understood as a linguistic sign denoting or expressing the concept “teacher”, which has its own definition, on which those who use this linguistic sign rely.

In the study of the English-language terminological units of the education system in the linguistic and cultural aspects, according to Y.B. Tserkun, the following properties of the term are important: “consistency, polysemy and synonymy” [7, P. 11]. Synonymy in this study is considered as “the implementation of terminological variance” [7, P. 11].

We discuss the semantic and lexical variance of the term “teacher” from the standpoint of its belonging to a certain terminology system of education: English, British, American, Oxford University terminology, Cambridge University terminology. The belonging of the term “teacher” to one or another local term system determines the semantics of the units under study with a cultural component of meaning.

To make the analysis of the designated topic objective and detailed, we should demarcate the definitions of the semantic units “synonyms” and “a thematic field”. According to the Soviet Encyclopaedic Dictionary, “synonyms (from Greek *synōnymos* – eponymous) are words that differ in sound, but identical or similar in meaning, as well as syntactic and grammatical constructions that coincide in meaning. Synonyms can be full and partial” [6, P. 1223].

Yu.D. Apresyan, a well-known Soviet and Russian linguist, academician of the Russian Academy of Sciences, gives his own interpretation of the thematic field: “it is a collection of lexemes of different parts of speech, united by one topic based on extra linguistic parameters” [1, P. 119].

Thematic fields of glossaries and thesauruses were also the objects of our research. We selected the terms that are (a) nouns, (b) close in their meanings to the term “teacher”. Thanks to the selection of synonyms from the thematic fields of lexicographic sources the study was enriched with a rather extensive synonymic set of the term “teacher”, lexical units close in meaning, including neologisms with the meaning teacher. We agree with the statement of M.I. Varlavina, who notes that “to understand the semantics of an individual lexical unit it is not enough to study it in an isolation, it is necessary to rely on the systemic organization and semantic relations in the vocabulary of the given language” [5, P. 77].

The analysis of the problem mentioned in the title is reasonable to begin with the review of the glossaries. A special interest for the research of a synonymic set of the term “teacher” presents Oxford glossary available on the website of the oldest English university – University of Oxford. The glossary comprises a rich set of educational terminology used within the staff, students’ society and denoting the traditional, specific just for this university terms, nominations, titles, abbreviations, and denotations. The terms denoting the titles of staff can be conditionally divided into three groups: teaching staff itself, managing staff, and research staff.

The teaching staff comprises a lot of terms, e.g.: *don, Emeritus, lecturer, tutor, fellow, graduate*. There is a special term for a person, who a student can turn to with concerns about their teaching or general welfare, it is a *moral tutor*. Nowadays his role and duties may vary widely.

Teaching in college is performed in the form of tutorials (or tutes), overseen by Colleges tutors. The title “reader” is “a medieval term for a teacher used to refer to a lecturer below the rank of professor, has recently been retired at Oxford in favour of the American title Associate professor” [15].

The managing staff consists of a *dean* who works as the Head of House at Christ Church and at the same time “a fellow responsible for supervising the conduct and discipline of the Junior Members of the College” [15] is also called a dean. Then come DGS (Director of Graduate Studies) and Director of Study.

Each college in Oxford has a head of house, but historically and traditionally there are various terms denoting this managing position, e.g.: *Principal, President, Dean, Master, Provost, Rector, or Warden*. For example, Master is a traditional title of the head of House of several colleges: Balliol College, Pembroke College, St Catherine’s College, St Cross College, St Peter’s College and University College. As for the term ‘President’, in Oxford University it is a title for the Head of House at Corpus Christi College, Kellogg College, Magdalen College, St John’s College, Trinity College and Wolfson College.

Fellows “together with the college head, constitute the governing body of the college” [15]. We should also mention the term ‘*proctor*’ who can be Senior and Junior having duties according to statutes and regulations for student discipline, “for ensuring the proper conduct of examinations and for dealing with complaints. They also carry out ceremonial duties, e.g. at degree ceremonies” [15]. As we can see, university teachers have a lot of additional duties besides teaching. A special attention must be put to PVC (Pro-Vice-Chancellor). There are five Pro-Vice-Chancellors with specific, functional responsibility for Development and External Affairs; Education; Personnel and Equal Opportunities; Planning and Resources, and Research.

Research staff in Oxford University comprises several representatives. First, *DPhil* (Doctorate of Philosophy, first mentioned in 1652). The world known term PhD is traditionally called and spelled as DPhil in Oxford. Among the academic terms we also find *Junior Research Fellow (JRF)*, *Regius Professor* (first mentioned in 1609).

Compared to the glossary of Oxford University, the Cambridge University glossary contains a more detailed list of terms with the same “teacher” and “university lecturer”. Again the terms denoting staff can be divided into three categories: teaching staff, academic or research staff, and managing staff.

Teaching staff comprises authentic terms, specific for the Cambridge University, such as: *probationary faculty lecturer*, *Faculty Assistant Lecturer* (the previous title *Faculty Lecturer* (1926) was changed into FAL in 1934), *bye-fellow*, *reader* (was introduced under the Statutes of 1882), *father*, *full fellow*, *Lector / lectrice*, *master*, *moderator*, *pernoctate*, *Rede lecturers*, *senior Fellow*, *senior member*, and *visiting scholars*.

Among the well-known synonyms of the “teacher” found in Cambridge glossary the following can be mentioned: *assistant lecturer*, *don*, *emeritus*, *Scholar*, *supervisor*, *tutor*, *senior tutor* and *professor*.

The university lecturers belonging to academic society are presented by the synonyms: *academic*, *assessor*, *ADR* (*Assistant Director of Research*), *assistant in research*, *Full Doctor* (first mentioned in 1880), *higher doctorate*, *praelector*, *professor*, *research assistant*, *senior assistant in research*. Having analysed this set of synonyms we can make a conclusion that research activities has been the most important part of education in Cambridge University, one of its distinctive features since early ages. A special attention must be given to the old titles of Professorships. “The first five Regius (i.e. Royal) Professorships, in Divinity, Hebrew, Greek, Physic and Civil Law, were founded by Henry VIII in 1504; the sixth, in Modern History, by George I in 1724, and the seventh, in English Literature, in the name of Edward VII in 1910. On the initiative, and probably at the expense, of Thomas Lorkyn, Regius Professor of Physic, the Henrician Regius Professors were granted official arms and crests in 1590” [14].

It should be reasonable to comment some managing titles of Cambridge University. For example, Director of Studies (DoS) is “a tutor in your subject who monitors your progression, helps you with your academic choices and organises your small-group teaching, known as supervisions. The post came into being in the early 1900s” [14]. This post having been originated in the beginning of the XX century, is actual nowadays. One more old term still used in Cambridge University is *Father*, which is “the old expression for a praelector, in the sense of the senior College member (not necessarily a Fellow in early times) who presents the College’s students (his ‘sons’) for formal admission to their degrees” [14]. And the oldest title is the term *Rector*. It is the “earliest, thirteenth-century, title of the officers who have since been called proctors” [14].

Moderator, in simple words, an examiner, was introduced “to assist the proctors with the assessing and moderating of undergraduate disputations, was in 1680/1; from then until 1810 the moderators were usually themselves also the examiners, but from then on the examinations were under the control of the proctors, the examiners and the moderators” [14].

Among the authentic Cambridge vocabulary we can find the term *Reader*. “Although the term ‘Reader’ was sometimes used in earlier centuries as a synonym for ‘Professor’, readers in the modern sense of the word were introduced under the Statutes of 1882” [14].

As an intermediate conclusion, we can highlight the following points. Oxford and Cambridge glossaries present a historically formed educational terminology. The educational terminology of these oldest European universities has influenced the formation of the similar terminology in other universities. Many terms are authentic words and phrases, e.g.: *Reader*, *Father*, *moderator*, *praelector*, *Rede lecturer*, *Regius Professor* and others. Some of these titles go back to the beginning of the XVI century.

Rede Lecturers “take their origin from an endowment left to the University by Sir Robert Rede, Lord Chief Justice of the Common Pleas 1506–19, a member of Buckingham College and later a Fellow of the King’s Hall. With this endowment Sir Robert’s executors bought an annuity of 20 marks (£13 6s 8d) from the abbot of convent of Waltham Holy Cross. The annuity was to be paid to the Master and Fellows of Jesus College who bound them to pay £4 annually to each of three persons who were to lecture on Humanity, Logic and Philosophy. Probably this represents the establishment of a fixed stipend for the ‘ordinary’ lecturers already in existence. They were to lecture to all the University without fees and in mid-term were to pray publicly for the soul of Sir Robert and of his wife, for whom the University also performed annual exequies” [14].

Some terms are the same as the nominations in the most universities of the English-speaking countries, e.g.: *Professor*, *tutor*, *lecturer*, etc.

There are terms peculiar for the oldest English universities, originated many centuries ago, e.g.: Higher doctorate which is “those superior to that of PhD., viz Divinity (D.D.), Law (LL.D.), Medicine (M.D.), Music (Mus.D.), Science (Sc.D.) and Letters (Litt.D.)” [14].

There is a difference in nomination *Lector* and *Lecturer*. A *Lector* is “an academical officer appointed to teach the use of language, usually a native speaker, and usually employed in the Faculty of Modern and Medieval Languages. Some Colleges also employ lectors. The female of the species is sometimes known as a *lectrice*” [14]. As for lecturers, in Cambridge University they are of two kinds. “The post of University Lecturer came into being with the statutes of 1882; appointment is by the General Board in consultation with the appropriate faculty or department (or, in earlier years, Special Board). Others, listed in the Historical Register and its Supplements under ‘Special Foundations’ are, now, temporary appointments, with the appointed lecturer giving either a single lecture or a single course of lectures annually” [14]. Historical references in the Cambridge glossary allow to trace the appearance of the terms, often indicating the corresponding statute.

A special interest within the analysed subject must be given to the contents of the modern online and paper thesauruses. The synonymic set of the 'teacher' on thesaurus.com contains the following nouns: "assistant, coach, educator, faculty member, instructor, lecturer, professor, scholar, schoolteacher, supervisor, tutor, advisor, disciplinarian, guide, mentor, pedagogue, preceptor, pundit, trainer, abecedary" [12]. An abecedary is a term that can present either a person who teaches grammar skills and literacy or a textbook with elementary knowledge of grammar and etc.

Merriam-Webster's Thesaurus (mentioned in the Introduction) has got one of the richest collections of synonyms of the term 'teacher' (49 units). Our attention will be paid only to those synonyms, which were not mentioned above. We should point "drillmaster, inculcator, schoolmarm, preparer, headmistress, trainer, didact, pedant, intern / interne, homeschooler, practice teacher, reader, catechist, preacher, moralizer" [9].

One more online thesaurus.yourdictionary.com has its own set of terms denoting "teacher" [13]. It is reasonable to mention those synonyms that were not indicated in the thesauruses analysed above: "educator, teacher-in-training, schoolmistress, high school teacher, schoolmaster, schoolmarm, ta (inf. for teaching assistant), kindergarten teacher, coach (Coach class), pupil-teacher, rabbi, usher, public school teacher, swami, edifier, substitute-teacher (North America, Ireland, supply teacher), headteachers, trainee, teaching assistant, efl, LSAs, docent (a tour guide and lecturer, as at a museum), graduate assistant, pl. faculty, preacher, preceptress, prof (short for professor), wet-nurse, educator, instructor" [13]. Two synonyms – edifier and usher – have ironic meanings.

The American view on the term "teacher" will help determine the main peculiarities in educational terminology dealing with people involved in the teaching process. The competent printed edition is the American-focused dictionary of higher education, compiled by V.G. Budykina (2017). This resource comprises a lot of terms meaning teacher. The dictionary entry "teacher" directs us to other terms describing types of teachers and university professors. We can find the following collocations: "distinguished teacher / faculty / student award, highly qualified teacher, industrial arts teacher education, in-service, substitute teacher, teacher education, teacher-centred approach" [4, P. 306]. Our main interest is focused around the terms similar in meaning to the teacher or describing the types of teachers. That's why such a phrase as "teacher education" is discussed in the article.

In this respect a particular interest presents a term "credentialed teacher" [4, P. 95] meaning a certified teacher. As a matter of fact, "staff and non-staff teachers, as well as administrative personnel of an educational institution in the United States must have the appropriate documents confirming the right to conduct teaching and other activities in educational institutions" [4, P. 95]. It would be reasonable to mention that a lot of young inexperienced teachers and instructors are involved in teaching activities. In the American system of education they are called *student teachers*, *teaching assistants* / *assistant teachers*, *teaching fellows*, *higher level teaching assistants (HLTA)*. The next stage is a highly qualified teacher / HQT. The dictionary entry clarifies that he / she "is one who meets all of the following criteria: fully certified and / or licenced by the state, holds at least a bachelor degree from a four-year institution, and demonstrates competence in each core academic subject area in which the teacher teaches" [4, P. 162]. In the dictionary we can also find such terms as "foreign language teacher", and "private tutor".

As for the university teachers, the American-focused dictionary of higher education represents the following terms: "academic advisor, candidate's dissertation advisor, thesis advisor, academic, academician, adjunct professor, adult teacher, assistant professor, associate professor, dean, dean of the college of education, director of education / education director, educator, educational specialist, faculty, full professor, full-time teacher, graduate teaching assistant, guest lecturer, instructor, lecturer, senior lecturer, postdoctoral fellow, professor, professor emeritus, associate dean, athletic director, supervisor" [4]. There are also substitute teachers who are paid only for the hours they have worked. The dictionary presents several terms containing the key adjective *assistant* describing the variety of titles at university, e.g.: "assistant dean, assistant director, assistant head teacher, assistant principal, assistant professor, and assistant teacher" [4].

A special attention must be given to the term "instructor" with the basic meaning in American English as 'a university teacher'. The synonymic set "instructor" contains the following terms: "professor without tenure, adjunct professor, professor of the practice, visiting professor, visiting fellow, technical instructor, coach, lecturer, senior lecture, visiting lecturer, honorary lecturer" [4]. There is one more term denoting a teacher who is hired on probation, it is *a probationer*. We also come across the terms *learning mentor*, *mentor*, *curator*, *tutor*, *Master of Arts in teaching*, and *Master of Education*. Our interest is focused on the term '*preceptor* / *preceptress*', who is "a mentor, teacher, practicing teacher in medical schools, student volunteer assisting the teacher during lectures. He is also responsible for extracurricular activities aimed at building team spirit. Sometimes they are specialists in different fields (music, literature, philosophy) conducting elective courses. Famous musicians, poets and writers are often among them" [4, P. 246]. As for a *trainer*, he / she can be a person who performs one or more functions connected with the teaching (theoretical or practical) either in educational institutions or in the workplace.

The managing titles at the universities are the following: *president (head of an educational institution)*, *vice-chancellor*, and *senior vice-chancellor for academic affairs*. There are also vice-chancellor for research, vice-dean, and vice-principal. Some new terms denoting the research staff in the American-focused dictionary were revealed: *candidate's dissertation advisor*, *thesis advisor*, *adjunct professor*, and *postdoctoral fellow*. The main peculiarity of the American-focused dictionary is that this lexicographic source gives us detailed descriptions of the terms with the examples of usage in the speech.

A special focus must be given to the synonym 'missionary'. In American English the noun "teacher" has got several meanings, and some of them are a preacher / a missionary / a missionaryer / a gospeller. Over a three-century history of the USA an American teacher evolved from a missionary to a teacher-instructor. The first teachers to come to the North-American continent were missionaries bringing enlightenment to people through church scriptures and the Gospel. Not by chance the ideological background in the formation of the teacher's personality in the USA was the Christian reformism, and first of all it was Protestant ethics. "A Christian pastor enjoying a well-deserved prestige in society becomes a school teacher having a

moral authority, charisma, conviction, personal example, increased attention to the requirements of the Christian and public morality of the Christian community" [3, P. 206].

The variety of terms denoting a teaching profession in the United States and Great Britain "testifies to the fact that in the education system of these countries the teacher plays a major role, and each specialist performs his own function in education" [2, P. 9].

The Smart dictionary [11] suggests about 57 synonyms, two thirds of which we met in other thesauruses and dictionaries. Still we could discover new variants of the term "teacher" not reflected above: *Confucius, handler, headship, head teacher, homeschooler, housemaster, housemistress, professorial, professorship, lectureship and scribe*. Each dictionary chosen for our research contains several new synonyms that are not found in other lexicographic sources.

A rather detailed synonymic set turned to be in the Roget's Thesaurus of English words and phrases, where we could find both close synonyms and slang nominations, e.g.: "*sage, crammer, nursemaid, pedant, wiseacre, interpreter*" [8, P. 261-262] and some others.

The most substantial synonymic set for teacher is discovered in the online Dictionary – What is another word for? [16]. The dictionary article "teacher" selects all the synonyms according to concept group of nouns: a person who teaches or educates especially in a school; a Hindu religious teacher; a Jewish scholar or teacher of halacha (Jewish law), capable of making halactic decisions; a missionary; the forefinger; one who exercises discipline; a writer of history; leader of band [16]. We have chosen the first group – a person who teaches. Now we concentrate on those synonyms, which were not discussed. Many synonyms at first glance seem dubious, but they are quite reasonable when considering in detail their numerous meanings, e.g.: *Counsellor US, dominie, leader, oracle, wizard, beak, chalkie, intellectual, manager, sage, expounder, psychoanalyser, cognoscenti* and many others.

The overall analysis of the considered dictionaries and thesauruses allowed distinguishing several groups of synonyms (teachers themselves, research staff, managing staff at educational institutions) and inside these groups there are two quiet numerous subgroups of nouns: (1) metaphorical, ironic and slang names of teachers, e.g.: *grind, exponent, sophist, chalkie, beak, egghead, sage, bookworm, brain, tipster, bluestocking, boffin, highbrow, dogmatist, expounder, acca, crammer, admonitor, nestor, skipper, kibitzer, chair, scholastic, expositor, quant, mind, mastermind, polymath, doyen, bookman, whizz, wonk, illuminati scientist, augur, bookish person, member of a policy unit, member of a think tank, cereb, old soul, gnome*; and (2) a teacher as a clever person with high intelligence: *exponent, pandit / pundit, intellectual, expert, savant, specialist, egghead, sage, thinker, philosopher, bookworm, brain, bluestocking, boffin, highbrow, acca, intellect, buff, mind, mastermind, doyen, bookman, pointy-head, whizz, wonk, wise person, fundi, bookish person, learned one, member of a policy unit, cognoscenti, member of a think tank, mahatma, Solomon, elder, wise man / woman, learned man / woman, tohunga, statesman, old soul, man of learning, wise old man, guiding light, professor, master, educationalist, scribe, don*.

Conclusion

Consideration of the English language terms describing schoolteachers, university professors, as well as tutors and instructors in the linguistic and cultural aspects contributes to the understanding of the national specifics of the terms under study. The research made it possible to identify the general and specific in the naming of teachers who carry out their pedagogical activities in various educational environments, which is reflected in numerous lexicographic sources.

General features: all dictionaries, thesauruses and glossaries present a wide range of synonyms of the term "teacher" belonging to a terminological system education; the synonymic sets usually contain close synonyms of the same part of speech (a noun); synonyms cover both school teachers and university lecturers; most of the resources give ironic, metaphorical or metonymic names of the term "teacher".

Specific features: British and American systems of school and higher education have some differences, that reflects in the educational terminology. The oldest term Rector dates back to the British history of the XIII century. Some terms describing teachers lost their original meanings and acquired new denotations. The newest terms appeared in 2008-2020, are indicated mostly in online dictionaries, thesauruses, and media sources, e.g.: *Skype tutor, paraeducator, zoom tutor / zutor* and others. For the first time the term "zutor / zoom tutor" appeared in the newspaper "The Guardian" from 23 July, 2020, during the growing coronavirus pandemic: "The role of a Zutor is a tutor, a nanny, and an angel for a parent" [10].

In the context of the globalization of education, a teacher presents an interest in terms of the image evolution and the emergence of new functions, which could not but affect the expansion of the synonymic set of the term "teacher". The synonymic set of the analysed dictionaries present the so-called specializations of a teacher, e.g.: *kindergarten teacher, scientific consultant, private teacher, singing teacher, spiritual mentor, maestro*, and many others.

The modern functions the teacher performs today, give a new sound to the profession "teacher", which, first of all, is reflected in the names of a modern teacher. The main duties of a teacher are to teach, educate and develop the ability to think in the younger generation. However, teaching methods and techniques often contribute to the emergence of specific words and phrases that reflect the type of a mentor, the ways of conveying information, and even the nature of the person who teaches. Examples of the given statements are the following phrases: *zoom tutor, facilitator, life coach, swimming instructor, preacher, missionary, guide, trainer, paraeducator, visiting lecturer, and moral tutor*.

British English (for example, Oxford and Cambridge glossaries) traditionally uses the names of teachers, which are rarely found in universities in the United States and other English-speaking countries, e.g.: *DGS, Warden, PVC, DPhil, JRF, research fellowship* and etc. The oldest universities in the world respect traditions and are reluctant to introduce modern terms into their educational terminology. At the same time, in colloquial speech, and especially in media texts, as well as in social networks, neologisms and slang units appear, denoting modern teachers and other terms related to the process of acquiring knowledge, self-study and self-improvement, e.g.: *online tutor, Skype tutor, zoom tutor, edupreneur, educationalist, facilitator, life coach, licensed teacher, certified teacher, career coach, paraeducator, multicultural teacher, mathamagician* (2008), The Rice University Neologisms Database), and *redpen* (2017).

American English has its own specifics. We could find a wide variety of school and higher education institutions terms, among which there are nominations that designate teachers, mentors and university professors. For example, we can mention several terms found only in the American-focused dictionary, e.g.: *credentialed teacher, adult teacher, professor without tenure, learning mentor, visiting lecturer, professor of the practice, guest lecturer, postdoctoral fellow, athletic director* and some others.

The analysis of dictionaries and glossaries indicates the most frequent synonyms of the word teacher in all analysed lexicographic sources, e.g.: *professor, lecturer, master, tutor, teaching assistant, trainer, educator, pedagogue / pedagog, instructor, mistress, academician, scholar, preacher, and guru*. The study of the synonymic sets of the term “teacher” can be represented as a kind of evolution of the teacher's image, starting from a preacher, missionary to a teacher-instructor. In this chain of evolution, some milestones can be set that characterize the change in the role and functions of the teacher. The first teachers are missionaries, bringing knowledge and enlightenment. Then there are terms for schoolteachers and university professors. Among university mentors, a whole class of words characterizing scientific workers stands out, e.g.: *Regius Professor, Full Doctor, Doctorate, Research Assistant, academic advisor, pundit, scholar* and etc.

Teaching special disciplines and narrow specialties required the appearance of teachers with special training, with unique knowledge, e.g.: *singing coach, football coach, life coach, skiing instructor, instructor in psychology, polymath, self-appointed expert* and etc. Technological progress and the emergence of new information technologies are also reflected in the layer of vocabulary, which names the teachers of the new formation. It is no coincidence that new terms as *rocket scientist, zutor, guidance counsellor, right hand man, facilitator*, and etc. appeared these days. The research cannot be completed because of several reasons. A teacher is a unique person performing a lot of different roles in his activity every day. Specializations can be changed together with the appearance of new activities and the development of information technologies. That's why new synonyms and neologisms of the term ‘teacher’ are likely to appear these days.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
2. Астапенко Е.В. Синонимический ряд английских имен существительных с коннотацией “учитель”: трактовка профессий, связанных с обучением в США и Великобритании / Е.В. Астапенко // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. 1-2 апреля 2011 года, Тверь / Тверской государственный университет. – Тверь, 2011. – С. 6-9.
3. Астапенко Е.В. Идеал школьного учителя в трудах американских мыслителей XX- начала XXI века. : дисс. ... доктора пед. наук : 13.00.01 : защищена 20.12.19 : утв. 29.10.20 / Астапенко Елена Владимировна. – Тверь, 2019. – 362 с.
4. Будыкина В.Г. Англо-русский словарь терминов высшего образования (На примере высшего образования в США). American-Focused Dictionary of Higher education / В.Г. Будыкина – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 392 с.
5. Варлава М.И. Тематические группы лексики как объект лингвистического исследования / М.И. Варлава // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 12 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Фора-принт». – Санкт-Петербург, 2019. – С. 77-81.
6. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энциклопедия. 1989. – 1632 с.
7. Цверкун Ю.Б. Особенности англоязычных терминов системы образования (лингвокультурологический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена 20.05.19 : утв. 31.10.19 / Цверкун Юлия Борисовна – Москва, 2019. – 22 с.
8. Kirkpatrick B. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / B. Kirkpatrick. – London: Penguin Books, 1988. – 1086 P.
9. Merriam-Webster's Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/teacher> (дата обращения: 17.01.2021).
10. Rise of the ‘Zutors’: private Zoom tutors spark controversy as virtual school year looms / The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/education/2020/jul/23/schooling-children-coronavirus-tutors-zoom> (дата обращения: 10.12.2020).
11. The SMART Vocabulary. Cambridge dictionary. Cambridge university press. 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/topics/> (дата обращения: 14.12.2020).
12. Thesaurus.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thesaurus.com/browse/teacher> (дата обращения: 08.01.2021).
13. Thesaurus.yourdictionary.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://thesaurus.yourdictionary.com/teacher> (дата обращения: 23.12.2020).
14. University of Cambridge. Cambridge glossary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.applytocambridge.com/cambridge/cambridge-glossary> (дата обращения: 21.02.2021).
15. University of Oxford. Oxford Glossary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history/oxford-glossary> (дата обращения: 12.02.2021).

16. What is another word for? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wordhippo.com/what-is/another-word-for/teacher.html> (дата обращения: 17.02.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka [Lexical semantics: Synonymous language means] / Yu. D. Apresyan – M.: Nauka, 1974. – 368 p. [in Russian]

2. Astapenko E. V. Sinonimicheskiy ryad angliiskikh imyon suschestvitelnykh s konnotatsiyey “uchitel”: traktovka professiy, svyazannykh s obucheniyem v SSHA i Velikobritanii [Synonymic set of English nouns with the connotation “teacher”: interpretation of professions associated with training in the United States and Great Britain] / E.V. Astapenko // Yazykovoy diskurs v socialnoy praktike : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf. 1-2 aprelya 2011 g. [Language discourse in social practice : materials of the international scientific and practical conf. 1-2 April 2011], Tver / Tverskoy gosudarsvenniy universitet [Tver State University. – Tver, 2011. – pp. 6-9. [in Russian]

3. Astapenko T.V. Ideal shkolnogo uchitelya v trudakh amerikanskikh mysliteley XX - nachala XXI veka [The ideal of a school teacher in the writings of American thinkers of XX – beginning of the XXI century]: diss. ... of PhD in Pedagogy: 13.00.01 : defense of the thesis 20.12.19 : approved : 29.10.20 / Astapenko Elena Vladimirovna – Tver, 2019. – 362 p. [in Russian]

4. Budykina V.G. Anglo-russkiy slovar terminov vysshego obrazovaniya (na primere vysshego obrazovaniya v SSHA [American-focused Dictionary of Higher education / V.G. Budykina – M.: FLINTA : Nauka, 2017. – 392 p.

5. Varlavina M.I. Tematicheskiye gruppy leksiki kak obyekty lingvosticheskogo issledovaniya [Thematic groups of vocabulary as an object of linguistic research] / M.I. Varlavina // Aktualnyye voprosy gumanitarnykh i obschestvennykh nauk : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem 12 noyabrya 2019 g. [Actual issues of the humanities and social sciences: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation 12 November 2019], Saint-Petersburg / Izdatelstvo : Obschestvo s ogranichennoi otvetstvennosyu “Fora-print” [Publisher : Limited Liability Company “Fora-Print”]. – Saint-Petersburg, 2019. – pp. 77-81. [in Russian]

6. Prohorov A.M. Sovetskiy entsiklopedicheskyy slovar [Soviet encyclopedic Dictionary] / A.M. Prohorov – 4 ed. – M. : Sov. entsiklopediya, 1989. – 1632 p.

7. Tserkun Yu.B. Osobennosti angloyazychnykh terminov sistemy obrazovaniya (lingvokulturologicheskiy aspekt) [Features of the English-language terms of the education system (linguocultural aspect): avtoref. dis... of PhD in Philology : 10.02.04 : defense of the thesis 20.05.19 : approved 31.10.19 / Tserkun Yuliya Borisovna. – Moscow, 2019. – 22 p.

8. Kirkpatrick B. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / B. Kirkpatrick. – London: Penguin Books, 1988. – 1086 P.

9. Merriam-Webster's Thesaurus [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/teacher> (accessed: 17.01.2021).

10. Rise of the ‘Zutors’: private Zoom tutors spark controversy as virtual school year looms / The Guardian [Electronic resource]. – URL: <https://www.theguardian.com/education/2020/jul/23/schooling-children-coronavirus-tutors-zoom> (accessed: 10.12.2020).

11. The SMART Vocabulary. Cambridge dictionary. Cambridge university press. 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/topics/> (accessed: 14.12.2020).

12. Thesaurus.com [Electronic resource]. – URL: <https://www.thesaurus.com/browse/teacher> (accessed: 08.01.2021).

13. Thesaurus.yourdictionary.com [Electronic resource]. – URL: <https://thesaurus.yourdictionary.com/teacher> (accessed: 23.12.2020).

14. University of Cambridge. Cambridge glossary [Electronic resource]. – URL: <https://www.applytocambridge.com/cambridge/cambridge-glossary> (accessed: 21.02.2021).

15. University of Oxford. Oxford Glossary [Electronic resource]. – URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history/oxford-glossary> (accessed: 12.02.2021).

16. What is another word for? [Electronic resource]. – URL: <https://www.wordhippo.com/what-is/another-word-for/teacher.html> (accessed: 17.02.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.19>**РОЛЬ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТИПА ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Широбокова Л.П.¹, Перькова Е.Л.² *^{1, 2} Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И.Иванова, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (lubshir[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования категории информативности, а также устанавливаются следующие типологические признаки законодательного типа текста: цикличность подачи информации, предписывающий характер, констатирующий характер, всеобщий характер, когнитивный характер, информационная насыщенность предложений, наличие информации эмоционального характера. Каждый из указанных признаков выполняет определенную функцию в тексте и представлен соответствующими индикаторами различного вида. Установление инвариантных признаков, присущих категории информативности, а также языковых средств, служащих репрезентации данных признаков, способствует формированию грамматического типа юридического текста.

Ключевые слова: информативность, содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная информация.

**THE ROLE OF THE INFORMATIVITY CATEGORY IN THE FORMATION OF THE LAW TEXT TYPE (ON
THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE)**

Research article

Shirobokova L.P.¹, Perkova E.L.² *^{1, 2} Kursk State Agricultural Academy named after I.I. Ivanov, Kursk, Russia

* Corresponding author (lubshir[at]yandex.ru)

Abstract

The article considers the features of the functioning of the informativity category, and also determines the following typological characteristics of the law text type: cyclical presentation of information, prescriptive character, stating character, general character, cognitive character, informative fullness of sentences, the presence of information of an emotional character. Each of these characteristics performs a specific function in the text and is represented by corresponding indicators of various types. The identification of invariant characteristics as well as language tools representing these characteristics, contributes to the formation of the grammatical type of the legal text.

Keywords: informativity, content-factual information, content-conceptual information.

Introduction

At the moment, much attention in the text linguistics is paid to such a direction as text-forming categories. The study of these categories allows us to consider them in the process of development and functioning, to determine their most general characteristics and to identify significant regularities in the structural and semantic organization of the text.

Being one of the main categories in the text, the informativity category is a rather complex linguistic phenomenon, and therefore it has become the object of close attention of many Russian and foreign scholars having different approaches to its study, which contributed to the consolidation of its status as a text-forming category.

Discussion

The well-known linguist I. R. Galperin, taking into consideration the definition of the text and opinions about the dominant content side of the statement, classified informativity as the leading text category [1, P. 526].

Another Russian scholar A. A. Soshalsky considered informativity as the basic text category defining the functioning of the text as a unit of communication [2, P. 50].

Carefully analyzing the researches of her predecessors and using the accumulated experience, L. P. Shirobokova also made an attempt to define the informativity category, by which she means such a text-forming category that, with the help of language tools of different levels, can remove the recipient's indeterminacy from one side of the surrounding world and ensure the effect of his informing [3, P.31].

Many researchers, studying the informativity category in different functional styles and text types, considered it as a universal text characteristic and distinguished at the same time different types of information in the text.

For example, I. R. Galperin has identified and described in detail three types of information in the text: content-factual information, content-conceptual information, content-subtext information [4, P. 27].

A. Mol in his scientific work offers to subdivide information into semantic and aesthetic [5, P. 21].

In the opinion of L. V. Rybakova, according to the degree of the author's interpretation and the character of the subject of informing, three types of information can be distinguished in the text: factual information, motivational information, and instructional information [6, P.18].

L. V. Fedorova identifies such types of information as source information and retrospective information [7, P. 112].

It is also necessary to mention the point of view of E. I. Golubeva, according to which information can be viewed from two sides, both subjective and objective [8, P. 66].

Applied to legal text, T. V. Gubaeva offers to distinguish three main types of information: stating, factual and prescriptive [9, P. 4].

Results

As the law text is a carrier of important information of a legal character, the informativity category can be presented here in two forms – content-factual and content-conceptual. Thanks to content-factual information one can find out the legal provisions regulating the relations of people in society of particular state in a stating form, as well as a list of basic rights, freedoms and responsibilities of citizens. The content-conceptual information in the text of Constitution of Germany can be found already at its very beginning — in the preamble, since the term "preamble" contains informative worth.

One of the most important features of the law text is the cyclical presentation of information. The rigid construction of the text requires the submission of information in the form of cycles or information blocks. Obligatory structural elements are the following components: title, preamble, sections, chapters, articles, regulations. The title performs an orienting function. The date of adoption of the law is indicated as an obligatory component. It should be noted that the informative function in the preamble is not fully presented. The main information of legal character is found in the sections, chapters, articles located immediately after the preamble.

A well-defined graphic form with its inherent means – numeration of sections, chapters, articles, paragraphs, selection of lines, which allows us to get additional information not verbally indicated, is typical for the legal text.

The law is a means of actively regulating people's behavior and influencing their consciousness and will, so most of the information contained in such texts has prescriptive character.

The prescriptive character of information in the Constitution of Germany is indicated by the presence of the modal verbs *müssen, sollen, können, dürfen*; the analytical constructions *sein + zu + Infinitiv; haben + zu + Infinitiv*; lexical means – nouns and verbs with the meaning of prescription, obligation (for example, verbs *anordnen, verpflichten, bedürfen*, nouns *Verpflichtung, Pflicht*).

Soweit nach diesem Grundgesetz ein Grundrecht durch Gesetz oder auf Grund eines Gesetzes eingeschränkt werden kann, muß das Gesetz allgemein und nicht für den Einzelfall gelten. Außerdem muß das Gesetz das Grundrecht unter Angabe des Artikels nennen. (GG, Art.19(1))

For any law text an objective statement of facts is necessary, so one can rightfully say, that the information contained in it is a stating message. Such a message has precision and unambiguity in the expression of the content and contributes to the creation of a standard semantic structure.

The stating character of the information in the Constitution of Germany can be seen in the sentences with the verb forms in the present tense of active and passive voices.

Alle Staatsgewalt geht vom Volke aus. Sie wird vom Volke in Wahlen und Abstimmungen und durch besondere Organe der Gesetzgebung, der vollziehenden Gewalt und der Rechtsprechung ausgeübt. (GG, Art. 20(2))

Since the law text is focused on a wide audience, and its recipient is both an individual citizen of the state (mono-addressee) and the entire people (poly-addressee), the informativity category can be supplemented with such a feature as the general character of information. The general character of information in German law text is manifested in the frequent presence of such lexical means as collective nouns (*die Deutschen, alle Menschen, das Deutsche Volk, Männer und Frauen*); demonstrative pronouns (*jeder, jede Mutter, jedermann*), negative pronouns (*kein Deutscher, niemand, kein Lehrer*).

Any specialized text is characterized by the presence of a large number of specific vocabulary – terms. The language of the law texts is based on legal terminology, which distinguishes this text type from any other. According to E. A. Kryukova, the term is "the brick from which the building of the legislative act is built [10, P. 29]. The presence of legal terminology makes it possible to distinguish the cognitive character of the information in the law text.

As examples of terms in the Constitution of Germany, the following can be given: *das Grundrecht, die Gesetzgebung, die Rechtsprechung, das Erbrecht, der Gerichtshof, der Rechtsweg, das Bundesverfassungsgericht etc.*

The law text is characterized by the complexity of syntactic structures, which makes it possible to create informative and voluminous phrases. Very often, the legislator tries to express his idea in one sentence, using a large number of legal concepts and logical connections between them. This phenomenon allows us to find out such a feature of the informativity category as the information fullness of sentences of the law text.

In the Constitution of Germany, along with short and informative sentences, one can see a large number of long sentences complicated by homogeneous parts of the sentence; subordinate clauses (conditional clause, object clause, attributive clause etc.); infinitive constructions; attributive and prepositional word combinations. These syntactic structures are carriers of important information of a legal character.

Gesetze über Wehrdienst und Ersatzdienst können bestimmen, daß für die Angehörigen der Streitkräfte und des Ersatzdienstes während der Zeit des Wehr- oder Ersatzdienstes das Grundrecht, seine Meinung in Wort, Schrift und Bild frei zu äußern und zu verbreiten (Artikel 5 Absatz 1 Satz 1 erster Halbsatz), das Grundrecht der Versammlungsfreiheit (Artikel 8) und das Petitionsrecht (Artikel 17), soweit es das Recht gewährt, Bitten oder Beschwerden in Gemeinschaft mit anderen vorzubringen, eingeschränkt werden. (GG, Art. 17a (1))

The law text should not cause any additional associations and not distract from its essence, so it is characterized by an even and calm style. However, in exceptional cases, for some law texts or parts of them, for example, for the constitution (the main law of any state), a certain element of emotionality is simply necessary.

The presence of emotional information in the law text is explained first of all by the high status of this text type in society and the attitude of people towards it. Sublime coloring and at the same time emotionality are shown the most expressive in the preamble. It is expressed not only by lexical means (emotionally colored vocabulary), but also by syntactic means, represented in the form of homogeneous parts of the sentence.

Im Bewußtsein seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen, von dem Willen beseelt, als gleichberechtigtes Glied in einem vereinten Europa dem Frieden der Welt zu dienen, hat sich das Deutsche Volk kraft seiner verfassungsgebenden Gewalt dieses Grundgesetz gegeben.

Die Deutschen in den Ländern Baden-Württemberg, Bayern, Berlin, Brandenburg, Bremen, Hamburg, Hessen, Mecklenburg-Vorpommern, Niedersachsen, Nordrhein-Westfalen, Rheinland-Pfalz, Saarland, Sachsen, Sachsen-Anhalt, Schleswig-Holstein und Thüringen haben in freier Selbstbestimmung die Einheit und Freiheit Deutschlands vollendet. Damit gilt dieses Grundgesetz für das gesamte Deutsche Volk.

Conclusion

Thus, on the basis of the conducted research, it can be concluded that the German law text is a carrier of essential information of a legal character, can be expressed in two forms – content-factual information and content-conceptual information. Content-factual information, stating the legal provisions regulating the relations of people in society, plays the main role. Content-conceptual information is represented by indicators of emotionality, which is explained by the high status of this text type in society. Thanks to the informativity category one can find out in the law text seven typological characteristics, each of them performs a certain function and is represented by corresponding indicators of various types, both lexico-grammatical and graphically-structural.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста: (Опыт обобщения) / И. Р. Гальперин // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1977. – Т. 36. № 6. – С. 522– 532.
2. Сошальский А. А. Уровни категории информации в структуре текста / А. А. Сошальский // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореца. – 1989. – № 334. – С. 50–57.
3. Широбокова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: защищена 13.04.2007: утв. 19.10.2007 / Широбокова Любовь Павловна. – Москва: МГОУ, 2007. – 177 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин // – М.: Издательство «Наука», 1981. – 140 с.
5. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. Моль // – М.: Издательство «Мир», 1966. – 99 с.
6. Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагматическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рыбакова Лариса Васильевна. – Воронеж, 1998. – 192 с.
7. Федорова Л. Н. Повтор как средство формирования категории ретроспекции в художественном тексте/ Л. Н. Федорова // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореца. – 1984. – № 228. – С. 111–121.
8. Голубева Е. И. Соотношение различных видов информации в тексте автобиографии / Е. И. Голубева // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореца. – 1986. – № 263. – С. 66–75.
9. Губаева Т. В. Практический курс русского языка для юристов / Т. В. Губаева // – Казань: Издательство КГУ, 1986. – 232 с.
10. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Крюкова Елена Александровна. – Москва, 2003. – 139 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Galperin I. R. Grammaticheskie kategorii teksta: (Opyt obobshcheniya) [Grammatical categories of the text: (Experience of generalization)] / I. R. Galperin // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the Soviet Union. Literature and Language Series]. - 1977. – Vol. 36. № 6. – P. 522-532. [in Russian]
2. Soshalsky A. A. Urovni kategorii informacii v strukture teksta [Levels of the category of information in the structure of the text] / A. A. Soshalsky // Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh jazykov imeni M. Toreza [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez]. – 1989. – № 334. – P. 50-57. [in Russian]
3. Shirobokova L. P. Juridicheskie teksty: opyt grammatiko-tipologicheskogo issledovaniya (na primere nemeckogo i russkogo jazykov) [Legal texts: the experience of the grammatical and typological research (on the example of German and Russian languages)]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.20: defense of the thesis 13.04.07 : approved 19.10.07 / Shirobokova Ljubov Pavlovna / – Moscow: MGOU, 2007. – 177 p. [in Russian]
4. Galperin I. R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of the linguistic research] / I. R. Galperin // – М.: Izdatelstvo «Nauka», 1981. – 140 p. [in Russian]
5. Mol A. Teoriya informacii i esteticheskoe vospriyatie [Information theory and aesthetic perception] / A. Mol // М.: Izdatelstvo «Mir», 1966. – 99 p. [in Russian]
6. Rybakova L. V. Kategoriya informativnosti v pragmaticheskom aspekte (na materiale angloyazychnykh informacionno-reklamnykh tekstov) [The category of informativeness in the pragmatic aspect (based on the material of English-language information and advertising texts)]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04 / Rybakova Larisa Vasilyevna. – Voronezh, 1998. – 192 p. [in Russian]

7. Fedorova L. N. Povtor kak sredstvo formirovaniya kategorii retrospekcii v hudozhestvennom tekste [Repetition as a means of forming the category of retrospection in a literary text] / L. N. Fedorova // Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni M. Toreza [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez]. – 1984. – № 228. – P. 111-121. [in Russian]
8. Golubeva E. I. Sootnoshenie razlichnykh vidov informacii v tekste avtobiografii [Correlation of various types of information in the text of autobiography] / E. I. Golubeva // Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni M. Toreza [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez]. – 1986. – № 263. – P. 66-75. [in Russian]
9. Gubaeva T. V. Prakticheskij kurs russkogo yazyka dlya yuristov [Practical course of the Russian language for lawyers] / T. V. Gubaeva // Kazan: Izdatelstvo KGU, 1986. – 232 p. [in Russian]
10. Kryukova E. A. Yazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov [Language and style of legislative acts]: dis. ... of PhD in Jurisprudence: 12.00.01/ Kryukova Elena Aleksandrovna. – Moscow, 2003. – 139 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.20>**КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ**

Научная статья

Балданова Е.А.¹, Дондокова Н.Б.²

^{1, 2} Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет путей сообщения», Чита, Россия

* Корреспондирующий автор (jenny_july[at]mail.ru)

Аннотация

Целью работы является возможность применения языковых корпусов в изучении иностранных языков. Объектом исследования выбрана идея создания корпуса английского языка, отражающего региональные и диалектные особенности языка, связанные с глобализацией. Авторы рассматривают этапы создания языковых корпусов, их типы и структуры, а также современные тенденции, влияющие на изучение английского языка. Корпусная лингвистика предлагает изучение коммуникативного использования английского языка на основе больших массивов речи. Корпусные исследования могут послужить основой для составления программ и написания учебников по английскому языку, при чтении лекционных курсов и спецкурсов по межкультурной коммуникации, лингвострановедению, культурологии, когнитивной лингвистике, методике обучения иностранному языку.

Ключевые слова: иностранный язык, лингвистика, корпус, компетенция, речепотребление, интернет-источник.

CORPUS LINGUISTICS IN THE LANGUAGE EDUCATION

Research article

Baldanova E.A.¹, Dondokova N.B.²

^{1, 2} Transbaikal'sky Railway Transport Institute of the Irkutsk Transport University, Chita, Russia

* Corresponding author (jenny_july[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the work is the possibility of using linguistic corpora in the study of foreign languages. The object of the research is the idea of creating English language corpus, reflecting its regional and dialectal features associated with globalization. The authors consider the stages of creating language corpora, their types and structures, as well as current trends affecting the study of the English language. Corpus linguistics offers the study of the communicative use of the English language based on large volumes of speech. Corpus research can serve as the basis for compiling programs and writing textbooks in English, when reading lectures and special courses on intercultural communication, linguistic and cultural studies, cognitive linguistics, methods of teaching a foreign language.

Keywords: foreign language, linguistics, corpus, competence, speech usage, internet source.

Introduction

Nowadays one of the leading areas of scientific research in the field of the English language learning is “corpus linguistics”. Corpus linguistics is a branch of linguistics dealing with the development, creation and use of text corpora. The term appeared in the 1960s in connection with the development of the practice of creating of corpora, which in its turn, was facilitated by the introduction of computing technology since the 1980s.

The need for such research in modern English studies is caused by reasons of both linguistic and specifically historical nature. The latter, in particular, includes the need to improve the practice of translation, the level of proficiency in foreign languages. The movement of internationalization and integration of society in European countries has created the preconditions for a revival of interest in comparative research in the context of the higher requirements for proficiency in foreign languages imposed by the international community.

Results and Discussion*Definition of Corpus linguistics*

In linguistics, corpus is a collection of texts selected and processed according to certain rules, used as a basis for the study of a language. They are used for statistical analysis and testing of statistical hypotheses, confirmation of linguistic rules in a given language. Sometimes a corpus, “corpus of the first order”, is simply called any collection of texts united by some common feature, such as language, genre, author, period of creation of the texts, etc.

By definition of V.P. Zakharov and S.Yu. Bogdanova: “A linguistic or language corpus of texts is a large, machine-readable format, unified, structured, labeled, philologically competent array of linguistic data intended for solving specific linguistic problems... The main features of the modern corpus are the machine-readable format, representativeness, and the presence of metalinguistic information” [3].

Representativeness is achieved through a special text selection procedure. The expediency of creating text corpora is explained by:

- presentation of linguistic data in a real context;
- sufficiently large representativeness of data (with a large volume of the corpus);
- the ability to reuse a once created corpus for solving various linguistic problems, such as, for example, the implementation of graphematic and lexical-grammatical analysis of text, etc. [2].

Among the many definitions of a corpus, one can single out its main properties:

- electronic — in the modern sense, the body must be in an electronic form;
- representative — must “represent” well the object that it models;
- marked — the main difference between a corpus and a collection of texts;
- pragmatically oriented — must be created for a specific task.

The role of English

As we know, English is not just the main means of international communication. The scale of distribution of the English language is unique in various parts of the world. The central position in this process is occupied by the English-speaking countries, Great Britain proper, the United States, Australia, etc. Further, the circle expands, including the states where English is the “second” official language in education and administration (India, Kenya, Nigeria, Singapore). And, finally, the greatest opportunities for replenishing the “English-speaking” population are realized in countries that have different national languages, but widely use English as a foreign language [8].

Although there is now no consensus among experts on the question of what is the ratio of native English speakers to foreign speakers, most agree on a 1: 2 ratio in favor of the latter.

This state of affairs could not but affect the general strategy of studying and understanding the English language in all the variety of its functions and options.

The concept of “non-native English” (English as a foreign language) has emerged and has become firmly established, gaining more and more weight, both in linguistic research and in teaching practice. The British themselves often express the idea that soon “English as a native language” (mother-tongue English) will cease to be the dominant form of the English language, being forced out of its usual positions by “English as a foreign language” (“foreigners’ English”). Thus, the fate of the preservation of a single linguistic culture largely depends on the quality of the latter.

The idea of creating a corpus of the English language largely stemmed from the need to generalize the diverse manifestations of the English language in its various versions, both dialectal and stylistic (or register). Revealing the peculiarities of dialects, scientists faced the problem of ensuring the reliability of comparative analysis data. It is possible to deduce a tendency in the development of dialects on the basis of individual observations which depend on how the comparison is carried out. After all, in order to search for reliable results, it is necessary that the material should be collected in compliance with uniform criteria and considered in a single way.

The International Corpus of the English Language

With the purpose to ensure the “comparability” of the text samples under consideration, the project for the creation of the International Corpus of the English language was primarily subordinated. Continuing the traditions of British descriptive linguistics, project manager S. Greenbaum has significantly expanded the traditional practice of registering English speech use, including new materials reflecting regional and dialectal characteristics. In conditions where countries that officially recognize English as a second state language are striving for “linguistic independence” and are considering their own version of the language as a criterion for correct use, it is important that the options do not diverge too far. The creation of an international database was intended to help preserve the identity of at least the written form of the English language [6].

The presence of a large number of texts in electronic form greatly facilitated the task of creating large representative corpora of tens and hundreds of millions of words, but did not eliminate the problems: collecting thousands of texts, removing copyright problems, bringing all texts into a single form. Balancing the corpus by themes and genres take a lot of time. Representative corpora exist or are being developed for German, Polish, Czech, Slovenian, Finnish, Modern Greek, Armenian, Chinese, Japanese, Bulgarian and other languages.

The first large computer corpus is considered the Brown Corpus (BC, Brown Corpus), which was created in 1960 at Brown University and contained 500 text fragments of 2 thousand words each, which were published in English in the United States in 1961. As a result, it sets the standard of 1 million tokens for creating representative corpora in other languages.

According to a model close to the BC, in the 1970s, a frequency dictionary of the Russian language by L. N. Zadorina built on the basis of a corpus of texts with a volume of 1 million words was created. It included approximately equal proportions of socio-political texts, fiction, scientific and popular science texts from various fields and drama.

The Russian corpus, created in the 1980s at the Uppsala University, Sweden, was built on a similar model. Its volume numbering of one million words is sufficient for the lexicographic description of only the most frequent words, since words and grammatical constructions of the average frequency occur several times per million words. From a statistical point of view, a language is a large set of rare events.

The British Corpus of the English language

Among the projects that are currently intensively developing, a special place is occupied by the British Corpus of the English language, numbering more than 100 million words. It possesses a carefully balanced material, including more than 4 thousand texts, which represent a variety of genres and varieties of language: from spoken English and newspaper articles to full-text novels. The corpus can be used primarily as a source of examples of live speech in teaching English and for research purposes to identify new trends in language development.

So, each of such everyday words as *polite* or *sunshine* occurs in the bookmaker only 7 times, the expression *polite letter* only once, and such collocations as *polite conversation*, *smile*, *request* — never.

For these reasons, as well as in connection with the growth of computer power capable of working with large volumes of texts, in the 1980s several attempts were made around the world to create larger corpora.

However, the most ambitious project, which arouses the greatest interest, is the creation of the Bank of English, carried out by the largest publisher Cobuild Collins. Already, this corpus contains 200 million words, including 15 million oral texts. A huge array of collected material feeds a new generation of scientific and educational publications by Cobuild Collins, such as, for example, the Cobuild English Language Dictionary, published in 1995. A number of research centers have created the development of corpus linguistics in such areas as:

1. Creation of corpora of translations into English from the languages of the countries of the European Community;

2. Oral communication in English between speakers of different nationalities;
3. Euro-English — the English language of the official publications of the European Commissions.

The creation of international databases covering large corpora of speech and registering the real existence of the language in the contexts of speech use predetermined the priority development in British linguistics of such directions as text organization, pragmatics and discourse. A number of works [10] appeared, indicating the limited consideration of only the internal semantics of a word in creating a full-fledged model of language, that is, the need to refer to the act of communication, to real speech data.

Thus, the focus of attention was on the speaker's speech activity, based not only on his own "linguistic competence", but also on the pragmatic ability to build speech in a given communication situation. The concept of context, as well as the frequency of the use of a linguistic unit in determining the meaning of a word and its place in the structure of the vocabulary of the language, has acquired special significance.

In this regard, it is interesting to note that the Collins Cobuild English Language Dictionary is one of the first English dictionaries created on the basis of a computerized corpus — it registers the meanings of words in order of frequency of their use in the most typical and established contexts. This is its significant difference from other explanatory dictionaries of the English language, which put the direct nominative meaning of the word in the first place in the dictionary entry. So, for example, the description of the meaning of the noun "way" in Cobuild Collins begins with "*a way of doing something or a way to do it*" (*way, method, manner*), that is, with one of the figurative meanings of the word. The direct meaning "way" ("*the way*" — "*the way to a particular place*"), which in most dictionaries is given first, is at the end by Cobuild Collins.

In this case, it is not just one of the meanings in the internal semantic structure of the word that is brought to the fore, but the meaning realized in typical and repetitive contexts. And this meaning acquires special social significance due to its high frequency in the composition of discourse. It is clear that in the development of the semantics of a word, the nominative meaning turns out to be primary, however, in speech reality, in accordance with the needs of the speakers, the priorities can change.

The reality of speech use requires a broader view of the word, knowledge of the "grammar of the word" and the syntactic features of its functioning. On this basis, a textological (i.e., speech study) study of lexical units arises, which presupposes not the opposition of vocabulary and syntagmatics, but their correlation. So thus, a particular interest is acquired by the word in the text, that is, in a single speech plexus, the main properties of which are the unity of the semantic connection and integrity.

For the development of this direction, corpus linguistics offers the following possibilities. First of all, this is the study of the communicative (already established) use of the language on the basis of large arrays of speech, in contrast to the strictly regulated data about the language used in normative publications to illustrate grammatical rules. Discourse as "speech immersed in life" [1] presupposes the development of a new methodology, according to which the analysis is recognized as correct, considering both the grammatical-syntactic and semantic-pragmatic aspects of the text, and also giving due contextually justified interpretation of each statement.

The figure of the speaking subject, generating speech, is "enlarged in the eyes of linguists according to its role in the speech process" [4]. Such an analysis gives noticeable advantages in identifying the peculiarities of registers and functional styles. Studies of the corpus of English have revealed significant discrepancies between the spoken and written forms of the language. In the description of oral speech, stable grammatical deviations from the standard (usually written) speech use are revealed, which in the future, possibly, will require the creation of a new grammar of the English language, reflecting its oral form.

Teaching English

Corpus linguistics currently has the greatest impact on teaching English as a foreign language. Frontal comparison of authentic English speech and texts reveals the features associated with the influence of the native language on the speech activity of speakers. The international corpus "English as a Foreign Language" is an irreplaceable source of material for conducting a comparative or contrastive study in two directions [7].

Access to reliable information on the comparison allows us to investigate the peculiarities of speech use of various groups of students, depending on their first (i.e., native) language, and thereby identify both invariant (general) errors in English, characteristic of all students, and special phenomena caused by the interference of specific languages. In other words, it becomes possible to compare certain varieties of English as a foreign language, representing the speech activity of German, French, Russian, and other students.

For example, it is known that the passive voice causes certain difficulties in teaching English for Russian-speaking students, since it occurs in English at least twice as often as in Russian. In support of this, computer comparisons of texts record the insufficient reduced use of the passive voice in the Russian part of the corpus. However, in this case, the error should be considered general or invariant, and not due to the influence of the native language, since the same problem is found in other parts of the corpus, for example, in French.

Thus, in the development of corpus studies aimed at improving pedagogical practice, two main directions have emerged:

1) contrastive analysis, which allows students to focus on difficult elements of a foreign language that reveal significant structural differences with their native language, and

2) discourse analysis, which fixes the most frequent, typical, well-established and therefore "socially significant" features of real speech use. The latter seems to be especially important, since, in contrast to systematized rules, the corpus shows what happens in living speech, and what tendencies in the use of linguistic units can manifest themselves in certain contexts.

Internet corpora

Modern technologies make it possible to create "web corpora", that is, corpora obtained by processing Internet sources. A web corpus is a special type of linguistic corpus that is created by gradually downloading texts from the Internet using automated procedures.

These procedures determine the language and encoding of individual web pages on the fly, remove templates, navigation elements, links and ads (the so-called boilerplate), carry out transformation into text, filtering, normalization and deduplication of the received documents. And then the received data can be processed by traditional tools of corpus linguistics (tokenization, world-syntactic and syntactic annotation) and introduced into the search corpus system. Creation of a web corpus is not only much cheaper, but first of all, its size can even be an order of magnitude larger than traditional corpora [2].

Many texts available on the Internet, that is, billions of word usage for the main world languages, can be used as a corpus. For linguists, the most common way to work with the Internet is to compose queries to a search engine and interpret the results either by the number of pages found or by the first links returned. This methodology is called Googleology [9]. It should be noted that this approach is suitable for solving a limited class of problems, since the text markup tools used on the web do not describe a number of linguistic features of the text, such as specifying stress, grammatical classes, phrase boundaries, etc.

The second method consists of automatically extracting of a large number of pages from the Internet and using them as a regular corpus, which makes it possible to mark it up and use linguistic parameters in queries. This method allows you to create a representative corpus for any language sufficiently represented on the Internet very quickly, but its genre and thematic diversity will reflect the interests of Internet users [5]. The use of Wikipedia as a corpus of texts is becoming increasingly popular in the scientific community.

Computer processing of the material makes it possible to unify the parameters of the analysis and provides a systematic description of aspects of the language as part of the discourse, taking into account the peculiarities of the text organization and data of the pragmatics of speech use.

Corpora can be classified according to various criteria: the purpose of the corpus, the type of linguistic data, "literary", genre, dynamism, type of markup, volume of texts, and so on. According to the criterion of parallelism, for example, corpora can be divided into monolingual, bilingual and multilingual. Multilingual and bilingual are divided into two types:

- 1) parallel — many texts and their translations into one or more languages;
- 2) comparable (pseudo-parallel) — original texts in two or more languages.

Markup consists in attributing special tags to texts and their components: linguistic and external or extralinguistic. The following linguistic types of markup are distinguished: morphological, semantic, syntactic, anaphoric, prosodic, discourse, etc. Further structural levels of analysis are applied to some corpora. In particular, some small corpora may be fully syntactically marked up. Such corpora are usually called deeply annotated or syntactic corpora. Manual marking (annotation) of texts is an expensive and time-consuming task. At the moment, various software tools for marking enclosures are available in the public domain [3]. They can be conditionally divided into stand-alone and web-based.

At the same time, the focus of developers in recent years has shifted towards web applications. These systems have a number of advantages:

- possibility of simultaneous marking of one document by several people;
- do not require installation of additional software, except for the browser;
- flexible differentiation of access rights;
- displaying the current progress of the marking process;
- the possibility of modifying the markup body.

Conclusion

Thus, the linguistic corpus it is a collection of texts collected in accordance with certain principles, marked up according to a certain standard and provided by a specialized search engine. So, the corpus of texts is the subject of research in corpus linguistics. Corpus research can serve as the basis for programming and writing English textbooks. Specialists, first of all, should see those linguistic phenomena that require the most attention. The analysis of the corpus of students' speech activity will reveal not only typical errors, but also determine their place in the structure of the course, which corrects both individual grammatical constructions and syntactic constructions, and more general properties of "lack of idiomaticity" manifested in the expanded text.

Corpus linguistics certainly has a great future in improving the teaching of foreign languages. And perhaps in the near future the international database will serve as the basis for a new generation of educational literature, truly student-oriented.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. «Дискурс» / Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. Советская энциклопедия, 1990.
2. Довнар П.Ю. Лингвистический процессор китайского языка. Особенности разработки / Довнар П.Ю., Воронцов А.В. // Международный конгресс по информатике: информационные системы и технологии: материалы международного научного конгресса 31 окт. - 3 нояб. 2011 г. – Минск: БГУ, 2011.
3. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебник для студентов направления «Лингвистика» / Захаров В. П., Богданова С. Ю. - 2-е изд, перераб. и дополн. - СПб: СПбГУ, РИО. Филологический факультет, 2013. - 148 с.
4. Золотова Г. А. Труды В. В. Виноградова и проблемы текста / Золотова Г. А. // Вести Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. N 4.
5. Baroni M. WaCky! Working papers on the Web as Corpus / Baroni M. and Bernardini S. (editors). Gedit, Bologna, 2006.
6. Greenbaum S. CE: the International Corpus of English / Greenbaum S. // English Today. 28. October, 1991.
7. Granger S. Leaner. English Around the World. English World Wwide / Granger S. Oxford University Press, 1995.
8. Kachru B. Suandards. Codification and Sociolinguistic Realism: the English Language in the Outer Circle / Kachru B. // Quirk R., Widdowson H.G. English in the World. Cambridge, 1985.

9. Kilgarriff A. Googleology is bad science / Kilgarriff A. // *Computational Linguistics*, 33(1), 2007.
10. Willis D. *The Lexical Syllabus. A New Approach to Language Teaching*. Collins ELT. London & Glasgow, 1990; Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press, 1991; B. Hoyer M. *Patterns of Lexis in Text*. Oxford University Press, 1991.

Список литературы на английском / References in English

1. Arutyunova N.D. *Diskurs [Discourse]* / N.D. Arutyunova // *Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. M. Sovetskaya entsiklopediya [Soviet Encyclopedia], 1990. [in Russian]
2. Dovnar P.Yu. *Lingvistichesky protsesor kitaiskogo yazika. Osobennosti razrabotki [Chinese linguistic processor. Features of the development]* / P.Yu. Dovnar, A.V. Vorontsov // *Mezhdunarodnyy kongress po informatike: informatsionnye sistemi i tekhnologii: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa [International Congress on Informatics: Information Systems and Technologies: Proceedings of the International Scientific Congress]*. October 31 – November 3, 2011. Minsk: BSU, 2011. [in Russian]
3. Zakharov V.P. *Corpusnaya lingvistika: Uchebnik dlya studentov napravleniya "Lingvistika" [Corpus linguistics: A textbook for students of the direction "Linguistics"]* / V.P. Zakharov, S. Yu. Bogdanova // 2nd ed., Rev. and add. - SPb: SPbSU, RIO. Faculty of Philology, 2013. 148 p. [in Russian]
4. Zolotova G.A. *Vinogradova i problem teksta [Works of V.V. Vinogradov and text problems]* / G.A. Zolotova // *Vesti Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow university]*. Ser. 9. Philology. 1995. № 4. [in Russian]
5. Baroni M. *WaCky! Working papers on the Web as Corpus* / Baroni M. and Bernardini S. (editors). Gedit, Bologna, 2006.
6. Greenbaum S. *CE: the International Corpus of English* / Greenbaum S. // *English Today*. 28. October, 1991.
7. Granger S. *Leaner. English Around the World. English World Wide* / Granger S. Oxford University Press, 1995.
8. Kachru B. *Suandards. Codification and Sociolinguistic Realism: the English Language in the Outer Circle* / Kachru B. // Quirk R., Widdowson H.G. *English in the World*. Cambriadge, 1985.
9. Kilgarriff A. Googleology is bad science / Kilgarriff A. // *Computational Linguistics*, 33(1), 2007.
10. Willis D. *The Lexical Syllabus. A New Approach to Language Teaching*. Collins ELT. London & Glasgow, 1990; Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press, 1991; B. Hoyer M. *Patterns of Lexis in Text*. Oxford University Press, 1991.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.21>**БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «КОНСЕРВАТИЗМ»**

Научная статья

Даниленко Н.Б. *

Челябинский Государственный Университет, филиал в г. Миассе, Миасс, Россия

* Корреспондирующий автор (nbdanilenko[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена описанию базовых (первичных) признаков абстрактного социально-значимого концепта «консерватизм». На основе анализа словарных дефиниций ключевой лексемы концепта «консерватизм» выявляются понятийные признаки исследуемого концепта. Исследование речевых контекстов, включающих данную лексику (примеры взяты из Национального корпуса Русского языка), подтверждает наличие выявленных на основе словарных дефиниций понятийных признаков и позволяет определить дополнительные понятийные признаки, расширяющие структуру концепта. В качестве мотивирующего признака определяется идея сохранения традиционных ценностей. Обобщение понятийных значений, выведенных логическим путем, происходит посредством определения основного категориального признака действия – «сберечь; сохранять» (от лат. conservare) и глубинно-структурных валентностных признаков концепта «консерватизм», предполагающих наличие объекта и субъекта защиты, обладающих определенными понятийными признаками, описанными в работе. Результаты исследования будут использованы в дальнейшем для моделирования данного концепта.

Ключевые слова: концепт, ключевая лексема, словарные дефиниции, речевые контексты, понятийная составляющая, категориальные признаки, валентность.

BASIC ASPECTS OF "CONSERVATISM" AS A CONCEPT

Research article

Danilenko N.B. *¹ Chelyabinsk State University (Branch) in Miass, Miass, Russia

* Corresponding author (nbdanilenko[at]gmail.com)

Abstract

The current study describes the basic (primary) aspects of conservatism, an abstract and socially significant concept. The author identifies the conceptual features of the term under study based on the analysis of the dictionary definitions of its key lexeme. The research of speech contexts that include this lexeme (examples are taken from the National Corpus of the Russian Language) confirms the presence of conceptual features identified on the basis of dictionary definitions and allows for the identification of additional conceptual features that expand the structure of the concept. The idea of preserving traditional values is defined as a motivating feature. The generalization of the conceptual values derived logically occurs by defining the main categorical feature of the action – "preserve; save" (from Lat. conservare) and the deep structural valence features of "conservatism" as a concept, which assume the presence of an object and a subject of protection that have certain conceptual features described in the work. The results of the study will be used further in the modeling of this concept.

Keywords: concept, key lexeme, dictionary definitions, speech contexts, conceptual component, categorical features, valence.

Исследование концептов, в результате которого мы получаем возможность для осознания культурного и духовного наследия как целого народа, так и отдельных его представителей, является одним из ведущих направлений в современной лингвистике. В настоящее время в научной литературе представлено несколько методик описания и изучения концептов, и выбор того или иного метода зависит от типа концепта, от подхода к изучению концепта, а также от материала исследования. По вопросам исследования концептов существует много разногласий не только среди российских ученых, но и представителей различных зарубежных научных школ, и поскольку в лингвистической науке не существует единого общепринятого метода концептуального анализа, многие исследователи применяют комплексную методику анализа концепта. Мы считаем возможным взять за основу анализа исследуемого нами абстрактного социально-значимого концепта «консерватизм» близкую нам методику изучения концептов, принятую в Кемеровской школе концептуальных исследований.

М. В. Пименова называет следующие классы признаков, формирующих концептуальную структуру: мотивирующий признак слова – репрезентанта концепта, образные признаки, понятийные признаки, функциональные признаки, категориальные и символические признаки. Соответственно анализ концепта осуществляется в несколько этапов: выбор ключевого слова – репрезентанта концепта, исследование этимологии последнего, анализ фактического материала, выявление понятийных и определение категориальных признаков, описание символических признаков и стереотипов, сведение полученных признаков в единое целое для описания структуры концепта [8, С. 129-130]. Вышеупомянутые признаки подразделяются на **базовые (первичные)**, которые формируются мотивирующим признаком, закрепленным во внутренней форме слова, понятийными признаками, актуализированными в словарных дефинициях соответствующей лексемы – репрезентанта концепта и подтвержденные фактическим материалом, особые категориальные признаки, непосредственно связанные с мотивирующим и понятийными признаками, и **образные (вторичные)** [7, С. 114]. Целью данной статьи является выявление и описание базовых (первичных) признаков концепта «консерватизм».

Приступим к анализу словарных статей с тем, чтобы описать понятийные признаки исследуемого нами концепта. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «структура и содержание различных концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [1, С. 26]. Соответственно на основе анализа словарных дефиниций ключевой лексемы концепта «консерватизм» и речевых контекстов, включающих данную лексику, возможно выявить наиболее существенные признаки, входящие в структуру концепта.

Мотивирующий признак концепта «консерватизм», демонстрируемый внутренней формой ключевого слова – репрезентанта концепта – лат. *conservare* — «сберегать; сохранять», из *cum* (варианты *co-*, *com-*, *con-*) «с, вместе» + *servāre* «сторожить, охранять», прослеживается в значении консерватизма как «идеологии, ориентированной на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, ее ценностных устоев в семье, нации, религии, собственности» [12]. Следует отметить тот факт, что такое определение представлено в большинстве русскоязычных словарей. Следовательно, ядром концепта «консерватизм» служат лексические единицы, объединенные семой «сохранение чего-либо». Это подтверждается и иллюстративными примерами: *а консерватизм – все-таки идеология, нацеленная на сохранение институтов* (Виталий Акимов. «Единая Россия»: «Мы должны оставаться у власти ради России» // Новый регион 2, 2009.12.01).

Также обнаруживаются определения для специальных областей знаний, например, в «Энциклопедии культурологии» консерватизм определяется как «условное обозначение для всей совокупности художественно и около художественных явлений в искусстве XX в., противостоящих или не вписывающихся в магистральную для этого столетия линию развития: авангард модернизм постмодернизм» [4]. Как мы видим, и в данном значении наличествует признак действия по противостоянию модернизму, соответственно, сохранению привычного старого: *Сохранение литературной традиции, литературный консерватизм, есть не что иное, как наблюдение за тем, чтобы это внутреннее движение вперед совершалось бы ритмически правильно, целесообразно и не разрушало бы самого механизма литературы* (Владимир Смоленский. Мысли о Владиславе Ходасевиче (1955).

В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» консерватизм – это ... «образ мыслей и действий консерваторов» [9]. Консерватизм лежит в основе мировоззрения деятелей политического управления государства любого уровня: *Его самыми большими слабостями как руководителя государства были почти полное отсутствие экономических знаний, консерватизм, традиционность и прямо-таки аллергия на новое* (Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)). «Новейший философский словарь» определяет консерватизм как «совокупность психических качеств индивида» [6]. Словом *консерватизм* в данных примерах описывается определенный образ мышления, тип поведения человека, нежелающего кардинальных перемен: *Более того, людям свойствен консерватизм, сопротивление изменениям.* (Америка живет и движется очень быстро (2004) // «Управление персоналом», 2004.11.15). Наличие данного свойства осознается человеком: *Спустя несколько лет я за собой стал замечать некий консерватизм* (Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001)) и может объединять людей: *Их объединяет консерватизм в другом, куда более фундаментальном, нежели привязанность к определенным общественным моделям, смысле – как образ мыслей, психотип, ментальность* (Лев Сигал. Совесть консерватора // «Век XX и мир», 1992). Данное свойство может проявляться в поведении и выражаться в привычке делать что-либо в установленном порядке: *Эта дикарка проявляла теперь необыкновенный консерватизм в характере – у нее были свои установившиеся привычки, сложившиеся в полной зависимости от нашего домашнего обихода, – в определенные часы она вставала, в определенные часы просилась гулять.* (В. М. Зензинов. Нена (1925)). Очевидно, что и в вышеупомянутых значениях проявляется мотивирующий признак действия «сохранение чего-либо привычного, существующего на протяжении длительного времени».

Большинство контекстов, содержащих ключевое слово-репрезентант концепта «консерватизм» содержат следующие лексические единицы: *сохранять*, *направлен на сохранение*, *консервировать*, *защищать*. Данный категориальный признак действия предполагает глубинную бивалентность: субъект действия – объект действия. Кроме того, возможна валентность признака действия. Схематически: СУБЪЕКТ СОХРАНЯЕТ / СБЕРЕГАЕТ ОБЪЕКТ (ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ, В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ, В ОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ). Таким образом, ядерная зона расширяется за счет сем, объединяющих различные субъекты и объекты действия.

Понятийное знание происходит из некой когнитивной модели, которая «строится как абстрактная формула ситуации действия или состояния. В наиболее абстрактном виде эта формула сводится к логическому определению “субъект + предикат”» [3, С. 110]. Последовательная конкретизация субъекта и вычленяемого из предиката объекта приводит к установлению категорий аналогового синтаксиса, а «конкретизация предикатной связки приводит к выделению типов действий, состояний, процессов и их обстоятельственных уточнений» [11, С. 172].

В рассмотренных нами контекстах функционирования производного от глагола имени *консерватизм* чаще всего реализуется определительная валентность лексемы *консерватизм* по модели атрибутивных словосочетаний N (консерватизм) + N (род. пад.), несколько реже – по модели N (консерватизм) + P (предлог) + N (косв. пад.).

Субъекты действия *conservare* чаще всего эксплицируются в структурах N+N с помощью существительных, употребленных в атрибутивной функции. Примеры: *консерватизм стариков*, *консерватизм молодых людей*; *консерватизм основной массы населения*, *консерватизм деятелей культуры*, *консерватизм элит и общества*, *консерватизм производителей*, *консерватизм турок*, *консерватизм РПЦ*, *консерватизм семьи* и т.д. Таким образом, анализ различных контекстов, позволяет выявить такие признаки концепта «консерватизм», которые не отмечены лексикографическими источниками. Так, консерватизм присущ разным социальным слоям общества. Причем, есть существенное различия в понимании консерватизма различными группами индивидуумов: *Теоретики пытаются определять консерватизм через отношение к собственности, а население между тем практикует консерватизм через отношение к семье, труду, природе, стране, детям и родителям* (К чему примкнуть. Взгляд консерватора (2003) // «Известия», 2003.02.24).

Объекты этого концепта часто имплицитно или эксплицитно дистантно, вне непосредственной близости лексемы консерватизм: *Консерватизм даже по своему названию направлен на сохранение наиболее ценного человеческого опыта ...* (Саранов Андрей. СВОБОДА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО // Труд-7, 2003.09.13). *Консерватизм, по большому счету, есть верование граждан, апеллирующих к необходимости защиты «традиционных ценностей», то есть неких значимых установок социального, религиозного и этнокультурного типа* (Михаил Минаков. Язык дистопии: идеологическая ситуация Украины // «Неприкосновенный запас» 2010, №5(73)). *Еще не потерял свою силу и быллой консерватизм, нацеленный на сохранение покоя, привычек и самодовольства* (Мы все зависимы друг от друга (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05). *Этот устойчивый консерватизм касается не только музыки, но и одежды, еды, веры, обычаев, обрядов* (Михаил Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006) // «Нева», 2008).

Кроме того, у лексемы консерватизм имеется атрибутивная валентность, выраженная адъективными атрибутивными словосочетаниями Adj + N (консерватизм). Объекты (и субъекты) концепта «консерватизм» могут эксплицитно в таких сочетаниях в виде относительных прилагательных, например: экономический консерватизм (объект – экономика, экономические процессы), либеральный консерватизм (субъект – либералы либо объект – ценности либерализма), сословный консерватизм (субъект – сословия или объект – сохранение статуса сословий), коммуно-консерватизм (субъект – коммунисты или объект – ценности коммунизма), государственнический консерватизм (субъект – государственники или объект – ценности государственничества), русский консерватизм XIX века (субъект – Россия, объект – идеология и нравы в России XIX века), немецкий консерватизм (субъект – немцы, объект – нравы немцев) и т.п. Прослеживаются также отличия в понимании консерватизма людьми различных культур: *Ставший притчей во языцех английский консерватизм тяготеет к замкнутой структуре* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)); ... *Вряд ли русский консерватизм может найти в польском своего союзника* (Мир без России и русских // РБК Daily, 2007.09.18). Таким образом, выявляется национальный характер консерватизма.

В словосочетаниях с лексемой консерватизм может реализовываться также глубинный адвербиальный признак действия *conserve*. Он может актуализоваться в сочетаниях всех трех типов: N (консерватизм) + N (род. пад.), N (консерватизм) + P (предлог) + N (косв. пад.) или Adj + N (консерватизм), где Adj. – качественное (в том числе, оценочное) прилагательное, выражающих такие признаки консерватизма, как его качество, оценку, место и время соответствующего действия. Например, консерватизм советской эпохи (время), консерватизм в литературе (место), здоровый консерватизм, продуктивный консерватизм (качество, оценка). Следует отметить особую важность наличия оценочного компонента в структуре концепта «консерватизм», позволяющего определить какие оценочные коннотации преобладают при объективации последнего. Так, например, в ряде словарных статей выявляется как положительная, так и отрицательная языковая оценка. Позитивные коннотации концепта «консерватизм» обнаруживаются в определении философского энциклопедического словаря, где консерватизм представлен как «идейное течение, настаивающее на постепенности изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций» [13]. В «Историческом словаре галлицизмов русского языка», где в качестве характерных особенностей консерватизма указаны «приверженность к старому, отжившему и вражда ко всему новому, передовому», определенно присутствует негативный оценочный компонент [2]. Анализ речевых контекстов также подтверждает наличие языковой оценки как положительной: *Разве что в финансовой сфере, где в почете консерватизм и традиционализм* (Владимир Ляпоров. Новые имена (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22). *Консерватизм в бизнесе может помочь защитить себя от незапланированных потерь вследствие необдуманных инвестиций* (Крыса совершит подвиг, а Коза выйдет замуж // Комсомольская правда, 2007.02.03), так и отрицательной: *В свою очередь, треть опрошенных(31%) придерживается противоположного мнения, говоря, что консерватизм не позволяет обществу быстро и прогрессивно развиваться* (Повестка дня // «Эксперт», 2014).

Итак, в ходе исследования определены такие базовые категории концепта «консерватизм» как его мотивирующий признак, понятийные признаки, основной категориальный признак и глубоко-структурные валентностные признаки. К доминантам понятийной составляющей концепта «консерватизм» следует отнести семы «сохранение, сбережение чего-либо», а также «субъект и объект сохранения». Ядром понятийной составляющей исследуемого концепта является мотивирующий признак, исходящий из внутренней формы слова – репрезентанта концепта – лат. *conserve* — «сберегать; сохранять». Субъектом сбережения может быть лицо (группа лиц), как правило, зрелого возраста, мужского и женского пола, имеющее тот или социальный статус и обладающее определенным типом характера. Также в качестве субъекта могут выступать абстрактные, обобщенные и множественные понятия, реже — конкретные понятия, взятые в обобщенном смысле, так, можно говорить о консерватизме идеологии, религии, психологии, теории, доктрины, этноса, народа и др.

Содержательно, объект консерватизма – нечто, логически связанное с действием сохранения и сбережения. Преимущественно это абстрактные понятия, обозначающие некие идеи, ценности, достояния культуры и истории, старое, прошлое, традиции, обычаи и ритуалы, существующие структуры (системы) и проч., однако это могут быть и обобщенно-конкретные существительные, обозначающие собственность и ценные материальные объекты. Сохранять можно дом, очаг, семью и семейные ценности, Отчизну; частную собственность, свободу и конкуренцию; самодержавие, православие, народность; традиции, старый порядок и т.д.

В современной русской картине мира концепт «консерватизм» функционирует во всех, выявленных на основе анализа словарных дефиниций, значениях: идеология (политических партий, движений, течений и их представителей; социально-политических учений и их последователей; произведений культуры и искусства; религиозных учений и тех, кто их проповедует; экономических идей, взглядов, учений и их приверженцев), направленная на сохранение традиционных ценностей; совокупность психических качеств индивида (образ мыслей, действия, поведение), позволяющих считать человека консерватором независимо от его политической ангажированности, имеет как

положительную, так и отрицательную оценку и трактуется по-разному в зависимости от обстоятельств окружающей действительности (времени, места, особенностей объекта и субъекта защиты).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Болдырев Н. Н. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–37.
2. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] / Епишкин Н. И. Словарное издательство ЭТС, Москва, 2010. – URL: <https://gallicismes.academic.ru/19818> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Карасик В. И. Язык социального статуса / Карасик В. И. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
4. Культурология. XX век. Энциклопедия [Электронный ресурс] / под ред. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга; 000 "Алетейя", 1998. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1028/kКонсерватизм (дата обращения: 01.03.2021).
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 28.02.2021).
6. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 1999. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/612/Консерватизм (дата обращения: 28.02.2021).
7. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / Пименова М. В., Кондратьева О. В. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
8. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / Пименова М. В. // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54) т. 2. С. 127-131.
9. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1910. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20715/Консерватизм (дата обращения: 02.03.2021).
10. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. Контекст 5.0 – Информатик, 2012. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/64591 (дата обращения: 02.03.2021).
11. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / Слюсарева Н. А. – М.: Наука, 1996. 215 с.
12. Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике [Электронный ресурс]. С.-Петербург: Российская национальная библиотека, 2011. – URL <http://socioeconom.academic.ru/1113/консерватизм> (дата обращения: 02.03.2021).
13. Философия: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/552/Консерватизм (дата обращения: 02.03.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Boldyrev N. N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki [Conceptual area of cognitive linguistics] / Boldyrev N. N. // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Problems of cognitive linguistics]. – 2004. №1. P. 18–37. [in Russian]
2. Epishkin N. I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo jazyka [Historical Dictionary of Russian Gallicisms] [Electronic resource] / Epishkin N. I. Slovarnoe Publ. house JeTS, Moscow, 2010. – URL: <https://gallicismes.academic.ru/19818> (accessed: 01.03.2021). [in Russian]
3. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa [The Language of social status] / Karasik V. I. – M.: In-t jazykoznanija RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. 330 p. [in Russian]
4. Kul'turologija. XX vek. Jenciklopedija [Culturology. XX century. Encyclopedia] [Electronic resource] / edit. by S. Ja. Levit. – SPb.: Universitetskaja kniga; 000 "Aletejja", 1998. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1028/kKonservatizm (accessed: 01.03.2021). [in Russian]
5. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National corpus of the Russian language] [Electronic resource]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed: 28.02.2021). [in Russian]
6. Novejšij filosofskij slovar' [New philosophical dictionary] [Electronic resource] / edit. by A. A. Gricanova. – Minsk: Knizhnyj Dom, 1999. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/612/Conservatism (accessed: 28.02.2021). [in Russian]
7. Pimenova M. V. Konceptual'nye issledovanija [Concept research] / Pimenova M. V., Kondrat'eva O. V. Vvedenie: ucheb. posobie [Introduction: tutorial]. – M.: FLINTA: Nauka, 2011. – 176 p.
8. Pimenova M. V. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija [Types of concepts and stages of conceptual research] / Pimenova M. V. // Vestnik KSU. 2013. №2 (54) vol. 2. P. 127-131. [in Russian]
9. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka [Dictionary of foreign words included in the Russian language] [Electronic resource] / edit. by A. N. Chudinova. – SPb., 1910. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20715/Konservatizm (accessed: 02.03.2021). [in Russian]
10. Slovar' russkih sinonimov [Dictionary of synonyms of the Russian language] [Electronic resource] / Kontekst 5.0 – Informatik, 2012. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/64591 (accessed: 02.03.2021). [in Russian]
11. Sljusareva N. A. Problemy funkcional'noj morfologii sovremennogo anglijskogo jazyka [Problems of functional morphology of modern English] / Sljusareva N. A. – M.: Nauka, 1996. 215 p. [in Russian]
12. Terminologicheskij slovar' bibliotekarja po social'no-jekonomicheskoj tematike [Terminological dictionary of a librarian on socio-economic subjects] [Electronic resource] / – S.-Peterburg: Rossijskaja nacional'naja biblioteka, 2011. – URL: <http://socioeconom.academic.ru/1113/konservatizm> (accessed: 02.03.2021). [in Russian]
13. Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar' [Philosophy: Encyclopedic Dictionary] [Electronic resource] / edit. by A. A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/552/Konservatizm (accessed: 02.03.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.23>**МЕМЕТИКА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА**

Научная статья

Титлова А.С. *

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (nastyatitl[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается прецедентность как одна из характеристик как текста, так и языковой личности. Выделяются особенности прецедентного текста, такие как хрестоматийность и реинтерпретируемость, а также подчеркивается ценность такого текста с познавательной и эмоциональной точек зрения. Интернет-текст характеризуется как особый вид текста, содержащий одно из проявлений прецедентности — интернет-мем. Приводятся примеры интернет-текстов, содержащие как вербальный, так и невербальный прецедентный компонент. Рассматривается случай возникновения и функционирования отдельного мема в интернет-дискурсе. Ставится вопрос о жизнеспособности такого вида прецедентного текста, рассматриваются причины его закрепления в дискурсе или полного исчезновения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, прецедентный текст, мем, поликодовый текст.

MEMETICS AS ONE OF THE FORMS OF INTERNET TEXT PRECEDENCE

Research article

Titlova A.S. *

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (nastyatitl[at]gmail.com)

Abstract

The article examines precedence as one of the characteristics of both the text and the linguistic personality. The features of the precedent text such as typicality and reinterpreatability are highlighted, and the value of such a text is emphasized from the cognitive and emotional points of view. The Internet text is characterized as a special type of text that contains one of the manifestations of precedence – the Internet meme. Examples of the Internet texts containing both verbal and non-verbal precedent components are given. The case of the emergence and functioning of a separate meme in the Internet discourse is considered. The question is raised about the viability of this type of precedent text, the reasons for its consolidation in discourse or its complete disappearance are considered.

Keywords: Internet communication, Internet discourse, precedent text, meme, polycode text.

Introduction

Precedence is one of the characteristics not only of the text, but also of the linguistic personality, who turns to precedent phenomena when generating their own message. The precedent text refers to the "facts of culture" and is associated with cultural values of a certain period of the historical development of society. Therefore, a thorough study of the precedent text is relevant at any time and in any field of linguistics.

The sources of the precedent phenomenon may indicate the belonging of a linguistic personality to a certain type of speech culture, the use of precedent texts is one of the characteristic features of a linguistic personality, reflecting education, social status, professional affiliation, level of culture, etc. [6].

V.P. Belyanin speaks of precedence as the presence in the text of references to other texts [1]. N.V. Nemirova believes that precedence is manifested in how it is customary in national culture to perceive and evaluate certain historical events and personalities, myths, art monuments, characters of literature and cinema [5].

V.V. Krasnykh considers the object of studying the phenomenon of precedent to be "speech, spontaneous, improvisational" texts [3, P. 224]. According to the author, the speech does not use the precedent text itself since it belongs to the cognitive base of the recipient. Such a text is stored as an invariant of perception in the mind of an individual belonging to a certain national-linguocultural community, and, accordingly, is not linguistic, but cognitive in nature. In speech, obviously, other phenomena are used, such as precedent names and statements that act «as symbols of precedent texts.» [3, P. 225].

Yu. N. Karaulov, who was the first to introduce the term "precedent text", emphasizes its importance for a person in emotional or cognitive terms. Such a text is well known not only to the person himself, but also to the people around him, his predecessors and contemporaries. The precedent text is repeatedly referred to "in the discourse of a given linguistic personality" [2, P. 215].

The author also speaks of "typicality" as one of the basic characteristics that distinguish the precedent text: "the speakers know about it in one way or another" [2, P. 216].

Due to the well-known and typical character of the precedent text, such a feature as "reinterpretability" is also manifested, due to which the precedent text goes beyond the limits of verbal creativity, where it was originally born, and is embodied in other types of arts.

So, the precedent texts, being widespread and typical, are cognitively and emotionally valuable; such texts are reinterpreted. The result of the combination of these characteristics is the fact that the precedent texts are a "fact of culture" [2, P. 217].

Describing the characteristic features of the precedent text, many researchers talk about such traits as deicticity, auto-semantics and reinterpretability (i.e., "multiple repetition in the intertextual series"). It is believed that it is possible to extract

the precedent text from the source text without losing its aesthetic and cognitive value, and to use the extracted text further as an independent statement in the form of a separate mini-text or in other texts.

The characterization of precedence is used by the authors of the texts of modern print [3] and electronic [9] editions; this phenomenon is especially clearly traced in computer-mediated communication (on the Internet). At the same time, multimedia as a distinctive feature of the Internet communication makes it possible to use not only the verbal text, but also its non-verbal, pictorial component as a precedent.

If we consider the precedent text within the framework of the semiotic approach, then this concept can be interpreted quite broadly. V.V. Krasnykh believes that the system of precedent texts includes both verbal and non-verbal precedents (works of art: sculpture, painting, music, architecture, etc.) [3].

A number of researchers (G.G. Slyshkin and M.A. Efremova among them) see a precedent text as any arbitrary sequence of sign units, which is distinguished by coherence and integrity and has "value significance for a certain cultural group" [7, P. 53]. Thus, texts containing video or images can also be classified as precedent texts. Such texts are usually called creolized, or polycode, precedent texts.

An example of such a polycode precedent text are the posts (texts posted on the Internet) which contain not only a verbal text, but also a precedent pictorial component: for example, the image of the now former US representative to the UN, Colin Powell, showing his colleagues a test tube with powder, ostensibly evidence of the production of chemical weapons by Iraq, has become synonymous with groundless accusations. This image is accompanied by all sorts of verbal text: "Looks impressive, but hard to believe", "The most expensive washing powder", "You want proof? We have some!"

Speaking about the precedent text in the verbal part of the text of the post itself or users' comments to it, the most common here are the quotes from works of art and films. For example [8], "Based on the 'testimony' of a talking parrot, an American woman was found guilty of murder. Long live the American court, the most humane court in the world!" – the interpretation of the phrase from the famous film by Leonid Gaidai "Prisoner of the Caucasus", which in the original sounds like "Long live our court, the most humane court in the world!"

"All Quiet on the Western Front: shelling of the outskirts of Donetsk continues" – the text of the post uses the title of the work of Erich Maria Remarque.

One of the most interesting phenomena that has become widespread on the Internet and is characteristic mainly for network communication is the Internet meme.

It is customary to consider a meme as a kind of replicator, an imitation that conveys certain ideas and images. In a broad sense, it is an object of culture (often intangible), a unit of cultural information that is widely disseminated, popular, transmitted and stored in society. In turn, the Internet meme is a unit of information that has become widespread in the Internet-mediated environment.

Undoubtedly, not any information is subject to such dissemination on the network, but only that which is emotionally attractive to the reader. In this case, the evoked emotions may not necessarily be positive: sometimes indignation and anger in the reactions of the recipients of information are so strong that the phrase that caused such a violent reaction turns into a meme. However, in most cases, after the emotions have subsided, the phrase takes on a humorous / mocking meaning and produces a comic effect.

One of the relatively recent memes that have received incredibly wide distribution on the Internet, and especially in the microblogging service Twitter, and have become one of the most popular hashtags, was the phrase of the Prime Minister of Great Britain Theresa May "highly likely"). In the original, the words of the politician sounded as follows: "‘Highly likely’ Russia is responsible for spy’s poisoning by nerve agent”.

The first reaction to such an unsubstantiated accusation was indignation. Users left the following comments under the news: "Most likely? What a clown!", "Yeah, good ol’ Brits, kind of low", "Close the British embassy in Russia!", "It's time to put the Brits in their place!", "Highly likely?! The Anglo-Saxons have completely lost their fear!", "What a level of evidence. Gosh. Highly likely".

With the development of events and the appearance of even more strange versions of poisoning (for example, with buckwheat), users began to invest irony, mockery and sarcasm in the meme. The examples of subsequent reactions are the comments: "Yeah, Boris 'poodle' Johnson and Teresa 'highly likely' May", "We bet that they have also found a poisoned balalaika and earflaps?", "Yes, Teresa is not Margaret at all ... Not Thatcher, highly likely".

It is interesting that the meme is also used in correspondence completely abstracted from politics: "Today are very highly likely having a barbecue", "I'll buy these sneakers. Veeeeeery highly likely".

Conclusion

It is difficult to say how long the described meme will last in the Internet communication. Some memes "wander" around the network for years and do not lose their relevance. Others are forgotten as soon as the event or character with which they were associated becomes uninteresting. In any case, the study of the "life" of such phenomena has its own prospects in the study of linguistic, as well as psycho- and sociolinguistic fields.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белянин В. П. Психоллингвистика / В.П. Белянин // Учебник. 2-е изд. – М.: Флинта: Московский психо-лого-социальный институт, 2004. – 232 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов // 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 254 с.

3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В. Красных // – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
4. Моисеева А.В. К вопросу о воздействующем потенциале текста гламурного журнала / А.В. Моисеева // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник с международным участием. – Уфа, 2016. – С. 148-155.
5. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н.В. Немирова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2003. – Т. 11. – С. 146-155.
6. Пешкова Н.П. Прецедентный текст как реакция реципиента при понимании письменных речевых произведений различных типов / Пешкова Н.П. // Межкультурная – интракультурная коммуникация: Прецедентный текст в коммуникации. Матер. 6-й Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Институт языкознания РАН; Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 199-206.
7. Слышкин Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова // – М.: Водoley Publishers, 2004. – 153 с.
8. Титлова А.С. Меметика как модель передачи культурной информации в интернет-опосредованной среде / А.С. Титлова // Языки в диалоге культур. – Уфа, 2020. – С. 331-334.
9. Титлова А.С. Прецедентность текста микроблога / А.С. Титлова // Межкультурная – интракультурная коммуникация: Прецедентный текст в коммуникации. Матер. 6-й Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Институт языкознания РАН; Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 241-245.

Список литературы на английском / References in English

1. Belyanin V.P. Psikholingvistika [Psycholinguistics] / V.P. Belyanin // Uchebnik. 2-ye izd. [Textbook. 2nd ed.] – М.: Flinta: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut, 2004. – 232 p. [in Russian]
2. Karaulov YU. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality] / YU.N. Karaulov // 7-ye izd. [7th ed.] – М.: Izd-vo LKI, 2010. – 254 p. [in Russian]
3. Krasnykh V.V. Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: kurs lektsiy [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: a course of lectures] / V.V. Krasnykh // – М.: Gnozis, 2001. – 270 p. [in Russian]
4. Moiseyeva A.V. K voprosu o vozdeystvuyushchem potentsiale teksta glamurnogo zhurnala [To the question of the impacting potential of the text of a glamorous magazine] / A.V. Moiseyeva // Issledovaniya po semantike: mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik s mezhdunarodnym uchastiyem [Research on semantics: interuniversity scientific collection with international participation]. – Ufa, 2016. – P. 148-155. [in Russian]
5. Nemirova N.V. Pretsedentnost' i intertekstual'nost' politicheskogo diskursa [Precedence and intertextuality of political discourse] / N.V. Nemirova // Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva [Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society]. – 2003. – Vol. 11. – P. 146-155. [in Russian]
6. Peshkova N.P. Pretsedentnyy tekst kak reaktsiya retsipiyenta pri ponimanii pismennykh rechevykh proizvedeniy razlichnykh tipov [Precedent text as a recipient's reaction in understanding written speech works of various types] / Peshkova N.P. // Mezhhkul'turnaya – intrakul'turnaya kommunikatsiya: Pretsedentnyy tekst v kommunikatsii. Mater. 6-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Intercultural - Intracultural Communication: A Case Text in Communication. Proceedings of the 6th Int. scientific-practical conf] – М.: Institut yazykoznaniya RAN; Ufa: RITS BashGU, 2017. – P. 199-206. [in Russian]
7. Slyshkin G.G. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) [Film text (experience of linguoculturological analysis)] / G.G. Slyshkin, M.A. Yefremova // – М.: Vodoley Publishers, 2004. – 153 p. [in Russian]
8. Titlova A.S. Memetika kak model' peredachi kul'turnoy informatsii v internet-oposredovannoy srede [Memetics as a model for the transmission of cultural information in the Internet-mediated environment] / A.S. Titlova // YAzyki v dialoge kul'tur [Languages in the dialogue of cultures]. – Ufa, 2020. – P. 331-334. [in Russian]
9. Titlova A.S. Pretsedentnost' teksta mikrobloga [The precedent of the microblog text] / A.S. Titlova // Mezhhkul'turnaya – intrakul'turnaya kommunikatsiya: Pretsedentnyy tekst v kommunikatsii. Mater. 6-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Intercultural - Intracultural Communication: A Case Text in Communication. Proceedings of the 6th Int. scientific-practical conf] – М.: Institut yazykoznaniya RAN; Ufa: RITS BashGU, 2017. – P. 241-245. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.24>**СИНКРЕТИЗМ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ «В» И «НА» (ЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ И ЦЕЛИ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ И ПРИЧИНЫ)**

Научная статья

Гречухина З.Р. *

ORCID: 0000-0003-4906-7815,

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (grechukhinaz[at]mail.ru)

Аннотация**Цель** данной статьи заключается в освещении явления синкретизма значений русских предлогов «в» и «на».**Процедура и методы.** В статье рассмотрены примеры синкретизма предложных значений на материале русской художественной литературы XIX – XXI веков. При исследовании применены методы наблюдения, компонентного анализа, обобщения и интерпретации результатов.**Результаты.** В ходе работы были выявлены и рассмотрены некоторые виды синкретичных предложных значений: а) цели и причины, б) образа действия и цели, в) образа действия и причины, а также условия возникновения данного явления.**Теоретическая значимость.** Результаты исследования вносят вклад в развитие теории синкретизма, теории предлогов и решение проблемы изучения предложной семантики.**Ключевые слова:** значение, контекст, многозначность, отношение, предлог, причина, словосочетание, семантика, цель.**SEMANTIC SYNCRETISM OF THE RUSSIAN PREPOSITIONS "V" AND "NA" (MEANINGS OF PURPOSE AND CAUSE, MANNER AND PURPOSE, MANNER AND CAUSE)**

Research article

Grechukhina Z.R.*

ORCID: 0000-0003-4906-7815,

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

* Corresponding author (grechukhinaz[at]mail.ru)

Abstract**The purpose** of this article is to highlight the phenomenon of syncretism of the meanings of the Russian prepositions "v" (in) and "na" (on).**Methods.** The current study analyzes syncretisms of prepositional meanings based on the Russian fiction of the 19th – 21st century. The authors employed the methods of observation, component analysis, generalization, and interpretation of the results.**Results.** In the course of the study, the following types of syncretic prepositional meanings were identified and examined: a) purpose and causes, b) manner and purpose, c) manner and causes, as well as the conditions for the occurrence of this phenomenon.**Theoretical significance.** The results of the research contribute to the development of the theory of syncretism, the theory of prepositions, and the solution of the problem of studying prepositional semantics.**Keywords:** meaning, context, polysemy, relation, preposition, reason, phrase, semantics, purpose.**Введение**

Термин *синкретизм* (syncretismos) в переводе с греческого языка означает «соединение, объединение, связывание». Он используется во многих областях науки – философии, психологии, культурологии, социологии, истории, литературоведении, религиоведении и др., имея в каждой из них свою трактовку. М.В. Пименова, рассмотрев и обобщив дефиниции данного термина в различных научных сферах, пришла к выводу о том, что все они сводятся к двум основным значениям: 1) смешение / слияние первоначально независимых друг от друга явлений / разнородных элементов; 2) исконная нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления [19, С. 20].

Часто появляется он и в лингвистике, где проблема синкретизма постоянно обсуждается, но как совершенно справедливо отмечает В.А. Береснёва, «до её окончательного решения ещё, очевидно, далеко» [8, С. 62]. Этим объясняется большое количество работ, посвященных синкретизму и неуклонный интерес лингвистов к данному феномену, который затрагивает все уровни языка, как в синхронном, так и в диахронном плане.

Наиболее изученным на данном этапе развития лингвистической науки представляется синкретизм в области морфологии и синтаксиса. Большой вклад в исследование морфологического синкретизма внесли зарубежные ученые. Данное явление в славянских языках было освещено представителями Пражской лингвистической школы – Н.Н. Дурново [11], Р.О. Якобсоном [33] и Н.С. Трубецким [30]. В германских и романских языках этот феномен представлен в трудах Ш. Балли [6], Л. Ельмслева [12], А. Мартине [15]. Рассматривая неоднозначные явления в грамматическом строе многих языков (русский, немецкий, французский, латинский и др.), они изучили синкретизм грамматических категорий падежа, лица, числа, вида, времени и др.

Синтаксический синкретизм особенно широко разработан отечественными языковедами. В XX веке синтаксические формы, неподдающиеся однозначной классификации, рассматривались в работах Д.Н. Овсянико-Куликовского [17], А.М. Пешковского [18], В.В. Виноградова [9]. Важное представление о синкретизме как о

совмещении грамматических свойств разных языковых явлений внесли исследования В.В. Бабайцевой [3], [4], [5]. В настоящее время вопросы, связанные с синкретизмом в области синтаксиса, продолжают волновать многих молодых ученых [2], [26], [25]. Исследованы синкретичные явления, связанные со всеми типами синтаксических единиц – словосочетаниями, различными типами предложений, членами предложений, текстом.

Согласно наблюдению А.А. Сысоевой, наименее исследован семантический синкретизм, который является неотъемлемой частью семантической структуры языка. Она отмечает, что «семантический синкретизм является одним из факторов семантической трансформации лексических единиц, а также одной из главных причин асимметрии плана содержания и плана выражения языка, влияя на употребление слова и на изменение объема значения» [28, С. 317]. Мы поддерживаем мнение ученого о том, что данное явление представляет особый интерес для лингвистического анализа, поскольку позволяет внести уточнения в исследования в области семантики.

Цель данной статьи заключается в освещении явления синкретизма отдельных (некоторых) значений русских предлогов «в» и «на». В рамках данной работы синкретизм исследуется в синхронном плане языка с позиций семантики. В статье рассмотрены примеры синкретизма предложных значений на материале русской художественной литературы XIX – XXI веков.

Актуальность исследования определяется возросшим интересом лингвистической науки к семантической стороне языковых явлений, а также недостаточной разработанностью теории синкретизма многозначных предлогов русского языка.

В ходе исследования были применены следующие **методы**:

- описательный метод с использованием приемов наблюдения, обобщения исследуемого материала;
- метод компонентного анализа, представляющий собой процедуру разложения значения предлога на семантические компоненты;
- метод дистрибутивного анализа, позволяющий выявить характер линейных связей изучаемых языковых единиц в тексте, в первую очередь их сочетаемость.

Специфика сложной семантической структуры лексического значения предлога состоит в его тесной связи со значением грамматическим, а также с семантикой окружающих слов, то есть с контекстом. Этим обуславливаются трудности в определении предложных значений и их толковании в словарях. Одним из свойств семантической структуры многозначных предлогов является синкретизм, проявляющийся в том, что выражаемые предлогами семантические отношения в ряде случаев оказываются нерасчленёнными, спаянными друг с другом и образуют сложное синкретичное целое.

В данной статье рассматривается синкретизм следующих предложных значений:

- а) цели и причины;
- б) образа действия и цели;
- в) образа действия и причины.

Синкретизм предложных значений цели и причины

Известно, что любое действие, будь оно произвольное или непроизвольное, преднамеренное или непреднамеренное, обусловлено какой-либо причиной. В то же время всякое осмысленное, специально задуманное действие человек совершает целенаправленно, то есть с целью достижения в будущем определенного результата. Тесная связь между целью и причиной прослеживается во всех сферах жизнедеятельности человека.

Синкретизм цели и причины имел место уже в античной философии: «распространяя представление о цели, характерной для человеческой деятельности, Аристотель трактовал цель как конечную причину бытия (causa finalis)» [31, С. 763].

Ученые, исследовавшие цель и причину, отмечают некую общность данных категорий. И цель, и причина указывают на два события и на их обязательную связь [7], [10], [16].

Средства выражения цели и причины в языке отражают взаимодействие субъективных волевых импульсов человека и понимание им объективной причинно-следственной связи явлений в мире. Поэтому нередко цель и причина имеют общие средства выражения, проявляясь в синкретичных языковых формах.

Синкретизм целевого и причинного значений (ср.: для + из-за) проявляется, когда предлог вводит существительное, сочетающее в себе причинную и целевую семантику. Большую часть глаголов, встретившихся в проанализированных сочетаниях, можно отнести к глаголам общения (напр.: *сказать*, *пошутить* и т.п.) или эмоциональным глаголам.

Исследованный материал показал, что рассматриваемые в данном исследовании предлоги «в» и «на» способны совмещать семантику цели и причины, проявляя в указанных условиях синкретизм данных значений. Обратимся к следующему примеру:

«Зеркало русской революции» – чего не скажешь в угоду интеллигентным либералам! [22, С. 505]

В данном примере предлог «в» вводит отглагольное имя существительное *угода*. В словарной статье толкового словаря русского языка Ожегова значение данного слова трактуется через значение цели: *в угоду кому (чему), в знач. предлог с дат. п. угождая чьим-н. желаниям, для удовлетворения чего-н., в целях чего-н.* (выделено нами) [20]. В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой для толкования данного слова в словарной статье используется предлог «из», основным значением которого является значение причины: *В угоду кому – чему — из* (выделено нами) *желания, стремления угодить* [24]. Из толкования значения слова *угода* в словарных статьях видно, что данное имя существительное может проявлять как значение причины, так и цели. Происходит это под влиянием того или иного предлога. Например, в сочетании с предлогом «для» оно имеет целевое значение: *Ведь женщины рождены для угодья, улады и утех мужчин!* (М. Гиголашвили «Чертовое колесо», 2007) [24]. С предлогом «из» это имя существительное приобретает значение причины: *Странно, что всегда подделываешься под тон всякого человека, когда с ним разговариваешь, иногда и других бранишь из угодья к нему.* (Т.Л. Сухотина-Толстая

«Из дневника» 1880-1910) [24]. В данных примерах можно наблюдать семантику сочетания имени с предлогом в чистом виде (цели или причины), не осложненном дополнительными смыслами.

Под влиянием же предлога «в» сочетание *в угоду* становится синкретичным, где значение цели и причины выступают спаянными, нерасчлененными. Возможность трансформации в придаточное предложение с целевым союзом «чтобы», а также замены «в» синонимичным предлогом «из», доказывает наличие целевой и причинной семантики у имени существительного *угода*:

«Зеркало русской революции» – чего не скажешь, **чтобы угодить** интеллигентным либералам!

«Зеркало русской революции» – чего не скажешь, **из угождения** интеллигентным либералам!

Можно констатировать тот факт, что именно предлог «в» оказывает влияние на создание синкретичного значения данного сочетания.

Подвергнем трансформации другие примеры с предлогом «в»:

Не знаю, всерьёз или **в шутку** он так сказал, только я вдруг расплакалась. [1, С. 386]

Не знаю, всерьёз или **чтобы (с целью) пошутить**, он так сказал, только я вдруг расплакалась. – Цель.

Не знаю, всерьёз или **ради шутки** он так сказал, только я вдруг расплакалась. – Причина.

– Ну, разве что проверка, – улыбнулась **в извинение** она. [27, С. 92]

– Ну, разве что проверка, – улыбнулась она, **чтобы извиниться**. – Цель.

– Ну, разве что проверка, – улыбнулась она, **потому что (от того, что) извинялась**. – Причина.

Возможность двойной интерпретации значений рассматриваемых предложений – как причинных и целевых – подтверждается возможностью применения к ним двух видов трансформаций – в придаточные предложения цели и причины.

Синкретизм проявляет и предлог «на» в подобных сочетаниях.

...а он все вырывался и продолжал душераздирающе махать **на прощание**... [21, С. 315]

...а он все вырывался и продолжал душераздирающе махать, **чтобы проститься**.... – Цель.

...а он все вырывался и продолжал душераздирающе махать **потому, что прощался**... – Причина.

Синкретизм предлогов, вводящих цель и причину в языке, мотивирована когнитивной природой языка. Наличие цели является причиной поступков. Поступки же в сознании человека часто ассоциируются с целью, если действие осуществляется лицом, одушевленным субъектом.

Совмещение значения цели со значением причины, безусловно, способствует развитию явления семантической неоднозначности, которая лежит в плоскости синкретизма, так что семантику рассматриваемых сочетаний следует квалифицировать как синкретичную, а сами предлоги считать способными, в определенных условиях, вносить свой «личный» вклад в создание данного лингвистического явления, то есть оказывать влияние на создание синкретизма.

Синкретизм значения образа действия со значениями цели и причины

Значение образа действия может вступать в синкретичные отношения с различными другими значениями в пределах одного предложного сочетания. Помимо обозначения образа действия предлоги участвуют в обозначении внелингвистического содержания. Способность предлогов, как и других единиц всех уровней языковой системы, выражать скрытую, неприписанную им по языковому статусу информацию, признана исследователями языка объективной закономерностью. Она связана с «асимметрическим дуализмом» языкового знака (Карцевский), с динамической способностью языковых единиц «приращивать смыслы», образовывать новые в процессе функционирования (Л. Щерба), а также с действием универсального закона экономии языковых средств (А. Мартине).

Особое внимание на синкретичные языковые формы – синкреты – обращал С.Д. Кацнельсон: «Выделяя определенное событие, синкрет тем самым выделял и участников события и участников данного коллектива, и предметы, подразумеваемые данным событием, а также место и время события, но все это не эксплицитно, а в виде намека на то, что известно коллективу из опыта» [14, С. 537].

Анализ фактического материала позволил выделить ряд примеров с предлогами «в» и «на», в которых значение образа действия вступает в синкретичные сочетания со значениями цели и причины. Рассмотрим их более подробно:

Синкретизм значений образа действия и цели

Синкретизм значений образа действия и цели возникает в условиях, при которых имя существительное в сочетании с предлогом описывают, каким образом и с какой целью совершается действие. Это двоякая семантика находит выражение в синкретичной форме предлога, который придает синкретичный характер и всему предложному сочетанию. Доминирующим в данном случае выступает значение образа действия, к которому присоединяется в виде «оттенка» целевое значение. Чтобы убедиться в том, что присутствуют оба значения, необходимо произвести трансформационные изменения:

а) заменить имя существительное с предлогом на глагол с союзом цели «чтобы»;

б) преобразовать предложное сочетание в наречие, либо в деепричастие;

в) сделать синонимическую замену или перефразировать.

Рассмотрим примеры и произведем трансформацию:

Чингисхан, нахмурившись, строго указал китайскому послу Мен-Хунгу, что тот очень мало пил, и **в наказание заставил его выпить** подряд шесть больших чаш вин. [34, С. 114]

в наказание заставил его выпить – заставил выпить (с какой целью?) – чтобы наказать; заставил выпить (каким образом?) – наказав.

А с женицин он снимает серебряные украшения, говоря, что **делает это в наказание** за то, что какие-то кочевники где-то ограбили надменного кипчакского хана. [34, С. 12]

делает это в наказание – делает это, чтобы наказать; делает это, наказывая.

Правильнее – одну часть уничтожить, другую купить и держать **в страхе**. [23, С. 231]

держат в страхе – (с какой целью?) – чтобы боялись; держать (каким образом?) – утрашая.

А что глава государства картину в дар изволил передать – это ему как будто все равно. [29, С. 76]

передать в дар – передать (с какой целью?) – чтобы подарить; передать (каким образом?) – даром.

И поест, и одежду из шкур скроить, и в обмен на торжище чего хочешь за неё дадут. [29, С. 190]

дадут в обмен – дадут (с какой целью?) – чтобы обменять; дадут (как? каким образом?) – обменом, обменяв.

Так они и гнали облаву на измор. [1, С. 36]

гнали облаву на измор – (с какой целью?) – чтобы уморить, убить; (как?) – измором.

Синкретизм значений образа действия и причины

Соединение значений образа действия и причины создает синкретизм, указывая не только на то, каким образом происходит действие, но и на его причину. Материал исследования показал, что имена существительные в данных сочетаниях чаще всего выражают эмоции, чувства, которые и являются причиной действия в описываемой ситуации. Здесь мы наблюдаем взаимовлияние предлога и имени существительного.

В предлоге одновременно с семантическим компонентом «образ действия», благодаря которому он указывает на то, как совершается действие, под влиянием семантики имени существительного, вычленяется второй компонент – «причина». Благодаря синкретизму предлога в сочетании одновременно актуализируются сразу два значения – образа действия и цели. Разберем следующий пример:

– Ведьма! – заорал он в бешенстве. [21, С. 504]

Предлог «в» вводит имя существительное «бешенство», которое выражает эмоциональное состояние субъекта ситуации, что и является причиной его действия (заорал). О причинной семантике свидетельствует возможность постановки вопроса:

Заорал почему, по какой причине? – Заорал, потому что был взбешен.

Из ответа на вопрос видно, что можно произвести замену предложного сочетания на придаточное предложение причины с составным союзом «потому что». Также можно заменить предлог «в» синонимичным предлогом причины «от»: *заорал от бешенства*.

Заменив предложное сочетание наречием, мы увидим наличие значения образа действия: *заорал в бешенстве – бешено заорал*. Постановка вопроса «как?» также убеждает нас в присутствии значения образа действия: *Заорал как? – в бешенстве = бешено*.

В ходе трансформаций мы убедились в том, что значения причины и образа действия присутствуют в них в чистом виде:

Заорал, потому что был взбешен. – Причина. *Бешено заорал.* – Образ действия. И только в «тандеме» с предлогом «в» данное сочетание приобретает синкретичный характер (становится синкретичным). Таким образом, можно сказать, что синкретизм в данном случае – это заслуга предлога.

То же самое видим и в других примерах:

Он стоял в нерешительности перед верандой, не зная, как дать знать о себе. [22, С. 398] – Как? – Нерешительно. Почему? – Потому, что не решался.

-Ы-ы-ы-ы!!! – крикнул в блаженстве Бенедикт. [29, С. 76] – Как? – Блаженствуя. Отчего? – От блаженства.

Нельзя так долго жить. Выясняется, что это большое неудобство для близких, которые могут устать в ожидании твоей приличной кончины. [21, С. 419] – Как? – Ожидая. Отчего? – От ожидания.

Она в страхе отодвинулась, закрываясь руками. [34, С. 29] – Как? – Страшась, испугавшись. Отчего? – От страха.

А соседская бабка Фира, безумная старуха, спятившая на ревности! [21, С. 195] – Как? – ревнуя. Из-за чего / отчего? – Из-за / от ревности.

Выводы

1. Синкретизм целевого и причинного значений предлогов возникает в специальных условиях:

а) при наличии имени существительного, сочетающего в себе причинную и целевую семантику;

б) при наличии глагола общения или эмоционального глагола.

в) при наличии формы винительного падежа имени существительного.

2. Синкретизм целевого и причинного значений предлогов не возможен при нарушении / изменении вышеописанных условий, а именно:

а) когда у имени существительного отсутствует один из компонентов причинно-целевой семантики (ср.: «*обратить (слова, ситуацию) в шутку*» — присутствует только цель, но нет причины);

б) при наличии сразу двух лексических средств, выражающих отдельно причину и цель;

в) при форме предложного падежа имени существительного с теми же предлогами (ср.: «*вся соль была в шутке*»).

3. Значение образа действия может вступать в синкретическое единство со значениями цели и причины.

4. Значение образа действия имеет, как правило, доминирующую роль. Значения цели и причины являются второстепенными, добавляя, порой на едва различимом (имплицитном) уровне, тот или иной оттенок предложному сочетанию. Вместе они образуют синкретичное целое.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Айтматов Ч. Плаха: Роман, повесть. / Ч. Айтматов – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 496 с.
2. Алексанова С. А. Зона синкретизма детерминантов фоновой и сопутствующей характеристики / С. А. Алексанова // Вестник Университета Российской академии образования. Филология и журналистика. – 2008. – № 5. – С. 41-44.
3. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе: Конструкции сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений / В. В. Бабайцева. – М-во просвещения РСФСР. Воронежский гос. пед. ин-т. – Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во. – 1967. – 91 с.
4. Бабайцева В. В. Синкретизм / В. В. Бабайцева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл. – 1990. – С. 446.
5. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 638 с.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. – Москва: Изд-во иностр. лит. – 1955. – 416 с.
7. Басманова А. Г. Синтаксис предложения французского языка / А. Г. Басманова, А. Н. Тарасова. – М.: Высш. шк. – 1986. – 207 с.
8. Береснёва В. А. Лингвистический синкретизм как актуальная категория современного языкознания / В. А. Береснёва // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: науч. журнал. – СПб. – 2012. – № 2 (Том 1. Филология). – С. 62 – 70.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов // Под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус.яз. – 2001. – 720 с.
10. Гаврилова Н. В. К вопросу о результате в современном французском языке // Новые явления и тенденции во французском языке. Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Г. Гак. М. – 1984, С. 136–147.
11. Дурново Н. Н. О склонении в современном великорусском литературном языке (1922) / Пер. с франц. / Н. Н. Дурново // Вопросы языкознания. – 1971. – №4. – С. 90-103.
12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. пер. с англ. В. А. Звегинцев и др. – Москва: URSS. – 2005. М.: Ленанд. – 243 с.
13. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение. – 1965. – 496 с. – С. 85-90.
14. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из науч. наследия / С. Д. Кацнельсон. – М.: Яз. славян. культуры. – 2001. – 851 с.
15. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм / А. Мартине // Вопросы языкознания. – 1969. – № 2. – С. 96-109.
16. Медынская В. Л. Семантические конституэнты в членах предложения со значением причины, условия и цели / В. Л. Медынская // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. Вопросы русского языка и литературы. Межвуз. сб. Кишинев: ШТИИИИЦА. – 1990. – С. 25–31.
17. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. – XXXVI, 322 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8. изд., доп. – М.: Яз. славян. культуры. – 2001. – XXXIII, 510 с.
19. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М. В. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19-48.
20. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / – URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения: 1.04.2021)
21. Рубина Д. Гладь озера в пасмурной мгле: Роман. Повести. Рассказы / Дина Рубина. – М.: Эксмо, 2008. – 672 с.
22. Рыбаков А. Дети Арбата: в 3 кн. / Анатолий Рыбаков. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2004. Кн. 1: Дети Арбата: роман. – 703 с.
23. Рыбаков А. Дети Арбата: в 3 кн. / Анатолий Рыбаков. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2004. Кн. 2: Страх: тридцать пятый и другие годы: роман. – 783 с.
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. – 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.
25. Смерчинская Н. М. Явление синкретизма в функционально-семантическом поле обращений / Н. М. Смерчинская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М. – 2012. – № 2. – С. 183-186.
26. Сметанина О. А. Синкретизм значений инфинитивных структур / О. А. Сметанина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2008. – № 1. – С. 211-214.
27. Солженицын А. И. Раковый корпус: Повесть. / А. И. Солженицын. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 416 с.
28. Сысоева А. А. Явление семантического синкретизма (на примере обозначений восприятия в немецком языке в диахронии) / А. А. Сысоева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 1(817). – 2019. – С. 317-327.
29. Толстая Т. Кысь: Роман / Татьяна Толстая. – М.: Эксмо, Олимп, 2007. – 352 с.
30. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии : Пер. с разных яз. / Н. С. Трубецкой; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др. – М. : Прогресс. – 1987. – 559 с.
31. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва: Сов. энциклопедия. – 1983. – 839 с.
32. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. Предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М. И. Матусевич; – Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – Москва: Учпедгиз. – 1957. – 188 с.

33. Якобсон Р. О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз. / Роман Якобсон; Сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс. – 1985. – 455 с.

34. Ян В. Чингисхан: ист. роман / В. Ян – Челябинск: Юж.-Урал. кн.изд-во, 1983. – 312 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Ajtmatov CH. Plaha: Roman, povest' [Plakha: Novel, story] / CH. Ajtmatov – SPb.: Publ. house «Azбука-klassika», 2007. – 496 p. [in Russian]

2. Aleksanova S. A. Zona sinkretizma determinantov fonovoj i soputstvuyushchej harakteristiki [Zone of syncretism of determinants of background and accompanying characteristics] / S. A. Aleksanova // Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya. Filologiya i zhurnalistika [Bulletin of the Russian Academy of Education. Philology and journalism] – 2008. – № 5. – P. 41-44. [in Russian]

3. Babajceva V. V. Perekhodnye konstrukcii v sintaksise : Konstrukcii sochetayushchie svoystva dvusostavnyh i odnosostavnyh (bezlichnyh imennyh) predlozhenij [Transitional constructs in syntax: constructions combining the properties of two-part and one-part (impersonal noun) sentences] / V. V. Babajceva. – M-vo prosveshcheniya RSFSR. Voronezhskij gos. ped. in-t. – Voronezh : Centr.-CHernozem. kn. publ. house. – 1967. – 91 p. [in Russian]

4. Babajceva V. V. Sinkretizm [Syncretism] / V. V. Babajceva // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. YArceva. – M.: Sov. encikl. – 1990. – P.446. [in Russian]

5. Babajceva V. V. YAvleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [The phenomenon of transitivity in the grammar of the Russian language] / V.V. Babajceva. – M. : Drofa. – 2000. – 638 p. [in Russian]

6. Balli SH. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General linguistics and questions of the French language] / SHarl' Balli . – Transl. 3-rd fr. edit. E. V. i T. V. Ventcel' ; Edit., Intr. and notes R. A. Budagova. – Moscow : Publ. house inostr. lit. – 1955. – 416 p. [in Russian]

7. Basmanova A. G. Sintaksis predlozheniya francuzskogo yazyka [French sentence syntax] / A. G. Basmanova, A. N. Tarasova. – M. : Vyssh. shk., – 1986. – 207 p. [in Russian]

8. Beresnyova V. A. Lingvisticheskij sinkretizm kak aktual'naya kategoriya sovremennogo yazykoznaniya [Linguistic syncretism as actual category of modern linguistics] / V. A. Beresneva // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina: nauch. zhurnal [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin: scientific journal] – SPb., 2012. – № 2 (Vol 1. Filologiya). – P. 62 – 70. [in Russian]

9. Vinogradov V. V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)] / V. V. Vinogradov // Edit. by G. A. Zolotovoj. – 4 edit. – M.: Rus.yaz. – 2001. – 720 p. [in Russian]

10. Gavrilova N.V. K voprosu o rezul'tative v sovremennom francuzskom yazyke [To the question of performance in modern French language] // Novye yavleniya i tendencii vo francuzskom yazyke. Mezhvuz.sb.nauch.tr. / ch. edit. V.G.Gak. M. – 1984. – P. 136-147. [in Russian]

11. Durnovo N. N. O sklonenii v sovremennom velikorusskom literaturnom yazyke (1922) [About declension in the Great Russian literary language (1922)] / Transl. from French. / N. N. Durnovo // Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues]. – 1971. – №4. – P. 90-103. [in Russian]

12. El'mselev L. Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to the theory of language] / L. El'mselev. transl. from Eng. V. A. Zvegincev et al. – Moscow : URSS. – 2005. – M. : Lenand. – 243 p. [in Russian]

13. Karcevskij S. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of a linguistic sign] / S. Karcevskij // Zvegincev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. – M.: Prosveshchenie. – 1965. – 496 p. – P. 85-90. [in Russian]

14. Kacnel'son S. D. Kategorii yazyka i myshleniya : Iz nauch. naslediya [Categories of language and thinking] / S. D. Kacnel'son. – M. : YAz. slavyan. kul'tury. – 2001. – 851 p. [in Russian]

15. Martine A. Nejtralizaciya i sinkretizm [Neutralization and syncretism] / A. Martine // Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues]. – 1969. – № 2. – P. 96-109. [in Russian]

16. Medynskaya V. L. Semanticheskie konstituenty v chlenah predlozheniya so znacheniem prichiny, usloviya i celi [Semantic constituents in the members of a sentence with the meaning of cause, condition and purpose] / V. L. Medynskaya // Yazykovye kategorii i zakonornosti. Puti ih sistemnogo izucheniya. Voprosy russkogo yazyka i literatury. Mezhvuz. sb. Kishinev: SHTIINCA. – 1990. – P.25–31. [in Russian]

17. Ovsyaniko-Kulikovskij D. N. Sintaksis russkogo yazyka [Russian syntax] / D. N. Ovsyaniko-Kulikovskij. – 2-nd edit., corr. and add. – Sankt-Peterburg : Publ. house I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoj. – 1912. – XXXVI, 322 p. [in Russian]

18. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage] / A. M. Peshkovskij. – 8. edit., add. – M. : YAz. slavyan. kul'tury. – 2001. – XXXIII, 510 p. [in Russian]

19. Pimenova M. V. Leksiko-semanticheskij sinkretizm kak proyavlenie formal'no-soderzhatel'noj yazykovoj asimmetrii [Lexico-semantic syncretism as a manifestation of the formal-meaningful linguistic asymmetry] / M. V. Pimenova // Voprosy yazykoznaniya [Linguistic issues]. – 2011. – № 3. – P. 19-48. [in Russian]

20. Толковый словарь Ожегова [Electronic resource] / – URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (accessed: 1.04.2021)

21. Rubina D. Glad' ozera v pasmurnoj mgle: Roman. Povesti. Rasskazy [The smooth surface of the lake in the cloudy haze: Novel. Stories] / Dina Rubina. – M.: Eksmo, 2008. – 672 p. [in Russian]

22. Rybakov A. Deti Arbata: v 3 kn. [Children of the Arbat: in 3 books] / Anatolij Rybakov. – SPb.: Amfora, TID Amfora, 2004. Book 1: Deti Arbata: roman. – 703 p. [in Russian]

23. Rybakov A. Deti Arbata: v 3 kn. [Children of the Arbat: in 3 books] / Anatolij Rybakov. – SPb.: Amfora, TID Amfora, 2004. Book 2: Strah: tridcat' pyatyj i drugie gody: roman. – 783 p. [in Russian]

24. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoy. – 4-e izd., ster. – M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy. – 1999; (elektronnaya versiya): Fundamental'naya elektronnaya biblioteka. [in Russian]
25. Smerechinskaya N. M. YAvlenie sinkretizma v funkcional'no-semanticheskom pole obrashchenij [The phenomenon of syncretism in the functional-semantic field of references] / N. M. Smerechinskaya // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences]. M. – 2012. – № 2. – P. 183-186. [in Russian]
26. Smetanina O. A. Sinkretizm znachenij infinitivnykh struktur [Syncretism of the meanings of infinitive structures] / O. A. Smetanina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya [Bulletin of N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Philology]. – 2008. – № 1. – P. 211-214. [in Russian]
27. Solzhenitsyn A. I. Rakovyj korpus: Povest' [Cancer building: story] / A. I. Solzhenitsyn. – SPb.: Izdatel'skaya Gruppy «Azбуka-klassika», 2009. – 416 p. [in Russian]
28. Sysoeva A. A. YAvlenie semanticheskogo sinkretizma (na primere oboznachenij vospriyatiya v nemeckom yazyke v diahronii) [The phenomenon of semantic syncretism (on the example of the designations of perception in German in diachrony)] / A. A. Sysoeva // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [MSLU Bulletin. Humanitarian sciences]. Iss. 1(817). – 2019. – P. 317-327. [in Russian]
29. Tolstaya T. Kys': Roman [Kys: Novel] / Tat'yana Tolstaya. – M.: Eksmo, Olimp, 2007. – 352 p. [in Russian]
30. Trubeckoj N. S. Izbrannye trudy po filologii: Per. s raznykh yaz. [Selected Works on Philology] / N. S. Trubeckoj; edit. by T. V. Gamkrelidze et al. – M.: Progress. – 1987. – 559 p. [in Russian]
31. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / ch. edit. L. F. Il'ichev et al. – Moscow: Sov. enciklopediya. – 1983. – 839 p. [in Russian]
32. Shcherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language] / L. V. SHcherba. Foreword, selection of texts, notes and ed. M. I. Matusevich; – Akad. nauk SSSR. Otd-nie literatury i yazyka. – Moscow: Uchpedgiz. – 1957. – 188 p. [in Russian]
33. YAkobson R. O. Izbrannye raboty: Per. s angl., nem., fr. yaz. [Selected works] / Roman YAkobson; Sost; edit. by V. A. Zveginceva. – M.: Progress. – 1985. – 455 p. [in Russian]
34. YAn V. CHingiskhan: ist. roman [Genghis Khan: Historical Novel] / V. YAn – CHelyabinsk: YUzh.-Ural. publ. house, 1983. – 312 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.25>**К ВОПРОСУ О ПРОЗВИЩНЫХ НОМИНАЦИЯХ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ХОККЕЯ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Елисеева Ю.С.^{1*}, Симонова К.Ю.²¹ ORCID: 0000-0003-2282-0336,^{1, 2} Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск, Россия

* Корреспондирующий автор (eliseeva_yulia[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию прозвищ хоккеистов в английском языке с точки зрения их семантических особенностей. Хоккей давно стал универсальным средством общения между людьми разного менталитета и темперамента. Во многих странах, особенно в России, Канаде, Америке, хоккей – часть национальной идеи, национальной самоидентификации. Материалом для исследования послужила 571 единица, составленная методом сплошного просмотра англо-русского энциклопедического словаря хоккейной терминологии и официального сайта НХЛ. Проанализировав основные существующие классификации, опираясь на классификации ведущих исследователей – А. В. Суперанской и З. П. Никулиной, с учетом собранного фактического материала были выделены семантические группы прозвищ хоккеистов.

Ключевые слова: прозвищная номинация, хоккей, терминология, семантический анализ.

NICKNAMES IN ENGLISH ICE HOCKEY TERMINOLOGY: SEMANTIC FEATURES

Research article

Eliseeva Yu.S.^{1*}, Simonova K.Yu.²¹ ORCID: 0000-0003-2282-0336,^{1, 2, 3, 4} Siberian State University of Physical Education and Sport, Omsk, Russia

* Corresponding author (eliseeva_yulia[at]mail.ru)

Abstract

This article is devoted to the study of the English nicknames of hockey players from the point of view of their semantic features. Hockey has become a universal means of communication between people of different mentalities and temperaments. In many countries, especially in Russia, Canada, America, hockey is a part of a national idea, national identity. The material for the study was 571 units, compiled by the method of continuous scanning of the English - Russian encyclopedic dictionary of ice hockey terminology and the official website of the NHL. Having analyzed the main existing classifications, based on the classifications of leading researchers - A.V. Superanskaya and Z. P. Nikulina, taking into account the collected actual material, semantic groups of hockey players' nicknames were distinguished.

Keywords: nickname, ice hockey, terminology, semantic analysis.

Introduction

Ice hockey is a unique sport that appeared more than 100 years ago, but it spread around the world and gained popularity quickly. In the middle of the 20th century it became a universal means of communication between people of different mentalities and temperaments, separated with geographical, social and political barriers.

In many countries, especially in Russia, Canada and America, hockey is a part of a national idea, national identity and culture. Hockey as a social and cultural phenomenon involves not only players, coaches, referees but broadcasters; it attracts ordinary people, fans. Though to understand the game one needs knowledge of the hockey rules, tactics, and statistics. Because of huge popularity and emotional intensity, nicknames are widely used in the sportdom, particularly in hockey.

Nicknames are used to denote an object, its identification and individualization. The background for appearing such nicknames, according to A.V. Superanskaya, is certain features of people: corporals or dignity (less often), character traits, professions and occupations, place of residence, time of birth, etc. [4, P. 24].

Besides, as A.V. Superanskaya noted, onomastics and terminology, being a "part" of linguistics, do not fully "fit" into the linguistic framework assigned to them. Like onyms, many terms are actively used only by the inner circle of specialists, and the establishment of their linguistic status as words is impossible without the participation of specialists from those branches to which these terms relate.

The term is always a member of some terminology, within which it is monosemantic, like a proper name as well as a nickname is always the property of a certain group, within which not only its objective and nominative connection, but also the information associated with it, is understood.

Nicknames as the object of study interested A.N. Miroslavskaya, A.V. Superanskaya, V.I. Tagunova, V.M. Mokienko, N.I. Volkova and others. However, the professional field of nicknames is not sufficiently studied and requires research.

The first attempts to systematize nicknames were carried out taking into account their position in semantic groups and related to the XIX century (Snegirev 1841; Efimenko 1877; Sakharov 1885; Sumtsov, 1889; Zelenin 1903; Dahl 1957, etc.).

Amongst modern semantic classifications the most famous ones are the classifications of Z. P. Nikulina and A. V. Superanskaya.

The object of this study is nicknames of English hockey players, the subject is their semantic features.

The material for the study was 571 units, compiled by the method of continuous scanning of the English — Russian encyclopedic dictionary of ice hockey terminology and the official website of the NHL.

Methods

According to the goals and objectives of the study, the following methods were used: theoretical and analytical method (used to review and analyze scientific literature); a method of etymological analysis to determine the origin of the term. Quantitative and statistical data processing made it possible to assess and interpret the results objectively.

Results

Having analyzed the main existing classifications, based on the classifications of leading researchers — A.V. Superanskaya and Z. P. Nikulina, taking into account the collected actual material, we can distinguish the following semantic groups of hockey players' nicknames:

1. Nicknames derived from official identifiers: **Boss** “Boss”, **Brownov** “Brownov”, **Cash** “Cash”, **Coff** “Coff”, **Dit** “Dit”, **E.T.** “Inoplanetyanin”, **Gretz** “Gretz”, **J.C.** “Dzhey-Si”, **Kaspar** “Kaspar”, **Probie** “Proby”, **Reeser** “Rizer”, **Sid the Kid** “Malish Sid”, **Spezz** “Spez” **Trots** “Trots”, .

2. Nicknames formed by characterizing features and associations based on:

— appearance: **3-D** “Stereochkarik”, **Beezer** “Nos”, **Whitey** “Blondin”, **Fatman** “Tolstyak”, **Ginger** “Rizhiy”, **Porky** “Tolstiy”, **Scarface** “Litso so shramom”;

— names of famous characters: **Archie** “Archi”, **Arnie** “Arni”, **Babe** “Malysh”, **Big Bird** “Bolshaya ptitsa”, **Boogeyman** “Strashila”, **Captain America** “Kapitan America”, **Godzilla** “Godzilla”, **Grumpy** “Vorchun”, **Iron Man** “Zhelezniy chelovek”, **Jethro** “Jetro”, **King Hong** “King Kong”, **Lord Byron** “Lord Bairon”, **Pelle** “Pelle”, **Rainman** “Chelovek dozhdy”, **Super Mario** “Super Mario”, **Wizard of Oz** “Volshebnik strain Oz”;

— animal naming units: **Baby Bear** “Medvezhonok”, **Baby Bull** “Telyonok”, **Beaver** “Bobyor”, **Bull** “Byk”, **Bunny** “Krolik”, “Zayka”, **Crab** “Krab”, **Jake the Snake** “Zhak-zmeya”, **Moose** “Los”, **Octopus** “Osminog” **Rat** “Krisa”, **Roadrunner** “Begun”, **Silver Fox** “Cherno-buraya lisa”, **Swan** “Lebed”;

— family naming units: **Dad** “Papochka”, “Papulya”, **Father** “Otets”, **Father of Hockey** “Otets hokkeya”, **Uncle Miltie** “Dyadushka Miltie”;

— associations with the criminal world: **Devil Killer** “Ubiytza ‘Dyavolov”, **Eliminator** “Vybivatel”, **Grim Ripper** “Bezzhalostniy Potroshitel”, **Hatchet Man** “Bandit”, **Guns** “Huligan”, “Deboshir”, **Killer** “Ubiytza”, **Knuckles** “Kastet”, **Sharpshooter** “Snayper”;

— weapon naming units, engineering naming units: **Battleship** “Linkor”, **Bomby** “Bombochka”, **Bullet Joe** “Dzhopulya”, **Cannonball** “Pushchnoye yadro”, **Chevy** “Shevy”, **Cruiser** “Kreyser”, **Golden Jet** “Zolotoy reaktivniy samolet”, **Jeep** “Dzhip”, **Silver Jet** “Serebryaniy reaktivniy samolet”, **Tank** “Tank”;

— names of natural, weather phenomena: **Cyclone** “Tsiklon”, **Fog** “Tuman”, **Finnish Flash** “Finskaya molniya”, **Hooley** “Silniy veter”, **Hurricane Howie** “Howie-uragan”;

— household naming units: **Fridge** “Holodilnik”, **Grate** “Tyorka”, **Hammer** “Kualda”, **Shampoo** “Shampun”;

— flora naming units: **Coco** “Kokos”, **Grapes** “Vinograd”, **Chicountimi Cucumber** “Shikutimskiy ogurets”;

— building naming units and their parts: **Brickwall** “Kirpichnaya stena”, **China Wall** “Kitayskaya stena”, **Wall** “Stena”;

— title naming units, units of noble origin: **Clown Prince of Hockey** “Hokkeyniy kloun-prins”, **Gentleman Frank** “Gentleman Frank”, **Gentleman Joe** “Gentleman Joe”, **King Henrik** “Korol Henrik” **King of the Rink** “Korol katka”, **Vladimir the Terrible** “Vladimir Grozniy”.

Discussion

Based on the study, it is possible to distinguish 2 main semantic groups of hockey players' nicknames: nicknames formed from official identifiers and nicknames formed by characterizing features and associations. In the second group 11 subgroups were defined.

Conclusion

To sum up, it should be noted that nicknames, denoting the concept to which the personal name is transferred, are one of the ways to enrich the sport vocabulary, ice hockey terminology in particular.

As a relatively understudied class of linguistic units, nicknames are rich material for further researches. According to the material studied, it seems convincing that the nicknames made a significant contribution to the enrichment of Russian lexicon. The arrangement of terminology is considered to be one of the most important and responsible stages in the systematization of the theoretical apparatus of science and, therefore, an important step in the development of the science. It can be assumed that the arrangement of hockey terminology will have a significant impact on the further development of this field of science and practice.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Академия, 2008. – 302 с.
2. Звонков В. Л. Англо-русский энциклопедический словарь хоккейной терминологии / В. Л. Звонков. – М.: Р. Валент, 2009. – 304 с.
3. Родина Н.А. Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01: защищена 12.12.14 / Родина Надежда Андреевна. - Калининград: БФУ им. И. Канта, 2014. - 254 с.

4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. - Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2007. - 366 с.
5. Сызранова Г.Ю. Ономастика: учебное пособие / Г. Ю. Сызранова. - Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. - 247 с.
6. Hockey Future Forum: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.fhr.ru/news/item/1894/> (дата обращения: 05.01.2021).
7. Ice Time: Best Nickname: официальный сайт НХЛ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nhl.com/video/ice-time-best-nickname/t-277350912/c-7287712> (дата обращения: 24.01.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie : учебное пособие для студентов vysshih uchebnyh zavedenij [Terminology studies: study guide for students of higher educational institutions] / S. V. Grinev-Grinevich. - M: Akademiya, 2008. – 302p. [in Russian]
2. Zvonkov V. L. Anglo-russkij enciklopedicheskij slovar hokkejnoj terminologii [English-russian encyclopedic dictionary of hockey terminology] / V. L. Zvonkov. - M: R. Valent, 2009. – 304p. [in Russian]
3. Rodina N.A. Sovremennye detskie i molodezhnye prozvizhcha: strukturno-semanticheskij i funkcionalno-dinamicheskij aspekty [Modern children's and youth nicknames: structural-semantic and functional-dynamic aspects]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.01 : defense of the thesis 12.12.14 / Rodina Nadezhda Andreevna. – Kaliningrad: I. Kant BFU , 2014. - 254 p. [in Russian]
4. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name] / A. V. Superanskaya. - Edit. 2-nd, corr. – М.: URSS, 2007. - 366 p. [in Russian]
5. Syzranova G.Yu. Onomastika: учебное пособие [Onomastics: study guide] / G. YU. Syzranova. - Tolyatti : Izd-vo TGU, 2013. - 247 p. [in Russian]
6. Hockey Future Forum: official website [Electronic resource]. – URL: <https://en.fhr.ru/news/item/1894/> (accessed: 05.01.2021).
7. Ice Time: Best Nickname: official website of NHL [Electronic resource]. – URL: <https://www.nhl.com/video/ice-time-best-nickname/t-277350912/c-7287712> (accessed: 24.01.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.35>**СИНТАКТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА РУССКОЙ АФОРИСТИКИ**

Научная статья

Королькова А.В.^{1*}, Тишина А.Е.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

* Корреспондирующий автор (lika.korolkova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов синтаксической природы русских афоризмов. Для полного анализа афоризма как лингвистической единицы необходимо анализировать его синтаксическую структуру, связанную с семантическим наполнением изречения.

Цель – выявить связь синтаксической структуры афоризма и его семантического наполнения. В качестве основного метода исследования используется семантико-синтаксический. Основой анализа стал корпус афоризмов, зафиксированный в «Словаре афоризмов русских писателей».

Афористика русских (русскоязычных) писателей характеризуется стремлением к краткости, однако изречений, синтаксически выраженных простым осложненным/неосложненным предложением около 11% от общего числа афористических единиц словаря. Это объясняется сложностью и неоднозначностью семантического наполнения афоризмов, требующих сложных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: афоризм, афористическое высказывание, синтаксическая семантика русской афористики.

SYNTACTIC SEMANTICS OF RUSSIAN APHORISTICS

Research article

Korolkova A.V.^{1*}, Tishina A.E.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1,2} Smolensk State University, Smolensk, Russia

* Corresponding author (lika.korolkova[at]bk.ru)

Abstract

The article deals with one of the aspects of the syntactic nature of Russian aphorisms. For a complete analysis of an aphorism as a separate linguistic unit, it is necessary to analyze its syntactic structure related to the semantic content of the utterance.

The main aim of the research is to identify the relationship between the syntactic structure of an aphorism and its semantic content. The semantic-syntactic method is used as the main research method. The analysis is based on the corpus of aphorisms recorded in the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers.

The aphoristics of Russian (Russian-speaking) writers is characterized by the tendency for brevity, however, the utterances syntactically expressed in a simple complicated/uncomplicated sentence are about 11% of the total number of aphoristic units of the dictionary. This fact can be explained by the complexity and ambiguity of the semantic content of aphorisms that require complex syntactic constructions.

Keywords: aphorism, aphoristic utterance, syntactic semantics of Russian aphorism.

Introduction

The history of Russian aphoristics can be traced back to the pre-literate culture of the Slavic peoples, nevertheless aphorisms began to be recorded with the advent of writing. It should be noted that in the monuments of folklore, you can also find wise sayings.

Despite the fact that aphorisms have been known to mankind since ancient times, still there are disputes about the nature of aphorism, its form, structure, volume, the existence of logical patterns in it, and the predominant theme of utterances.

We believe that it is necessary to consider the aphorism (saying) as a phenomenon of language and speech in its relation to the phrasal-semantic system of language in a broad sense, including paroemiology.

Let us clarify the concept of aphorism that we have adopted, which is translated in numerous works: "in the most general sense, it is advisable to call an aphorism a short phrase of the phraseological type, which has such features as the presence of concept words in the structure; passportization, reproducibility. An aphorism can have such optional characteristics as subjectivity, originality, paradoxicality, unexpected wording, the presence of a figurative meaning, the ability to express universal truths, etc." [7, P. 37]. At present, there is also a problem of systematization of aphoristic units. This issue is mentioned in numerous works on aphoristics by: E.E. Ivanov [4], N.T. Fedorenko, L.I. Sokolskaya [16], K.M. Tangir, V.M. Grebennikova [15], A.V. Korolkova [7], Yu.E. Prokhorov [10], [11], E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov [3], N.A. Karlik [6], A.A. Pokotilov [9], I.V. Ruzhitsky [13], Yu.S. Ivanova [5], M.Yu. Borisova [1] et al.

When analyzing the essence of an aphorism, the question of its scope inevitably arises. Traditionally, it is believed that the aphorism tends to brevity. However, the question of the length of aphorisms remains open, since, for example, both famous phrase of Kozma Prutkov: "Бди! Козыряй! Если хочешь быть счастливым, будь им!" ("Be on guard! Trump it! If you want to be happy, be happy!") and the sayings of Leo Tolstoy, which syntactically are existed as complex syntactic indivisible units consisting of several sentences, are considered aphorisms.

In the monograph of Fedorenko and Sokolskaya *Aphoristics* [16], it is proposed to separate an aphorism and an aphoristic utterance, which differ only in length. When compiling *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers*, the question of the length of the aphorism was relevant, the group of the authors (A.V. Korolkova, A.G. Lomov, A.N. Tikhonov), relying on a large volume of practical material, came to the conclusion that an aphorism can have up to three sentences of different syntactic structure. The dictionary also presents "aphoristic statements" (the term was introduced by Fedorenko, Sokolskaya) [16], which include up to five sentences of different types.

The material for the analysis was found in *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [8] and "folk aphorisms", carefully collected by the newspaper *Argumenty I Fakty*. Units from *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* are (in the terminology of Fedorenko and Sokolskaya) introductory, i.e. the compilers of the dictionary extracted them from stylistically and functionally diverse author's texts, relying on the presence of key words that are the semantic and stylistic core of the aphorisms and include them in the circle of concepts of Russian spiritual culture. Within the framework of one aphorism, there can be no more than three of them. In the given examples of aphorisms, the key words are highlighted.

Methods and principles of research

Semantic and syntactic analysis of the corpus of aphoristics recorded in *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [8]. When extracting aphorisms from the contexts of journalistic or literary texts, the method of identifying key words-concepts in the utterance was used to record them in the dictionary.

Text of article

According to our observations, the length of an aphorism (aphoristic utterance) depends on the individual style, on the author's intention, sometimes on belonging to a certain literary movement or a philological school. Thus, syntactically complex sayings are found mainly in the works of L.N. Tolstoy, among the prose aphorisms of A.A. Blok, M. Voloshin, Viach. Ivanov, I.A. Bunin. For the most part, the poetic and prose sayings of A. Akhmatova, I. Brodsky, E. Yevtushenko, A. I. Kuprin, etc. are also brief.

The study of the syntactic nature of an aphorism raises the natural question of whether the subject of an aphorism depends on its length, as well as what syntactic constructions are most frequent in Russian aphoristics and how they are related to the semantic content of the utterance.

Semantic syntax (syntactic semantics) is actively studied at the present time. "The functioning of the semantic segment in the structural field of syntax is one of the most complex and controversial issues of Russian linguistics" [2, P. 151].

Within the framework of research on semantic syntax (syntactic semantics), there is a convergence of the positions of lexical semantics and semantic syntax, and the study of sentences is not limited only to the formal statement of their structure. Syntactic structures are considered in a complex way, and the lexical semantics of each member is taken into account when studying the meaning. Semantic organization is studied in great detail by syntax, and it is even pointed out that "in one of its aspects, a sentence, like a word, is a nominative unit" [2, P. 765]. That is why the study of the structure of the aphorism, its syntactic nature becomes relevant.

Discussion

Let us examine the structural composition of aphorisms and aphoristic utterances from the point of view of syntactic semantics.

Most of the sayings in the corpus of *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* consist of one or three sentences of different types.

This study examines aphorisms that consist of a single sentence, since this is a classic example of a short utterance. Brevity is considered a functional feature of an aphorism; this point of view is predominant and is represented in most dictionary definitions. The classic version of an aphorism is considered to be its syntactic expression with a single simple sentence. However, it turned out that such sayings are few.

Our dictionary presents the aphorisms of Russian writers of the XVIII-XX centuries and contains more than seven thousand units. Some of the sayings are simple uncomplicated sentences.

For example: Никому не проходит безнаказанно бегство из **Отечества**. (No one can escape from **the Fatherland** with impunity.) (S.T. Aksakov) [8].

An aphorism cannot be syntactically smaller than a simple sentence. V.P. Beloshapkova suggests examining a simple sentence as an utterance from the point of view of actual division (thematic-rhematic articulation): "The actual division of a sentence corresponds to a communicative task: it organizes the sentence to convey relevant information, that is, the aspect of material information (related to the lexical content and formal organization of the sentence), which is the essence of this communication and for the sake of which this communication should take place" [14, P. 796].

The actual division of the sentence-aphorism is carried out using the word order and intonation.

In the aphorisms recorded in the dictionary, the intonation is only assumed, but the fixed word order in the utterance is indicative. In Russian aphorisms, expressed in a simple uncomplicated sentence, the word order is free, but not random, and depends on the meaning of the utterance, on its stylistic characteristics, and on the author's communicative goal. In most aphorisms of the type under consideration, the word order is stylistically neutral, with a consistent transition from the theme to the rheme.

Quantitatively, *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* is dominated by sayings with a direct stylistically neutral word order, in which the theme precedes the rheme. Naturally, the topic is a word (less often a phrase), which is the key.

For example: **Пылкий ум** не терпит плена. (**An ardent mind** does not tolerate captivity.) (E.A. Baratynsky) [8].

In Russian poetic aphorisms, expressed in the form of a simple uncomplicated sentence, the inverted word order is often used.

For example: Такой горечью полыни пропитана **русская жизнь**... (Such bitterness of wormwood is **the Russian life** imbued with...) (A.A. Blok) [8].

It can be stated that in Russian aphorisms, the inverted word order is used to give special expression and emotionality, this is particularly typical of poetic aphorisms.

The corpus of aphorisms of Russian writers analyzed by us presents sayings expressed in a simple uncomplicated sentence, reproducing the syntactic structure of proverbs. Traditionally, it is believed that paroemias express the folk language picture of the world. By choosing this form of expression, the authors unconsciously demonstrated their commitment to national and cultural values. It should be noted that most of the aphorisms of Russian writers reflect, although in their own original form, specific features of the national picture of the world of a certain historical period.

In aphorisms of this syntactic structure, there are cases of changing the place of phrasal stress, which helps to shift semantic accents and draw readers' attention to the theme of the utterance. Such aphorisms are emotional and expressed in exclamation sentences.

For example: **Счастье** – в предчувствии счастья! (**Happiness** exists in its anticipation!) (A.V. Vampilov) [8].

Sayings syntactically expressed by various types of simple uncomplicated sentences are not very significant in quantity; this is about 10% of the total number of units from *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers*.

In aphorisms of this type, there is (in the terminology of V.A. Beloshapkova) "a linear-dynamic structure, in which a segmental design is implemented, and the sentence becomes an utterance" [14]. Thus, it can be stated that simple sentences are a syntactic expression of an utterance without any support of a broad context.

Simple uncomplicated sentences can form aphorisms syntactically. At the same time, the semantic content of the utterance does not suffer, but it makes readers think about its ambiguous and original meaning.

For example: Все положительные творческие силы человека – в **любви**. (All the positive creative forces of a person are **in love**.) (M.A. Voloshin) [8].

Traditionally, the theory of world and Russian aphoristics emphasizes the value of the brevity of sayings, although, for example, most of the aphorisms are complex syntactic constructions.

In *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers*, the aphorisms expressed syntactically in a simple complicated sentence (semi-composite sentence) are quantitatively more significant. As in the system of modern Russian, the complicating components are "homogeneous parts of the sentence, detached parts of the sentence, various types of introductory and insert constructions. We should especially note that such a complicating element as direct address is in demand, first of all, in poetic introductory aphorisms" [7].

In aphorisms expressed by a simple complicated (semi-composite) sentence, the most common complicating syntactic element (as in the syntax of modern Russian in general) is various homogeneous parts of the sentence.

For example: **Стих** создают – безысходность, необходимость, сжатость, сосредоточенность... (**The verse** is created with the help of – hopelessness, necessity, conciseness, concentration...) (M.A. Voloshin) [8].

The most important function of homogeneous parts of the sentence in aphorisms is to create a special type of expression, to express the emotional assessment of the author of the utterance. Aphorisms created by famous writers, poets, scientists always affect readers, make them think about certain problems, determine their own attitude to them. The emotional side of the utterance affects the reader no less than the semantic content. In this respect, the homogeneous parts of the sentence syntactically construct, for example, a gradation. The gradation in the utterance increases the emotional impact.

For example: **Жизнь человечества** – творчество, стремление к победе над сопротивлением мертвой материи, желание овладеть всеми ее тайнами и заставить силы ее служить воле людей для счастья их. (**The life of humanity** is creativity, the desire to overcome the resistance of dead matter, the desire to master all its secrets and make its forces serve the will of people for their happiness.) (M. Gorky) [8].

Homogeneous parts of the sentence in aphorisms structure, arrange the utterance, build it logically.

When describing the stylistic role of homogeneous parts of the sentence in aphorisms, their importance in creating images and dynamics of action should be particularly noted. They can form the whole series of epithets, "having great expressiveness and picturesqueness, allowing you to create the whole range of colors, sounds, and smells" [12, P. 321].

It should be said that homogeneous parts in aphoristic utterances can also be used to create certain figures of speech, such as anaphora, epiphora, etc.

When examining the homogeneous parts of the sentence in the composition of aphorisms, we must note the fact that the ways of their syntactic connection, in particular, the use of conjunctions, or conjunctionless connection play a special role.

In aphorisms expressed by a simple complicated (semi-composite) sentence, the following pattern is observed: homogeneous parts of the sentence are often associated with a generalizing word, which is the key to this utterance.

For example: **Бездуховность** – это равнодушие, лень мысли, презрение к интеллекту, к глубокому чувству... (**Lack of spirituality** is indifference, laziness of thought, contempt for the intellect, for deep feeling...) (Yu.V. Bondarev) [8].

The Dictionary of Aphorisms of Russian Writers records sayings that are syntactically expressed in a simple complicated sentence, the homogeneous parts of which are connected without conjunctions. If there are no conjunctions and prepositions with homogeneous parts of the sentence, then in the aphorism there is an incompleteness of thought, a call to dialogue, sometimes to a dispute with the author.

For example: В России **революция** – пыл, ор, ярь, половодье, урывистая вода... (In Russia, **the revolution** is fervour, yell, fury, flood, rapid water...) (A. Vesely) [8].

Most of the aphorisms presented in our dictionary are extracted by structural and semantic analysis from various texts of fiction and journalism, i.e. from texts of the book style. From the point of view of syntax, book styles are characterized by a large number of detached parts of the sentence as complicating elements.

Separations in aphorisms contribute to the creation of an additional semantic center of the utterance, since they traditionally contain an element of an additional message.

In aphorisms, there are any kinds of detachment that add additional meaning to the utterance, clarify, explain, expand the concept (keyword), which is the semantic core.

For example: **Любят** все, не замечая небывалости чувства. (Everyone **loves**, without noticing the unprecedance of the feeling.) (B.L. Pasternak) [8].

Speaking about the use of detached parts of the sentence in aphorisms, it should be noted that they "help to convey the idea concretely, convexly, with details of the situation, time, etc. clarifying the meaning" [2, P. 248].

Utterances that are syntactically expressed in a simple complicated (semi-composite) sentence contain a large number of direct addresses. Addresses are more actively used in colloquial speech than in book speech. Aphorisms, as it has already been noted, are mainly part of book styles. However, the apparent contradiction is quite understandable. Direct addresses are usually used in poetic aphorisms that imitate the structure of a Russian folk song.

Such direct addresses are actively used in the aphorisms of "peasant poets": N.A. Klyuev, A.V. Koltsov, S.A. Yesenin, P.V. Oreshin.

For example: Ах, зачем ты, **жизнь** несносная,

К нам как мачеха ласкаешься!

(Oh, why do you, **life** unbearable,

Treat us like a stepmother!) (P.V. Oreshin) [8].

Direct address in aphoristics performs a variety of functions. The most important function of address is naming the addressee of speech. It is this function that is in demand in poetic aphorisms.

In prose aphorisms that are syntactically expressed in simple complicated (semi-composite) sentences, introductory and insert constructions can be used as complicating elements.

For example: К сожалению, **смелость** слишком часто бывает следствием чувства обесцененной жизни... (Unfortunately, **courage** is too often the result of a sense of devalued life...) (F. Iskander) [8].

Introductory words and combinations of words in aphorisms express a real modality, which is all the more important, since aphorisms are short and become independent of a broad context that could clarify the author's attitude to the meaning of what was said (more often – an emotional assessment).

Insert constructions are not as often used in aphorisms as introductory words and combinations, but they are also in demand. Insert constructions are more frequent in cases where they complicate simple sentences as part of complex ones. It is in such aphorisms that there is a need for an additional message, for specification of something.

For example: Уровень **чести общества** зависит от уровня уважения (даже почтения, поклонения) **таланту**; нет большего удара по чести, чем торжество посредственности. (The level of **honour of society** depends on the level of respect (even reverence, worship) for **talent**; there is no greater blow to honour than the triumph of mediocrity.) (E. M. Bogat) [8].

It should be noted that in aphorisms that are syntactically expressed by a simple complicated sentence, quite often the basis for a syntactic complication is such a feature of the aphorism as paradoxicality.

Results

When analyzing the corpus of Russian aphorisms in terms of syntactic characteristics of their structure, it should be noted that aphorisms expressed in a simple uncomplicated or complicated (semi-composite) sentence make up a little more than 10-11 %. Most often, the complicating elements of a simple sentence-aphorism are homogeneous parts of the sentence, then (in descending order): detached secondary parts of the sentence, direct addresses, introductory and insert constructions.

In the corpus of the *Dictionary of Aphorisms of Russian Writers*, most of the sayings consist of three sentences of different types, which can be explained by the semantic integrity and ambiguity of the sayings. Let us clarify that several key words, usually correlated with the concepts of Russian spiritual culture, in the utterance not only expand its semantics, but also require a corresponding more complex syntactic expression. Thus, there is a certain dependence of the syntactic embodiment of the aphorism and its subject matter.

Some aphorisms (and especially aphoristic utterances) are structurally and semantically constructed according to the scheme of a simple categorical syllogism, in which there are two judgements and a logical conclusion. There are quite a lot of such aphorisms, and they are syntactically expressed in three different sentences of a complex structure. This fact also explains the expansion of the scope of aphorisms.

However, it should be noted that there is no direct correlation between the number of syntactic units (sentences) and the semantics of aphorisms. For all the "striving" of aphorisms for brevity, their syntactic implementation is quite difficult and depends on the individual author's picture of the world and the conceptual picture of the world of the people in a certain historical period of time.

Conclusion

The syntactic semantics of Russian aphoristics is closely connected with the personality of the author of the saying, his individual style, and literary direction.

On the one hand, the author of the saying reflects in synchrony the linguistic features of the syntax of a certain era, on the other hand, the aphorisms of different historical epochs (from the time of Old Russian literature to the XXIst century) have no fundamental differences in syntactic structure.

There is no direct pattern of changes in the syntactic structure of aphorisms in diachrony, as there are no fundamental quantitative differences in the use of different types of syntactic constructions by the authors of sayings to express aphorisms in different periods of the development of literature and language. It should also be noted that the semantics of an aphorism cannot be fully connected with the peculiarities of its syntactic structure.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисова М.Ю. Русский афоризм: языковой конфликт и его формальные показатели / Борисова М.Ю. // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20) – С. 11-14.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Валгина Н.С. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
3. Верещагин Е.М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. – с. 71-80
4. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма / Иванов Е.Е. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
5. Иванова Ю.С. Слоган, пословица и афоризм / Ю. С. Иванова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Лингвистика. – 2011. – № 5. – С. 130-133.
6. Карлик Н.А. Риторическая аргументация в афоризмах и афористических текстах женского авторства (на примере «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой) / Карлик Н.А. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2013 – № 1 – С. 141-147.
7. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. Монография / Королькова А.В. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. – 226 с.
8. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей / Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – 627 с.
9. Покотилов А.А. К вопросу об отношении к фразеологизмам афоризмов литературного происхождения, пословиц, поговорок, составных терминов / Покотилов А.А. // Образование. Наука. Творчество. 2011. № 5 – С. 67-71.
10. Прохоров Ю.Е. Афоризм / Прохоров Ю.Е. // Русский язык: энциклопедия /гл. ред Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос. энциклопедия. Дрофа. 1997. – с. 42
11. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис...канд. филол. наук / Ю.Е. Прохоров. – М., 1977. – 25 с.
12. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Розенталь Д.Э. – М.: Оникс 21 век, 2001. – 381 с.
13. Ружицкий И.В. Афоризмы в политическом дискурсе Ф.М. Достоевского / Ружицкий И.В. // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). – С. 214-218.
14. Современный русский язык // Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с.
15. Тангир К.М. Афоризм как риторема нравственного воспитания / Тангир К.М. Гребенникова В.М. // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы VI Международной научной конференции. 2017. – С. 172-174.
16. Федоренко Н.Т. Афористика / Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. – М.: Наука, 1990. – 415 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Borisova, M.Yu. Russkij aforizm: yazykovoj konflikt i ego formal'nye pokazateli [Russian Aphorism: Language Conflict and its Formal Indicators] / Borisova, M.Yu. // Baltic Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. No. 3 (20) – pp. 11-14. [in Russian]
2. Valgina, N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of the Modern Russian Language] / Valgina, N.S. – Moscow: Vysshaya shkola, 1973 – 423 p. [in Russian]
3. Vereshchagin, E.M. Nacional'no-kul'turnaya semantika yazykovykh aforizmov [National-cultural Semantics of Language Aphorisms] / Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. // Language and culture: linguo-foreign studies in teaching Russian as a foreign language. 4th ed., reprint. and additional. Moscow: Russian language, 1990. – pp. 71-80. [in Russian]
4. Ivanov, E.E. Lingvistika aforizma [Linguistics of Aphorism] / Ivanov, E.E. – Mogilev: Moscow State University named after A.A. Kuleshov, 2016 – 156 p. [in Russian]
5. Ivanova, Yu.S. Slogan, poslovica i aforizm [Slogan, Proverb and Aphorism] / Yu.S. Ivanova // Bulletin of the Moscow State Regional University. – Series: Linguistics. – 2011. – No. 5. – pp. 130-133. [in Russian]
6. Karlik, N.A. Ritoricheskaya argumentaciya v aforizmah i aforisticheskikh tekstah zhenskogo avtorstva (na primere «Zapisok kavalerist-devicy» N. Durovoj) [Rhetorical Argumentation in Aphorisms and Aphoristic Texts of Female Authorship (on the example of "Notes of a Cavalryman-maiden" by N. Durova)] / Karlik, N.A. // Scientific and Technical Journal of the St. Petersburg Polytechnic University. Humanities and social Sciences. – 2013. – No. 1. – pp. 141-147. [in Russian]
7. Korolkova, A.V. Aforistika v kontekste russkoj kul'tury [Aphoristics in the Context of Russian Culture] / Korolkova, A.V. Monograph. – Smolensk: SmolGU Publishing House, 2018 – 226 p. [in Russian]
8. Korolkova, A.V. Slovar' aforizmov russkikh pisatelej [the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers] / Korolkova, A.V., Lomov, A. G., Tikhonov, A.N. Edited by A.N. Tikhonov. – Moscow: Russian Language Media, 2007, 627 p. [in Russian]
9. Pokotilov, A.A. K voprosu ob otnoshenii k frazeologizmam aforizmov literaturnogo proiskhozhdeniya, poslovic, pogovorok, sostavnykh terminov [On the Question of the Relation to Phraseological Units of Aphorisms of Literary Origin, Proverbs, Sayings, Composite Terms] / Pokotilov, A.A. // Education. Science. Creation. 2011. No. 5. – pp. 67-71. [in Russian]
10. Prokhorov, Yu.E. Aforizm [Aforizm] / Prokhorov, Yu.E. // Russian language: encyclopedia / ch. ed. Yu.N. Karaulov. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Big Russian Encyclopedia. Drofa. 1997. – p. 42. [in Russian]
11. Prokhorov, Yu.E. Lingvostranovedcheskoe opisanie aforistiki v uchebnykh tselei: avtoref. dis...kand. filol. nauk [Linguistic and Cultural Description of Aphoristics for Educational Purposes: synopsis of thesis dis... PhD in Philology] / Yu.E. Prokhorov, Moscow, 1977. – 25 p. [in Russian]
12. Rosenthal, D.E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka [Practical Stylistics of the Russian Language] / Rosenthal, D.E. – Moscow: Onyx 21 vek, 2001. – 381 p. [in Russian]

13. Ruzhitsky, I.V. Aforizmy v politicheskom diskurse F.M. Dostoevskogo [Aphorisms in the Political Discourse of F.M. Dostoevsky] // Political linguistics. 2015. No. 1 (51). – pp. 214-218. [in Russian]
14. Sovremennyy russkiy yazyk [Modern Russian Language] // Edited by V.A. Beloshapkova. – Moscow: Azbukovnik, 1999 – 928 p. [in Russian]
15. Tangir, K.M., Grebennikova, V.M. Aforizm kak ritorema нравstvennogo vospitaniya [Aphorism as a Ritorheme of Moral Education] // Continuity and discreteness in language and speech. the VI-th International Scientific Conference. 2017. – p. 172-174. [in Russian]
16. Fedorenko, N.T. Aforistika [Aphoristics] / Fedorenko, N.T., Sokolskaya, L.I. – Moscow: Nauka, 1990 – 415 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.39>**ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ НЕКОРРЕКТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОРЫ**

Научная статья

Карачина О.Е. *

ORCID: 0000-0001-5340-9617;

Московский международный университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (olg839[at]rambler.ru)

Аннотация

Целью данной статьи является изучение причин некорректного использования метафор и последствий, к которым оно приводит. Новизна исследования заключается в интерпретации ошибочного применения метафор с точки зрения их функционального назначения. В центре исследования находится рассмотрение двух типов некорректного использования метафор: а) результат грамматической ошибки, демонстрирующей столкновение эстетической и когнитивной функций, и б) результат риторической ошибки, приводящей к нарушению объяснительной функции метафоры. В заключении делается вывод, что неправильное использование метафоры происходит вследствие: 1) непреднамеренного столкновения онтологически несопоставимых сферы источника и сферы цели, что создаёт впечатление небрежности речи; 2) преднамеренного столкновения онтологически несопоставимых сферы источника и сферы цели с целью порождения комического эффекта; 3) установления неверной, хотя и внешне логической аналогии, что приводит к созданию искаженной картины описываемой действительности.

Ключевые слова: некорректное использование метафоры, сфера источника, сфера цели, смешанная метафора, риторическая ошибка, объяснительная функция.

CAUSES AND EFFECTS OF METAPHOR MISUSE

Research article

Karachina O.E. *

Moscow International University, Moscow, Russia

* Corresponding author (olg839[at]rambler.ru)

Abstract

The article aims to look at the reasons for and consequences of the inappropriate use of metaphors. The novelty of the research lies in the interpretation of misused metaphors in terms of their functional purposes. The focus is placed on two types of metaphor misuse: a) as a result of a grammar mistake, demonstrating the clash of ornamental and cognitive functions; b) as a result of a rhetorical mistake, leading to violation of the explanatory function of the metaphor. To establish clear principles of empirical material selection, a distinction is drawn between the notions of metaphor misuse and mixed metaphor. The research concludes that the inappropriate use of metaphor stems from the following: 1) unintentional collision of semantically incompatible source and target domains, which results in careless grammar; 2) deliberate collision of semantically incompatible source and target domains for humorous effect; 3) establishing an essentially inaccurate, albeit seemingly logical, analogy, which leads to building up inadequate or defective knowledge of the described reality.

Keywords: metaphor misuse, source domain, target domain, mixed metaphor, rhetorical mistake, explanatory function.

Introduction

Metaphor, brought by Aristotle into scholarly conversation [1], has evolved from a mere rhetorical device confined to literary and linguistic studies to an effective instrument of cognitive analysis that is applied in a wide range of anthropocentric disciplines, such as anthropology, psychology, sociology, psycholinguistics, etc. The new comprehensive approach to metaphor was established largely due to the insightful theory of G. Lakoff and M. Johnson [10], who revealed the cognitive nature of metaphor and its pivotal role in human conceptualization.

However, metaphor can be a very controversial source of information about the ways the speaker thinks because it may be used inappropriately. This article aims to look into the reasons for metaphor misuse, as well as the consequences it may lead to. For this reason, we endeavored to: 1) outline all the cases of inappropriate use of metaphors; 2) pinpoint the reasons behind each case of metaphor misuse; 3) discuss how metaphor's failure to perform the intended functions can hinder effective communication.

For empirical material, we drew upon online media, including edited articles, as well as unedited texts, such as forum comments, bloggers' posts, etc.

In terms of methodology, the study employs a range of qualitative methods, such as data collecting, content analysis for identifying metaphor and its verbal surroundings, evaluating semantic and logical coherence, metaphor analysis for revealing the mapping procedure, and discourse analysis for explaining the reason behind choosing a certain metaphor and its malfunctioning.

The practical value of study into metaphor use goes far beyond the limits of literature and linguistics, inasmuch as metaphor plays a substantial role not only in creating colorful verbal forms but also in building up and conveying knowledge. In this respect, developing skills in metaphor handling can be vital for any human activity that prioritizes communicating ideas clearly and precisely to the target audience.

When used in speech, metaphor performs a whole range of functions: nominative, cognitive, ornamental, communicative, pragmatic, etc. In cases when metaphor is misused, some of these functions may come into conflict. We distinguish two types of metaphor misuse for various reasons.

The first case is a violation of ornamental function when excessive embellishment precludes logical clarity. This kind of misuse embraces mistakes based on the collision of mutually exclusive target and source domains. The following sentence provides a good illustration of this misuse:

And this tank soon became Hitler's flagship [3].

Although the message of the utterance would be easily understood due to the use of the conventional metaphor *flagship* referring to the most important product or service of an organization, the direct meaning of the word *flagship* – the main SHIP in a fleet — comes into conflict with the metaphorized referent (*tank*), thus creating cognitive noise.

Another type of misuse is piling up metaphors built on different sources for the description of the same situation, which complicates cross-domain mapping. This quick switchover between metaphors of different nature results in a badly selected mosaic, which is clearly demonstrated in the excerpt below:

These actions resulted in a significant redirection of market focus and gave the firms a ringside seat when the proverbial music stopped [12].

This sentence shows more than a mere succession of incoherent metaphors – the two metaphors (to give a *ringside seat* and *the proverbial music stopped*) are syntactically connected (temporal relationship) to constitute a logical unity. However, this logic is hindered by the difference of experiences these metaphors invoke. The source domain for the first metaphor is a boxing match where a ringside seat means a front-row seat next to a boxing ring (thought to be the best place to watch the match) [14]. Meanwhile, the second metaphor refers to the game of musical chairs, in which participants, while the music plays, walk around chairs, the number of which is one less than that of the players. The moment the music stops, each participant tries to sit on a chair. The player who is too slow to secure a chair leaves the game [14]. Both expressions have long been used in their figurative meaning: to have a *ringside seat* – to have a better position/view, a *game of musical chairs* – a situation in which people or things are moved, shuffled, or rearranged from one position to another. Thus, what the writer tries to say in the above sentence is that the firms were in a better position at the time of the market reshuffle.

The above-mentioned examples are referred to as mixed metaphors. Traditionally, a mixed metaphor is understood as “the linking of two or more disparate elements, which can result in an unintentionally comic effect produced by the writer’s insensitivity to the literal meaning of words or by the falseness of the comparison” [5]. However, in the last two decades, the notion of mixed metaphor has been reviewed and expanded to embrace all cases of metaphors that occur in close textual adjacency but do not share a cognitive basis. As is clear from recent research [7], [9], [11], a mixed metaphor is no longer viewed as a rhetorical slippage caused by the writer’s inadequate language skills or poor taste for metaphor. On the contrary, as Mark G. Lee and Mark Barnden argue, metaphor mixing in terms of motivation and reasoning is identical to using straight metaphors and, therefore, complies with all the cognitive processes of mental mapping [11, P. 29].

Moreover, there is solid statistical evidence that mixed metaphor is quite a common feature in speech rather than an occasional deviation from the norm. According to M. Kimmel, 76% of the studied metaphors were identified as mixed, and more importantly, they did not cause any difficulty in understanding [9, P. 97]. Other empirical research shows that mixed metaphors work very effectively for descriptive purposes, for instance, when it is necessary to convey very diverse, complex human feelings [2].

Going back to the traditional definition of mixed metaphor as a rhetorical mistake with unintentional humorous effect, we would argue that metaphors are often purposefully scrambled to make the utterance sound amusing. In this case, the effect is comparable to that of pun, zeugma, or oxymoron. For example:

"I think you might have hit the nail on the button" [6].

The idea of pressing the right button is metaphorized, with the source domain (hit the nail) semantically contrasting to the target (press the right button).

We can compare it to a similar effect of the half-joking rude sign on a Russian bus: *Все зайцы – козлы*. This is a metaphor wrapped in a metaphor wrapped in another metaphor, where the outer level presents the ontologically impossible equation: *зайцы (hares) = козлы (goats)*. The underlying level reveals two metaphors: fare-dodging passengers are called “зайцы” (transferred qualities — fast run and cowardice), bad, dishonest men are rudely called “козлы” (transferred qualities — stubbornness and stupidity). The message is simple, but the animal metaphor sounds witty and amusing due to the formal equation of the different animal species.

The second case of metaphor misuse is the violation of the explanatory function. Metaphors are often recruited to explain something in the clearest and shortest way. However, as F. Boer and M. Demecheleer rightly warn, “Metaphor is helpful (and even indispensable) as a vehicle to think about abstract phenomena, but one should be careful not to mistake the metaphors for the 'reality' they try to describe” [4, P. 116]. In the following example from an article about the U. S. military policy in the Middle East, the writer uses an ill-suited metaphor to describe the Obama administration’s threat to put more pressure on Iran:

The administration may be lifting its skirt a little bit to show some ankle [15].

Semantically, the idiom *to show some ankle*, which is used to describe giving a hint or just partial information in order to attract attention or stir up interest [13] perfectly fits the context. The article discusses Obama’s sudden decision to reveal some information about U.S. military support for Israel in order to intimidate Iran and force it to curtail its nuclear program. However, what makes this metaphor a poor choice for this context is a contradiction between a serious subject of the political discussion and strong associations invoked by the mapped domain, i.e. light-minded, flirtatious behavior of a woman. Moreover, through the use of such an ambiguous metaphor, the writer may create an unintended impression of the American leadership, perhaps as weak and unreliable.

While the above example is no more than a specific situation of inappropriate use of metaphor, there is an increasing concern about misleading implications of key metaphors habitually employed in vital discourses.

A good illustration of the aforesaid is the term *economy pie*, one of the most common metaphors used in debates about income distribution. It compares the economy to a pie with a predefined size that could be simply re-sliced to produce more

equitable pieces. This analogy is strongly criticized by economic experts [6] who argue that it not only misinterprets the actual mechanism of economic growth but also provokes complaints of social injustice, such as the rich taking a larger share of the economic pie at the expense of the other segments.

Another metaphor often used in economic discourse, especially in times of economic crisis, is *tighten the belt*. This may lead to false associations when applied in the wrong context. Initially standing for a household thrifty policy, now the metaphor is often extended to the level of the national economy. This fundamentally erroneous analogy can be refuted by the so-called paradox of thrift — the more each family saves, the less money the economy receives, so the effect will be quite the opposite of what is desired [8].

As is clear from the above examples, the rationale behind such metaphors is to simplify complex concepts for the lay audience by using familiar notions. In other words, these metaphors are intended to perform explanatory, communicative, and pragmatic functions. In reality, however, they prove to be ultimately ineffective, as the perspective on the target concept inferred from the cross-domain mapping turns out to be essentially misleading.

Conclusion

Thus, we can conclude that improper use of metaphor stems from semantic incompatibility of source and target domains, which normally results in the use of careless grammar or a humorous effect if used intentionally. It also stems from establishing seemingly logical but essentially inaccurate analogies, which leads to building up inadequate or defective knowledge. Metaphor misuse of the first type is easily identified and effectively dealt with in a language classroom. The second type is much harder to address, but it deserves very close attention due to the far-reaching effect such metaphors have on the quality of political, economic, military, and equally significant discourses.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Минск: Литература, 1998. — 1391 с.
2. Нагорная А. В. Смешанная метафора как средство вербализации интероцептивного опыта [Электронный ресурс] / А. В. Нагорная. — URL: <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 18.03.2021).
3. A case of misused metaphor [Электронный ресурс]. — URL: <https://thestar.com.my/lifestyle/viewpoints/mind-our-english/> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Boers F. A Few metaphorical models in (Western) economic discourse / F. Boers, M. Demecheleer // Discourse and perspective in cognitive linguistics, Liebert, W. A., Redeker, G., Waugh, L. R. eds. Amsterdam: John Benjamins Publishing. — 1997. — 270 p.
5. Britannica. Mixed metaphor [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.britannica.com/art/mixed-metaphor> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes [Электронный ресурс]. — URL: <https://escholarship.org> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Hilpert M. An empirical approach to the use and comprehension of mixed metaphors / M. Hilpert // Review of cognitive linguistics / Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association, John Benjamins Publishing Company. — 2010. — Vol. 8 — P. 66-92.
8. How national belt-tightening goes awry: Economic view. The New York Times [Электронный ресурс]. — URL: <https://nytimes.com> (дата обращения: 04.03.2021).
9. Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond / M. Kimmel // Journal of Pragmatics, January 2010. — Vol. 42, Issue 1. — P. 97-115.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — London: The University of Chicago Press, 2003. — 193 p.
11. Lee M. G. Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system / M. G. Lee, J. L. Barnden // Metaphor and Symbol. April 2001. — №16 (1). — P. 29-42.
12. Nichol M. 3 Cases of Mixed Metaphors [Электронный ресурс] / M. Nichol. — URL: <http://dailywritingtips.com> (дата обращения: 14.09.2020).
13. Show-ankle meaning (yourdictionary.com) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.yourdictionary.com/show-ankle> (дата обращения: 18.03.2021).
14. The Free Dictionary. [Электронный ресурс]. — URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 20.03.2021)
15. Why did Obama give bunker-buster bombs to Israel? [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.yahoo.com/blogs/envoy/why-did-obama-bunker-buster-bombs-israel-145927712.html> (дата обращения: 20.03.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Aristotle. *Ethica. Politica. Rhetorica. Poetica. Categories* / Aristotle. — Minsk: Literatura. — 1989. — 1101 p. [in Russian]
2. Nagornaya A. V. *Smeshannaja metafora kak sredstvo verbalizacii interoceptivnogo opyta* [Mixed metaphor as a means of verbalization of interoceptive experience] [Electronic resource] / A. V. Nagornaya. — URL: <https://www.academia.edu/> (accessed: 18.03.2021). [in Russian]

3. A case of misused metaphor [Electronic resource] – URL: <https://thestar.com.my/lifestyle/viewpoints/mind-our-english/> (accessed: 14.09.2020).
4. Boers F. A Few metaphorical models in (Western) economic discourse / F. Boers, M. Demecheleer // *Discourse and perspective in cognitive linguistics*, Liebert, W. A., Redeker, G., Waugh, L. R. eds. Amsterdam: John Benjamins Publishing. – 1997. – 270 p.
5. Britannica. Mixed metaphor [Electronic resource] – URL: <https://www.britannica.com/art/mixed-metaphor> (accessed: 10.03.2021)
6. Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scenes. [Electronic resource] – URL: <https://escholarship.org> (accessed: 14.03.2021).
7. Hilpert M. An empirical approach to the use and comprehension of mixed metaphors / M. Hilpert // *Review of cognitive linguistics* / Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association, John Benjamins Publishing Company. – 2010. – Vol. 8 – P. 66-92.
8. How national belt-tightening goes awry: Economic view. The New York Times. [Electronic resource] – URL: <https://nytimes.com> (accessed: 04.03.2021).
9. Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond / M. Kimmel // *Journal of Pragmatics*, January 2010. – Vol. 42, Issue 1. – P. 97-115.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – London: The University of Chicago Press, 2003. – 193 p.
11. Lee M. G. Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system / M. G. Lee, J. L. Barnden // *Metaphor and Symbol*. April 2001. – №16 (1). – P. 29-42.
12. Nichol, M. 3 Cases of mixed metaphors [Electronic resource] / M. Nichol. – URL: <http://dailywritingtips.com> (accessed: 14.09.2020)
13. Show-ankle meaning (yourdictionary.com). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yourdictionary.com/show-ankle> (accessed: 18.03.2021).
14. The Free Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (accessed: 20.03.2021).
15. Why did Obama give bunker-buster bombs to Israel? [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.yahoo.com/blogs/envoy/why-did-obama-bunker-buster-bombs-israel-145927712.html> (accessed: 20.03.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.38>**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АНГЛИЙСКИХ МОДАЛЬНЫХ ФРАЗ ПРЕДПОЧТЕНИЯ-СРАВНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ**

Научная статья

Шамина Н.В. *

ORCID: 0000-0001-5522-5205;

Мордовский Национальный исследовательский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

* Корреспондирующий автор (morcap[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются модальные фразы предпочтения-сравнения с точки зрения их семантических и прагматических характеристик, а также модальные функции, реализуемые в высказывании средствами английского языка. Автор предпринимает актуальный комплексный подход к изучению предпочтительно-сравнительной модальности как полимодальности, выраженной в форме модальных фраз, в контексте анализа проблем аксиологической модальности художественного текста. В результате проведенного исследования были углублены представления о модальности художественного текста. Автор приходит к выводу, что логическая основа предпочтения-сравнения структурирована грамматическими средствами, определяющими отношения между субъектом и объектом предпочтения.

Ключевые слова: категория оценки, модальность, полимодальность, фразы предпочтения-сравнения, художественный текст.

THE CHARACTERISTICS OF ENGLISH PREFERENCE-COMPARISON MODAL PHRASES IN THE EVALUATION MODALITY SYSTEM

Research article

Shamina N.V. *¹ ORCID: 0000-0001-5522-5205;

Mordovia National Research N. P. Ogarev State University, Saransk, Russia

* Corresponding author (morcap[at]mail.ru)

Abstract

The article considers the modal phrases of preference-comparison in terms of their semantic and pragmatic characteristics, as well as the modal functions implemented in the utterance by means of the English language. The author takes an up-to-date comprehensive approach to the study of comparative modality as a polymodality expressed in the form of modal phrases in the context of the analysis of the problems of axiological modality of a literary text. As a result of the conducted research, the ideas about the modality of the literary text were deepened. The author concludes that the logical basis of preference-comparison is structured by grammatical means that determine the relationship between the subject and the object of preference.

Keywords: evaluation category, modality, polymodality, preference-comparison phrases, literary text.

Introduction

The relevance of the modal phrases topic is predetermined by its inclusion in the context of the most controversial problems of modern linguistics, which focuses on anthropocentric and modal semantics. Special attention is paid to the correlation of the preference modality with other types of axiological modalities, as well as the typology of logical modalities and the logical laws of constructing preference-comparison modal phrases. The scientific novelty of the research is determined by the current complex approach to the study of the comparison-preference modality as a polymodality. The latter is expressed in the form of modal phrases in the context of the axiological modality analysis. The aim of the study is to analyze the modal phrases of preference-comparison in terms of their semantic and pragmatic characteristics and modal functions implemented in the utterance by the English language means. The goal is to solve the following tasks: 1. to consider the characteristics of modal phrases and modal means of text formation in the system of evaluative modality; 2. to make a typology of logical modalities; 3. to analyze preference in the system of axiological modalities, to study the language models of expressing the preference-comparison modality in English literary texts (see, e.g.: [16]).

Research methods

The methods of semantic-syntactic analysis, logical-semantic analysis, contextual and transformational analysis formed the methodological basis of the study. The theoretical significance of the article is determined by the deepening of scientific ideas about the literary text modality, as well as the syntactic, logical, and the grammatical features of preference-comparison modal phrases in the preferential statements system. The main research results achieved in this work can be further applied for lectures and seminars, the preparation of scientific research, the course, final qualifying works, and this is the practical significance of the work. Modality, considered as a broad semantic category that largely determines the sentence's semantic structure, is the object of linguistic researchers' close attention, which has intensified in recent years in connection with the active development of functional semantics and cognitive linguistics (see, e.g.: [8], [21], [22]). The consideration and study of the modality category in its relation to the evaluation category involves an appeal to the concept expressed in the S. Bally's, E. M. Wolf's [4], V. N. Teliya's studies. The difference is that modality intersects with evaluativeness, the modal values are often absorbed by the evaluative ones. The reference to the subjective modality pragmatic aspects actualizes the problems of the

relationship between pragmatics and evaluation. Linguists express the view that “evaluation is the essence that organizes the linguistic pragmatics beginning” [19, P. 201].

The evaluation modality category analysis led the researchers to the conclusion that there are two types of evaluation: absolute and comparative. The absolute modality uses the categories “good or bad” and assumes a comparison based on common social stereotypes. The comparative one, on the contrary, uses the concepts of “better or worse” and is based on the comparison of objects with each other. In this case, the stereotype formation is preceded by a comparison. The two main types of comparison axiological values can be distinguished as “general assessment and private assessment” [3, P. 198]. Yu. D. Apresyan highlights general, aesthetic, ethical, utilitarian, and truthful assessment [1, P. 64]. From E. M. Wolf’s point of view, assessments are divided into emotional (feelings) and rational (opinions) ones. Yet the researcher minds that the division is conditional, and the ways of expressing the two assessment types in language differ, “showing which principle underlies the judgment about the object’s value, emotional or rational one” [4, P. 40]. T. V. Romanova divides assessments into “ethical, aesthetic, logical and emotional”, as well as “monosubject and polysubject, monomodal and polymodal”, which are different, often opposite assessments of the same object [15, P. 70]. E. M. Wolf distinguishes such assessment properties as emotivity, expressiveness, affectivity, intensification, and, as a result, distinguishes emotive assessment as a special type of assessment. T. E. Milevskaya defines such authorship types as the author-narrator, the author-character, the author-commentator: “The author-narrator, first, demonstrates an assessment at the level of selection of facts and events. In this situation, even the memory selectivity is characteristic. Secondly, he selects linguistic evaluative means for the narration of these facts and events. The author-character exists in the described situation and, most likely, only illustrates it. The author-commentator is the bearer of an explicit assessment from the point of view of today. Implicitly, there is ‘a rating scale and stereotypes’ in his assessment, which he focuses on as a representative of a certain emotional, social and cultural type. Thus, we observe the situation of speech and evaluation coincidence in two of the three author’s hypostases” [13, P. 17–21]. So, a particular text category can be considered from two points of view: first, at the level of function, and, secondly, as a means, at the level of the way of expressing text formation.

Discussion

In modern linguistics it is generally accepted that the modality is based on the evaluation category. T. V. Markelova notes: “Evaluation belongs to the number of human categories proper. It is set by the person’s physical and mental nature, his being and feeling, it sets his thinking and activity, attitude to other people and objects of reality, his perception of art” [10, P. 67]. The assessment is dynamic and relative in each specific situation, since different subjects can evaluate various aspects of what is happening in different ways, individually and subjectively. We can say that the surrounding objects appear in the subjective, individual perception from different qualitative and functional sides, which makes it possible for the evaluation category to exist [12]. In modern linguistics, the evaluation category is studied at several levels, including both the word and the utterance and the text. According to some researchers, “the most difficult object in terms of axiological description is the text, since in the text, as in a complex linguistic object, all the problems associated with the evaluativeness of the word and the evaluativeness of the utterance are found» [11, P. 100]. Analyzing the meaning of the evaluation category, A. N. Maksimov denotes the relationship between preference and evaluation, since, in his opinion, “it is in preference that such properties of evaluation as relativity and dynamism come to the fore. Indeed, preferences do not emphasize the positive or negative properties of a thing as such, but define such things’ properties that allow us to state their advantages over others in a given situation. In another situation, preference may be given to the opposite properties” [9, P. 32]. We can say that any statement that is actualized in a communicative situation, either explicitly or implicitly, contains an assessment.

Next, we will determine the ratio of preference statements with phrases of a moral and ethical nature. The first thing to note is that these statements are similar in content, since the preference and comparison phrases express the speaker’s subjective ideas and desires. Moral and ethical statements, in turn, are aimed at solving the situation of moral choice, express ideas about “bad” and “good”, “should” and “should not”, “goodness and evil”. Moral and ethical statements are also aimed at education, instruction, indication of correct behavior, proper choice. Moral and ethical statements are based on both universal and national-specific concepts that contain information about traditions, moral foundations and norms of social behavior. Thus, moral and ethical statements tell about the values accepted in a particular cultural community (see, for example: [16], [17]).

As for the problem of the optative and preferential statements relations, according to A. N. Maksimov, “the main difference between optative and preferential statements is that they do not express comparison and choice” [9, P. 188]. It is also possible to distinguish between the situations of their use, in which the subject of the statement realizes his desire, in such words as “*I want to sleep*”, “*I would like to have lunch now*” and does not imply the choice of certain alternatives. Thus, the modality of optative utterances can be characterized as “passive dreaminess”, rather than as “volitional choice”, active choice in preferential utterances. The differences between optative and preferential statements can also be made according to the main characteristics. Optative utterances are characterized by the coreference of the speaker and the subject of desire, as well as the addressability and causation of the action. The purpose of optative utterances is to express the feelings and desires of the subject of the utterance, they do not have an addressee and do not imply an embodiment. This is their main difference from imperative statements with a specific addressee, the main purpose of which is to order the execution of an action. Since there are exceptions to each rule, in some situations, optative statements may converge in characteristics with imperative ones, expressing a relaxed urge.

Let us consider the main aspects of the differences between pure comparisons and modal preference-comparison phrases, based on the scientific ideas of A. N. Maksimov [9]. First of all, the comparison proposals are aimed at stating the non-equivalent amount of the attribute of individual objects, without referring to the analysis of their utility for the subject. Comparing one object with another, the subject of the statement is in a situation of alienation from these objects. In the preference-comparison modal phrases, the dominant goal is the situation of choice, when the comparison is made not as an object, but as useful, utilitarian one in this particular situation for the subject. To a small extent, the comparative degrees of

adjectives, such as “better” or “worse”, “bigger” or “smaller”, which are immanent in comparative sentences, are used in constructions with the preference for comparison modality. Thus, comparison phrases can be considered as the basis of the comparison preference modality.

One of the most relevant areas of research in the field of modality category analysis is the search for directions of correspondence between “modal categories in logic and language, the presentation of the grounds for the synthesis of logical and linguistic understanding of modality by establishing a correlation between the categories of modality and the categories of language means used to express the category of logical modality in speech” [7, P. 71]. The first type of logical modality is called alethic, epistemic, or cognitive modality. This type of modality has an ancient origin and was developed by Aristotle, who characterized the alethic modality as follows: “Alethic modality is a characteristic of a statement that includes such modal operators as “necessary”, “possible”, “impossible” (quoted by: [2, p. 32]). Epistemic modality was developed by I. Kant, who distinguished solid knowledge, assumption and faith. Modern logic defines the content of epistemic modality as follows: “We can distinguish, in particular, epistemic modal concepts related to provability: “provable”, “refutable”, “unsolvable” [6, pp. 77–78]. Consequently, modern modal logic involves the study of the epistemic modality of statements containing various kinds of theoretical and cognitive processes [16], [18]. Summarizing the above, we can conclude that both the alethic and epistemic modalities are predetermined by the limited knowledge of the subject of the utterance.

There is a problem of distinguishing between the two types of modality. In some cases, the terms mentioned above are interpreted as synonymous. In linguistics, these modality types are distinguished by different classes of language means. Thus, epistemic modality, understood as a reflection on the cognitive mode of the knowledge subject, is usually expressed by such verbs as “I know”, “I admit”, “I believe”. At the same time, the alethic modality expression as the assessment of a statement’s truth occurs through “perhaps”, “of course”, “most likely”, “obviously”, “probably”, “possibly”, and in certain cases – through the modal predicates “can”, “may”, “might”, “must”.

In modern linguistics, the concept of “epistemic modality” appeared only in the XXth century. A number of works by such researchers as Yu. D. Apresyan [1], E. V. Paducheva [14], M. A. Dmitrovskaya [5] are devoted to verbs that characterize intellectual activity. Another type of logical modality is the deontic modality, which is expressed by the modal means of the values of duty, possibility, and resolution. Deontic modality is aimed at describing and characterizing an action from the point of view of a certain system of norms. Normative logic studies the normative characteristic of an action and is expressed in terms of “mandatory”, “prohibited”, “permitted”, and “indifferent”. The idea that norms are based on logic was developed over the millennia by Aristotle, the Stoics, medieval philosophers, G. Leibniz, D. Hume. For the first time, the idea of creating a normative concepts formal theory was put forward by E. Malley in the work “Elements of the Logic of Will”, 1926 [20]. But this work was predetermined by I. Bentham’s ideas, who proposed the term “deontology” itself, dedicated to the section of ethics, which deals with the problems of duty and moral requirements (“Deontology, or The Science of Morality», 1834). In the XX century, the problems of the norms study were dealt with by G. H. von Vrigt, A. A. Ivin (see, e.g.: [6]).

Summarizing the above, it should be noted that the sign of “positivity”, or “preference”, in the sense of “utility” can be considered both from an objective and subjective point of view. It can be assumed that situations have some objective properties that, in the general opinion of researchers, are interpreted as due and proper, and, as a result, are preferred. These objective properties are aimed at determining what this object should actually be, and what it should not be. In other words, a particular object can be called preferred in a situation where it meets specific requirements. For instance, the equipment must be comfortable, ergonomic and reliable, otherwise work or creativity will not be effective. On the contrary, it is possible to distinguish such properties of objects that the subject prefers individually, regardless of general standards and opinions. For example, the phrase “This is a larger room” may express a subjective preference for a person who likes spacious rooms. The statement “This is a brighter tie” may express an individual preference for a person whose taste prefers bright ties. Therefore, it is possible to make a conditional distinction between objective and subjective preferences.

Next, we will consider the main situations of grammatical use of the comparative “better”. First of all, it can be applied in a sentence as a circumstance of measure and degree and, therefore, take a proper position in relation to the verb (*be better, love / like better*). The comparative better can be used as an adjective, for example, “That’s a better deed than many”. In this variant, the modality of preference is the speaker’s relation to the entire propositional name expressed in the sentence. “Had better”, “would rather”, “would sooner” are a relatively small group of phrases that provide the preference-comparison modality expression. These phrases are correctly considered as an analog of the word “prefer”. These phrases’ analysis shows that the words “had” or “would” do not have a separate meaning in them, due to the fact that other forms are not used in these idioms, as well as in colloquial modern speech, they are abbreviated to the letter ‘d. It is fair to assume that these phrases can be considered as the most commonly used schemes for expressing the preference-comparison modality.

As for the meaning and purpose of the framework construction “what more... than...?”, then it can be considered as a means of maximizing the superiority of one object or action in relation to others. The most common use of this phrase is in situations of emotionally expressed comparison-preference, for example: “What more do we need than a glass of sherry to talk over the latest happenings of the world”. The modality of preference-comparison can also be expressed by the structure of the sentence, which implies the inclusion of such conjunctions as *or, or else, either or, otherwise*, comparative conjunctions *rather than, in preference to*. The comparison operation can be considered as the implementation of the process of selecting the most priority, relevant option. The choice of an object by comparing the preference is due to a number of objective and subjective circumstances and can be defined as the object’s positive properties, its beneficial qualities in this particular situation and the person’s necessity or individual preferences.

Conclusion

In a literary text, the modality of preference-comparison is realized through a complex set of lexical and grammatical means. Logical structure of modal phrases preference-comparison is a systematic relationship between the number of arguments that can be represented in the following structure: subject, object, preference, and other objects of comparison,

rational justification of the choice, emotional description of the preferred properties of the object of choice. Based on the analysis of a number of sentences from literary texts, it can be concluded that will expression phrases can be considered as constructions of abbreviated preference. From such abbreviated phrases, it is possible to restore the alternatives from which the choice was made. In addition, the preference-comparison phrases are similar in the ways of expression.

Thus, the present article notes the complex nature of statements of preference and comparison. The study examines a number of lexemes with the meaning of the preference-comparison modality, such as *"prefer"*, *"choose"*, *"favour"*, *"taste"*, as well as analytical combinations of *"would rather"*, *"had better"* and phrases with the adjective or adverb *"better"*. We can say that they represent a certain synthesis of the modalities of will, desirability, and comparison. The article briefly analyzes the lexical and grammatical means of expressing the modality of preference-comparison. The logical basis of preference-comparison is structured by grammatical means that determine the relationship between the subject and the object of preference, the comparative relationship between them, aimed at ensuring the choice of an object from possible alternatives. Lexical means fill the logical basis built up by grammatical means.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Апресян Ю. Д. Языки русской культуры / Апресян Ю. Д. // Избранные труды. Т. II. – М., 1995. – 766 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Арутюнова Н. Д. – М.: Наука, 1999. – 896 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вольф Е. М. – М., 1985. – 228 с.
5. Дмитриевская М. А. Знание и достоверность / Дмитриевская М. А. // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 166–188.
6. Ивин А. А. Логика / Ивин А. А. – М.: Фаир-пресс, 2000. – 320 с.
7. Костюченко В. Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза / Костюченко В. Ю. // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. № 3. – С. 71–82.
8. Ломаев Б. Ф. К вопросу о модальности в логике и лингвистике / Ломаев Б. Ф. // Филология и лингвистика в современном обществе. Мат-лы II Междунар. науч. конф. – М., 2014. – С. 88–90.
9. Максимов А. Н. Модальность предпочтения и ее выражение в современном английском языке / Максимов А. Н. // Вестник Костромского государственного университета. 2008. № 1. – С. 184–188.
10. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Маркелова Т. В. // Филологические науки. 1995. № 3. – С. 67–79.
11. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста / Марьянчик В. А. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 11. – С. 100–103.
12. Мерзлякова Н. П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 228 с.
13. Милевская Т. Е. Природа оценки в мемуарном жанре / Милевская Т. Е. // Мат-лы XXX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов, С.-Петербург, 11-17 марта 2001 года. Вып. 13: Стилистика художественной речи. – СПб, 2001. – С. 17–21.
14. Падучева Е. В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки / Падучева Е. В. // Труды международной конференции «Диалог 2006». – М., 2006. – С. 403–413.
15. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность / Романова Т. В. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 310 с.
16. Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840–1870-х годов (Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Элиот): дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2005. – 235 с.
17. Шамина Н. В. Онлайн-обучение в образовательном процессе: сильные и слабые стороны / Шамина Н. В. // Казанский педагогический журнал. – № 2 (133). – Казань, 2019. – С. 20–25.
18. Шамина Н. В. Общие теоретические основы анализа высказываний предпочтения-сравнения в системе аксиологических модальностей (на материале английского языка) / Шамина Н. В., Сеничева В. Н. // Международный научно-исследовательский журнал. – № 6-3 (96). – Екатеринбург, 2020. – С. 152–158.
19. Язык и антропологические сущности / Кубанский госуд. ун-т. Отв. ред. Г. П. Немец. – Краснодар, 1997. – 393 с.
20. Mally, Ernst, 1926, Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens, Graz: Leuschner und Lubensky, Universitäts-Buchhandlung. Reprinted in Ernst Mally, Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens, Karl Wolf and Paul Weingartner (eds.). – Dordrecht: D. Reidel, 1971. – Pp. 227–324.
21. Shamina N. V. On Modality as a Linguistic Category / Shamina N. V., Senicheva V. N. // Colloquium-journal. № 23-4 (47), 2019. – С. 46–48.
22. Shamina N. V. On Specific Issues of Legal Translation and the Ways of Conveying Modality / Shamina N. V., Senicheva V. N. // Мат-лы XXII науч.-практ. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов. В 3 ч. / Нац. исслед. МГУ им. Н. П. Огарёва. – Саранск, 2019. – С. 309–314.

Список литературы на английском / References in English

1. Apresyan Yu. D. Jazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian Culture] / Yu. D. Apresyan // Izbrannye trudy T. II [Selected Works. Vol. II]. - M., 1995 – 766 p. [in Russian]
2. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse] / N. D. Arutyunova // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. - M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990, pp. 136-137 [in Russian]
3. Arutyunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the Human World] / N. D. Arutyunova -M.: Nauka, 1999. - 896 p. [in Russian]
4. Volf E. M. Funkcional'naja semantika ocenki [Functional Semantics of Evaluation] / E. M. volf-M., 1985 – 228 p. [in Russian]
5. Dmitrovskaya M. A. Znanie i dostovernost' [Knowledge and Authenticity] / M. A. Dmitrovskaya // Logicheskij analiz jazyka. Pragmatika i problemy intensional'nosti [Logical Analysis of the Language. Pragmatics and Problems of Intensionality]. - M.: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1988, pp. 166-188 [in Russian]
6. Ivin A. A. Logika [Logic] / A. A. Ivin -M.: Fair-press, 2000. - 320 p. [in Russian]
7. Kostyuchenko V. Yu. Kategorija modal'nosti s tochki zrenija logiki i lingvistiki: skhodstva, razlichija i perspektivy sinteza [The Category of Modality From the Point of View of Logic and Linguistics: Similarities, Differences, and Prospects of Synthesis] / V. Yu. Kostyuchenko // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Journal of the Belarusian State University. Philology]. 2018. No. 3, pp. 71-82 [in Russian]
8. Lomaev B. F. K voprosu o modal'nosti v logike i lingvistike [On the Modality in Logic and Linguistics] / B. F. Lomaev // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve. Mat-ly II Mezhdunar. nauch. konf. [Philology and Linguistics in Modern Society. Proceedings of the II International Scientific Conference] - M., 2014, pp. 88-90 [in Russian]
9. Maksimov A. N. Modal'nost' predpochtenija i ee vyrazhenie v sovremennom anglijskom jazyke [The Modality of Preference and Its Expression in Modern English] / A. N. Maksimov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]. 2008. No. 1, pp. 184-188 [in Russian]
10. Markelova T. V. Semantika i pragmatika sredstv vyrazhenija ocenki v russkom jazyke [Semantics and Pragmatics of the Means of Expressing Evaluation in the Russian Language] / Markelova T. V. // Filologicheskie nauki [Philological Sciences]. 1995. No. 3, pp. 67-79 [in Russian]
11. Maryanchik V. A. Ocenka kak kategorija teksta [Rating As a Text Category] / V. A. Maryanchik // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"]. 2011. No. 11, pp. 100-103 [in Russian]
12. Merzlyakova N. P. Sistema neprototipicheskikh sredstv vyrazhenija sub'ektnykh modal'nykh znachenij [System of Non-Prototypical Means of Expressing Subject Modal Values]: Candidate's thesis. Philological Sciences / N. P. Merzlyakova. - Izhevsk, 2010. - 228 p. [in Russian]
13. Milevskaya T. E. Priroda ocenki v memuarom zhanre [The Nature of Evaluation in the Memoir Genre] / T. E. Milevskaya // Mat-ly XXX mezhvuz. nauch.-metod. konf. преподаvatelej i aspirantov, S.-Peterburg, 11-17 marta 2001 goda. Vyp. 13: Stilistika khudozhestvennoj rechi [Proceedings of the XXX Interacademic Scientific and Method Conference of Teachers and Postgraduates, St. Petersburg, March 11-17, 2001. Issue 13: Stylistics of Artistic Speech]. - St. Petersburg, 2001, pp. 17-21 [in Russian]
14. Paducheva E. V. Nabljudatel': tipologija i vozmozhnye traktovki [Observer: Typology and Possible Interpretations] / V. E. Paducheva // Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2006» [Proceedings of the International Conference "Dialog 2006"]. - M., 2006, pp. 403-413 [in Russian]
15. Romanova T. V. Modal'nost'. Ocenka. Ehmocional'nost' [Modality. Evaluation. Emotionality] / T. V. Romanova - Nizhny Novgorod: Publishing house of The Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2008 – 310 p. [in Russian]
16. Shamina N. V. Zhenskaja problematika v viktorskom romane 1840–1870-kh godov (Dzhejn Osten, Sharlotta i Ehmili Bronte, Dzhordzh Eliot) [Women's Issues in Victorian Novels of the 1840s and 1870s (Jane Austen, Charlotte and Emily Bronte, George Eliot)]: Candidate's thesis. Philological Sciences / N. V. Shamina. - Saransk, 2005. - 235 p. [in Russian]
17. Shamina N. V. Onlajin-obuchenie v obrazovatel'nom processe: sil'nye i slabye storony [Online Learning In the Educational Process: Strong and Weak Sides] / N. V. Shamina // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]. – № 2 (133). - Kazan, 2019, pp. 20-25 [in Russian]
18. Shamina N. V. Obshhie teoreticheskie osnovy analiza vyskazyvanij predpochtenija-sravnjenja v sisteme aksiologicheskikh modal'nostej (na materiale anglijskogo jazyka) [General Theoretical Foundations of the Analysis of Propositions of Preference-Comparison in the System of Axiological Modalities (Based On the English Language)] / N. V. Shamina, V. N. Senicheva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – No. 6-3 (96). - Yekaterinburg, 2020, pp. 152-158 [in Russian]
19. Jazyk i antropologicheskie sushhnosti [Language and Anthropological Entities] / Kuban State University, Edited by G. P. Nemets – Krasnodar, 1997. - 393 p. [in Russian]
20. Mally, Ernst, 1926, Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens, Graz: Leuschner und Lubensky, Universitäts-Buchhandlung. Reprinted in Ernst Mally, Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens, Karl Wolf and Paul Weingartner (eds.). – Dordrecht: D. Reidel, 1971. – Pp. 227–324.
21. Shamina N. V. On Modality as a Linguistic Category / Shamina N. V., Senicheva V. N. // Colloquium-journal. № 23-4 (47), 2019. – С. 46–48.
22. Shamina N. V. On Specific Issues of Legal Translation and the Ways of Conveying Modality / Shamina N. V., Senicheva V. N. // Мат-лы XXII науч.-практ. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов. В 3 ч. / Нац. исслед. МГУ им. Н. П. Огарёва. – Саранск, 2019. – С. 309–314.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.31>**МОТИВИРОВАННОСТЬ АРГО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Научная статья

Ускова А.И. *

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (uskanna[at] mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию мотивированности русского и английского аргот на материале соматической лексики. В ходе исследования выявлены типы мотивированности, преобладающей в рамках данного пласта лексики, определены компоненты-соматизмы, характерные для каждой из подсистем языков (нога, рука, голова, волосы, глаза, нос, уши, рот, лицо, пальцы, мозг). Результаты показали, что соматизмы активно участвуют в деривационных процессах обоих языков. Было определено, что в русском и английском аргот наблюдается высокая частотность употребления арготизмов с компонентами нога, рука и голова. Также компоненты-соматизмы активно участвуют в создании длинных синонимических рядов, что подтверждает антропоцентричность мировоззрения представителей преступного мира.

Ключевые слова: аргот, арготизм, мотивация, соматизм, соматический код, криминальная субкультура.

MOTIVATION OF THE ARGOT (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Research article

Uskova A.I. *

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

* Corresponding author (uskanna[at] mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the motivation of the Russian and English argot on the material of somatic vocabulary. During the investigation, the types of motivation that prevail within this layer of the vocabulary were identified, the somatic components (foot, hand, head, hair, eyes, nose, ears, mouth, face, fingers, brain), characterizing each of the language subsystems, were revealed. The results showed that somatisms are actively involved in the derivational processes of both languages. It was determined that in the Russian and English argot there is a high frequency of the use of argotic units with such components as leg, hand and head. Also, somatic components are actively involved in the creation of long synonymic chains which confirms the anthropocentric worldview of the representatives of the underworld.

Keywords: argot, argotic unit, motivation, somatism, somatic code, criminal subculture.

Introduction

Comparative analysis of substandard systems of languages of different structures, such as Russian and English, is of considerable interest, since lexical units, belonging to them, accumulate various facts of subcultures, reflect specific phenomena, features of the worldview and mentality of linguistic communities. In the substandard vocabulary, including argot, the uniqueness of the way of life and culture of the particular people is clearly manifested.

Being an evolving system, argot constantly enriches its vocabulary, conceptualizing the knowledge of representatives of the criminal subculture. Due to the anthropocentric nature of argot, the names of body parts play an important role in the conceptualization of a person's experience. Modern studies show that it is the part of the vocabulary related to the ancient layer of the language that is widely used to create words with abstract semantics and is actively involved in derivational processes [1], [2], [3], [7].

The purpose of the research is to examine the specifics of the motivation of Russian and English argotic units on the basis of somatisms. To achieve it we used the dictionaries of argot: Grachev M.A. "Dictionary of the Thousand-Year Russian Slang" [4] and T. Danzell "The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English" [8].

Method

Over 600 relevant examples of somatisms were collected on the basis of the argot dictionaries of the Russian and English languages by using the method of continuous sampling. To determine their motivation and to classify them, semantic analysis, as well as comparative analysis was used.

Discussion

The problem of reflecting reality in language is the basis for studying the motivation of a derivative word [5]. Motivation clearly expresses the main epistemological function of the word – the linguistic fixation of knowledge. In addition, motivation introduces the name into the language system as a linguistic unit. Motivation develops a linguistic unit and actualizes it in the process of functioning [10, P. 291].

Motivation is understood as the relationship between the signified and the signifier in a linguistic sign or the relationship between signs, explaining the use of a sign as a name for some entity [9].

It should be noted that the prevailing number of argotic units have a certain motivation. The stimulus for updating the argotic vocabulary is the emergence of realia for which there is no special name in the language and the obsolescence of an argotic unit or its transition to other categories of the vocabulary, for example, slang and then even standard language.

Language nomination is based on the choice of a feature that explains the name. This feature is called motivating. The specificity of argot, used within the criminal subculture, is achieved by the choice of special features that characterize the phenomena of the surrounding reality [6]. The choice of a motivating feature is an extra-linguistic aspect, associated with the cognitive activity of a representative of the criminal world.

There are three types of motivation in linguistics:

phonological,
structural,
semantic [10, P. 297].

Phonetic motivation is practically not inherent in the argot of the languages under consideration. In Russian and English argot, lexemes of the literary layer, based on onomatopoeia, are rethought and receive new designations. For example, Russian argotic unit *кукушка* means an *informant* (arg. *куковать*, i.e. to make the sounds of a cuckoo; figurative meaning is to inform) or the English lexeme *boo-yakka* means to *shoot* (the imitation of the sounds of a shot). However, the examples given are motivated not only phonetically, but also semantically.

Most argotic units are structurally or semantically motivated. In this regard, the category of argotic somatic units /units with a somatic component is especially representative. By somatism we understand the name of the parts of the human body. This type of vocabulary belongs to the most ancient layer of language and is distinguished by a high frequency of use, lots of connotative meanings, and high word-forming productivity. For example, *руки в зору* – raise your hands up, *an eye* – a passport; *brain surgeon* – a poker player who over-analyzes every situation, *button your lip* – to stop talking.

Obviously, for all languages of the world, the somatic code of culture is recognized as universal, which is explained by the desire of a person to discover the world around him, projecting onto him and society the specifics of the structure of his own body and the functional characteristics of its parts. It is essential for a man to correlate his orientation in space and the assessment of the environment with parts of his body. However, the proportion of the somatic cultural code among different peoples is nationally and culturally determined.

Results

The results of the research are given in the table below.

Table 1 – Frequency of usage of argotic units with somatic component

Somatism	Number, Russian argot	Number, English argot
leg	50	45
hand	45	51
head	44	39
hair	37	18
eyes	29	34
nose	27	26
ears	27	18
mouth	21	25
face	15	12
fingers/toes	13	33
brain	7	31

The study of argotic units with somatism revealed the following body parts that act as the nuclear components of words and set expressions of the somatic linguocultural code: **leg**: *делать ноги* – to run away/ *dead-leg* – a useless person; **hand**: *рукопашиничать* – to misbehave / *chalk hand* – in poker, a hand that is almost certain to win; **head**: *голову на рукомойник* – to stab smb./ *old head* – an older prisoner; **hair**: *волосатик* – a suspicious for professional criminals person, who communicates with them/ *hairbagger* – an experienced police officer; **eyes**: *глаз мутный* – an informant/ *eye in the sky* – a police helicopter; **nose**: *носонырка* – a face/ *freeze your nose* – to use cocaine; **ears**: *дать по ушам* – to hit hard/ *on the earie* – alert, informed; **mouth**: *налец в рот* – not a sound!/ *cotton mouth* – a dryness of the mouth as a result of smoking marijuana; **face**: *вывернуть на лицо* – to commit a crime/ *bagel face* – a Jewish person; **fingers/toes**: *гнуть пальцы* – to behave like an experienced criminal/ *stiff-toe gang* – the dead, *finger a collar* – to make an arrest; **brain**: *коптить мозги* – to lie/ *brain screw* – a prison psychological counselor.

The examples show that users of the Russian and English argot, most often appeal to the images of the legs, hands or a head. The least frequent in the Russian argot are the units with somatism *brain*, however, in English, on the contrary, this somatism is productive. Somatism *face* is rarely used in the English argot. Also, in addition to the examples listed in the table, we noted somatisms denoting *heart*, *bones*, *skin*, *back*, *tongue*, *genitals*, but to a much lesser extent.

Somatic components are a strong motivating basis for argotic units that characterize a person. The importance of the head as a part of the human body that contains the brain, organs of vision, smell and hearing is manifested in a significant number of the argotic units with components-somatisms (hair, eye, nose, ear), both in the Russian and English argot.

The component “*head*” is used to characterize a person in both languages. The lexeme “head” itself is a part of combinations of different structures and lexical and semantic features. At the same time, it is mainly used to convey the concept of “mental activity”. Thus, argotic units can denote the mental abilities of a person: *голова фанерная* – a stupid person or *масло в голове* – an intelligent person. In the above-mentioned examples, the figurative meanings of argotic units are realized, i.e. there is a comparison of the head with a “tree”, an object without feelings and the mind, or a receptacle of the mind.

In the English language, the argotic units with somatism *head* are used to convey certain states of a person: *juicehead* – an alcoholic, *debthead* – a prisoner who is continually in debt. These units have a similar structure (a combination of conventional “juice” (reinterpreted in argot as alcohol) or “debt” with *head* (a person considered as a single attribute), which allows us to deduce the figurative meaning.

It should be mentioned that a specific characteristic of argotic units with a somatic component of both languages is the synonymic chains: *делать ноги/ вставлять ноги/ рисовать ноги* – to run away; *cottonhead/ crackhead/ cube head* – a drug addict.

Conclusion

The research has shown that argotic units, which include somatisms, reflect the specifics of the worldview of representatives of the underworld due to a wide range of images embedded in their internal form. Thus, motivational relationships in argot are realized. The most common somatisms in both languages are *leg, hand, head, hair, eyes, nose, ears, mouth, face, fingers, brain*. They are part of argotic units, which can be different in their structure and lexical and semantic content and, due to rethinking, are actively involved in the formation of new units. A large number of lexemes with somatisms testifies to the anthropocentric worldview of representatives of the criminal subculture.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аверина М.А. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков/ М.А. Аверина, Е. И Болдырева / Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). – С. 11-13.
2. Башкатова Ю. А. Культурный смысл соматизмов (на материале английского и русского языков) /Ю.А.Башкатова // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2012. – № 4 (52). Т. 3. – С. 58–61.
3. Богус З. А. Соматизмы в разнотипных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты : на материале русского, адыгейского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 защищена 25.12.06: утв. 13.04.07 / Богус Замира Аслановна . – Майкоп, 2006. – 222 с
4. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргот / М.А.Грачев. – М. : РИПОЛ-Классик, 2003. –1320 с.
5. Сидорова Т. А. Типология мотивированности слова в когнитивном аспекте / Т.А. Сидорова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 4. – С.65-72.
6. Ускова А. И. Статус аргот в английском языке и художественной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 защищена 20.10.14: утв. 16.03.15 / Ускова Анна Игоревна. Воронеж, 2014. –174 с.
7. Чумичева Т. С. Соматические фразеологизмы в британском и американском вариантах английского языка (сопоставительный аспект) / Т.С. Чумичева // Вестник Костромского гос. унив. – 2010. – № 1. – С. 118-212.
8. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T.Dalzell, T. Victor. – Routledge, 2007. –740 p.
9. Habeeb M. Areef. Arbitrariness: the first principle of linguistic sign/ Areef Habeeb M. // JOURNAL OF INTERNATIONAL ACADEMIC RESEARCH FOR MULTIDISCIPLINARY. – 2016. –Volume 4. – P. 91-103.
10. Swanepoel P. H. Linguistic motivation and its lexicographical applications / P.N. Swanepoel. In: Alvar Ezquerria M, (ed.) 1992. – P. 291-314.

Список литературы на английском / References in English

1. Averina M.A. Somatism as a component of the phraseological unit in Russian and English] / M.A. Averina. E. I Boldyreva / Bulletin of the modern science and education. – Tambov: Gramota, 2013. № 6 (73). – P. 11-13. [in Russian]
2. Bashkatova Yu. A. Kul'turnyj smysl somatizmov (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [Cultural meaning of body parts names (in the English and Russian languages)] /Yu.A.Bashkatova // Bulletin of the Kemerovo State University. – 2012. – № 4 (52). Vol. 3. – P. 58–61. [in Russian]
3. Bogus Z. A. Somatizmy v raznosistemnyh yazykah: semantiko-slovoobrazovatel'nyj i lingvokul'turologicheskij aspekty : na materiale russkogo, adygejskogo i anglijskogo yazykov [Somatisms in the languages with different systems: semantic-derivational and linguo-culturologic aspects]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.02, 10.02.20 defense of the thesis 25.12.06: approved 13.04.07 /Bogus Zamira Aslanovna. – Majkop, 2006. – 222 p. [in Russian]
4. Grachev M.A. Slovar' tysyacheletnego russkogo argo [Dictionary of the Thousand-year Russian Slang] / M.A. Grachev. – M., RIPOL-Klassik Publ., 2003. –1320 p. [in Russian]
5. Sidorova T. A. Tipologiya motivirovannosti slova v kognitivnom aspekte [Motivation word typology in cognitive aspect] / T.A. Sidorova // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. – 2016. – № 4. – P.65-72. [in Russian]
6. Uskova A. I. Status argo v anglijskom yazyke i hudozhestvennoj rechi [Status of the argot in the English language and a literary speech]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04 defense of the thesis 20.10.14: approved 16.03.15/ Uskova Anna Igorevna. Voronezh, 2014. –174 p. [in Russian]
7. Chumicheva T. S. Somaticheskie frazeologizmy v britanskom i amerikanskom variantah anglijskogo yazyka (sopostavitel'nyj aspekt) [Somatic phraseological units in the British and American variants of the English language]/ T.S. Chumicheva // Bulletin of the Kostroma State University. – 2010. – № 1. – P. 118-212. [in Russian]
8. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T.Dalzell, T. Victor. – Routledge, 2007. –740 p.
9. Habeeb M. Areef. Arbitrariness: the first principle of linguistic sign/ Areef Habeeb M. // JOURNAL OF INTERNATIONAL ACADEMIC RESEARCH FOR MULTIDISCIPLINARY. – 2016. –Volume 4. – P. 91-103.
10. Swanepoel P. H. Linguistic motivation and its lexicographical applications / P.N. Swanepoel. In: Alvar Ezquerria M, (ed.) 1992. – P. 291-314.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.30>**НОРМАТИВЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Научная статья

Марченко О.П. *

ORCID: 0000-0002-5716-6744,

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (olga.p.marchenko[at]gmail.com)

Аннотация

Цель исследования - сравнить сходство частоты называния слов в семантических категориях на родном (L1) и иностранном (L2) языках при разных уровнях языковой компетенции, и разработать категориальные нормативы для английского как иностранного. В выборку вошли 120 русскоговорящих студентов с высоким, средним и низким уровнем владения L2. Участников попросили перечислить за 30 секунд как можно больше слов, относящихся к категории. Рассчитывалась частота каждого слова в категории для русского и английского языков для всей выборки и отдельно для группы с высоким, средним и низким уровнем владения языком. Для измерения схожести частотных распределений слов для каждой категории между русским и английским языками использовались коэффициенты близости Хеллингера (НА). Уровень сходства между частотными распределениями на родном и иностранном языках был сильнее в группе с высоким уровнем владения вторым языком, по сравнению с группой с низким уровнем владения. Это показывает, что уровень владения языком важен для того, чтобы дать человеку возможность выразить себя. Стабильные различия между английским языком как L2 по сравнению с американскими нормами подтверждают необходимость использования для тех индивидов, для которых английский язык является иностранным, нормативов семантических категорий, разработанных специально для них. Высокий уровень надежности позволяет использовать эти частотные показатели 45 семантических категорий как нормативные для носителей русского языка, изучающих английский язык. Полученные категориальные нормативы для английского языка как иностранного можно использовать для диагностики когнитивных нарушений и исследований категоризации в L2 на русскоговорящей выборке, поскольку показатели частоты называния слов могут повлиять на результаты.

Ключевые слова: уровень владения языком, родной язык, иностранный язык, категориальные нормативы, частота называния.

SEMANTIC CATEGORY NORMS OF ENGLISH LANGUAGE FOR NATIVE RUSSIAN SPEAKERS

Research article

Marchenko O.P. *

ORCID: 0000-0002-5716-6744,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

* Corresponding author (olga.p.marchenko[at]gmail.com)

Abstract

This study aimed to compare the similarity (proximity) of category norms in native (L1) and foreign languages (L2) in different levels of language proficiency and to develop category norms of the English language as L2 for Russian native speakers. The sample included 120 students with high, average, and low levels of L2 proficiency. Participants were instructed to write as many words which come to mind from a category as they could in 30 seconds. The total frequency of each word in a category for Russian and English languages was determined for the whole sample and separately for the group with high, average, and low levels of language proficiency. Aiming to determine the overlap of the exemplar frequencies for each category between Russian and English in three different levels of language proficiency, Hellinger Affinity (HA) indexes were computed. The level of affinity between frequency distributions in native and foreign languages was stronger in the group with a high level of L2 proficiency compared to the group with a low level of proficiency. It shows that the level of language acquisition is important to give a person the possibility to express him/herself. Stable differences between the English language as L2 compared to North American norms support the necessity of using special category norms elaborated for L2 in studies of non-native English speakers. Strong reliability indexes for categories suggest that these frequency scores for 45 semantic categories can be accepted as normative for native Russian speakers learning English as L2. Category norms for English as a second language can be applied for diagnosing cognitive impairments and for studies of categorization using L2 in a Russian sample as a generation frequency variable can affect the results.

Keywords: language proficiency, L1, L2, category norms, exemplar generation frequency.

Introduction

Considering the fact that language and culture are interdependent, the problem of cross-cultural differences in categorization raises the question of how language acquisition influences the category structure. It has been found previously that there is a great impact of the native language's conceptual organization on category generation in the foreign language for culture-specific categories (e.g., *Kind of Food, Vehicles*) [2]. One can suggest that the level of language competence along with cultural background can affect the category structure. Thus, the present study was aimed to compare the similarity of the structure of a category in the first and second languages at different levels of foreign language proficiency. The method of naming items from a particular semantic category enables to determine the category content and the level of dominance of items in a category (category frequency of words). The divergence in the organization of a category in the first (L1) and second

language (L2) can be measured through the overlap between the generation frequencies of words named in this category in the first and second languages. We hypothesized that the level of affinity between frequency distributions in native and foreign languages will be stronger in the group with a high level of L2 proficiency compared to the group with an average and low level of L2 proficiency. Another goal of the study was to test whether the affinity between L2 norms and North American norms is getting stronger if the level of L2 proficiency grows. If the affinity with North American norms is consistent with the level of proficiency of L2, it will show that category norms depend mainly on the level of language proficiency and are affected by the involvement in the culture, the language represents. In case the affinity with North American norms will not be consistent with the level of L2 proficiency, one can suggest that at least in academic bilinguals, native language culture uniquely affects category norms in L2. If this suggestion meets the reality, then L2 category norms cannot be replaced by native L1 norms developed in the native speakers' population. Thus, in this case, another purpose of the research was to develop category dominance norms for English as an L2 language in Russian speakers' sample.

Methods

Participants

One hundred twenty Russian speakers 18-27 years (Mean=20(1.9), 15 men) who are English language learners were recruited in the study. The sample included undergraduate students with a level of language proficiency ranging from A2 to C2 according to Common European Framework classification, and from 2 to 5 according to the Russian university grade system. Part of the participants were undergraduate students majoring in Linguistics. Participants were divided into three groups according to university scores, the Common European Framework classification, experience of using language in everyday life, and verbal fluency. The sample included 40 students with a high level of second language proficiency (Mean=20(1.9), 38 women), 40 students with an average level of second language proficiency (Mean=20(2.05), 30 women), and 40 students with a low level of second language proficiency (Mean=20(1.2), 37 women).

Procedure

Participants were instructed to write as many words which come to mind from a category as they could in 30 seconds. The task was performed for 45 semantic categories (Vegetables, Birds, Trees, Musical Instruments, Toys, etc.).

Each student carried out the task in Russian (L1) and English language (L2). The list of categories was randomized. The total frequency of each word in a category for Russian and English language and the frequency item was named first in the list were determined for the whole sample and separately for the group with high, average, and low levels of language proficiency. Aiming to determine the overlap of the exemplar frequencies for each category between Russian and English in three different levels of language proficiency, we computed Hellinger Affinity (HA) indexes [6]. The value of HA indexes varies from 0 to 1, where 1 means the maximal match of two frequency lists. Friedman's χ^2 test, Wilcoxon T-test, and Student T-test were used to compare HA scores between L1, L2, and North American norms at different levels of proficiency. Pearson's χ^2 -test with Yates' correction for continuity was applied to compare the total generation frequency of each word between the first and second language in three levels of proficiency. For comparing the ratios of exemplars, which had significant differences ($p < 0.05$) between L2 and NA in different levels of language proficiency, the two-tailed Pearson χ^2 -test was used. North American category dominance norms for 35 categories (NA) were taken from Van Overschelde et al. [4], [5]. HA indexes for category dominance norms between samples from different regions for the Russian language were taken from Marchenko et al. [3]. For statistical analyses, IBM SPSS 25 and Microsoft Excel were used.

Results

For words in 45 categories, the total frequency and frequency item was named first in the list were calculated in both languages. The reliability Spearman-Brown indexes for categories in L2 were strong ($m = 0.99$, see supplementary material: Table 1) shows that these category dominance values can be accepted as normative for native Russian speakers learning English as a second language. Category dominance values for words named at least two times are provided in Supplementary materials for this paper (see Supplementary material: Table 2).

The HA was counted for frequency distributions of Russian and English languages, as well as for English and NA norms separately for samples of high, average, and low levels of language proficiency (see Table 1). HA indexes were measured between two randomly divided samples of second language data (Split-half HA) with the purpose to present zero affinity as well.

Table 1 – HA indexes in three levels of language proficiency

	Median	Mean	SD
High level of L2 proficiency -NA	.74	.74	.13
Average level of L2 proficiency -NA	.73	.74	.14
Low level of L2 proficiency -NA	.73	.72	.13
High level of L2 proficiency -L1	.84	.78	.15
Average level of L2 proficiency -L1	.83	.80	.13
Low level of L2 proficiency -L1	.79	.77	.13
Split-half HA	.92	.90	.07

HA of L2 and NA norms have no significant differences between high, average, and low level of proficiency samples ($S = 1,984$, $p = .371$). Such a result shows the stability of cross-cultural differences. The affinity of category dominance distributions of L2 and L1 were significantly stronger than the affinity of L2 and North American norms at all three levels of

proficiency ($Z=-2.546$, $p<.05$ for a high level of L2 proficiency, $Z=-3.252$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $Z=-3.108$, $p<.01$ for a low level of L2 proficiency). It shows the cultural specificity of the data.

The level of affinity between the first and second language was lower than the split-half affinity for L2 (in average $Z=-5.82$, $ps<.001$) or than the intracultural level of affinity for L1 (in average $Z=-5.84$, $ps<.001$).

There were differences in the number of words named in L2 compared to L1 ($t(44)=8.867$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $t(44)=11.642$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $t(44)=14.332$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). The difference in fluency between L1 and L2 was stronger in the group with a low level of language proficiency compared to an average level group ($Z=-2.241$, $p<.05$) and in the group with an average level compared to the high level group ($Z=-2.542$, $p<.05$). The difference in fluency between L2 and L1 was 54 words per category in the group with a high level of proficiency, 77 words per category in the group with an average level of proficiency, and 97 words per category in the group with a low level of proficiency. Such dissimilarity in word fluency in L1 and L2 can affect the frequency of words in these two cases.

The level of affinity between frequency distributions in L1 and L2 was stronger in the group with a high level of second language proficiency compared to the group with a low level of L2 proficiency ($Z=-2.092$, $p<.05$) and to the group with an average level of second language proficiency ($Z=-3.359$, $p<.001$). It shows that raising the level of language acquisition enables a person to express him/herself. Thus, the development of language proficiency leads to some change in category dominance scores.

When a person does not interact with the objects using a second language, he will presumably translate concepts that are familiar to him from the first language. Thus, individuals using L2 may be influenced by the conceptual knowledge of the native language. That is why the level of proximity of frequency distributions of words named in the first and second languages was stronger in the sample with a high level of second language proficiency (due to the better developed vocabulary in L2).

The level of dominance for L2 may depend on vocabulary development. L2 lexicon limitations affected the total frequency of words and the frequency pattern of the category. When a subject uses English, he/she in some cases begins to name culture-specific concepts (e.g., English names in *Girls' and Boys' First Names*). Nevertheless, the frequency of these culture-specific concepts was lower in Russian speakers sample using L2 compared to NA in all levels of language proficiency. Additional analyses of item frequencies showed that the same concepts in all three levels of L2 proficiency had a similar pattern of differences. For example, Russian native speakers named *inches* in the category *Units of distance* less frequently than North American subjects ($\chi^2=80.65$, $df=1$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=63.03$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=101.47$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). A similar result was shown for the word *yard* ($\chi^2=50.02$, $df=1$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=44.61$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=50.02$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). There were crucial differences in naming the words *mom* and *mother*. While NA used both words with similar frequency, Russian subjects named *the mother* more frequently in L2 ($\chi^2=38.48$, $df=1$, for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=43.587$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=34.922$ for a low level of L2 proficiency). An analogous result was evident for *father* and *dad*. While in the NA sample these formal and informal words had similar frequency, the Russian sample significantly more frequently preferred to name *the father* in L2 ($\chi^2=35.52$, $df=1$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=40.47$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=33.15$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). According to these data, one can suggest that Russian subjects use formal terms and it can be treated as a sign that they do not use L2 in everyday life. Some words were named more frequently in the Russian sample compared to NA norms. For example, the word *armchair* in category *Furniture* was used only in Russian sample ($\chi^2=77.92$, $df=1$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=68.50$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=43.73$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). The stable pattern of differences in samples of all three levels of language proficiency supports the reliability of culture-specific differences of category norms. Significant differences in category dominance compared to NA norms appeared for words with high frequency as well as for words with low frequency. In general, there were more words with the same level of dominance on L2 as in NA norms than words with significantly different levels (Table 2), which resulted in acceptable HA levels. If someone will use these ratings for selecting words for experimental studies, it will be possible to find stimuli that have a similar level of dominance in both cultures. Nevertheless, strong cross-cultural differences showed in at least one-third of the words (Table 2).

Table 2 – Number of words with significant and nonsignificant differences between L2 and North American norms in the three levels of second language proficiency

	significant ($p<.05$)	nonsignificant ($p\geq.05$)
High level of L2 proficiency	626	1384
Average level of L2 proficiency	607	1432
Low level of L2 proficiency	610	1194

There were more words with significantly different levels of dominance from NA in the group with a low level of language proficiency than in the group with high ($\chi^2=3.093$, $df=1$, $p<.05$) and an average level of language proficiency ($\chi^2=7.235$, $df=1$, $p<.01$). The numbers of words with different frequencies were not significantly different in groups with a high and average level of language proficiency ($\chi^2=3.093$, $df=1$, $p=.078$).

When a person used the native language, he or she used informal words more frequently than they did in L2. For example, the word *papa* (dad) was used more frequently in Russian language instead of *otec* (father) and the result was reversed for L2 ($\chi^2=27.78$, $df=1$, $p<.001$ for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=33.76$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=47.70$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency). When subjects used the native language, they more frequently named *mama* (mom) instead of *mat* (mother) and when they used English, the result was the opposite ($\chi^2=8.80$, $df=1$, $p<.01$).

for a high level of L2 proficiency, $\chi^2=35.74$, $df=1$, $p<.001$ for an average level of L2 proficiency, $\chi^2=45.73$, $df=1$, $p<.001$ for a low level of L2 proficiency).

Given the strong differences between Russian norms for English as a foreign language and NA norms in a category structure, it is important to use the category norms of L2 in the Russian sample for selecting words for experimental studies. As the pattern of differences was similar for all three levels of proficiency, the data can be united in the same sample.

Conclusion

Category dominance scores for words of 45 different semantic categories for English as a foreign language are presented. Strong reliability indexes imply that these frequency scores for 45 semantic categories can be accepted as normative for native Russian speakers learning English as L2. As the affinity with North American norms is not related to the level of L2 proficiency, it shows that, at least in academic bilinguals, category norms in a second language are uniquely affected by the culture of the native language and cannot be replaced by norms developed abroad. Category norms for the English language as L2 can be applied for the assessment of cognitive deficits and for studies of categorization using L2 in a Russian sample as a generation frequency variable can affect the results. Stable differences between English as L2 language and NA norms support the necessity of using local L2 category norms instead of norms developed in the country of the language. The sample of Russian speakers who use the English language in the educational environment is quite extensive; therefore, this database will be useful.

Финансирование

Эта работа была поддержана Российским фондом фундаментальных исследований, проект 20-013-00912.

Funding

This work was supported by Russian Foundation for Basic Research, grant 20-013-00912.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Battig W.F. Category norms for verbal items in 56 categories: a replication and extension of the Connecticut category norms / Battig W.F., & Montague W.E. // *Journal of Experimental Psychology Monograph*. – 1969. – Vol. 80(3). – P. 1-45.
2. Marchenko O.P. Comparing the Generation of Words from Different Semantic Categories in Native and Foreign Languages / Marchenko O.P. // *Psychology in Russia. State of Art*. – 2019. – 1. – P. 163-171.
3. Marchenko O.P. Intra-cultural continuity and diversity of semantic category norm / Marchenko O.P., Bandurka T.N., & Pavlov Yu.G. // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2018– 2 (14). – P. 3-7.
4. Van Overschelde J.P. Category norms: An updated and expanded version of the Battig and Montague (1969) norms / Van Overschelde J.P., Rawson K.A., & Dunlosky J. // *Journal of Memory and Language*. – 2004. – 50. – P. 289-335.
5. Van Overschelde, Jim & Rawson, Katherine & Dunlosky, John. Addendum to “Category norms: An updated and expanded version of the Battig and Montague (1969) norms” [Journal of Memory and Language 50 (2004) 289–335]. // *Journal of Memory and Language*. – 2006– 54(4). 633.
6. Yoon C. Category norms as a function of culture and age: Comparisons of item responses to 105 categories by American and Chinese adults / Yoon C., Feinberg F., Hu P. et al. // *Psychology and Aging*. – 2004. – Vol. 19. – P. 379-393.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.40>**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ПЕРЕВОД»**

Научная статья

Егорова А.А. *

ORCID: 0000-0003-3830-7174,

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

* Корреспондирующий автор (egorova_anna4[at]mail.ru)

Аннотация

Несмотря на все возрастающую значимость в современном мире науки и разнообразных сфер ее применения, термин «перевод» по-прежнему интересен для исследователей. Это обусловлено вопросом: имеем ли мы дело с одним и тем же определением термина «перевод» или с разными определениями? Важность изучения термина «перевод» в современном мире неоспорима, так как он является связующим звеном между различными областями знаний. Перевод становится все более открытой сферой для обсуждения идей, мнений, взаимных действий той или иной деятельности. Он изучается в таком разделе переводоведения, как общая теория перевода. Цель исследования – классификация определений термина «перевод» в соответствии с лингвистическим, коммуникативным и социологическим подходом. Объект исследования – термин «перевод». Предмет исследования – содержание определения термина «перевод» со стороны лингвистического, коммуникативного и социологического подходов. Результаты исследования: произведена классификация и группировка определений термина «перевод» по соответствующим подходам; предложено авторское определение термина «перевод». Материалом для исследования послужили определения термина «перевод», взятые из различных словарей, энциклопедий, справочников, научных трудов, учебников и учебных пособий. Новизной исследования является авторское определение термина «перевод», под которым предлагается понимать процесс переработки информации устного или письменного текста, выраженного одним языком средствами другого языка с использованием лингвистического, коммуникативного или социологического подходов в зависимости от смысла оригинала и в соответствии с этической ответственностью переводчика.

Ключевые слова: определение термина «перевод», классификация подходов, группировка определений термина, лингвистический подход, коммуникативный подход, социологический подход. определение термина «перевод», классификация подходов, группировка определений термина, лингвистический подход, коммуникативный подход, социологический подход.

LINGUISTIC, COMMUNICATIVE AND SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE DEFINITION OF THE TERM “TRANSLATION”

Research article

Egorova A.A. *

Orenburg state university, Orenburg, Russia

* Corresponding author (egorova_anna4[at]mail.ru)

Abstract

Despite the increasing importance of science in the modern world and its various fields of application, the term “translation” is still interesting for researchers. This is due to the question: are we dealing with the same definition of the term “translation” or with different definitions? The importance of studying the term “translation” in the modern world is undeniable, since it is a link between different fields of knowledge. Translation is becoming an increasingly open field for discussing ideas, opinions, and mutual actions of a particular activity. It is studied in such a section of translation studies as the general theory of translation. The purpose of the study is to classify the definitions of the term “translation” in accordance with the linguistic, communicative and sociological approach. The object of the study is the term “translation”. The subject of the research is the content of the definition of the term “translation” from the linguistic, communicative and sociological approaches. The results of the research: the classification and grouping of the definitions of the term «translation» according to the corresponding approaches; the author's definition of the term “translation” is proposed. The material for the study was the definitions of the term “translation”, taken from various dictionaries, encyclopedias, reference books, scientific works, textbooks and textbooks. The novelty of the research is the author's definition of the term “translation”, by which it is proposed to understand the process of processing information of an oral or written text expressed in one language by means of another language using linguistic, communicative or sociological approaches, depending on the meaning of the original and in accordance with the ethical responsibility of the translator.

Keywords: the definition of the term «translation», the classification of approaches, the grouping of definitions of the term, the linguistic approach, the communicative approach, the sociological approach.

Introduction

The interest of linguists in the semantics of language units and expressions, the interaction of language with consciousness, lifestyle, and the development of the people does not stop. Thanks to this, the requirements for the accuracy of translations have increased significantly. As the science of translation theory (or translation studies) develops, the term “translation” is refined and filled with a new meaning. Updating the term “translation” is certainly not something surprising or impossible. However, in our opinion, it needs an analytical review for an objective assessment of the use and awareness of its content.

Questions of the definition of the term “translation” are consecrated in the works of O. S. Akhmanova [1], L. S. Barkhudarov [2], V. S. Vinogradov [3], N. K. Garbovsky [4], [5], T. V. Zherebilo [6], V. N. Komissarov [7], A. Lilova and L. P. Likhacheva [8], R. K. Minyar-Beloruhev [9], J. Munen [10], L.L. Nelyubin [11], Erich Prunch [13], D. E. Rosenthal and M. A. Telenkova [14], Ya. V. Sokolovsky [15], A. V. Fedorinov [17], [18], S. A. Chichilanova [19], L. A. Chernyakhovskaya [20], J. C. Catford [22], M. Foster [24], H. Ghazala [25], E. Janfaza, S. Janfaza [26], I. Vehmas-Lehto [27], [28], A. Yowell, S. L. Muftan [29] and other researchers. The wide variety of existing approaches to the definition of the term “translation” has determined the relevance of the chosen research topic.

The purpose of the study is to classify the definitions of the term “translation” in accordance with the linguistic, communicative and sociological approach. The object of the study was the term “translation”. The subject of the research is the content of the definition of the term “translation” from the linguistic, communicative and sociological approaches.

Research methods: when writing the article, descriptive and analytical methods were used, which made it possible to classify and group the definitions of the term “translation” in accordance with linguistic, communicative and sociological approaches and to clarify it.

The results of the research: the classification and grouping of the definitions of the term “translation” according to the appropriate approaches; the author's clarification of the definition of the term “translation” is proposed.

The material for the study was the definitions of the term “translation”, taken from various dictionaries, encyclopedias, reference books, scientific works, textbooks and textbooks.

The theoretical significance of the research lies in the classification and grouping of the definition of the term “translation” in accordance with the linguistic, communicative and sociological approaches, as well as the proposal of the author's definition of the term “translation”.

The practical significance of the study is that the proposed grouping of the definition of the term “translation” is aimed at optimizing the process of teaching professional intercultural communication to translators.

Discussion

Primarily, it should be noted that not all works discussing the topic of translation offer a definition of the term “translation”, even if they actively comment on the definitions of their colleagues. Consequently, in the articles of Ya. V. Sokolovsky [15], A. V. Fedorinov [17, P. 167-168], [18, P. 199], S. A. Chichilanova [19], when discussing the term “translation”, there are interesting remarks about the understanding of “translation” by different authors, but the authors do not offer their own definition of this central term for translation studies.

On the other hand, many translation researchers try to analyze as many formulations of the term “translation” given by different authors as possible, identify similarities and differences, and only then, based on their theoretical justifications for the identified features, give their definition of the term “translation”.

Therefore, the foreign Austrian researcher Erich Prunchin his scientific publication “Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political” explored the history of the term “translation”, starting with the humanist physician Heinrich Steingel of the XV century, who, among others, translated the works of Petrarch and Boccaccio, the fables of Aesop, to the state of translation studies in which it is now, at the beginning of the XXI century, and introduced his “neutral general concept for the products of written and oral translation: *translat* (translation as a result). Translation is understood as any product of the translation process” [13, P. 17]. And then he was able to clarify the term as follows: “Translation is a sociocognitive process regulated by society and implemented within the framework of the culture of translation. And it is also a continuous decision-making process, starting with the choice of the text and ending with the adoption of operational decisions when creating a translation and embedding it in the host culture” [13, P. 390].

The well-known Russian scholar of translation, Professor N. K. Garbovsky devoted most of the introduction of his textbook “Theory of Translation” to the analysis of the concept of translation. He analyzed the definitions of the term translation given by the French translators Edmond Kari, Marianne Lederer, Georges Munin, Valerie Larbo, the American linguist Roman Osipovich Jacobson, the German translator Schlegel August Wilhelm, the Russian translators Andrey Venediktovich Fedorov, Alexander Davidovich Schweitzer, Yakov Iosifovich Retsker, Venedikt Stepanovich Vinogradov, Rurik Konstantinovich Minyar-Beloruhev, Leonid Stepanovich Bakhudarov and only then in the second chapter “The object and subject of modern translation theory” gave his definition (presented in Table 1).

We would also like to note that some authors in the course of the study give their own definition of the term “translation”, without taking into account the previously published definitions of other developers. Definitely, they have sufficient grounds for using this approach, but in such a definition, the object and subject of the study may not be specified or convey the content previously published in other works by paraphrasing.

In all cases, discussions about the definition of the term “translation”, the rational of the content of the corresponding object, in the theory of translation are still going on in many countries. Venedikt Stepanovich Vinogradov, whose opinion we share, notes that “the definitions of the term “translation” depend on the research goals and views of the scientist and his belonging to a particular scientific school” [3, P. 10]. In his textbook, he wrote that the word “translation” has many meanings, and it has two terminological meanings that interest us: “The first of them defines mental activity, the process of transmitting content expressed in one language by means of another language. The second name is the result of this process-the text is oral and written. Although these concepts are different, they represent a dialectical unity, one cannot be thought of without the other. It is also appropriate to note that in linguistics there is a broader concept of bilingual communication than translation. The main place in it is occupied by language mediation, which includes translation, abstracting, retelling, and other adapted sentences” [3, P. 10].

Having studied the works of the Finnish scientist Inkeri Vehmas-Lehto (University of Helsinki) “Quasi-Correctness. A critical study of Finnish translations of Russian journalistic texts” [26] and “Multi-faceted translation studies” [27], in which

translation theories are presented from the linguistic, communicative and sociological approaches, we consider it appropriate to classify the existing definitions of the term “translation” accordingly. The classification is shown in Figure 1.

Consider the grouping of definitions of the term “translation” in accordance with the linguistic, communicative and sociological approach presented in Table 1.

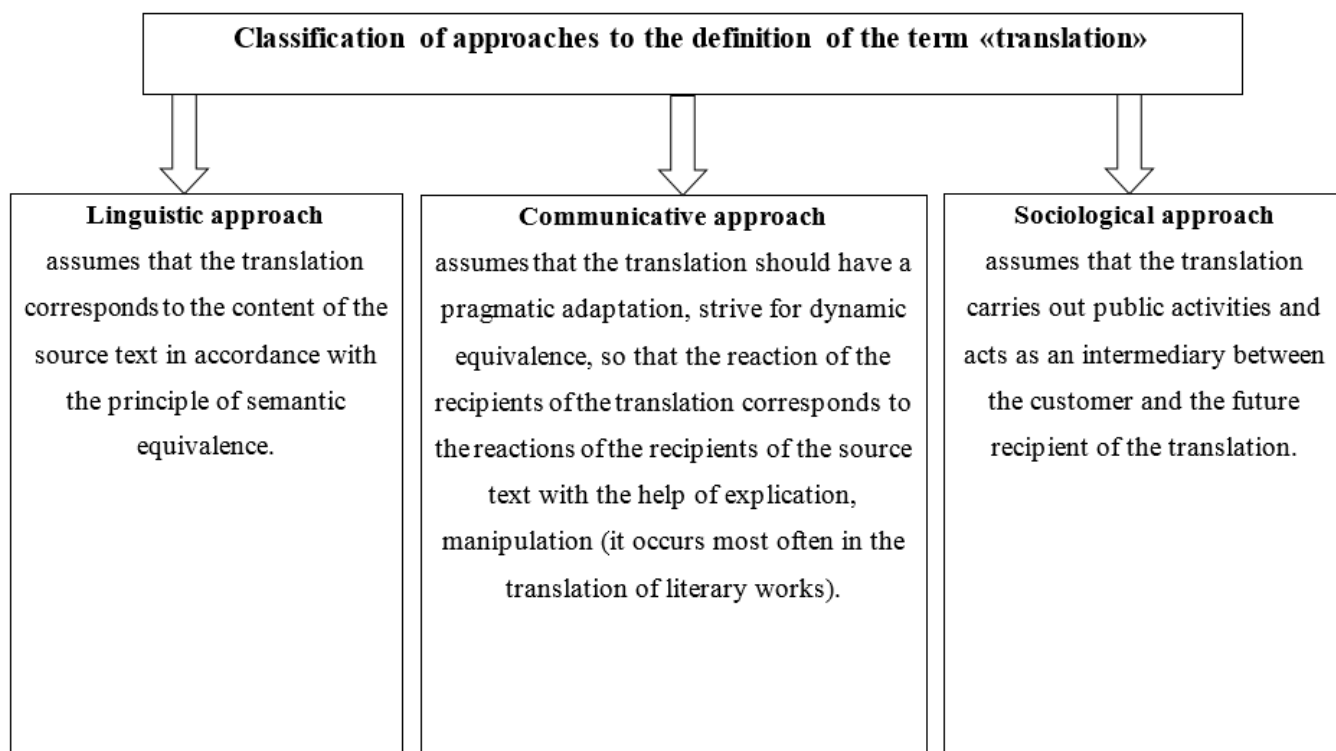

Figure 1 – The proposed classification of approaches to the definition of the term “translation”

Table 1– The proposed grouping of definitions of the term “translation” in accordance with the linguistic, communicative and sociological approach

Linguistic approach to the definition	The communicative approach to the definition	The sociological approach to the definition
Akhmanova O. S.: “1. Comparison of two or more languages in order to find semantic correspondences between their units, usually for bilingual lexicography, for comparative semantic research, etc. 2. Transmission of information contained in a given work of speech by means of another language” [1, P. 305].	Akhmanova O. S.: “3. Finding in another language such means of expression that would ensure the transfer to it not only the diverse information contained in this speech work, but also the most complete correspondence of the new text to the original one also in form (internal and external), which is necessary in the case of a literary text, as well as in the transfer to another language of concepts that have not received a stable expression in it” [1, P. 305].	Garbovsky N. K.: “Translation is a social function of communicative mediation between people using different language systems, which is realized in the course of the psychophysical activity of a bilingual to reflect real reality on the basis of his individual abilities as an interpreter, who makes the transition from one semiotic system to another with the aim of equivalent, that is, the most complete, but always partial, transfer of the system of meanings contained in the original message from one communicant to another” [4, P. 214].
Barkhudarov L. S.: “Translation is the process of converting a speech work in one language into a speech work in another language while maintaining an unchanged plan of content, that is, meaning” [2].	Komissarov V. N.: “Translation is a means to make possible interlanguage communication, that is, communication between people who speak different languages” [7, P. 49].	Munen J.: “Translation is a contact of languages, a phenomenon of bilingualism; it is a case when a bilingual consciously fights against any deviation from the norm, against any interference” [10].
Vinogradov V. S.: “The word “translation” has many meanings, and it has two terminological meanings that we are interested in. The first of them defines mental activity, the process of transmitting the content expressed in one language by means of another language. The second name is the result of this process-the text is oral or written. Although these concepts are different, they represent a dialectical unity, one cannot be conceived without the other” [3, P. 5].	Lilova A., Likhacheva L. P.: “Translation is a specific oral or written activity aimed at re-creating an existing oral or written text in one language in another language, while maintaining the invariance of the content and quality of the original, as well as the author's authenticity” [8].	Cambridge Dictionary: “4. The activity of giving the value of an amount in one currency in a different currency. 5. The activity or process of changing something into a different form” [21].
Zhrebilo T. V.: “1. Transmission of information contained in the text by means of another language. 2. Comparison of two or more languages in order to find semantic correspondences between their units” [6, P. 322].	Minyar-Beloruchev R. K.: “Translation is a type of speech activity that doubles the components of communication, the purpose of which is to transmit a message in cases where the codes used by the sources and the recipient do not match” [9, P.170].	Zhrebilo T. V.: “3. Finding means of expression in another language that ensure the transmission of information contained in the text, as well as full compliance of the translated text with the original, both in content and in form. From the point of view of sociolinguistics, when translating, you need to master background knowledge, information of an extralinguistic nature” [6, P. 322].
Rosenthal D. E., Telenkova M. A.: “Translation is the transfer of the content of an oral statement or a written text by means of another language” [14, P. 201].	Janfaza E., Janfaza S.: “Translation is an art, not a science, like many other arts, much more complex than what is visible” [26, P. 4]	Nelyubin L. L.: “12. The process of speech-language communication occurring in a bilingual situation” [11, P.139].
Chernyakhovskaya L. A.: “This is a transformation of the structure of a speech work, as a result of which, while maintaining the plan of content unchanged, the plan of expression changes: one language is replaced by another” [20, P. 2].	Nelyubin L. L.: “1. The word “translation”, as one of the types of complex speech-language activity of a person, usually means either the translation process itself, or the result of the translator's activity – an oral or written text, an utterance. Since the translation process (and its result) takes place in a bilingual situation,	Nelyubin L. L.: “16. The process of speech-language communication in a bilingual situation, transmitting information received in one language by means of another language in full compliance with the content and form of the source text” [11, P.139].

Linguistic approach to the definition	The communicative approach to the definition	The sociological approach to the definition
	<p>when two languages participate in the process of communication, i.e. an interlanguage situation, it is possible to define translation as the process of interlanguage transformation or transformation of an oral or written text presented in one language into a text (oral or written) in another language. If language is a naturally existing communicative system of society, and speech is the functioning of language in the process of communication for the transmission of information, then translation is the transmission of information contained in a given work of speech by means of another language. In addition to this definition, translation can be defined as the transmission of thoughts (feelings, emotions) expressed in one language by means of another language, or as the replacement of text material in one language (the source language) with equivalent text material in another language (the translation language), or as a process of speech – language communication occurring in a bilingual situation, i.e., a situation where communicative activity occurs in the codes of two different sign systems. While performing communication activities in a bilingual situation, the translator simultaneously encodes and decodes the information it processes in the codes of two different sign systems. Therefore, the translation process can be considered a complex type of psycholinguistic activity in a bilingual environment” [11, P. 137-138].</p>	
<p>Catford J. C.: “Translation may be denned as follows: the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL). This definition is intentionally wide—not vague, though it may appear so at first sight. Two lexical items in it call for comment. These are “textual material” (where “text” might have been expected) and ‘equivalent’” [22, P. 20].</p>	<p>Nelyubin L. L.: “13. A type of speech activity that doubles the components of communication, the purpose of which is to transmit a message in cases where the codes used by the source and the recipient do not match” [11, P.139].</p>	<p>Nelyubin L. L.: “18. Reconstruction of the reality expressed in the original” [11, P. 139].</p>
<p>Collins Dictionary: “1. A translation is a piece of writing or speech that has been translated from a different language. 2. Something that is or has been translated, especially a written text” [23, P. 1]</p>	<p>Collins Dictionary: “3. Translation implies the rendering from one language into another of something written or spoken; version is applied to a particular translation of a given work, specific of the Bible; paraphrase, in this connection, is applied to a free translation of a passage or work from another language; transliteration implies the writing of words with characters of another alphabet that represent the</p>	<p>Nelyubin L. L.: “19. Correspondence is established through the invariance of meaning” [11, P. 139].</p>

Linguistic approach to the definition	The communicative approach to the definition	The sociological approach to the definition
Foster M.: "2. Is the act of transferring the linguistic entities from one language in to their equivalents in to another language. 3. Translation is an act through which the content of a text is transferred from the source language in to the target language" [24, P. 1].	Nelyubin L. L.: "15. Finding in another language such means of expression that would ensure the transfer to it not only the diverse information contained in this speech work, but also the most complete correspondence of the new text to the original one also in form (internal and external), which is necessary in the case of a literary text, as well as in the transfer to another language of concepts that have not received a stable expression in it" [11, P. 139]	Nelyubin L. L.: "20. The translation should convey not only what is expressed by the original, but also as it is expressed in it" [11, P. 139]
Cambridge Dictionary: "1. Something that is translated, or the process of translating something, from one language to another. 2. The activity or process of changing the words of one language into the words in another language that have the same meaning. 3. A piece of writing or speech in one language that has been changed into another language" [21].	Nelyubin L. L.: "17. Speech-language activity aimed at transmitting and receiving messages, i.e. necessary for inter-language communication" [11, P. 139]	Nelyubin L. L.: "23. Translation is the process of text processing and verbalization, leading from the text in the source language to the equivalent text in the target language, as far as possible, and assuming a meaningful and stylistic interpretation of the original. Translation is an internally dissected process that encompasses two main phases: the comprehension phase, during which the translator analyzes the source text taking into account its semantic and stylistic intent, and the language reconstruction phase, during which the translator reproduces the source text subjected to semantic and stylistic analysis with optimal consideration of the requirements of communicative equivalence" [11, P. 139].
Ghazala, H.: "1. Translation is a mental activity in which a meaning of given linguistic discourse is rendered from one language to another" [25, P. 1]	Nelyubin L. L.: "25. A process characterized by an attitude towards the transmission of the communicative effect of the primary text, partially modified by differences between two languages, two cultures and two communicative situations" [11, P. 140].	Nelyubin L. L.: "24. Translation can be defined as a unidirectional and two-phase process of cross-linguistic and cross-cultural communication, in which, on the basis of a purposeful ("translation") the analysis of the primary text creates a secondary text (megatext) that replaces the primary one in another language and cultural environment" [11, p. 139-140].
Nelyubin L. L.: "2. Translation as one of the types of language activity is a process of adequate and full-fledged transmission of thoughts expressed in one language by means of another language. An adequate and complete translation determines the correct, accurate and complete transmission of the features and content of the original and its language form, taking into account all the features of the structure, style, vocabulary and grammar, in combination with the impeccable correctness of the language into which the translation is made" [11, P.138].	Nelyubin L. L.: "29. It is one of the types of speech communication, in the course of which speech works are analyzed and generated – texts" [11, P. 140].	Nelyubin L. L.: "33. A type of language mediation, the social purpose of which is to bring mediated bilingual communication as close as possible in terms of completeness, effectiveness and naturalness of communication to ordinary monolingual communication" [11, P. 140].
Nelyubin L. L.: "3. The process of transmitting a text or oral speech by means of another language" [11,P.138].	Nelyubin L. L.: "30. A process characterized by an attitude to convey the communicative effect of the	

Linguistic approach to the definition	The communicative approach to the definition	The sociological approach to the definition
	primary text, partially modified by differences between two languages, two cultures, and two communicative situations" [11, P.140].	
Nelyubin L. L.: "4. Text (or oral speech) translated from one language to another" [11, P. 138]	Nelyubin L. L.: "31. Translation can be defined, firstly, as a unidirectional two-phase process of cross-linguistic and cross-cultural communication, in which a secondary text is created that represents the primary one in another linguistic and cultural environment, and, secondly, as a process aimed at recreating the communicative effect of the original, adjusted for the differences between the two cultures and two communicative situations" [11, P.140].	
Nelyubin L. L.: "5. The result of the translator's activity-the text" [11, P. 138].		
Nelyubin L. L.: "6. Transmission (the process of transmission) of thoughts (feelings, emotions) expressed in one language by means of another language" [11, P. 138].		
Nelyubin L. L.: "7. Expressing what has already been expressed in one language by means of another language" [11, P.138]		
Nelyubin L. L.: "8. Transmission of information contained in this work of speech by means of another language" [11, P.138].		
Nelyubin L. L.: "9. Full-fledged information transmitted by equivalent means" [11, P.138].		
Nelyubin L. L.: "10. The process of interlanguage transformation or transformation of an oral or written text presented in a given language into a text (oral or written) in another language" [11, P.138].		
Nelyubin L. L.: "11. Replacing text material in one language (source language) with equivalent text material in another language (target language)" [11, P.139].		
Nelyubin L. L.: "14. The process of processing information when the input text is in one language, and the output is in another" [11, P.139].		
Nelyubin L. L.: "21. Comparison of two or more languages in order to find semantic correspondences between their units, usually for comparative semantic research, etc." [11, P.139].		
Nelyubin L. L.: "22. A language operation that replaces text in one language with text in another. Translation can be defined as replacing text material in one language (s) with equivalent text material in another" [11, P.139].		

Linguistic approach to the definition	The communicative approach to the definition	The sociological approach to the definition
Nelyubin L. L.: “26. A complete replacement of the original, which does not allow any deviations” [11, P.137-140]		
Nelyubin L. L.: “27. The process of processing information in a bilingual situation” [11, P.137-140]		
Nelyubin L. L.: “28. Expressing what has already been expressed in one language by means of another language” [11, P.137-140]		
Nelyubin L. L.: “32. One of the types of speech activity. Its purpose is to transform the structure of the speech product, as a result of which, while maintaining the same plan of content, the plan of expression changes – one language is replaced by another” [11, P.137-140].		
Ozhegov S. I.: “2. Text translated from one language to another” [12].		
Ushakov D. N.: “2. Text (or spoken word) translated from a language into another language” [16].		

The scientist-translator, academician of the Russian Academy of Sciences and the International Academy of Informatization at the United Nations, Professor, Doctor of Philology L. L. Nelyubin described the term “translation” and gave it 33 definitions in his work “Explanatory Dictionary of Translation Studies”, first published in 1999. It should also be noted that 17 interpretations with a given semantic core describe the linguistic approach to the definition of the term “translation”, eight interpretations – the communicative approach to the definition and eight – the sociological approach. Each group contains synonymous descriptions in an abbreviated or expanded version. Such a selection was facilitated by the painstaking work of L. L. Nelyubin with various sources of domestic and foreign authors.

The study of the research materials showed that many scientists, studying translation as a special type of speech communication, define translation not only as the interaction of languages, but also as the interaction of cultures.

In our opinion, the translation should follow a linguistic, communicative and sociological approach to the transfer of meaning in the process of translating an oral or written text to recreate the original message, although this is difficult due to differences in the national mentality, culture, and political situation, which prompted the proposal of the following definition. Translation is the conversion process of the information of an oral or written text expressed in one language by means of another language using linguistic, communicative or sociological approaches, depending on the meaning of the original and in accordance with the ethical responsibility of the translator. Moreover, we would like to emphasize that the ethical responsibility of the translator is influenced by his moral and moral rules, as well as the norms of professional behavior.

Conclusion

In the course of the research, the definitions of the term “translation” proposed by well-known domestic and foreign scientists and practitioners are grouped in accordance with the linguistic, communicative and sociological approaches. Moreover, the linguistic approach of to translation corresponds to the filling of the source text in accordance with the principle of semantic equivalence; the communicative approach of to translation is based on pragmatic adaptation and strives for dynamic equivalence, so that the reaction of the recipients of the translation corresponds to the reactions of the recipients of the source text through explication, manipulation (most often found in the translation of literary works); the sociological approach of to translation carries out social activities and acts as an intermediary between the customer and the future recipient of the translation. We understand that the complete transmission of all the meanings of the translated message is a difficult goal, but it should be pursued. Critical judgments regarding the definition of the term “translation” were and will be conducted in the future, and this is correct.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / О.С. Ахманова – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 571с. – URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (дата обращения: 15.03.2021)

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода: учебное пособие [Электронный ресурс] / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – URL: <https://classes.ru/grammar/125.Barhudarov-yazik-i-perevod/html/2.html> (дата обращения: 15.03.2021)
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Электронный ресурс] / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО. – 2001. – 224с. – URL: http://vsdzhabrailova.narod.ru/olderfiles/1/V.S.Vinogradov_Vvedenie_v_perevodo-5756.pdf (дата обращения: 15.03.2021)
4. Гарбовский Н.К. Теория перевод: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск.ун-та. – 2004. – 544с.
5. Гарбовский Н.К. Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2015. – № 2. – С. 3-16.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т.В. Жеребило. – изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2016. – 610 с. – URL: http://gerebilo.ucoz.ru/load/leksikogoaficheskie_izdaniya/slovar/zherebilo_t_v_slovar_lingvisticheskikh_terminov_i_ponjatij_izd_6_e_ispr_i_dop_nazran_piligrim_2016_610_s/6-1-0-1565 (дата обращения: 15.03.2021)
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие [Электронный ресурс] / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2002. – 424с. – URL: <https://antigtu.ru/508-vn-komissarov-sovremennoe-perevodovedenie-uchebnoe-posobie.html> (дата обращения: 15.03.2021)
8. Лилова А., Л.П. Лихачева Введение в общую теорию перевода: монография [Электронный ресурс] / А. Лилова, Л.П. Лихачева. М.: Высш.шк., – 1985. – 256с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001274490> (дата обращения: 15.03.2021)
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? [Электронный ресурс] / Ответственный редактор М.Я. Блох. – М.: «Готика». – 1999. – 176с. – URL: https://nmetau.edu.ua/file/minyar-beloruchev_kak_stat_perevodchikom.pdf (дата обращения: 15.03.2021)
10. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт [Электронный ресурс] / Ж. Мунэн. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 36-41. – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/munen.shtml (дата обращения: 15.03.2021)
11. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=20276> (дата обращения: 15.03.2021)
13. Прунч Эрих. Пути развития западного переводоведения. От языковой ассиметрии к политической. / Пер. с нем. / Эрих Прунч. – М.: Р. Валент, 2015. – 512с.
14. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. – 3е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Соколовский Я.В. Лингвистическое определение перевода (к постановке вопроса) / Я.В. Соколовский // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. Том 3. – С. 285-292.
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=45575> (дата обращения: 15.03.2021)
17. Федоринов А.В. Об особенностях лексических трансформаций при переводе художественного текста на французский язык (на материале повести А.С. Пушкина «Выстрел») / А.В. Федоринов // Вестник ОГУ. – № 11 (172). – С. 167-172.
18. Федоринов А.В. Синтаксические трансформации в переводе на французский язык повести А.С. Пушкина «Гробовщик» / А.В. Федоринов // Вестник Оренбургского государственного университета. – № 11 (186). – С. 198-203.
19. Чичиладина С.А. Определение понятия «перевод» в работах отечественных и зарубежных лингвистов / С.А. Чичиладина // Вестник Курганского государственного университета. – 2011. – № 3. – С.35-37.
20. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура: учебник [Электронный ресурс] / Л.А. Черняховская. – М.: Издательство «Международные отношения». 1976. – 261с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/chernyax/text.pdf> (дата обращения: 15.03.2021)
21. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 15.03.2021)
22. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation [Электронный ресурс]. – Oxford University Press. – 1995. – URL: <https://archive.org/details/J.C.CatfordALinguisticTheoryOfTranslationOxfordUniv.Press1965> (дата обращения: 15.03.2021)
23. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.03.2021)
24. Foster, M. Translation from/in Farsi and English [Электронный ресурс] / Foster, M. Retrieved April, 2007, 1958. – URL: <https://ru.scribd.com/document/417417298/What-is-Translation> (дата обращения: 15.03.2021)
25. Ghazala, Hasan. Translation as problems and solutions [Электронный ресурс] / Ghazala, Hasan. (4th ed.) Syria: Dar Elkalem ElArabi, 1995. – URL: https://www.researchgate.net/publication/309265407_Translation_as_Problems_and_Solutions_A_Textbook_for_University_Students_and_Trainee_Translators_368_pages (дата обращения: 15.03.2021)
26. Janfaza E. Translation: mission to proxy [Электронный ресурс] / Janfaza E., Janfaza S. // Elixir International Journal. – 2012. – № 44. – С. 7121-7125. – URL: [https://www.elixirpublishers.com/articles/1350306235_44%20\(2012\)%207121-7125.pdf](https://www.elixirpublishers.com/articles/1350306235_44%20(2012)%207121-7125.pdf) (дата обращения: 15.03.2021)
27. Vehmas-Lehto, I. Quasi-Correctness. A critical study of Finnish translations of Russian journalistic texts / Vehmas-Lehto, I. – Helsinki. – 1989. – 212 p.

28. Vehmas-Lehto, I. *Mnogogrannoe perevodovedenie*: = Многогранное переводоведение. teoksessa S lûbov'û k slovy (Sivut 439-449). (Slavica Helsingiensia; Vuosikerta 34) / Vehmas-Lehto, I. University of Helsinki, Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008.

29. Yowell, A. *Principles of Translation* / Yowell, A. Muftan, S.L. Dar Annahda Alarabiya, 1999.

Список литературы на английском / References in English

1. Akhmanova O.S. *Slovar lingvistikicheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] [Electronic resource] / O.S. Akhmanova – 2nd edition., – M.: URSS, 2004. – 571p. – URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

2. Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda: uchebnoe posobie* [Language and translation. Questions of general and particular theory of translation: a textbook] [Electronic resource] / L.S. Barhudarov. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – URL: <https://classes.ru/grammar/125.Barhudarov-yazik-i-perevod/html/2.html> (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

3. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (general and lexical questions)] [Electronic resource] / V.S. Vinogradov. – M.: Izdatelstvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. – 2001. – 224p. – URL: http://vsdzhabrailova.narod.ru/olderfiles/1/V.S.Vinogradov_Vvedenie_v_perevodo-5756.pdf (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

4. Garbovskiy N.K. *Teoriya perevoda: uchebnik* [Translation theory: textbook] / N.K. Garbovskiy. – M.: Mosc. Pub. House un-ta. – 2004. – 544p.

5. Garbovskiy N.K. *Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda: Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda: tradicii otechestvennoy shkoly* [Theory and methodology of interpretation: traditions of the Russian school] / N.K. Garbovskiy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. – 2015. – № 2. – P. 3-16. [in Russian]

6. Zhrebilo T.V. *Slovar lingvistikicheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] [Electronic resource] / T.V. Zhrebilo. – pub. 6th edition. – Nazran': OOO «Pilgrim», 2016. – 610 p. – URL: http://grebilo.ucoz.ru/load/leksikograficheskie_izdaniya/slovar/zhrebilo_t_v_slovar_lingvistikicheskikh_terminov_i_ponjatij_izd_6_e_ispr_i_dop_na_zran_pilgrim_2016_610_s/6-1-0-1565 (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

7. Comissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie: uchebnoe posobie* [Modern Translation Studies: a textbook] [Electronic resource] / V.N. Comissarov. – M.: ETS. – 2002. – 424p. – URL: <https://antigtu.ru/508-vn-komissarov-sovremennoe-perevodovedenie-uchebnoe-posobie.html> (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

8. Lilova A. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu perevoda: monografiya* [Introduction to the General theory of Translation: a monograph] [Electronic resource] / A. Lilova, L.P. Lihacheva. M.: Vyshaya.sh., – 1985. – 256p. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001274490> (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

9. Minyar-Beloruhev R.K. *Kak stat' perevodchikom?* [How to become a translator?] [Electronic resource] / *Otvetstvennyi redactor M.Y. Bloh*. – M.: «Gotica». – 1999. – 176p. – URL: https://nmetau.edu.ua/file/minyar-beloruhev_kak_stat_perevodchikom.pdf (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

10. Munen Z. *Teoreticheskie problem perevoda. Perevod kak yazykovoy kontakt* [Theoretical problems of translation. Translation as a language contact] [Electronic resource] / Z. Munen. // *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*. – M., 1978. – P. 36-41. – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/munen.shtml (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

11. Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary] / L.L. Nelyubin. – 3rd edition. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 320p. [in Russian]

12. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' Ozhegova onlajn* [Ozhegov Explanatory Dictionary Online] [Electronic resource]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=20276> [in Russian]

13. Prunch Erih. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy assimetrii k politicheskoy* [Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political asymmetry] / Transl. from Germ. / Erih Prunch. – M.: R. Valent, 2015. – 512p. [in Russian]

14. Rozental' D.E. *Slovar'-spravochnik lingvistikicheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya*. [Dictionary-reference book of linguistic terms: A guide for teachers] / Rozental' D.E., Telenkova M.A. – 3rd edition. – M.: Prosveshchenie, 1985.–399 p. [in Russian]

15. Sokolovskiy Y.V. *Lingvisticheskoe opredelenie perevoda (k postanovke voprosa)* [Linguistic definition of translation (to the question statement)] / Y.V. Sokolovskiy // *ZHurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. – 2010. – № 2. Vol 3. – P. 285-292. [in Russian]

16. Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar' Ushakova onlajn* [Explanatory dictionary of Ushakov Online] [Electronic resource]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=45575> (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

17. Fedorinov A.V. *Ob osobennostyakh leksicheskikh transformacij pri perevode hudozhestvennogo teksta na francuzskij yazyk (na materiale povesti A.S. Pyshkina «Vystrel»)* [On the peculiarities of lexical transformations in the translation of a literary text into French (based on the story of A. S. Pushkin «Vystrel»)] / A.V. Fedorinov // *Vestnik OGU*. – № 11 (172). – P. 167-172. [in Russian]

18. Fedorinov A.V. *Sintaksicheskie transformacii v perevode na francuzskij yazyk povesti A.S. Pyshkina «Grobvshchik»* [Syntactic transformations in the French translation of A. S. Pushkin's novel «Grobvshchik »] / A.V. Fedorinov // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. – № 11 (186). – P. 198-203. [in Russian]

19. Chichilanova S.A. *Opredelenie ponyatiya «perevod» v rabotah otechestvennykh i zarybeznykh lingvistov* [Definition of the concept of "translation" in the works of domestic and foreign linguists] / S.A. Chichilanova // *Vestnik Kyrganskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2011. – № 3. – P.35-37. [in Russian]

20. Chernyahovskaya L.A. *Perevod i smyslovaya struktura: uchebnik* [Translation and semantic structure: textbook] [Electronic resource] / L.A. Chernyahovskaya. – M.: Izdatel'stvo «Mezhdunarodnye otnosheniya». 1976. – 261p. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/chernyax/text.pdf> (accessed: 15.03.2021) [in Russian]

21. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 15.03.2021)
22. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation [Electronic resource]. – Oxford University Press. – 1995. – URL: <https://archive.org/details/J.C.CatfordALinguisticTheoryOfTranslationOxfordUniv.Press1965> (accessed: 15.03.2021)
23. Collins Online Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 15.03.2021)
24. Foster M. Translation from/in Farsi and English [Electronic resource] / Foster M. Retrieved April, 2007, 1958. – URL: <https://ru.scribd.com/document/417417298/What-is-Translation> (accessed: 15.03.2021)
25. Ghazala Hasan. Translation as problems and solutions [Electronic resource] / Ghazala Hasan. (4th edition) Syria: Dar Elkalem ElArabi, 1995. – URL: https://www.researchgate.net/publication/309265407_Translation_as_Problems_and_Solutions_A_Textbook_for_University_Students_and_Trainee_Translators_368_pages (accessed: 15.03.2021)
26. Janfaza E. Translation: mission to proxy [Electronic resource] / Janfaza E., Janfaza S. // Elixir International Journal. – 2012. – № 44. – P. 7121-7125. – URL: [https://www.elixirpublishers.com/articles/1350306235_44%20\(2012\)%207121-7125.pdf](https://www.elixirpublishers.com/articles/1350306235_44%20(2012)%207121-7125.pdf) (accessed: 15.03.2021)
27. Vehmas-Lehto, I. Quasi-Correctness. A critical study of Finnish translations of Russian journalistic texts / Vehmas-Lehto, I. – Helsinki. – 1989. – 212 p.
28. Vehmas-Lehto, I. Mnogogrannoe perevodovedenie: S ljubov'yu k slovy [Multi-faceted translation studies: with love for the word] / Vehmas-Lehto, I. University of Helsinki, Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008.
29. Yowell, A. Principles of Translation / Yowell, A. Muftan, S.L. Dar Annahda Alarabiya, 1999.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.13>**СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ И КОМБИНАТОРНОСТЬ АФФИКСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Научная статья

Дмитриева Е.И. *

ORCID: 0000-0003-4421-8602,

Российский университет транспорта, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (eidmitrieva[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена применению метода кластерного анализа для исследования семантических особенностей аффиксальных комбинаций на материале современного английского языка. Используются следующие методы: изучение и анализ научной литературы, сравнение, кластерный анализ, структурный анализ. В ходе работы выявлено 17 семантических кластеров английского языка. Далее в работе кластерный анализ был использован применительно к выявлению закономерностей возможных комбинаций аффиксов со значением качества. Классифицированы поликластерные, смешанные и невключенные сочетания кластеров. Установлено, что наибольшей комбинаторностью обладают аффиксы с ярко выраженной семантикой качества.

Ключевые слова: аффикс, комбинаторность, кластерный анализ, семантика.

SEMANTIC CLUSTERING AND COMBINATIVITY OF AFFIXES IN THE ENGLISH LANGUAGE

Research article

Dmitrieva E.I. *

ORCID: 0000-0003-4421-8602,

Russian University of Transport, Moscow, Russia

* Corresponding author (eidmitrieva[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the application of the cluster analysis method to study the semantic features of affixal combinations based on the modern English language. The author of the study applies the following methods of research: the analysis of scientific literature, method of comparison, cluster analysis, and structural analysis. 17 semantic clusters of the English language were identified in the course of the study. Further, the author used the cluster analysis to identify patterns of possible combinations of qualitative affixes. Polycluster, mixed and unincorporated combinations of clusters were classified. It is established that affixes with a pronounced meaning of quality are the most combinative.

Keywords: affix, combinativity, cluster analysis, semantics.

Introduction

The purpose of this article is to study the semantic features of affixal combinations in the English language with the help of the cluster analysis method. Cluster analysis is the process of statistical data collection, which contains information about the selection of subjects for analysis and subsequent distribution into relatively homogeneous groups. A detailed description of the method of structural cluster analysis in word formation and a description of the semantic features of English affixes is featured in the author's earlier articles [3], [4].

Methods

The semantic clusters were formed based on the presence of at least one common semantic element in two or more affixes. The results are presented in the tables below.

Let us cluster the suffixes. Since the semantics of affixes of different parts of speech differ significantly, it is advisable to examine suffixes and prefixes separately in each case.

First, we perform the clustering of noun suffixes:

Table 1 – Noun suffixes

№	Suffix	Abstraction	Condition\Quality	Totality\Generality
1	ness	1	0	0
2	ity	1	0	0
4	ship	0	1	0
5	dom	0	0	1
6	hood	0	1	0
7	ation	0	0	0
8	ment	0	0	0
9	ery	0	1	1
10	acy	0	1	1
11	age	0	1	1
Cluster		A	B	C

As a result, 3 clusters were identified:

A is represented by the suffixes -ness, -ity with the meaning of abstraction

B is represented by the suffixes -ship, -hood, -ery, -acy, -age with the meaning of condition\quality

C is represented by the suffixes -dom, -ery, -acy, -age with the meaning of totality\generality.

Next, the clustering of the suffixes of adjectives is carried out:

Table 2 – Adjective suffixes

No.	Suffix	Presence of an attribute, quality	Propensity	Weakening of quality	Similarity	Completeness	Affiliation
1	ed	1	0	0	0	0	0
2	y	1	1	1	0	0	0
3	ish	1	0	1	0	0	1
6	ly	1	0	0	1	0	0
7	ful	0	0	0	0	1	0
8	some	1	1	0	0	1	0
10	like	0	0	0	1	0	0
12	ous	1	0	0	0	0	0
13	an	0	0	0	1	0	1
Cluster		D	F	G	H	I	J

Thus, at the second stage, 6 clusters were identified:

D is represented by the suffixes -ed, -y, -ish, -ly, -some, -ous with the meaning of the presence of an attribute or quality

F is represented by the suffixes -y, -some with the meaning of propensity

G is represented by the suffixes -y, -ish with the meaning of quality attenuation

H is represented by the suffixes -ly, -like, -an with the meaning of similarity

I is represented by the suffixes -ful, -some with the meaning of completeness

J is represented by the suffixes -ish, -an with the meaning of affiliation.

At the third stage, we conduct the clustering of verb suffixes:

Table 3 – Verb suffixes

No.	Suffix	Activity	Change	Transformation
1	ize	1	1	1
2	fy	1	1	1
3	ate	0	0	1
4	en	0	1	0
Cluster		K	L	M

At the third stage, 3 clusters were identified:

K is represented by the suffixes — ize, -fy with the meaning of activity

L-is represented by the suffixes -ize, -fy, — en with the meaning of change

M-is represented by the suffixes -ize, -fy, -ate with the meaning of transformation.

Next, the prefixes were clustered.

At the first stage, we perform the clustering of the adjective prefixes:

Table 4 – Adjective prefixes

Prefix	Negation
un	1
in	1
non	1
a	1
self	0
pre	0
post	0
Cluster	N

At this stage, only one cluster was found, N, that signifies negation and is represented by the prefixes un -, in -, non -, and a-.

At the second stage, the clustering of verb prefixes was carried out.

Table 5 – Verb prefixes

Prefix	Reverse activity	Deprivation, Disposal	Disadvantage, Absence	Direction of movement
un	1	0	0	0
de	1	1	0	0
dis	1	1	0	0
mis	0	0	1	0
under	0	0	1	1
over	0	0	0	0
up	0	0	0	1
re	0	0	0	0
be	0	1	0	1
Cluster	O	P	Q	R

Key results

At this stage, 4 clusters were identified:

O is represented by the prefixes un-, de-, dis- with the meaning of the reverse activity

P is represented by the prefixes de-, dis-, be- with the meaning of deprivation, disposal

Q is represented by the prefixes mis-, under- with the meaning of disadvantage

R is represented by the prefixes under-, over-, up-, and be- with the meaning of direction of movement.

17 semantic clusters have been identified in total:

1. A is represented by the suffixes -ness, -ity with the meaning of abstraction
2. B is represented by the suffixes -ship, -hood, -ery, -acy, -age with the meaning of condition\quality
3. C is represented by the suffixes -dom, -ery, -acy, -age with the meaning of totality\generality.
4. D is represented by the suffixes -ed, — y, — ish, -ly, -some, — ous with the meaning of the presence of an attribute or quality
5. F is represented by the suffixes — y, -some with the meaning of propensity
6. G is represented by the suffixes -y, -ish with the meaning of quality attenuation
7. H is represented by the suffixes -ly, -like, -an with the meaning of similarity
8. I is represented by the suffixes -ful, -some with the meaning of completeness
9. J is represented by the suffixes -ish, -an with the meaning of affiliation.
10. K is represented by the suffixes — ize, -fy with the meaning of activity
11. L is represented by the suffixes -ize, -fy, -en with the meaning of change
12. M is represented by the suffixes -ize, -fy, -ate with the meaning of transformation.
13. N is represented by the prefixes un-, in-, non-, a- with the meaning of negation
14. O is represented by the prefixes un -, de -, -dis with the meaning of the reverse activity
15. P is represented by the prefixes de-, dis-, be- with the meaning of deprivation, disposal
16. Q is represented by the prefixes mis-, under- with the meaning of disadvantage
17. R is represented by the prefixes under-, over-, up-, and be- with the meaning of direction.

In the course of the research, the authors found the cases of intersection of semantic clusters. These include cases where two or more affixes are included to two or more intersecting clusters. The intersections are presented in the diagrams below. The central element of the diagram shows the affixes at the intersection, the two side elements show the intersecting clusters:

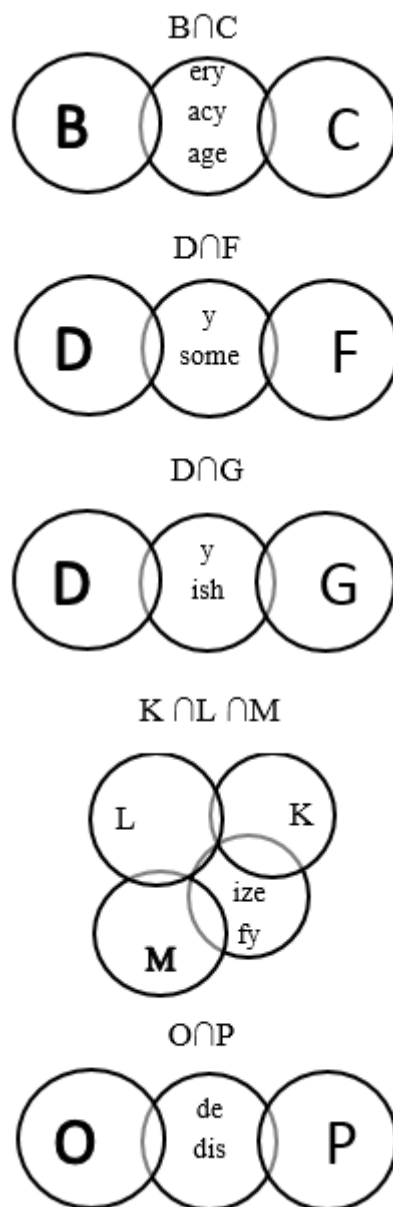

Figure 1 – cluster intersections

The analysis of the data above shows that 80% of intersections are observed among the semantic clusters of suffixes.

Later in the paper, the cluster analysis will be used to identify the patterns of possible combinations of affixes with the meaning of quality.

The affixal combinations obtained in the course of the analysis of practical language material, which include at least one qualitative affix, were analyzed in the context of the previously conducted semantic cluster analysis. For greater clarity, we first list the identified combinations: *able+ity*, *al+dom*, *al+ize+ation*, *ation+al*, *de _____ing*, *de _____ation*, *de _____ment*, *dis _____ed*, *en _____ed*, *en _____ing*, *fy+(c)+ation*, *ible+ity*, *il _____al*, *im _____al*, *in _____able*, *in _____able+ly*, *ing+ness*, *ir _____ant*, *ir _____able*, *ir _____al*, *ize+ation*, *ly+hood*, *ly+ness*, *ment+al*, *ment+ation*, *ment+ing*, *mis _____ation*, *mis _____ed*, *mis _____ing*, *non _____ate+ion*, *non _____fy+ed*, *non _____ing*, *ous+ly*, *some+ly*, *un _____ing*, *under _____ed*.

The formulas of affixal combinations, taking into account the semantic cluster generalization, are presented below. If an affix is not included in the combination is not included in any of the selected clusters, it is marked as an unincorporated affix (NA): *NA+NA*, *NA+C*, *NA+M+NA*, *NA+NA*, *P _____NA*, *O _____NA*, *P _____NA*, *O _____D*, *NA _____D*, *NA _____NA*, *L+(c)+NA*, *M+A*, *NA _____NA*, *NA _____NA*, *N _____NA*, *N _____NA+H*, *NA+NA*, *NA _____NA*, *NA _____NA*, *NA _____NA*, *M+NA*, *D+B*, *H+A*, *NA+NA*, *NA+NA*, *NA+NA*, *Q _____NA*, *Q _____D*, *Q _____NA*, *N _____NA*, *N _____K+D*, *N _____NA*, *D+H*, *F+H*, *O _____NA*, *R _____D*.

The results obtained are presented in the diagram. Semantic clusters are marked with circles. The rectangles represent unincorporated affixes. Blue lines indicate connections between the clusters, red lines indicate connections between the clusters and unincorporated affixes, and yellow lines indicate connections between the unincorporated affixes.

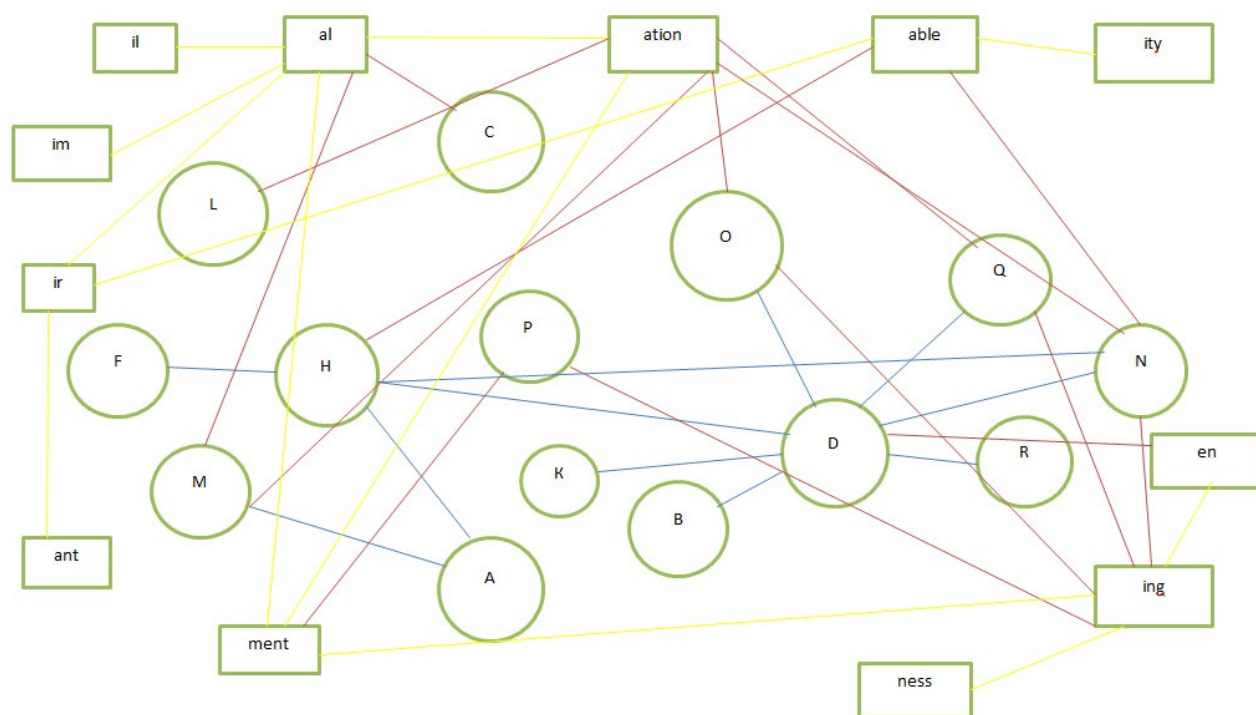

Figure 2 – compatibility of semantic clusters

When we talk about the application of cluster analysis of affix semantics to the combinative possibilities of qualitative affixes, we can distinguish 3 groups of combinations: polycluster, mixed, and unincorporated. In this case there are no monocluster combinations.

Polycluster combinations include:

1. O _____ D
2. M+A
3. D+B
4. H+A
5. Q _____ D
6. N _____ K+D
7. D+H
8. F+H
9. R _____ D

Mixed combinations include:

1. NA+C
2. NA+M+NA
3. P _____ NA
4. O _____ NA
5. P _____ NA
6. NA _____ D
7. L+(c)+NA
8. N _____ NA
9. N _____ NA+H
10. M+NA
11. Q _____ NA
12. Q _____ NA
13. N _____ NA
14. N _____ NA
15. O _____ NA

Unincorporated combinations include:

1. able+ity
2. ation+al
3. en _____ ing
4. il _____ al
5. im _____ al
6. ing+ness
7. ir _____ ant

8. ir _____ able
9. ir _____ al
10. ment+al
11. ment+ation
12. ment+ing

Let us consider the first group in more detail since it is of the greatest interest from the point of view of establishing patterns in the compatibility of affixes. During the pairwise analysis, it is established which clusters and meanings are included in the combinations

1. O _____ D
reverse activity+quality
2. M+A
transformation+abstraction
3. D+B
quality+condition
4. H+A
similarity+abstraction
5. Q _____ D
disadvantage+quality
6. N _____ K+D
negation+activity+quality
7. D+H
quality+similarity
8. F+H
propensity+similarity
9. R _____ D
direction+quality

Conclusion

In the course of the research, 17 semantic clusters of the English language were identified in total with some of the clusters having the property of overlapping. Based on the analysis of the language material, it can be concluded that the affixes with a pronounced semantic attribute of quality are the most combinative (cluster D – 66% of semantic polycluster combinations).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка / Архипов И.К. – Москва: Просвещение, 1984
2. Гридина Т.А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг / Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Изд. 3. 2009.
3. Дмитриева Е.И. Семантическая характеристика аффиксов английского языка / Дмитриева Е.И. // Общественные науки. 2017. № 1. С. 104-112.
4. Дмитриева Е.И. Кластерный анализ в исследовании аффиксального словообразования (на материале английского языка) / Дмитриева Е.И., Телегин Л.А. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 5. С. 183-189.
5. Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка. Структурные аспекты слова и словосочетания / Зятковская Р.Г. – Калининград: КГУ, 1980
6. Карашук П. М. Словообразование английского языка / Карашук П. М. – М.: Высшая школа, 1977. 314 с.
7. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование / Кубрякова Е.С. – М.: Либроком, 2012.
8. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка / Мешков О. Д. – М.: Наука, 1975. 248 с.
9. Defays D. An efficient algorithm for a complete link method / Defays D. // The Computer Journal. 1977. Vol. 20. № 4. P. 364-366.
10. Rand W. M. Objective criteria for the evaluation of clustering methods / Rand W. M. // Journal of the American Statistical Association. 1971. Vol. 66. Issue 336. P. 846-850.

Список литературы на английском / References in English

1. Arkhipov I. K. Semantika proizvodnogo slova anglijskogo jazyka [Semantics of a Derived Word in English] / I. K. Arkhipov. – Moscow: Prosveshchenie, 1984 [in Russian]
2. Gridina T. A. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie: teorija, algoritmy analiza, trening [Modern Russian Language. Word Formation: Theory, Analysis Algorithms, Training] / T. A. Gridina, N. I. Konovalova. 3rd Edition. 2009 [in Russian]
3. Dmitrieva E. I. Semanticheskaja kharakteristika affiksov anglijskogo jazyka Obshhestvennye nauki [Semantic Characteristics of English Affixes Social Sciences] / E. I. Dmitrieva. 2017. № 1, pp. 104-112 [in Russian]
4. Dmitrieva E. I. Klasternyj analiz v issledovanii affiksального slovoobrazovanija (na materiale anglijskogo jazyka) [Cluster Analysis in the Study of Affixal Word Formation (Based on the Material of the English Language)] / E. I. Dmitrieva, L. A. Telegin // [Philological Sciences. Theory & Practice]. 2020. Vol. 13. No. 5, pp. 183-189 [in Russian]

5. Zyatkovskaya R. G. Suffixalnaya sistema sovremennogo angliyskogo yazyka [The suffixal system of the modern English language] / R. G. Zyatkovskaya. – Kaliningrad: Kaliningrad State University, 1980 [in Russian]
6. Karashchuk P. M. Slovoobrazovanie anglijskogo jazyka [Word Formation of the English Language] / P. M. Karashchuk. – Moscow: Vysshaya shkola, 1977. 314 p. [in Russian]
7. Kubryakova E. S. Teorija nominacii i slovoobrazovanie [Theory of Nomination and Word Formation] / E. S. Kubryakova. – Moscow: Librocom, 2012 [in Russian]
8. Meshkov O. D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo jazyka [Word Formation of the Modern English Language] / O. D. Meshkov. – Moscow: Nauka, 1975. 248 p. [in Russian]
9. Defays D. An efficient algorithm for a complete link method / Defays D. // The Computer Journal. 1977. Vol. 20. № 4. P. 364-366.
10. Rand W. M. Objective criteria for the evaluation of clustering methods / Rand W. M. // Journal of the American Statistical Association. 1971. Vol. 66. Issue 336. P. 846-850.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.16>**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СОЗДАНИЕ НОВОЙ АВТОРСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ И.А. БУНИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)**

Научная статья

Свешникова М.И. *

ORCID: 0000-0001-5630-9267,

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (msveshnikva[at]rambler.ru)

Аннотация

Перевод художественного произведения предполагает создание такого же произведения, только средствами другого языка. Читатель должен получить текст, адекватный по воздействию на его эмоциональное состояние. Сама природа поэтического произведения диктует принципиальные отличия перевода данных текстов от любых других – это передача средствами другого языка ритма, метра, контекста, литературных фигур речи, различия между структурами литературных систем и культурами двух народов. Однако помимо структурных особенностей поэтического текста не меньшую сложность представляют и создаваемые автором образы и ассоциации. Автор силой воображения создает свой мир, свою авторскую реальность, которая в силу субъективных причин не всегда совпадает с окружающей действительностью. Поэтому необходимо рассматривать вариативность перевода не как отклонение от нормы, а как норму и единственную реальность бытия перевода. В переводах на французский язык поэтических произведений И. Бунина важно учитывать все уровни передачи текста средствами другого языка и другой культуры. При переводе происходит изменение авторской реальности, так как переводчик может по-другому воспринять исходный текст, находясь уже в своей собственной реальности, которая накладывается на исходный материал (переводчик может быть носителем языка и культуры, а может и не быть им). Его задача – отразить авторскую реальность в новой, адекватной реальности воспринимающего.

Ключевые слова: поэтический текст, перевод, авторская реальность, формальные средства перевода, образные средства перевода.

ARTISTIC TRANSLATION OF A POETIC TEXT AS THE CREATION OF A NEW AUTHOR'S REALITY (BASED ON TRANSLATIONS OF POEMS BY I. A. BUNIN INTO FRENCH)

Research article

Sveshnikova M.I. *

ORCID: 0000-0001-5630-9267,

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

* Corresponding author (msveshnikva[at]rambler.ru)

Abstract

Translation of a work of art involves the creation of the same work, only by means of another language. The reader should receive a text that is adequate in terms of its impact on his emotional state. The nature of a poetic work dictates the fundamental differences between the translation of these texts and any others, it is the transfer by means of another language of rhythm, meter, context, literary figures of speech, the differences between the structures of literary systems and cultures of the two peoples. However, in addition to the structural features of the poetic text, the images and associations created by the author are no less complex. The author uses his imagination to create his own world, his own author's reality, which, due to subjective reasons, does not always coincide with the surrounding reality. Therefore, it is necessary to consider the variability of translation not as a deviation from the norm, but as the norm and the only reality of the translation's existence. In the translations into French of the poetic works of I. Bunin the translator must take into account all levels of text transmission by means of another language and another culture. There is a change in the author's reality by translation, since the translator can perceive the source text in a different way, being already in his own reality, which is superimposed on the source material (the translator may or may not be a native speaker of the language and culture). So the task is to reflect the author's reality in a new, adequate reality of the perceiver.

Keywords: poetic text, translation, author's reality, formal means of translation, figurative means of translation.

Introduction

Translation of a work of art involves the creation of the same work, only by means of another language. The reader should receive a text that is adequate in terms of its impact on his emotional state. It would seem that there is nothing easier than to find suitable equivalents from several thousand words and satisfy the needs of the reader or listener. However, in reality, everything is much more complicated. A literary text and even more a poetic text has significant differences from other texts, primarily by the presence of an aesthetic function, that is, the text itself, its design and organization are no less important for the recipient than the information encoded in it [2, P. 342], which represents several levels of impact.

The true nature of a poetic work dictates the fundamental differences between the translation of these texts from any others – it is the transfer by means of another language of rhythm, meter, context, literary figures of speech, the differences between the structures of literary systems and cultures of the two peoples [3, P. 125]. Just like any messages inherent in the system of communication actions, but encoded by specific means, poetic texts require additional interpretation, sometimes even by a native speaker of the same language and culture as the author. The poetic language is distinguished by a set of formal means

created in each language [9, P. 98], but it is even more difficult to reinterpret the author's figurative means. And since poetic translation requires not only significant philological, literary, and cultural knowledge, but also versification skills, many translators deviate from these requirements, which sometimes seem simply impossible: in France, for example, poems are usually translated without observing the poetic organization of the text or simply in prose.

Discussion

In the technical side, the poetic text seems to be more ordered than the prose, due to the rhyming and metrical organization. However, the overall task of achieving the adequacy of translation is complicated not only by following the poetic canon [5, P. 151], but also by the need to find equivalents to expressive means, the concentration of which is much higher in the poetic text than in other literary texts. This is not always achievable, since it is absolutely impossible to determine exactly what the impact of the aesthetic effect should be [2, P. 342-343]. The reflection of the picture of the world in a poetic work, thanks to the images and associations created by the author, is not mechanical, it has a creative, subjective character [6, P. 158]. In the mind of the reader or listener, when the work is perceived, an artistic picture of the world is formed under the influence of reality created by the inspiration of the poet. The author uses the power of imagination to create his own world, his own author's reality, which, due to subjective reasons, does not always coincide with the surrounding reality, which is only the material for forming an image of the perceived reality in the space of the author's subjective reality. Artist creates in his work a certain image of reality, visible only to him, often comprehensible only to him, balancing between objective reality in determining the contents of its symbolic basis, the author's perception of the world and embodiment of actually works in grossly material form [10, P. 105-109]. Thus, poetic translation covers both the process of communication and the object activity [12, P. 77].

The translatability of a poetic text is very conditional, due to the special means and meanings chosen by the poet for his work. The subjective reality of the author reflects the objective reality and is formed on the basis of the author's worldview, his worldview positions, and personality characteristics. It also forms the factors that determine both the external visible form of the work, and the internal, figurative content of the art object, the integrity and proportionality of its structure [10, P. 111]. For a translator, it is necessary to know the peculiarities of the language and the poet's work, and the cultural and historical contexts of the creation of the work are also important [8, P. 39]. At the level of content, where the formal content is reflected more than in prose, special attention in translation should be paid to images, tropes, historical moments, national specifics, and the creative personality of the author [2, P. 244]. All this leads to changes in the transmission of the content and form of the work.

Therefore, some researchers believe that it is necessary to consider the variability of translation not as a deviation from the norm, but as the norm and the only reality of the existence of translation (as a dynamic by nature communicative practice) [4, P.7]. In the theory of adequate literary translation, the concept of dynamic (functional) adequacy is developed. Within the framework of this model of translation, a translation that reproduces the functional dominant of the source text in accordance with the communicative intention of the author of the text is considered adequate [5]. A translated literary text is nothing more than a series of projections, the structure and quality of which depend on the qualities of the translator, which, of course, are associated with his conscious attitudes [11].

Results

In the poem by I. Bunin «Еще от дома на дворе...» [1, P. 42-43], written in 1892, rural life is idealized patriarchal («топор стучит в сарае», «ладный стук валька»). Accents are made on nature («в молодом березняке», «Грибами пахнет и листвою», «На солнце светлая река»), on the weather («Синеют утренние тени», «Трава в холодном серебре», «яркий зной»). But this is the life that the young man saw, or rather created in his imagination, from the bright memories of childhood. The rhythm is iambic with an enclosed single / double rhyme. If the phonetic pattern of this poem can still be preserved in translation, then the grammatical organization requires significant changes, which leads to transformations of structures (Синеют утренние тени — dans la matinée, Des ombres bleues claires), some omissions (*пугливых, листвою, ладный*) and extensions (*se reflètent, joue*). The general picture of the author's reality is preserved, but it is very far from the modern French reader: if he knows «топор» (une hache) and «сарай» (narrowing the concept: un bûcher — woodshed), «валек» (un battoir) is not familiar to him. But most likely, it is unfamiliar to the Russian reader.

Еще от дома на дворе	Sur la cour, dans la matinée,
Синеют утренние тени,	Des ombres bleues claires se reflètent;
И под навесами строений	Sous les auvents des maisonnettes,
Трава в холодном серебре;	Le froid tient des herbes argentées.
Но уж сияет яркий зной,	Mais c'est déjà une vive chaleur,
Давно топор стучит в сарае,	On entend au bûcher une hache,
И голубей пугливых стаи	Et une volée de colombes blanches
Сверкают снежной белизной.	Brille comme la neige de sa blancheur.

С зари кукушка за рекою	Dès l'aube, par delà la rivière,
Кукует звучно вдалеке,	Le coucou chante dans le lointain.
И в молодом березняке	Dans la boulaie verte, on retient
Грибами пахнет и листвою.	L'odeur des champignons. Très claire,
На солнце светлая река	La rivière rit et palpète, car
Трепещет радостно, смеется,	Elle joue sous le soleil, joyeuse.
И гулко в роще отдается	Et dans les boulaies silencieuses,
Над нею ладный стук валька. (И. Бунин)	On entend les coups du battoir. (пер. М. Свешниковой)

On the example of the translation of this poem, we see that the translator faces a whole complex of problems that are absent in other genres: these are both formal features (the phonetic appearance of the word) and differences in the stress system (fixed in French on the last syllable of the rhythmic group). Morphological features are even more difficult. This is primarily due to the variety of inflections in Russian and their limitations in European languages, in particular, in French, which significantly affects the choice of rhyme. In addition, the syntax in French is fixed, unlike the free syntax in Russian. The presence of a large number of function words also makes it difficult to translate because of the analytical nature of the French language, as opposed to the synthetic nature of the Russian language. No less important is the actual average length of the word, which differs due to grammatical differences in the design of the utterance (in French, there is the bulk of monosyllabic and two-syllable words, in the Russian language we usually have words of 3 or 4 syllables). The difference in the systems of versification (in Russian – syllabic-tonic, in French – syllabic) also complicates the translation process [2, P. 243]. The translator has to make various lexical and semantic substitutions and grammatical transformations in order to adapt the meaning of the poem for the understanding of the reader who is a native speaker of another language and culture [6, P. 167].

We can consider what changes need to be made in the translation to create a reality approximate to the author's, for example, in the poem by I. Bunin «Первый соловей» [7, P.642]. It presents, first of all, rhythmic difficulties for translation (dactyl with the first stressed syllable). Together with the syntax, this led to significant changes in the translation text: В холоде голых, прозрачных аллей – Aux allées nues pleines de froid transparent, Пробует цокать, трещит соловей – Le rossignol claque pour se mettre au chant. The omission of *кудрявых* (flowers) is necessary, as it would require a great deal of descriptive refinement, the substitution for *sans feuillage* is partially equivalent for the description of the season (spring). Replacing the definition of a «девочка» with «une jeune fille» is necessary to preserve the context: «девочка – fille, fillette» in French is still a child, «une jeune fille» can already have sweet dreams at night under the moon. The antonymous translation of *нов* (ей *весенний рассказ*) — *vieux* is chosen to preserve the rhyme. However, the reality of a spring night is perceived in French with the same characteristics as in Russian.

Первый соловей Таёт, сияет луна в облаках. Яблони в белых кудрявых цветах.	Le premier rossignol La lune luit et disparaît dans des nuages. Des pommiers sont en fleurs blanches sans feuillage.
Зыбь облаков и мелка и нежна. Возле луны голубая она.	Il y a au ciel une claire houle bleue et tendre, Autour de la lune, elle va se répandre.
В холоде голых, прозрачных аллей Пробует цокать, трещит соловей.	Aux allées nues pleines de froid transparent, Le rossignol claque pour se mettre au chant.
В доме, уж темном, в раскрытом окне, Девочка косы плетет при луне.	Dans une maison, à la fenêtre sans feu, Sous la lune, une jeune fille tresse les cheveux.
Сладок и нов ей весенний рассказ, Миру рассказанный тысячу раз. (И. Бунин)	Pour elle, ce conte vernal est délicieux, Raconté mille fois au monde, il est vieux. (пер. М. Свешниковой)

Conclusion

There is no doubt that any translation of a poetic work seems to the researcher approximate, in each translation we can find some inconsistencies, omissions or unequal substitutions. Practice shows that even the observance of all or almost all formal elements in the translation does not make it adequate [5]. A comparative analysis of the methods of transcoding I. Bunin's works into French showed the presence of adequate and equivalent methods of translating texts, and also revealed the leveling of the sign diversity and the frequent increase in the volume of the sign when translating Bunin's lines [6, P. 170].

The main requirement should remain the preservation of the artistic image, mood, intonation of the original text [2, P. 246-247], necessary for the reconstruction of the author's reality by means of another language. In any translation, there is a change in the author's reality, since the translator can perceive the source text in a different way, being already in his own reality, which is superimposed on the source material (the translator may or may not be a native speaker of the same language and culture). Its task is to reflect the author's reality in a new, adequate reality of the perceiver. At the same time, we must not forget that the reader perceives this artistic reality through the prism of translation reality. And as far as it is close to the author's reality of the work, so the reader will be able to feel that other life surrounding the author. We must not forget the historical context of the writing of the work and the translation: the translation of the XIX century is significantly different from the XXI century.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Дивная пора. Лучшие стихотворения русских поэтов о природе. М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 128 с.
2. Жутовская Н. М. Поэтический перевод и проблема адекватности / Н.М. Жутовская // Царскосельские чтения. – Изд-во Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – 2014. – Номер XVIII, том I – С. 342-347.
3. Искандари Махнуш. Поэтический перевод: проблемы, способы и случаи невозможности с персидского языка на русский / Махнуш Искандари, Муса Абдоллахи // Филология. Серия: Гуманитарные науки. – №6-2 июнь 2019 г. – С.124-128.

4. Леонтьева К.И. Универсалии поэтического (стихотворного) перевода (на материале русских переводов из англоязычной поэзии XX века): автореф. дисс...канд.филол. наук. / К.И. Леонтьева. – Тверской государственный университет. – Тверь, 2013. – 24 с.
5. Николаева Ж.Е. Особенности передачи перифразы в художественном поэтическом переводе [Электронный ресурс] / Ж.Е. Николаева // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 150–154. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13105709>. (дата обращения: 18.02.2021)
6. Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография / Огнева Е.А. 2-е изд., доп. – Москва: Эдитус, 2012. – 234 с.
7. Русские поэты XVIII-XIX вв. Антология / Сост. В.И.Коровина и В.А.Сайтанова. М.: Изд-во Дет.лит. – 1985. – 735 с.
8. Свешникова М.И. Проблема контекстных соответствий в поэтическом переводе / М.И. Свешникова // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2020. – № 3. – С.38-46.
9. Свешникова М.И. Фонетические особенности французского стиха / М.И. Свешникова // Сборник научных трудов «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения в трудах преподавателей кафедры романской филологии». – Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет». – 2015. – С. 98-117.
10. Серикова Т. Ю. Субъективная авторская реальность и ее роль в формировании онтологических оснований художественного творчества / Т. Ю. Серикова // Вестник Ивановского государственного университета. – 2020. – вып.2. – С. 104-113.
11. Сорокин Ю. А. Художественный перевод и его фиктивная реальность [Электронный ресурс] / Ю. А. Сорокин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – Т. 1. – № 10. – С. 33–37. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11790561>. (дата обращения: 18.02.2021)
12. Шутимова Н.В. Поэтический перевод в контексте художественной деятельности / Н.В. Шутимова // Вестник Пермского университета. – 2010. – Российская и зарубежная филология. – Вып. 6(12). – С. 76-82.

Список литературы на английском / References in English

1. Divnaya pora. Luchshie stihotvorenia russkikh poetov o prirode [Wonderful time. The best poems of Russian poets about nature]. – М.: Eksmo Publishing House, 2006. – 128 p. [in Russian]
2. Zhutovskaya N. M. Poeticheskiy perevod i problema adekvatnosti [Poetic translation and the problem of adequacy] / N. M. Zhutovskaya // Tsarskosel'skie chtenia [Tsarskoye Selo Readings]. – Publishing House of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. – 2014. – No. XVIII, vol.I – p. 342-347. [in Russian]
3. Iskandari Mahnush. Poeticheskiy perevod: problemy, sposoby i sluchai nevozmozhnosti s persidskogo jazyka na russkiy [Poetic translation: problems, methods, and cases of inability from Persian to Russian] / Mahnush Iskandari, Musa Abdollahi // Filologia. Seria: Gumanitarnye nauki [Philology. Series: Humanities]. – No. 6-2 June 2019. – p. 124-128. [in Russian]
4. Leontieva K. I. Unisersalii poeticheskogo (stihotvornogo) perevoda (na materiale russkikh perevodov iz anglojazychnoj poezii XX veka) [Universals of poetic (versified) translation (based on the material of Russian translations from English poetry of the XX century)]: author dis... of PhD in Philology / K. I. Leontieva. – Tver, 2013. – 24 p. [in Russian]
5. Nikolaeva Zh. E. Osobennosti peredachi perifrasy v hudozhestvennom poeticheskom perevode [Features of the transmission of periphrasis in artistic poetic translation] [Electronic resource] / Zh. E. Nikolaeva // Vestnik MGOU [Bulletin of the Moscow State Regional University]. – 2009. – No. 4. – p. 150-154. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=13105709>. (accessed: 18.02.2021) [in Russian]
6. Ogneva E. A. Hudozhestvennyi perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda [Artistic translation: problems of transmission of translation code components] / Ogneva E. A. – М.: Editus, 2012. – 234 p. [in Russian]
7. Russkie poety XVIII-XIX vekov. Antologia [Russian poets of the XVIII-XIX centuries. Anthology] / Comp. V. I. Korovin and V. A. Saitanova. – М.: Publishing house of Children. lit., 1985. – 735 p. [in Russian]
8. Sveshnikova M. I. Problema kontekstnykh sootvetstviy v poeticheskom perevode [The problem of contextual correspondences in poetic translation] / M. I. Sveshnikova // Gumanitarnye issledovaniya [Humanities Research]. – Astrakhan, 2020. – No. 3. – p. 38-46. [in Russian]
9. Sveshnikova M. I. Foneticheskie osobennosti frantsuzskogo stiha [Phonetic features of the French verse] / M. I. Sveshnikova // Aktual'nye voprosy lingvistiki i literaturovedeniya v trudakh prepodavatelej kafedry romanskoj filologii: Sbornik nauchnykh statej [Actual issues of linguistics and literary studies in the works of teachers of the Department of Romance Philology: Collection of scientific papers]. – Astrakhan. – 2015. – p. 98-117. [in Russian]
10. Serikova T. Yu. Subektivnaya avtorskaya real'nost' i ee rol' v formirovanii ontologicheskikh osnovaniy hudozhestvennogo tvorchestva [Subjective author's reality and its role in the formation of ontological foundations of artistic creativity] / T. Yu. Serikova // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Ivanovo State University]. – 2020. - issue 2. - p. 104-113. [in Russian]
11. Sorokin Yu. A. Hudozhestvennyi perevod i ego fiktivnaya real'nost' [Artistic translation and its fictitious reality] [Electronic resource] / Yu. A. Sorokin // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal [The world of linguistics and communication: electronic scientific journal]. – 2008. – Vol. 1. – no. 10. – p. 33-37. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11790561> (accessed: 18.02.2021) [in Russian]
12. Shutemova N. V. Poeticheskiy perevod v kontekste hudozhestvennoj dejatel'nosti [Poetical translation in the context of artistic activity] / N. V. Shutemova // Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of the Perm University]. – 2010 – Russian and foreign philology. – Issue 6 (12). – pp. 76-82. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.28>

АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ, КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Фуонг Нгуен Хоанг *

Университет социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет, Хошимин, Вьетнам

* Корреспондирующий автор (nguyenhoangphuong[at]hcmussh.edu.vn)

Аннотация

Семантика английских глаголов восприятия сложна, разнообразна и неясна. Для перевода этих глаголов на вьетнамский язык необходимо глубокое понимание контекста, внутри которого они находятся. К примеру, глагол "to see" (видеть) может иметь десятки значений в различных ситуациях, таких как "to contemplate" (созерцать), "to seem to be" (казаться), "to consider" (рассматривать), "to check" (проверять), "to supervise" (контролировать), "to watch" (наблюдать), "to think" (думать), "to notice" (замечать), "to hope" (надеяться), "to turn to somewhere" (поворачиваться куда-то). Ввиду этого целью данной статьи является исследование эквивалентности когнитивных метафор английских глаголов восприятия во вьетнамском языке. В статье изучены, и собраны в качестве исследовательских данных 3946 предложений с глаголами восприятия из двух наборов англо-вьетнамских и вьетнамско-английских двуязычных романов. В статье использовались такие лингвистические методы, как описательный, аналитический, сопоставительный, а также процедура идентификации метафоры для анализа и исследования с целью выявления основных способов передачи когнитивных значений метафор с помощью исследуемых глаголов. Результаты исследования показывают, что существует 6 способов формирования когнитивных метафор. Данное исследование поможет учащимся и переводчикам вьетнамского и английского языков эффективно и всесторонне использовать эти глаголы в практике данных языков.

Ключевые слова: глагол восприятия, когнитивная метафора, семантика, эквивалентность.

ENGLISH PERCEPTION VERBS COGNITIVE METAPHORS AND THEIR EQUIVALENCE IN VIETNAMESE

Research article

Phuong Nguyen Hoang *

University of Social Sciences & Humanities, Vietnam National University, Hochiminh, Vietnam

* Corresponding author (nguyenhoangphuong[at]hcmussh.edu.vn)

Abstract

The semantics of English perception verbs are various, complicated, and subtle. It is necessary to have a profound understanding of specific contexts to translate these verbs into Vietnamese. For instance, the verb "see" can have dozens of meanings in different situations, such as contemplating, seem to be, considering, checking, supervising, watching, thinking, noticing, hoping, turning to somewhere, etc. As a result, this article aims to research and study the cognitive metaphor equivalence of English perception verbs in Vietnamese. In total, 3,946 sentences with perception verbs were inspected and collected as research data from two sets of English-Vietnamese, Vietnamese-English bilingual novels. Linguistic methods, such as descriptive, analytical, contrastive, and metaphor identification methods, have been used to analyze and investigate the basic ways that these verbs can convey cognitive metaphor meanings. Research results show that there are six modes of cognitive metaphor formation. These results help learners, translators, and interpreters of Vietnamese and English use them effectively and comprehensively in their bilingual interactions.

Keywords: perception verb, cognitive metaphor, semantics, equivalence.

Introduction

The concepts that govern our thinking are not simply the product of wisdom. They affect our daily activities to the most trivial details. Our concepts structuralize our feelings, our behavior, and even our relationships with others. At the same time, our conceptual system plays a central role in defining the entities of everyday life. Based on linguistic phenomena, much of our everyday system of concepts is metaphorical. Conceptual/cognitive metaphor is one form of conceptualization, which is a cognitive process of manifesting and forming new concepts. The essence of metaphor is to structuralize our perception, our thoughts, and our activities [7].

One of the most frequent conceptual mechanisms that structuralize language is a conceptual metaphor. A conceptual metaphor is a cognitive mechanism whereby abstract entities are conceptualized through concrete ones, so the source domain A is understood in terms of the target domain B.

In "Love is a Journey" [7], the knowledge of the source domain *Journey* is used to interpret the target domain *Love*, leading to the creation of concepts like "this relationship has hit a dead-end street", "from now on, we'll go our separate ways", "their marriage is on the rocks", or "we're spinning our wheels".

LOVE IS A JOURNEY

Look how far we've come.

We're at a crossroads.

We'll just have to go our separate ways.

We can't turn back now.

I don't think this relationship is going anywhere.

Where are we?

We're *stuck*.

It's been a *long, bumpy road*.

This relationship is a *dead-end street*.

We're just *spinning our wheels*.

Our marriage is *on the rocks*.

We've *gotten off the track*.

This relationship is *foundering* [7, P. 45].

Usually, the source domain is more specific than the target domain. Perception is a specific domain and participates as the source domain in many metaphors, such as *Understanding is Seeing* [6], [7]. In this metaphor, the source domain *Seeing* event is mapped to the *Understanding* event.

Ex: I **see** what you mean. It's very clear to me.

In this article, we will examine how English perception verbs cognitive metaphors are formed and what their equivalence is in Vietnamese.

Methods

We have extracted 3,946 sentences containing perception verbs as research data from two English-Vietnamese, Vietnamese-English bilingual novels, namely *The Adventures of Sherlock Holmes* and *Love After War*. After that, cases of specific semantic cognition transferred from English into Vietnamese were tracked down by statistical analysis methods. Also, descriptive, analytical, contrastive, and metaphor identification methods were used to analyze and examine the main ways that these verbs possess cognitive metaphor meanings. The metaphor identification methods used are MIP and MIPVU.

1. Metaphor Identification

Non-structural linguists consider metaphor a semantic deviance or a selection restrictions violation. Dan Fass [4] argued that "metaphor constitutes a violation of selectional restriction rules within a given context."

From the cognitive point of view, Cameron [3] said that "a linguistic expression is considered metaphor if one or more of the elements in that expression are in the source domain and mapped to a certain target domain but there is an irrationality between the two domains that the recipient can interpret as a meaning transition from the source domain."

2. Metaphor Identification Methods

Semino [9] argued that an effective and reliable metaphor identification method must handle these issues:

- i. the boundary between the literal and the metaphorical in the identification of linguistic metaphors;
- ii. the precise identification of tenor and vehicle in relation to each linguistic metaphor;
- iii. the extrapolation of conceptual metaphors from linguistic metaphors;
- iv. the extrapolation of conventional metaphors from patterns of linguistic metaphors in the data.

2.1. MIP Method

The Pragglejaz team [8] suggested a method to identify metaphorically used words in a discourse called MIP (metaphor identification procedure) in 2007. MIP is a simple and effective method to identify metaphors with the following steps:

- i. Read the entire text–discourse to establish a general understanding of the meaning.
- ii. Determine the lexical units in the text–discourse.
- iii. (a) For each lexical unit in the text, establish its meaning in context, that is, how it applies to an entity, relation, or attribute in the situation evoked by the text (contextual meaning). Take into account what comes before and after the lexical unit.
- (b) For each lexical unit, determine if it has a more basic contemporary meaning in other contexts than the one in the given context. For our purposes, basic meanings tend to be:
 - More concrete; what they evoke is easier to imagine, see, hear, feel, smell, and taste.
 - Related to bodily action.
 - More precise (as opposed to vague).
 - Historically older.

Basic meanings are not necessarily the most frequent meanings of the lexical unit.

(c) If the lexical unit has a more basic current or contemporary meaning in other contexts than the given context, decide whether the contextual meaning contrasts with the basic meaning but can be understood in comparison with it.

- iv. If yes, mark the lexical unit as metaphorical.

Now, we use this method to identify metaphors of the verb “thấy” in the following utterance: Tôi chưa thấy ai là người Gia Rai nói tiếng Kinh sôi hơn thế.

- i. Read the entire text–discourse to establish a general understanding of the meaning.
- ii. Determine the lexical units in the text–discourse
 Tôi / chưa / thấy / ai / là / người / Gia Rai / nói / tiếng / Kinh / sôi / hơn / thế.
- iii. a) Meaning in context: has another meaning, in relationship with “Tôi” before and “nói tiếng Kinh sôi hơn thế” after it, the meanings of “thấy” are *hear*, *evaluate*, and *assess*.
- b) Basic meaning: is the perception result of “nhìn”, visual recognition.
- c) This contextual meaning can be understood.
- iv. So, “thấy” has metaphorical meaning. Thấy = *heard*, *evaluate*, *assess*.

2.2. MIPVU Method

The MIP method was still controversial among linguists around the world because the results of metaphorical identification depend more or less on the researcher's intuition. In 2010, Gerard J. S. [5], based on MIP, improved it to be MIPVU and resolved the disagreements about conceptual metaphor. Here is the MIPVU example from Gerard J. S.:

Table 1 – MIPVU example

Text	Now sleeps the crimson petal.
i. Identify metaphorical expressions	sleep
ii. Identify the clauses	P1 (sleep petal) P2 (P1 modifier now) P3 (modifier petal crimson)
iii. Identify the open contrastive structure	$(\exists F)(\exists a)\{SIM[F(\text{crimson petal})], [(a) \text{ sleep}]\}$
iv. Identify the closed contrastive structure	$SIM \{[motionless (\text{crimson petal})], [sleep (\text{human})]\}$
v. Identify the projection	sleep => inactive human => petal inferences: purpose of sleep => body resting sleeping time => inactive time

Using MIPVU, we investigate this utterance: Tôi chưa thấy ai là người Gia Rai nói tiếng Kinh sồi hơn thế.

Table 2 – Applying MIPVU

Text	Tôi chưa <i>thấy</i> ai là người Gia Rai nói tiếng Kinh sồi hơn thế.
i. Identify metaphorical expressions	<i>thấy</i>
ii. Identify the clauses	P1 (<i>thấy</i> nói tiếng Kinh sồi)
iii. Identify the open contrastive structure	$(\exists F)(\exists a)\{SIM[F(\text{nói tiếng Kinh sồi})], [(a) \text{ thấy}]\}$
iv. Identify the closed contrastive structure	$SIM \{[nghe thấy (\text{nói tiếng Kinh sồi})], [thấy (\text{nhận biết})]\}$
v. Identify the projection	<i>thấy</i> => nghe thấy (heard) <i>nhận biết</i> => nói tiếng Kinh sồi

Results

English Perception Verbs Metaphorical Meaning's Equivalence in Vietnamese

1. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Look" in Vietnamese

Table 3 – Equivalence of "look"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
look	ngắm	7	2.95%
	có vẻ	142	59.92%
	tìm	34	14.35%
	xem xét	32	13.50%
	kiểm tra	5	2.11%
	trông coi	4	1.69%
	quan sát	6	2.53%
	nghĩ	3	1.27%
	đề ý	1	0.42%
	mong muốn	2	0.84%
	hướng đến	1	0.42%
Total		237	100.00%

a. Look is Ngắm

Ex: She stood in front of the mirror for a very long time, looking at herself intensely, judging every feature on her oval face. Chỉ cứ đứng thật lâu trước gương, mãi mê ngắm nghía, đánh giá từng nét trên khuôn mặt trái xoan của mình.

b. Look is Có vẻ

Ex: He looked as if he had wanted to tell me something for a long time. Có vẻ anh muốn nói điều này từ lâu.

c. Look is Tìm

Ex: Have they thought of looking outside the house? Họ có nghĩ đến việc tìm kiếm ở bên ngoài ngôi nhà không?

d. Look is Xem xét

Ex: I looked at the uncooked pot of rice. Tôi đã xem lại xoong cơm đã sũng nhão hộ ông lão đoạn gào lên.

e. Look is Kiểm tra

Ex: Someone was appointed to look into my case. Và người ta cử người đi kiểm tra thật.

f. Look is Trông coi

Ex: He asked you to look after it. Thầy nhờ trông nhà kia mà.

g. Look is Quan sát

Ex: It was only when you looked at others of his generation that you could truly see the difference between him and them. Quan sát lớp bạn đồng liêu của ông mới thấy họ khác ông lắm.

h. Look is Nghĩ

Ex: But you do not yourself look upon this as likely? Nhưng chính ngài không nghĩ là có thể ư?

i. Look is Đề ý

Ex: Only if one looked closely did one see a bluish-white mist of smoke in the air. Đề ý kỹ mới thấy một màn khói trắng xanh giăng mờ trong phòng.

j. Look is Mong muốn

Ex: More than once he had promised himself that if only he received one letter, had one visitor, he would be at ease and not look forward to anything else. Chỉ cần được nhận một lá thư, được đón một khách, được nghe điện thoại thì ông sẽ yên tâm không đòi hỏi gì nữa.

k. Look is Hướng đến

Ex: He walked swiftly round from one to the other, pausing only at the large one which looked from the hall onto the stable lane. Anh nhanh chóng đi từ cửa sổ này đến cửa sổ khác và dừng lại một lúc trước cửa sổ lớn ngó ra lối đi đưa đến chuồng ngựa.

2. Metaphorical Meaning's Equivalence of "See" in Vietnamese

Table 4 – Equivalence of "see"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
see	xem xét	89	26.20%
	biết	48	14.10%
	nhận ra	65	19.10%
	gặp	77	22.70%
	hiểu	20	5.90%
	tiến	9	2.60%
	thăm	12	3.53%
	quan sát	12	3.53%
	phát hiện	6	1.75%
	nhìn nhận	2	0.59%
Total		340	100.00%

a. See is Xem xét

Ex: Why didn't you see what happens in this world? Ông chả xem người thiên hạ đó?

b. See is Biết

Ex: I wanted to find a woman who I'd never seen before. Tôi muốn tìm kiếm một người đàn bà chưa biết mặt.

c. See is Nhận ra

Ex: Did you not see how my hand trembled while passing you the envelopes? Anh không nhận ra bàn tay em run rẩy khi trao cho anh mấy tấm phong bì ư?

d. See is Gặp

Ex: How can you ask me that the first time you ever saw me? Chẳng lẽ vừa gặp, anh đã hỏi thế sao?

e. See is Hiểu

Ex: Then I do not see the point. Không hiểu sự thế ra sao.

f. See is Tiến

Ex: Especially when she witnessed her friends seeing their children off to university. Nhất là khi chị chứng kiến cái cảnh bạn bè tiễn đưa con đi đại học.

g. See is Thăm

Ex: I came to see you, daddy. Con đến thăm bố.

h. See is Quan sát

Ex: Tell Quy Anh and her sister to come and see junior skin Bamboo alive. Gọi chị em Quý Anh ra đây mà xem Cu Nhở lột da con Sừng Măng.

i. See is Phát hiện

Ex: Did you see nothing which aroused your suspicions when you returned on hearing the cry and found your father fatally injured? Anh không phát hiện một dấu hiệu nghi vấn gì khi anh chạy đến chỗ bố anh bị nạn à?

j. See is Nhìn nhận

Ex: When the boy had passed his first month, she had taken him to see his paternal grandparents. Con đầy cữ, Thu Hồng bế nó sang xóm bên để nhận ông nội bà nội của nó.

3. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Listen" in Vietnamese

Table 5 – Equivalence of "listen"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
listen	biết	2	50.00%
	trò chuyện	1	25.00%
	xem	1	25.00%
Total		4	100.00%

a. Listen is Biết

Ex: And yet I question, sir, whether, in all your experience, you have ever listened to a more mysterious and inexplicable chain of events than those which have happened in my own family. Nhưng dù sao, thưa ngài, tôi vẫn ngờ là trong quá trình hoạt động của mình, ngài chưa bao giờ nghe nói đến những chuyện kinh khủng như chuyện đã xảy ra với gia đình tôi.

b. Listen is Trò chuyện

Ex: What a relief it was to listen to someone in the same circumstances as himself. Được chuyện với người cùng cảnh, được cười, sung sướng biết bao!

c. Listen is Xem

Ex: Listen to this. Xem đây!

4. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Hear" in Vietnamese

Table 6 – Equivalence of "hear"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
hear	biết	68	45.03%
	nhận ra	56	37.10%
	thấy	15	9.93%
	nhận	6	3.97%
	nghe lời	4	2.65%
	hiểu	1	0.66%
	muốn	1	0.66%
Total		151	100.00%

a. Hear is Biết

Ex: I also heard that my host's younger brother, V, came back from abroad and was working in a scientific institute in Ha Noi. Tôi còn biết thêm, anh V, em trai anh đã về nước, hiện đang công tác ở một viện nghiên cứu khoa học của Trung ương tại Hà Nội.

b. Hear is Nhận ra

Ex: Outside she hears the rain falling heavily, the sound mixing with the even beating of the fan, the atmosphere completely different than it was during the day. Lúc này Vi mới nhận ra tiếng mưa rơi rào rào, tiếng quạt số thấp chạy êm êm đều đều, nhận ra bầu không khí vây quanh chị đã khác hẳn ban ngày.

c. Hear is Thấy

Ex: I'd never heard a Gia Rai who could speak Vietnamese this well. Tôi chưa thấy ai là người Gia Rai nói tiếng Kinh sôi hơn thế.

d. Hear is Nhận

Ex: The whole family was excited when they heard of the transfer decision. Cả nhà đã háo hức khi nhận được quyết định chuyển vùng.

e. Hear is Nghe lời

Ex: I demanded over and over again to be discharged, but the lady director of the camp wouldn't hear of it. Nhiều lần em đòi ra viện, nhưng chị trạm trưởng nhất định không nghe.

f. Hear is Hiểu

Ex: She couldn't hear what the people around her were saying. Nàng tập lại phía sau những người đang bàn tán, cố hiểu nhưng chẳng hiểu được những gì họ đang nói.

g. Hear is Muốn

Ex: The richer pa grew the poorer was Frank; so at last pa wouldn't hear of our engagement lasting any longer, and he took me away to 'Frisco. Bởi vậy, cha tôi không muốn cuộc đính hôn dài lâu hơn nữa, ông bèn đưa tôi đến San Francisco.

5. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Smell" in Vietnamese

Table 7 – Equivalence of "smell"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
smell	nhận ra	8	100.00%
Total		8	100.00%

Smell is Nhận ra

Ex: I could smell a slight odor of alcohol on his breath. Thoáng có mùi rượu.

6. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Taste" in Vietnamese

Table 8 – Equivalence of "taste"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
taste	ăn uống	3	75.00%
	cảm thấy	1	25.00%
Total		4	100.00%

a. Taste is Ăn uống

Ex: That evening he called me to his room to taste some wine and gnaw at some fish while he bent my ear. Buổi tối, ông gọi tôi sang phòng ông cùng nhấm nháp.

b. Taste is Cảm thấy

Ex: It tasted good because I'd just begun to feel hungry. Cảm thấy ngon vì lúc này mới thấy đói.

7. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Touch" in Vietnamese

Table 9 – Equivalence of "touch"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
touch	chạm	33	91.67%
	gặp	3	8.33%
Total		36	100.00%

a. Touch is Chạm

Ex: He felt palpably, as though he were actually touching it. Anh cảm thấy chạm được vào xúc giác nổi đau khổ của chị.

b. Touch is Gặp

Ex: I felt fortunate that my country hadn't been touched by that same storm. Đất nước Hamania của tôi may mà chưa gặp bão.

8. Metaphorical Meaning's Equivalence of "Feel" in Vietnamese

Table 10 – Equivalence of "feel"

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
feel	cảm nhận	3	50.00%
	dò xét	3	50.00%
Total		6	100.00%

a. Feel is Cảm nhận

Ex: The ceiling was only a foot or two above my head, and with my hand upraised I could feel its hard, rough surface. Trần nhà chỉ còn cách đầu tôi khoảng một hai sải, và chỉ cần với tay lên là tôi có thể chạm vào bề mặt cứng và ráp của nó.

b. Feel is Dò xét

Ex: 'Well,' said I, 'you said you'd give me one for Christmas, and I was feeling which was the fattest.' Chị hứa is tặng em một con nhân ngày lễ phục sinh và em xem thử con nào mập nhất.

Discussion

Main Ways English Perception Verbs Convey Cognitive Metaphors

1. Cognitive Object Dominance

These metaphors are formed relying on the dominance of the semantic requirements and characteristics of the cognitive object.

Ex: Mi watched me eating attentively, but I knew clearly that she was not seeing. Mi nhìn tôi ăn chăm chú nhưng tôi biết rõ cô không nhìn thấy gì hết.

In this utterance, the cognitive object of nhìn is tôi ăn. This cognitive object is a process. Therefore, the verb nhìn in this utterance conveys the metaphor meaning of *watching*.

Table 11 – Cognitive object dominance metaphors

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
look	theo dõi	17	6.03%
	xem xét	10	3.55%
	đổi diện	4	1.40%
	hướng đến	5	1.75%
see	nghe thấy	15	5.32%
	theo dõi	6	2.13%
	bắt gặp	10	3.55%
	quan sát	8	2.84%
	có	1	0.35%
	chứng kiến	1	0.35%
hear	có vẻ	5	1.75%
smell	có	1	0.35%
touch	vươn đến	1	0.35%
Total		282	30.07%

2. Cognitive Perceiver Dominance

These metaphors are formed because of the dominance of the semantic requirements and characteristics of the cognitive perceiver.

Ex: Ủ, cô cũng thấy nên để má con toàn quyền!

In this utterance, we can see that the verb *thấy* is used to describe the *thinking* of the cognitive perceiver *cô*. Therefore, the corresponding English translation of the sentence is: *I think* we should give your mother complete authority here.

Table 12 – Cognitive perceiver dominance metaphors

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
look	thừa nhận	4	1.40%
see	nghĩ	19	6.74%
	tìm ra, phát hiện	56	19.86%
	hiểu	5	1.75%
	đề ý	20	7.09%
	gặp gỡ	3	1.05%
	đã biết	14	4.96%
	nhận thức được	4	1.40%
	nhận ra	10	3.55%
	có ấn tượng	1	0.35%
	đồng ý	1	0.35%
	tưởng tượng	1	0.35%
	phân biệt	1	0.35%
listen	nghe lời	11	3.90%
	hiểu	2	0.70%
	xin lời khuyên	2	0.70%
	biết	2	0.70%
	phân biệt	2	0.70%
	cảm thấy	4	1.40%
	nắm bắt	3	1.05%
	tìm thấy	2	0.70%
	nghĩ	2	0.70%
	kiểm tra	1	0.35%
hear	nhận được	3	1.05%
	thấy	1	0.35%
	nắm bắt	1	0.35%
smell	nhận lấy	2	0.70%
taste	trải qua	1	0.35%
touch	chú ý	1	0.35%
	cảm nhận	3	1.05%
Total		282	69.93%

3. Being in the Same Cognition Phase

The percentage of cognitive metaphors formed due to being in the same cognition phase is extremely high. For cognitive metaphors in Vietnamese, the percentage is 93.61%, and in English, it is 98.47%.

The cognitive metaphors formed due to not being in the same cognition phase account for only a small percentage.

Table 13 – Metaphors due to being in the same cognition phase

Verb	Equivalence	Frequency	Percentage
nhìn	thừa nhận	4	1.42%
thấy	theo dõi	6	2.13%
	quan sát	8	2.84%
Tổng		282	6.39%
see	quan sát	12	1.53%
Total		785	1.53%

4. Cognitive Spaces Switching

These metaphors are formed due to cognitive spaces switching. This is the switching from the reality space to the assuming space (Ex: look is judging, look is accepting, etc.), from the assuming space to the cognition space (Ex: see is thought, see is understood, etc.), from the reality space to the experience space (Ex: see is known, see is realized, etc.), etc.

5. Cognitive Results Conversion

These metaphors are formed relying on the conversion of the cognitive results of other verbs into the perception verbs. For example, we have many metaphors, such as see is found, see is realized, see is perceived, etc.

6. Perception Organs Conversion

These metaphors are formed because of the conversion of the perception organs. In Vietnamese, the verb *thấy* of the visual perception and the verb *nghe* of the hearing perception can be used to convey the cognitive results of all the senses, not just the visual and the hearing only.

Conclusion

The survey results show that the cognitive semantics of the perception verbs are very diverse, various, and special. Among them, the semantic traits with cognitive metaphors account for a large percentage.

The polysemy, sophistication, and subtlety of the perception verbs enrich the language. However, they also cause a huge obstacle to language learners and workers. Therefore, it is necessary to pay attention to the identification of the exact meanings in each linguistic unit when teaching or handling languages.

Further studies of these verbs, as well as their contrastive research between languages, are very essential.

Finally, this research has brought a sense not only in linguistic study but also in language teaching, learning, translating, and interpreting, as well as in many other activities related to languages.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Arthur C. D. Những cuộc phiêu lưu của Sherlock Holmes / Arthur C. D. Văn học. - 2009.
2. Arthur C. D. The adventures of Sherlock Holmes / Arthur C. D. The Project Gutenberg. - 1999.
3. Cameron L. Identifying and describing metaphor in spoken discourse data. Researching and Applying Metaphor / Cameron L. Cambridge University Press. – 1999. - P. 118.
4. Fass D. Met: A method for discriminating metonymy and metaphor by computer / Fass D. Computational Linguistics. - 1991. Vol. 17 (1). - P. 53.
5. Gerard J. S. A Method for Linguistic Metaphor Identification – From MIP to MIPVU / Gerard J. S. John Benjamins, Amsterdam. - 2010. - P. 25-42.
6. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Human Mind / Lakoff G. University of Chicago Press. 1987.
7. Lakoff G. Metaphors We Live By / Lakoff G., Johnson M. University of Chicago Press. 1980.
8. Pragglejaz Group. MIP: A method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. Metaphor and Symbol. Lawrence Erlbaum Associates. - 2007. Vol. 22 (1). - P. 3.
9. Semino E. Methodological problems in the analysis of metaphors in a corpus of conversations about cancer / Semino E. // Journal of Pragmatics. - 2004. Vol. 3. - P. 1272.
10. Wayne K. Tình yêu sau chiến tranh / Wayne K., Thái H. A. (ed.). Hội Nhà văn. - 2004.
11. Wayne K. Love after war / Wayne K., Thai H. A. (ed.). Curbstone Press. - 2003.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.32>**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ НАПРАВЛЕННОСТИ, В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Научная статья

Семашко Н.В. *

Тихоокеанский государственный университет, Педагогический институт, Хабаровск, Россия

* Корреспондирующий автор (malin487[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей перевода лексических единиц категории направленности в составе оригинального энциклопедического текста. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска переводческих решений при переводе такого коррелята энциклопедического текста, как категория направленности, не совпадающего по своим лексическим и грамматическим признакам в китайском и русском языках. Сделанные в работе выводы по проработанным теоретическим источникам и анализу перевода категории направленности в энциклопедических текстах могут быть использованы при обучении теории и практике перевода. В работе рассмотрены основные характеристики энциклопедического текста с точки зрения науки о переводе, а также выполнен анализ способов передачи средств категории направленности с китайского на русский язык в выбранных текстах по заявленной тематике.

Ключевые слова: энциклопедия, перевод, лексическая единица, адекватность перевода, коррелят, переводческие трансформации.

ASPECTS OF TRANSLATING DIRECTIONAL LEXICAL UNITS IN AN ENCYCLOPEDIA TEXT FROM CHINESE TO RUSSIAN

Research article

Semashko N.V. *

Pacific State University, Pedagogical Institute, Khabarovsk, Russia

* Corresponding author (malin487[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the aspects of translating directional lexical units in an original encyclopedic text. The relevance of the research lies in the need to find translation solutions when translating such a correlate of an encyclopedic text as directional lexical units, whose lexical and grammatical features do not coincide between Chinese and Russian. The authors of the study draw conclusions on the developed theoretical sources and analysis of the translating directional units in encyclopedic texts that can be used in teaching the theoretical and applied translation. The study examines the main characteristics of an encyclopedic text from the point of view of the theory of translation, the directional units in the Chinese language as well as analyzes the ways of transferring this category from Chinese to Russian in the texts under study.

Keywords: encyclopedia, translation, lexical unit, translation adequacy, correlate, translation transformations.

Введение

Современная межкультурная коммуникация не обходится без научных книг, справочных материалов и энциклопедических данных. Текст энциклопедической статьи довольно специфичен, и это часто рождает неожиданные переводческие проблемы. Энциклопедические тексты на китайском языке очень познавательны и интересны, однако, не всегда доступны в переводе на русский язык, мера точности перевода меняется в зависимости от цели перевода, характера текста и читателя, которому перевод предназначается. В классификации типов текста, предложенной И.С. Алексеевой, важным параметром является мера переводимости текстов, под которой понимают принципиальную возможность перевести текст. Мера переводимости может быть разной. Энциклопедические тексты обладают, как правило, высокой мерой переводимости, так как практически все речевые стереотипы найдут в переводе эквивалентные соответствия.

В современных условиях перевод энциклопедических текстов и научных статей приобретает особое значение. Данные тексты выступают как способ приобретения научных знаний, получения новой для себя информации и расширения кругозора. Поэтому адекватный перевод текстов этой направленности становится очень важным. Адекватным называется перевод, который оправдывает ожидания и надежды участников коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода.

Рассмотрим теперь категорию направленности. В китайском языке некоторыми исследователями выделяется грамматическая *категория* ориентации (направленности), связанная с разграничением трех ориентаций: нейтральной, приближающейся и удаляющейся. В первую очередь к категории направленности относятся глаголы, указывающие этапы действия: начало, продолжение и прекращение:

1. Конструкция 在 zai+ место+ V

他爸爸妈妈在哪儿工作? Его родители где работают? 哥哥弟弟都在外国留学吗? Оба брата учатся за границей?(старший и младший брат учатся за границей?)

2. Конструкция 从 cong + место + V

他下个月从北京搬到上海。 Он в следующем месяце переедет из Пекина в Шанхай.

3. Образование наречий места: в китайском языке после предлогов 在 и 从 могут следовать только те слова, которые обозначают место. Поэтому необходимо конвертировать обычное слово в наречие места, чтобы соответствовать требованиям грамматики. Слова 这儿 / 这里 и 那儿 / 那里 могут присоединяться к слову, обозначающему человека, чтобы обозначить место, связанное с этим человеком.

你的汉语词典在王老师那儿。Твой китайско-русский словарь у учителя Вана.

4. Конструкция 往/向/朝+ направление + V

他往屋子里看了半天, 没看到一个人。Он долго смотрел в комнату, но так никого и не увидел.

他朝南走了半个小时才发现方向错了。Он полчаса шел на юг и только тогда понял, что шел не туда.(шел в неправильном направлении)

Условно направление движения в китайском языке можно разделить на две группы — простое и сложное.

Простое направление движения характеризуется с помощью глаголов, обозначающих перемещение в пространстве : 进- войти, 出- выйти, 上- поднять(ся), 下- спуститься, 回- вернуться, 过- пройти

+ 来/去: 他们都进来了。- Они вошли (сюда)

Сложное направление обозначается с помощью глагола + глагол движения в пространстве+ 来/去: 他跑过去了。Он отбежал (туда).

Все эти модификаторы в сочетании с глаголами уточняют направление движения относительно говорящего , 来 lai к нему или 去 qu от него .

Основная задача переводчика – уметь произвести различные переводческие трансформации, для того, чтобы текст перевода передавал информацию, содержащуюся в тексте оригинала максимально точно, соблюдая при этом нормы переводящего языка. Эта задача значительно усложняется из-за отличий языковых систем китайского и русского языков. Китайский язык гораздо больше чем русский склонен лаконичному, конкретному и мотивированному выражению лексического значения, не поощряется выражение значения в непривычной или непонятной для данного языка форме [3, С. 58]. Словообразование осуществляется главным образом за счет словосложения. Например, слово 再就业 zai jiuye «повторное трудоустройство» состоит из двух компонентов : 再 zai «снова» и 就业 jiuye «трудоустройство». Предпочтительным является связь формы слова и его значения, понятность, однозначность. В русском языке форма не имеет непосредственной связи со значением, изменение семантики может происходить без изменения словоформы.

Существует множество различных классификаций и типологизаций, касающихся разделения переводческих трансформаций на виды. В данной работе хотелось бы обратиться к классификации Л. С. Бархударова, так как она лучше подходит для анализа перевода текстов энциклопедической направленности на китайском языке в сопоставлении с русским. Он подразделяет переводческие трансформации на 4 основных типа:

- перестановки
- замены
- добавления
- опущения [3, С. 35]

Мы рассматриваем наиболее распространенные виды переводческих трансформаций. Анализ материала позволит выявить не только приемы перевода энциклопедических текстов, но и некоторые общие особенности перевода подобных текстов на китайском языке.

В качестве практического материала для достижения поставленной цели были выбраны 4 текста, соответствующие следующим критериям:

- тексты являются энциклопедическими;
- объем текстов достаточен для достижения поставленных целей;
- тексты являются разными по структуре содержания;
- в текстах присутствует категория направленности, выраженная разными способами.

Так как в каждом тексте используются разные переводческие трансформации для категории направленности, целесообразно анализировать каждый текст отдельно. В примерах для наглядности дан сначала буквальный перевод, а затем литературный.

1. 中国的版图 – Территория Китая.

Начиная с первого предложения можно наблюдать перестановку и добавление:

中国领土的最北端是黑龙江省漠河以北的黑龙江主航道中心线, 最南端是南沙群岛的曾母暗沙。 – Самая северная оконечность территории Китая это провинция Хэйлунцзян вдоль центрального фарватера реки Амур, севернее реки Мохэ.

Северная точка территории Китая находится на северной линии главного фарватера реки Амур, севернее реки Мохэ в провинции Хэйлунцзян.

北端 – переводится как «северная оконечность». Мы заменяем «северной точкой» для большей благозвучности и понятности текста; название рек и провинции, указывающих направление в пространстве, переносим в конец предложения : 漠河—река Мохэ, 黑龙江 – провинция Хэйлунцзян.

При переводе произошло разделение одного большого предложения на два предложения. Со словосочетанием 最南端- самая южная точка — была произведена замена. «В Южно-китайском море» поставили в конец предложения : «самая южная оконечность остров Ценму, находится в Южно-китайском море, в группе островов.»

当东海之滨的渔民迎朝阳出海捕鱼的时候, 帕米尔高原的牧民还在深夜中酣睡呢! — В то время, как рыбаки Восточно-китайского моря, встречая рассвет, выходят в море ловить рыбу, пастухи памирского нагорья еще крепко

спят. *В то время, как рыбаки Восточно-китайского моря, встречая рассвет, выходят в море для ловли рыбы, скотоводы Памирского нагорья еще спят глубоким сном!*

В данном отрывке были применены следующие трансформации: перестановка слов 渔民 — рыбак, в препозицию фразы «восточно-китайского моря», слова «скотоводы» — перед «Памирским нагорьем».

2. 中国的经济 — Экономика Китая.

预计到 21 世纪中叶, 中国将基本上实现现代化, 达到中等发达国家的水平. — *По прогнозам. В середине 21 века, Китай, в основном, завершит модернизацию и достигнет уровня среднеразвитой страны.*

Тут применено добавление в начале предложения «по прогнозам» вместо «ожидается». Данный вариант более удачен. Далее, фразу 基本上 «главным образом» заменяем на «в основном», слово «水平» — уровень переносим с конца предложения в среднюю часть.

中国经济发展水平的地区差异较大, 东部沿海地区比较发达, 经济和科学技术发展水平较高, 工业, 农业, 交通运输业和通讯设施基础好, 西部地区相对落后. - Развитие экономики различных районов Китая сильно отличается, восточные приморские районы сравнительно развиты, уровень развития экономики и техники довольно высок, создана хорошая основа для промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, западные районы относительно их отстают. *Разница в развитии экономики в разных районах Китая довольно существенна, приморские районы востока Китая наиболее развиты, уровень экономического и научно-технического развития их довольно высок, существует хорошая инфраструктура для промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, в этом отношении западные районы сильно отстают.*

Категории направления в данном предложении – «разные районы», «восток Китая», «приморские районы», «западные районы». Были использованы перестановки определения, так как в китайском языке определение выстраивается от большего к меньшему (Китай+восток).

3. 动物资源 – Ресурсы животного мира (фауна).

有多种动物为中国所特有或主要分布在中国, 如金丝猴, 梅花鹿, 丹顶鹤, 大熊猫, 扬子鳄, 大鲵野生双峰驼等. ◦ *Есть много специфических для Китая видов животных или обитающих в основном в Китае, например, золотистая обезьяна, пятнистый олень, маньчжурский журавль, большая панда, китайский аллигатор, исполинская саламандра, дикий двугорбый верблюд — Многие виды животных обитают преимущественно на территории Китая, такие как золотистая обезьяна, пятнистый олень, маньчжурский журавль, большая панда, китайский аллигатор, исполинская саламандра, дикий двугорбый верблюд и другие представители животного мира.* В данном предложении использован прием перестановки и добавления слов, например, «обитают преимущественно», «представители животного мира». Все эти трансформации применены для достижения большей эквивалентности перевода китайского текста на русский язык.

目前, 野生东北虎在中国的分布已退至松花江 2 江南岸, 集中在乌苏里江和图们江流域的中俄边境地带, 数量很少. ◦ - *В настоящее время территория обитания маньчжурского тигра отошла к берегам реки Сунгари, собираясь у берегов двух рек, Уссури и Тумен, в зоне китайско-русской границы, численность их невелика. В настоящее время территория обитания маньчжурского тигра сократилась до берегов реки Сунгари, локализуясь в районе бассейнов рек Уссури и Тумен на китайско-русской границе, где их число не так уж велико.* В данном предложении использовалась лексическая трансформация – замена. Были заменены слова «распределение» на «территория обитания», «собираясь» на «локализуясь».

4. 中国的地理位置 — Географическое положение Китая.

中国位于欧亚大陆的东部, 太平洋的西岸. - Китай располагается в восточной части Евро-азиатского континента, на западном берегу Тихого океана. *Китай находится в восточной части евро-азиатского континента, на западном берегу Тихого океана.* Словосочетание 欧亚大陆, переводящаяся как «континент Евразия, материк Евразия», была заменена на «евро-азиатский континент», «западное побережье» заменили на «западный берег», что является наиболее удачным в данном контексте.

濒临渤海, 黄海, 东海, 南海四大海域和台湾岛东面的太平洋. 沿海分布 5,000 多个岛屿, 台湾岛和海南两岛最大. 岛屿海岸长 14,000 米. Находясь близко к четырем морям, Бохайскому, Желтому, Восточно-китайскому и Южно-китайскому, острову Тайвань, омываемому Тихим океаном, проходит береговая граница. В прибрежных районах больше 5000 островов, самые большие – Тайвань и Хайнань. Длина береговой линии 14000 км. - *Береговая граница тянется вдоль 4 морей: Бохайского, Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского, а также вдоль восточного берега острова Тайвань, омываемого Тихим океаном. В прибрежной акватории Китая находится более 5000 островов, из которых Тайвань и Хайнань являются самыми большими островами; общая протяженность береговой линии островов составляет 14 000 километров.*

В данных предложениях были применены следующие трансформации:

— дополнение – в конце второго предложения добавлены слова «является», «составляет»

— замена — слово 沿海 — прилежать к морю, вдоль побережья, прибрежный, заменено на «в прибрежной акватории Китая». Такой вариант наиболее соответствует тексту данной направленности.

При переводе перечисленных примеров были использованы такие переводческие трансформации, как: замена, конкретизация, перестановка слов в предложении и добавление. Наибольшие трудности возникли с переводом географических названий, описания местности и животных.

Заключение

Китайский язык, являясь языком аналитического строя, и русский язык, относящийся к синтетическому строю, отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, предопределяющими значимые различия в

лексике и представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков.

Категория направленности в китайском языке имеет самые разные способы выражения, лексические и грамматические. Многие элементы этой категории не имеют эквивалента и даже аналога в русском языке, что создает необходимость переводческих трансформаций. В связи с тем, что энциклопедические тексты, с точки зрения науки о переводе, представляют собой сложную лексическую структуру, переводчику требуется применение многочисленных трансформаций, особенно, к категории направленности, ярко выраженной именно в таких текстах.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С.Алексеева // – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 288с.
2. Ван Ляои. Основы китайской грамматики / Пер.с кит. Г. Н. Райской. Под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-юаня // – М.: изд. Иностран. лит., 1954. – 263с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов // – М.:Издательство «Международные отношения», 1975, - 240 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин // – М.: Комкнига, 2007. – 148 с.
5. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов // – М.: «Просвещение», 1979. – 192 с.
6. Китайско – русский словарь издательства Шанхайского института иностранных языков. (上海外语学院), 商务印书馆, 2004. – 1250 с.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров // – М.: Издательство «ЭТС», 2001. – 424 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер // – М.: Издательство «Международ. отношения», 1974. – 224с.
9. Санжимитыпова С. А. Конструкции с обобщающими существительными в современном китайском языке // Китайское языкознание. Изолирующие языки. Материалы XII международной конференции. Москва, 2004. – С.285 - 290.
10. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности : учебное пособие для студентов линг. вузов и фак-в./ А. Л. Семенов // – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 160 с.
11. Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество / М.В. Софронов // – М.: Наука, 1979. – 312с.

Список литературы на английском / References in English

1. Alekseeva I. S. Professional'nyj trening perevodchika: uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej [Professional Training Of a Translator: A Textbook on Oral and Written Translation For Translators and Teachers] / I. S. Alekseeva // St. Petersburg: Izdatelstvo Soyuz, 2001. - 288 p. [in Russian]
2. Wang Liaoyi. Osnovy kitajskoj grammatiki [Fundamentals of Chinese Grammar] / Wang Liaoyi. Translated from Chinese by G. N. Rayskaya. Edited by A. A. Dragunov and Zhou Sun-yuan // Moscow: Izdatelstvo inostrannaya literatura, 1954. - 263 p. [in Russian]
3. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchnoy i chastnoy teorii perevod) [Language and translation (Questions of the general and private theory of translation)] / L. S. Barkhudarov // M. Izdatelstvo "Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, - 240 p. [in Russian]
4. Galperin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as a Subject of Linguistic Research] / I. R. Galperin // Moscow: Komkniga, 2007 – 148 p. [in Russian]
5. Gorelov V. I. Stilistika sovremennogo kitajskogo jazyka [Stylistics of the Modern Chinese Language] / V. I. Gorelov - M.: Prosveshchenie. -1979. – 192 p. [in Russian]
6. Kitajsko – russkij slovar' izdatel'stva Shanhajjskogo instituta inostrannykh jazykov [Chinese-Russian Dictionary of the Shanghai Institute of Foreign Languages Publishing House]. (上海外语学院), 商务印书馆, 2004. - 1250 p. [in Russian]
7. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies] / V. N. Komissarov // M.: Izdatelstvo "ETS", 2001 – 424 p. [in Russian]
8. Retsker Ya. I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika [Translation Theory and Translation Practice] / Ya. I. Retsker // M.: Izdatelstvo "Mezhdunarodnye otnosheniya", 1974 – 224 p. [in Russian]
9. Sanzhimitypova S. A. Konstrukcii s obobshhajushhimi sushhestvitel'nyimi v sovremennom kitajskom jazyke [Constructions With Generalizing Nouns in Modern Chinese] // Kitajskoe jazykoznanie. Izolirujushhie jazyki. Materialy KhII mezhdunarodnoj konferencii [Chinese Linguistics. Isolating Languages. Materials Of the XII International Conference]. Moscow, 2004, pp. 285-290 [in Russian]
10. Semenov A. L. Osnovy obshhej teorii perevoda i perevodcheskoj dejatel'nosti : uchebnoe posobie dlja studentov ling. vuzov i fak-v. [Fundamentals of the General Theory Of Translation and Translation Activity : A Textbook for Students and Linguistic Higher Education Institutions and Faculties] / A. L. Semenov // M.: Izdatel'skij centr «Akademija, 2008. - 160 p. [in Russian]
11. Sofronov M. V. Kitajskij jazyk i kitajskoe obshhestvo [Chinese Language and Chinese Society] / M. B. Sofronov // Moscow: Nauka, 1979. – 312 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.29>**ДИСКУРС ЯЗЫКОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ**

Научная статья

Жоробекова С.А.¹, Осмонова Н.А.², Сабирова В.К.³ *^{1, 2, 3} Ошский государственный университет, Ош, Киргизская Республика

* Корреспондирующий автор (sabirova_venera[at]mail.ru)

Аннотация

В статье поставлена цель — доказать, что для создания полной социально-политической, культурно-экономической, историко-эстетической идентичности любого государства необходимо собрать в едином контексте все ее составляющие дефиниции, главной из которых является язык. В то же время языки только во взаимодействии друг с другом проявляют свою различаемую функцию идентификации этнической целостности. Основными объектами для исследования служат русский язык, имеющий статус официального в Киргизстане, и киргизский язык, существующий в статусе государственного языка в нашей стране. Авторы статьи пытаются донести мысль о том, что в политизировании вопроса о языках нет необходимости, все языки развиваются по собственным законам и принципам.

Ключевые слова: дискурс, идентификация, культура, этнос, язык.**DISCOURSE OF LANGUAGE DIFFERENTIATION AS A FACTOR OF ETHNIC IDENTIFICATION**

Research article

ZHorobekova S.A.¹, Osmonova N.A.², Sabirova V.K.³ *^{1, 2, 3} Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic

* Corresponding author (sabirova_venera[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the article is to prove that in order to create a complete socio-political, cultural and economic, historical and aesthetic identity of any state, it is necessary to collect in a single context all its constituent definitions, the main of which is language. At the same time, languages manifest their distinguishable function of identifying ethnic integrity only in interaction with each other. The main subject of research are the Russian language, which has the status of the official language in the Kyrgyz Republic, and the Kyrgyz language, existing as the state language of the Kyrgyz Republic. The authors of the article attempt to convey the idea that there is no need to politicize the issue of languages, all languages develop according to their own laws and principles.

Keywords: discourse, identification, culture, ethnos, language.**Введение**

В эпоху глобализации стали достаточно типичным явлением национальные диаспоры. Рассмотрев причины появления данного феномена, кроме предпосылок политического и экономического характера, можно определить глубину культурного феномена — этническую ментальность. Идентичность диаспоры как этнической группы, замкнутой в инокультурной титулонациональной среде сопредельного государства, остается нетронутой. Не растворяясь в инациональной сфере, ее носители находятся в особом психологическом климате, для них характерна ностальгия к покинутой Родине. Всеми силами они желают сохраниться целостно, запечатлеть приверженность метропольной культуре (с греч. яз. — «город», «мать-государство, имеющее колонии») [1].

Материал и методы исследования

В качестве основных объектов для исследования взяты русский язык в статусе официального языка в Киргизстане и киргизский язык, имеющий статус государственного языка. Несмотря на поднимающуюся с каждым периодом напряженность в политической жизни страны, вопрос со статусами языков все время политизируется, националисты ратуют за лишение статуса официального у русского языка, якобы данный язык мешает нормальному развитию родного киргизского. В связи с этим обратим внимание на авторитетные мнения писателей и общественных деятелей своих стран и всего региона Центральной Азии — Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова. История тюркских народов знает четыре нашествия на нашу память [2]. При всех нашествиях кардинальным образом менялась письменность, тем самым прерывалась связь с предыдущими поколениями. В связи с этим необходимо отдать должное памяти наших ушедших поколений, удержавших для нас в потоке времени язык, историю и культуру [3]. По мнению М. Фуко, язык — это не простое «внешнее проявление мысли, но сама мысль» [4]. Киргизский народ не потерял своей языковой специфики, вместе с ним он пронес через века в оригинальной форме свое многовековое духовное наследие, которое сохранится в будущих поколениях его последователей.

Язык любого народа отражает особенности национальной культуры, в котором получает отражение и этническое мировоззрение. По мнению В. Гумбольдта, для этнических групп языки становятся "органами их оригинального мышления и восприятия", все предметы вокруг нас называются словами и "только в них находят своё бытие" [5]. Но это не значит, что люди — пленники своих языков, потому что имеются еще мировоззрение общества, мирозерцание индивида, дополняясь культурой, наукой и религией, для создания которых нужны интеллектуальные усилия.

Реальность отражается в понятии, выраженном различными словами в разных языках, что зависит от "истории, географии, особенностей жизни ... общественного сознания" [6]. Отражение языком действительности идет в два этапа: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Поэтому язык как участник общения и развития мышления не просто литейная форма мысли, а ее дополнительная ассоциативная часть и условие жизни.

Результаты исследования

Родной язык всегда является хранителем национальной культуры, проводником вечных ценностей народа. Знание родного языка позволяет увидеть разницу с другим языком, позволяет строить параллели и ассоциации. Знание своего языка поможет узнать, что порой за красиво звучащим словом ничего нет, пустота и ложный смысл, а порой обычные, даже непривычно или уродливо звучащие слова имеют глубокую мысль и рациональный стиль изложения.

Власти Киргизстана время от времени предпринимают попытки влияния на развитие языка: в 1998 году была создана Национальная комиссия по государственному языку, что политизировало этот вопрос. Академик РАПСН, профессор КРСУ А. С. Кацев высказался по этому поводу так: «Сотни тысяч представителей киргизской диаспоры проживают по всему миру. И потом, если язык кочевников, просуществовавший несколько тысячелетий, никто не охранял, зачем это делать сейчас? В какие драгоценные шкатулки его нужно поместить, сколько войск поставить вокруг, чтобы сберечь? Язык нужно популяризовать достойной литературой. В ином случае он обречен на вымирание...». На вопрос газеты «Белый пароход» о мнении Т. Жумагулова о том, что русский язык уступает киргизскому по количеству слов, он ответил: «...Если рассуждать об истоках, вполне возможно, что так оно и есть, так как киргизский язык является одним из древнейших в Средней Азии и имеет тысячелетнюю историю... некорректно сравнивать два языка, утверждать собственную культуру за счет отрицания другой. Это своеобразный комплекс неполноценности, при котором представители одной нации негативно относятся к сопредельным культурам и языкам. Мы избавимся от комплекса неполноценности, когда будем готовы воспринимать чужое, как свое» [7]. Мудрость киргизского народа зафиксирована в его языке. Любая культура начинается с языка, и это означает, что мир перед нами предстает через язык, через артикулирование мысли о мире с помощью языка. Язык — это вместилище памяти народа. Через язык передается матрица социокультурного кода поколений. По словам Чингиза Айтматова, «язык — скрепление его опыта, познаний, культуры, истории, наконец, язык — эмоциональное чувствилище и память нации» [8]. Слово выступает как ячейка памяти, предложение имеет мнемонический смысл, в совокупности это оставляет семантическую память. Языковая память сочетает память слова и память вещей, где скрыт их смысл.

Главную роль в этнодифференциации метрополии и диаспоры играет язык, выступая важным объективным фактором складывания этноса [9]. Ассоциации возникают у них в сознании по поводу слова-стимула, и это позволяет от разных слов выделить «ядро» современного языка, его значимые понятия. Этнической общности свойственны символы, принимаемые индивидом как обязательные, например: в одежде (цвет траура у русских — черный, у китайцев — красный, у киргизов — синий, зеленый, черный, а у японцев — белый), нормах лексики и др.

Нерусские народы бывшего союзного государства еще многие и многие десятилетия будут прибегать к использованию русского языка в общении с другими нациями, народами мира [10]. Наряду с национальным киргизским языком, русский язык и впредь будет оказывать киргизам значительную помощь в государственной общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни [11]. Учитывая все вышесказанное, необходимо, наряду с государственным языком, официально признать русский язык языком межнационального общения, несмотря на то, что этот статус считается ниже официального. Киргизстан должен обеспечить свободное развитие государственного языка и языка межнационального общения, а также языков всех некоренных народов Киргизстана [12].

Выводы

Итак, язык представляется как средство этнической дифференциации социальной группы. На этом этапе идентификации этноса уместно сказать о различных стереотипах и символах восприятия реальности. Выделение одного этноса от других идет через появление стереотипов (истории, территории, этнонима, языка), приводит к восприятию каждым человеком себя как части общей этнической целостности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Тавадов Г.Т. Этнология: Современный словарь-справочник / Тавадов Г.Т. — М., АНО «Диалог культур», 2007. — С. 209-210.
2. Айтматов Ч. Плач охотника над пропастью / Айтматов Ч., Шаханов М. — Алматы, 1996. — С. 219-230.
3. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории / Урманбетова Ж.К. — Б.: Илим, 1997.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Фуко М. — СПб, 1994, с. 112.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. — М., 1984, с. 324.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / Тер-Минасова С.Г. — М., 2000, с. 40.
7. Кацев А.С. Чтобы повсеместно внедрить киргизский язык, нужно обучить с нуля свыше 700 тысяч человек. А это - нереально [Электронный ресурс] / Кацев А.С. // Интервью газете "Белый Пароход". — URL: www.regnum.ru/news/639333.html (дата обращения: 28.01.2021)
8. Из выступления Ч. Айтматова на республиканской конференции // Кыргызстан маданияты, 1987. — 17 ноября.
9. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / Залевская А.А. — Воронеж, 1990.

10. Арзыматова Ж.Э. Потребность людей в принадлежности к этнической группе / Арзыматова Ж.Э., Жоробекова С.А., Исакова М.Т. и др. // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2014. С. 23-25.

11. Жоробекова С.А. Мифологический характер этнической идентификации человека / Жоробекова С.А., Жусубалиева М., Исакова М.Т. и др. // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2014. С. 57-58.

12. Жоробекова С.А. К вопросу о развитии полилингвизма в Кыргызской Республике. Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы / Жоробекова С.А., Осмонова Н.А., Сабирова В.К. // Интернет-журнал. – Курск, №5 (24), 2018. – с. 41-43.

Список литературы на английском / References in English

1. Tavadov G.T. Etnologiya: Sovremennyy slovar'-spravochnik [Ethnology: A Contemporary Dictionary] / Tavadov G.T. – M., ANO «Dialog kul'tur», 2007. – P. 209-210. [in Russian]

2. Ajtmatov CH. Plach ohotnika nad propast'yu [The Hunter's Cry over the Abyss] / Ajtmatov CH., SHahanov M. – Almaty, 1996. – P. 219-230. [in Russian]

3. Urmanbetova ZH.K. Kul'tura kyrgyzov v proekcii filosofii istorii [Kyrgyz culture in the projection of the philosophy of history] / Urmanbetova ZH.K. – B.: Ilim, 1997. [in Russian]

4. Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities] / Fuko M. – SPb, 1994, p. 112. [in Russian]

5. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics] / Gumbol'dt V. – M., 1984, p. 324. [in Russian]

6. Ter-Minasova S.G. YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication] / Ter-Minasova S.G. – M., 2000, p. 40. [in Russian]

7. Kacev A.S. CHtoby povsemestno vnedrit' kirgizskij yazyk, nuzhno obuchit' s nulya svyshe 700 tysyach chelovek. A eto - nereal'no [To introduce the Kyrgyz language everywhere, over 700 thousand people need to be trained from scratch. And this is unreal] [Electronic resource] / Kacev A.S. // Interv'yu gazete "Belyj Parohod". – URL: www.regnum.ru/news/639333.html (accessed: 28.01.2021) [in Russian]

8. Iz vystupleniya CH. Ajtmatova na respublikanskoj konferencii [From the speech of Ch. Aitmatov at the republican conference] // Kyrgyzstan madaniyaty, 1987. – 17 novemb. [in Russian]

9. Zalevskaya A.A. Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie [A word in the human lexicon: a psycholinguistic study] / Zalevskaya A.A. – Voronezh, 1990. [in Russian]

10. Arzymatova ZH.E. Potrebnost' lyudej v prinaldlezhnosti k etnicheskoy gruppe [People's need for ethnicity] / Arzymatova ZH.E., ZHorobekova S.A., Isakova M.T. et al. // Teoreticheskie i prikladnye voprosy obrazovaniya i nauki sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Theoretical and applied issues of education and science collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. 2014. P. 23-25. [in Russian]

11. ZHorobekova S.A. Mifologicheskij harakter etnicheskoy identifikacii cheloveka [The mythological nature of the ethnic identification of a person] / ZHorobekova S.A., ZHusubaliyeva M., Isakova M.T. et al. // Teoreticheskie i prikladnye voprosy obrazovaniya i nauki sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Theoretical and applied issues of education and science collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. 2014. P. 57-58. [in Russian]

12. ZHorobekova S.A. K voprosu o razvitii polilingvizma v Kyrgyzskoj Respublike. Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy [On the issue of the development of polylingualism in the Kyrgyz Republic. Russian Science and Education Today: Problems and Prospects] / ZHorobekova S.A., Osmonova N.A., Sabirova V.K. // Internet-zhurnal. – Kursk, №5 (24), 2018. – p. 41-43. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.7>

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Научная статья

Винникова Т.А.^{1*}, Зорина Ю.В.²¹ ORCID: 0000-0001-5865-1023;^{1,2} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

* Корреспондирующий автор (vitalexa[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье освещается особый продукт мыслительной деятельности — научный дискурс. Авторами указываются следующие отличительные признаки, присущие научному дискурсу разных языков: информативность, логичность, точность изложения, использование определенной терминологии. Отмечается, что выбор языковых средств строго детерминирован как интра-, так и экстралингвистическими факторами и затрагивает все уровни языка. В статье определяется, что лингвистические средства научного дискурса, коррелируют как с письменной и устной разновидностями данного дискурса, так и с типом естественного языка. В работе приводится обзор отличительных фонетических, лексических, морфологических, синтаксических характеристик научного дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс, научный стиль, научный текст, термин.

PECULIARITIES OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN DIFFERENT LANGUAGES

Research article

Vinnikova T.F.^{1*}, Zorina Yu.V.²¹ ORCID: 0000-0001-5865-1023;^{1,2} Omsk State Technical University, Omsk, Russia

* Corresponding author (vitalexa[at]rambler.ru)

Abstract

The article highlights a special product of thought activity, scientific discourse. The authors identify the following distinctive features: the informational value, consistency, accuracy, the use of terminology. It is noted that the choice of linguistic tools is strictly determined by both intra- and extralinguistic factors and affects all levels of the language. The article determines that linguistic means belonging to a scientific discourse correlate with both the written and oral varieties of this discourse, and with the type of natural language. A review of the distinctive phonetic, lexical, morphological, syntactic characteristics of scientific discourse is given.

Keywords: scientific discourse, scientific style, scientific text, term.

Introduction

The selection of language tools and methods of scientific style is carried out in accordance with its main requirements to high informative value, logic nature, clarity, and accuracy on the language level [1, P. 110], [2, P. 27]. The scientific style allows achieving the objectives of scientific communication in the shortest possible time, since its main functional task is to transfer scientific information. The complex content of scientific texts requires an unambiguous and consistently logical designation. The variability of decryption of texts in the scientific style should be minimal [3, P. 17]. So, the language means of scientific style are characterized by conciseness, clarity, and the use of clichés. Scientific communication in any language has the following characteristics: formalism in speech, focus on the written variety of language, focus on the competent addressee.

All these characteristics of scientific style are universal; they are inherent in scientific texts in any language. The list of these tools, their selection and functioning in the scientific style of different languages are specific in accordance with their typological structure and individual historical development [4, P. 56]. The universal features are represented by different language material in different languages, depending on various factors of intra- and extralinguistic aspects. Scientific texts use the optimal means of all levels of language that are necessary for communicative purposes.

Results

The development of scientific speech is associated with a focus on written diversity, with all language means being subjected to regulation and strict selection. Oral scientific discourse follows the rules of oral speech, but its focus on the written form generally remains. Academic lectures, scientific reports are pre-recorded in writing, and then articulated. Presentations at academic events are less formal in comparison with the mentioned types of messages, although they are more based on the more common written form. The strategies of text formation that operate in scientific speech are quite unified and rational: scientific texts with a clear cognitive function are as close as possible in meaning, they often require the recipient to become familiar with the used apparatus of concepts, but in general do not require changes when tracking information. Texts of this type are usually considered as the most detailed [5, P. 437].

The specifics of using the tools of the common language in the scientific sphere of communication affect all linguistic levels — phonological, lexical, morphological, syntactic. But, above all, the stratification of a literary language affects the lexical and syntactic means of the language, and to a lesser extent phonetic and morphological differences are used.

Since the scientific style belongs to the sphere of formal speech activity, it demands strict observance of the phonetic norm of the language, for example, full utterance of sounds. In the oral speech of a scientist or a specialist, only individual

distortions in speech that are not essential for the phonetic norm may appear. The requirements for clarity of language expression in the scientific style make it necessary to observe the literary norm of pronunciation. Phonetic variation, which prevents from understanding the sounds of speech, is unacceptable in the scientific style. Special attention is paid in oral scientific communication to expressiveness, compliance with the basic rules of rhetoric: the speech of a scientist should sound clearly, in a well-developed rhythm and pace, with necessary pauses, still it is quite monotonous and unimpressive due to the lack of emotional color, the intonation is mainly narrative. The expressiveness of the speech of a scientist, lecturer, teacher, specialist is also important from the point of view of presenting exemplary speech.

Transfer of scientific thought requires careful selection of appropriate vocabulary to ensure clarity and consistency of presentation, emotional neutrality and correct use of uniquely perceived lexical means.

Therefore, it is absolutely justified that the special dictionary of the main lexical fund in the scientific style is represented by terminology, which in addition to the nominative terminological layer (expressed, as a rule, by nouns) contains terminated units, expressed by other significant parts of speech (terms-verbs, adjectives, adverbs), as well as prepositional-case constructions, functionally performing the same role as the terms [4, P. 59]. This is a kind of clichés for certain structures such as, for example, "*in ... mode*" (compare: *in manual mode*), "*in ... performance*" (compare: *in professional performance*). The periphery of the scientific lexical fund includes those language tools that are often present in special speech (texts) as individual author's nominations.

In a complex and multidimensional system of verbal means, rather autonomous functional layers appear. At the top of them there is general scientific vocabulary, aimed to express categories and concepts that are fundamentally and productively applicable to all branches of scientific knowledge. The above-mentioned layer combines the nominations of logical and philosophical categories with their inherent epistemological universality, the categories and concepts of a new type arising as a result of the mathematization and cybernetization, electronics and Informatization of science, and also as a result of the integration of intersectoral intra-scientific processes and the address of scientists to modern research methods. The same lexemes can be neutral, common words and general scientific terms [6, P. 154].

One of the main features of scientific discourse is the use of special terminology. Special terms are included in a specific terminological system related to the conceptual system of the corresponding branch of science or knowledge. Terms can be represented by different morphological layers, whether they are separate lexical units, or terminological combinations.

There is a clichéd nature of language resources in scientific discourse. It arises from the typical compatibility of words. Typical phrases are passed from text to text, which eventually turn into clichés and are not created again but are introduced into scientific discourse in a ready-made form, for example *as shown by the study*, we will consider these processes in more detail, in conclusion, it is necessary to pay attention to the fact that [7, P. 14].

It is possible to refer to the typical lexical means of scientific discourse various composite structures, namely, verb-nominal constructions, substituting words-verbs that have greater communicative clarity, for example: *is a description* instead of *describes*, *finds application* instead of *is applied*, etc. These structures are the result of semantic decompression, the diffuse deployment of a correlating verb. Their applicability in scientific discourse is defined by the property of essentialization of scientific knowledge, due to the entelechy (the idea of actualization) of the name [8, P. 42].

As for the syntax of scientific discourse, it is necessary that the latter should meet the main functional task of the style.

Regarding the branch of science, the genre of scientific work, simple or common narrative sentences prevail. In order to transfer the full volume of information, the syntax of scientific texts often contain subordinate clauses, and various detached constructions. Interrogative sentences are possible in the formulation of scientific problems or as a rhetorical question to draw attention to the problem under study. This type of sentence is found in oral scientific discourse, although it is not excluded in its written form. The following sentence models are used in the discourse under consideration, for example, *noun + linking verb + noun*.

To achieve the content consistency of the scientific text, it presents a variety of communication means of syntactic units, such as demonstrative pronouns, correlates, etc. Sentences often consist of several predicative structures. Complicated sentences can include subordinate clauses, introductory clauses, participial clauses, infinitive constructions, and so on. Impersonal and indefinite-personal sentences are often used to formulate the results of research.

Analytical languages lack regular use of morphological forms of words. However, the role of morphological tools in emphasizing the functionality of the scientific style in synthetic languages is very important. The style in the synthetic languages is characterized by such morphological means as: present tense verb forms, third person verb forms, passive voice, definite article.

The generalizing potential of science determines the frequent use of nouns in scientific discourse. Nominalization is the result of simplifying the sentence structure, including compression [9, P. 17]. The specificity of this phenomenon is found in the features of the functioning of morphological means in the scientific style of different languages. For example, in German, the use of feminine nouns in scientific discourse, which are characteristic of the expression of abstract concepts, is increasing: *Verbreitung* – *distribution*, *Klassifikation* – *classification*, *Verwendung* – *use*. In the scientific style of the Russian language, there is an increased frequency of neuter nouns [10, P. 273]: *upotreblenie*, *rukovodstvo*, *upravlenie*, *raspredelenie*. Within the framework of nominalization, English uses common suffixal nouns, and nouns resulting from the conversion: *utverzhdienie* – *statement*, *iskljuchenie* – *elimination*, *claim* – *utverzhdienie*.

Conclusion

Scientific discourse is conservative, strictly oriented to established language norms, but it is also subject to development along with language as a whole and society progress. The comparative study of structural and linguistic phenomena of various scientific and technical discursive types will undoubtedly make a significant contribution to the theory and practice of intercultural speech interaction.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Комиссаров В. Н. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. Разинкина Т. М. Функциональная стилистика / Разинкина Т. М. – М.: Высшая школа, 1989. – 181 с.
3. Наер В. Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / Наер В. Л. // Функциональные стили: Лингвометодологические аспекты. — М.: Наука, 1985. — С. 14 – 25.
4. Зорина Ю. В. Лингвистическая специфика научного дискурса / Зорина Ю. В. – Омск: ОмГТУ, 2013. – 104 с.
5. Маженова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики / М. Р. Маженова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – № 8. – С. 425 – 441.
6. Марчук Ю. Н. Сопоставление общенаучной лексики в обучении переводу / Марчук Ю. Н. // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 152 – 156.
7. Исакова Л. Д. Характерные свойства лингвистического дискурса / Исакова Л. Д. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – 96 с.
8. Галущко Т. Г. Язык в свете современных концепций оснований науки и проблема глагольных аналитических конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. н. – М., 1999. – 46 с.
9. Пугачева Е. Ф. Эволюция средств выражения каузальных отношений в английском языке научной прозы XVIII–XX вв.: дисс. ... канд. филол. н. – М., 1996. – 199 с.
10. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / Кожина М. Н. – Пермь: Изд-во Пермского гос. университета, 1972. — 395 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)] / Komissarov V. N. – M.: Vyshaya shkola, 1990. – 253 p. [in Russian]
2. Razinkina N. M. Funkcional'naya stilistika [Functional stylistics] / Razinkina N. M. – M.: Vyshaya shkola, 1989. – 181 p. [in Russian]
3. Naer V. L. Pragmatika nauchnyh tekstov (verbal'nyj i neverbal'nyj aspekty) [Pragmatics of scientific texts (verbal and nonverbal aspects)] / Naer V. L. // Funkcional'nye stili: Lingvometodologicheskie aspekty [Functional styles: Linguistic and methodological aspects]. — M.: Nauka. 1985. — P. 14 – 25. [in Russian]
4. Zorina Yu. V. Lingvisticheskaya specifika nauchnogo diskursa [Linguistic peculiarities of scientific discourse] / Zorina Yu. V. – Omsk: OmGTU, 2013. – 104 p. [in Russian]
5. Majenova M. R. Teoriya teksta i tradicionnye problemy poehtiki [The theory of the text and the traditional problems of poetics] / M. R. Majenova // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]. – 1978. – V. 8. – P. 425 – 441. [in Russian]
6. Marchuk Yu. N. Sopostavlenie obshchenauchnoj leksiki v obuchenii perevodu [Comparing of general scientific vocabulary in the teaching of translation] / Marchuk Yu. N. // Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yazyku. [Comparative linguistics in foreign language teaching] – M.: Nauka, 1987. – P. 152 – 156. [in Russian]
7. Isakova L. D. Harakternye svoystva lingvisticheskogo diskursa [Characteristics of linguistic discourse] / Isakova L. D. – M.: IPK MGLU «Rema», 2012. – 96 p. [in Russian]
8. Galushko T. G. Yazyk v svete sovremennyh koncepcij osnovanij nauki i problema glagol'nyh analiticheskikh konstrukcij [Language in terms of modern concepts of science foundations and the problem of verbal analytical constructions]: avtoref. dis. ... of PhD in Philology. – M., 1999. – 46 p. [in Russian]
9. Pugacheva E. F. Evolyuciya sredstv vyrazheniya kauzal'nyh otnoshenij v anglijskom yazyke nauchnoj prozy XVIII–XX vv. [in Russian]: dis. ... of PhD in Philology: defense of the thesis. – M., 1996. – 199 p. [in Russian]
10. Kozhina M. N. O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi [On the speech consistency of scientific style in comparison with some others] / Kozhina M. N. – Perm': Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 1972. — 395 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.2>**МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Научная статья

Тощая О.В.^{1*}, Ткачева Н.А.², Андиш И.Б.³, Каданцева Д.С.⁴¹ ORCID: 0000-0002-3574-3790;² ORCID: 0000-0001-5231-1802;³ ORCID: 0000-0001-6774-9778;^{1, 2, 3, 4} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

* Корреспондирующий автор (T-olika[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению роли дискурса, в частности экономического, как фундаментальной составляющей современной лингвистики. Предпринимается попытка разграничить понятия «текст» и «дискурс», вычленив основные характеристики лексико-семантического поля и взаимоотношения его вербализаторов.

Методы исследования сводятся к анализу словарных дефиниций лексических единиц экономической терминологии и их репрезентации в текстах экономических статей. Осуществляется классификация метафорических конструкций в экономическом дискурсе. Поднимаются вопросы употребления семантического переноса с позиции их частотности в текстах экономической направленности. Подчеркивается неразрывная связь между когнитивными структурами и лингвистическим механизмом метафоризации лексического пласта экономической сферы.

В результате данного исследования сформированы области метафорических переносов в контексте частотности их дифференциации в словарных дефинициях английского и французского языков.

Статья показывает значимость метафоры как культурной модели, обеспечивающей большую лексическую и текстовую динамизацию и, тем самым, оказывающая мощное воздействие на эмоциональный уровень.

Ключевые слова: дискурс, экономический дискурс, языковая картина мира, коммуникативная функция языка, лексико-семантическое поле, метафорический перенос.

**METAPHOR IN THE STRUCTURE OF ECONOMIC DISCOURSE
(BASED ON THE ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES)**

Research article

Totskaya O.V.^{1*}, Tkacheva N.A.², Andish I.B.³, Kadantseva D.S.⁴¹ ORCID: 0000-0002-3574-3790;² ORCID: 0000-0001-5231-1802;³ ORCID: 0000-0001-6774-9778;^{1, 2, 3, 4} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

* Corresponding author (T-olika[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the role of discourse, in particular economic discourse, as a fundamental component of modern linguistics. The author of the study attempts to distinguish the concepts of "text" and "discourse", to isolate the main characteristics of the lexical-semantic field and the relationship of its verbalizers.

The research methods include the analysis of dictionary definitions of lexical units of economic terminology and their representation in the texts of economic articles. The research conducts a classification of metaphorical constructions in economic discourse as well as raises the questions of the use of semantic transfer from the point of view of their frequency in the texts. The authors of the article emphasize the inseparable connection between cognitive structures and the linguistic mechanism of metaphorization of the lexical layer of the economic sphere.

As a result of this study, the areas of metaphorical hyphenation are formed in the context of the frequency of their differentiation in the dictionary definitions of English and French.

The article demonstrates the importance of metaphor as a cultural model that provides greater lexical and textual dynamization thus having a powerful emotional impact.

Keywords: discourse, economic discourse, linguistic worldview, communicative function of language, lexical and semantic field, metaphorical transfer.

Введение

В начале 80-х годов XX века ведущие деятели как лингвистического, так и нелингвистического сообщества обратили свои взгляды на такое сложное и неоднозначное явление, как *дискурс*, исследование прикладных и теоретических аспектов которого и явилось причиной лингвистических разногласий, впоследствии, оказавших несоизмеримое влияние на ход и природу дальнейшей работы в области всех типов и видов дискурса.

Огромное количество лингвистических школ и направлений, в попытке дать точное определение и классификацию данному феномену, до сих пор занимаются его изучением. Отсюда вытекает его важнейшая особенность, сводящаяся к сложности и многогранности данного понятия и, как следствие, к *актуальности* изучения дискурса и сопряженных с ним лингвистических проблем.

На протяжении тысячелетий человек живет, развивается, изучает и постигает окружающую его действительность. Несомненно, главным орудием такового постижения является язык. При этом, «ведущей функцией языка,

определяющей его сущность, является *коммуникативная функция*, согласно которой язык представляет собой средство передачи информации» [2, С. 31]. В данном контексте коммуникация, рассматриваемая нами как наиболее значимая человеческая ценность и «предполагает системность и осмысленность передаваемой информации» [18, С. 12], где каждая отдельная единица языка используется в зависимости от содержания высказывания коммуникантов и их намерений.

В течение длительного времени представители разных школ и течений предпринимали попытки изучить язык, объясняя его природу сквозь призму антропоцентризма и полярных ему учений. Современные лингвисты, как правило, изучают не столько язык, сколько его взаимосвязь с мышлением, то есть речь [8, С. 133-135]. Таким образом, в центре внимания оказывается «человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ним связаны» [17, С. 124].

Разная природа реалий обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов – картины реальности и ее отдельных аспектов (включая самого субъекта), привязанной к конкретным условиям, обстоятельствам, времени, либо же картины вневременной, складывающейся под влиянием субъективных условий жизнедеятельности человека и зависящей от системы значений, которыми оперирует субъект [6, С. 79-87]. Другие реалии отражаются в виде наивных понятий, отображая истинную природу вещи, а не ее сходство с другими вещами. Язык же является основным способом создания, хранения и передачи знания, не только опосредуя передачу и прием информации в виде сообщений, но и обрабатывая полученную индивидом извне информацию и строя, таким образом, языковые фреймы. Тем самым язык создает возможность упорядочить и систематизировать в памяти множество знаний, необходимых для построения языковой картины мира. При этом, согласно мнению целой плеяды ученых, «язык обеспечивает наиболее естественный доступ извне к сознанию и мыслительным процессам, причем вовсе не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому, что лишь благодаря языку появляется возможность сообщить об этих структурах» [13], [9], [1], [7, С. 137].

Таким образом, в процессе осмысления окружающей действительности человек оперирует различными репрезентациями мира, представленными в виде когнитивных картин, моделей и структур, отраженных в языке [16, С. 59], [12, С. 20], [23].

С развитием человека и его представлений об окружающей действительности в историческом процессе меняется его языковая картина мира, которая является вербально выраженным результатом духовной активности человека как отдельного индивида и как члена определенной социальной общности [22].

Итак, важнейшей чертой современной лингвистики является изучение речи в различных ее проявлениях и аспектах, а именно, в политическом, социальном, культурном, экономическом. Одним из основных направлений этих исследований является изучение *дискурса* [8, С. 211-236].

Традиционно лингвисты представляют понятие «дискурс» как «*связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, погруженный в ситуацию реального общения*» [5, С. 137-138]. Т. ван Дейк, наряду с другими лингвистами, видит в дискурсе важный компонент социокультурного взаимодействия, комплексное коммуникативное явление, включающее в себя социальный контекст и дающее представление как об участниках коммуникации и их характеристиках, так и о процессах производства и восприятия речевого сообщения [15, С. 57-84]. С точки зрения структурной лингвистики дискурс представляет собой коммуникативный уровень, иерархически стоящий выше уровня высказывания и предложения [24, С. 269-275].

На наш взгляд, не лишено смысла определение Г. Н. Манаенко, согласно которому, дискурс – это своеобразный вид коммуникативного поведения личности в какой-либо области человеческой деятельности, определенный совокупностью социально-исторических факторов, равно как и общепринятыми способами создания и понимания текстов как элементов, образующих его своеобразие [20, С. 40-48]. Отсюда, выделяем основные черты дискурса, без выделения которых, на наш взгляд, не представляется возможным дать исчерпывающее определение данного явления: 1) дискурс есть деятельность, предметом и содержанием которой является обмен информацией; 2) специфика данного явления определена «местом его обитания», а так же социальными ролями участников речевого взаимодействия.

Одним из центральных направлений изучения дискурса на современном этапе является разграничение понятий «дискурс» и «текст». И здесь мы полностью разделяем мнение Е. С. Кубряковой, которая рассматривает текст как результат дискурса [10, С. 17], уделяя особое внимание единой концепции соотношения языка и мышления и, как результат, механизмам выражения внеязыковой действительности и «языковой картине мира».

В попытке более подробно изучить один из важнейших аспектов языковой картины мира, а именно, *экономическую картину мира*, мы прибегли к анализу ее лексической реализации, посредством как отдельных лексических единиц, так и словосочетаний. Отсюда, считаем возможным говорить об «экономическом дискурсе», отличительной чертой которого является пласт экономической лексики и терминологии. Наряду с этим, лексические единицы, попадающие в категорию «экономический дискурс» немонотипны, как следствие – присутствие разнообразных «неспециальных» номинаций и стилистических средств [21, С. 101-105].

Изучение экономического дискурса непосредственно связано с ролью экономического аспекта культуры, частью поля которого он является [15, С. 17], ее ролью в общественной жизни мирового сообщества.

Неуклонно увеличивающийся интерес, как со стороны экономистов, так и со стороны прикладных лингвистов, к проблеме «экономического дискурса» привел к расширению спектра исследований данной области, частично отражающей не столько академические знания авторов, сколько «эволюционное» развитие анализа *экономического дискурса*.

Анализ современного представления экономического дискурса позволил нам вычленить его основные особенности, а именно:

- пестрота лексического состава его компонентов;
- ситуативная диверсификация;
- неоднородность актанта.

Как известно, изучение лексического состава конкретного языка начинается с выбора наиболее приемлемого метода исследования его компонентов и категорий. В данном контексте, понятие «*семантическое поле*» как элемент, однородный по своему составу, привлекает взгляды теоретиков прикладной лингвистики. Несомненно, метод «полевого» конструирования имеет наиважнейшее значение при изучении языковых явлений, так как «он помогает выявить системную организацию языка и оптимальным образом отвечает задачам освещения объекта изучения в его универсальных и конкретно-языковых характеристиках с равноправным, взаимоуравновешенным учетом дискретности составляющих его «единиц» и континуальности языковой системы – одного из важнейших устоев ее целостности» [19], [14, С. 153-165]. Исходя из вышеизложенного, заключаем, что, с позиции лингвистики, ее важнейшей категорией является лексико-семантическое поле, характеризующееся контентным единством во всем своем проявлении. Тем не менее, анализируя лексический состав языка, нельзя забывать о взаимосвязи поля значений и поля понятий, содержание которых основывается на дефинициях их вербализаторов.

Композиция лексико-семантического поля осуществляется посредством вычленения общего семантического признака, представляющего собой центр, который, на этапе моделирования, обрастает единицами поля. Так, интегральным признаком является признак “*economy*” в совокупности с набором дифференциальных признаков: “*trade*”, “*industry*”, “*wealth*”, где процесс взаимодействия упомянутых признаков служит своеобразной основой дальнейшего конструирования соответствующего лексико-семантического поля и характеризуется тесной связью лексико-семантических вариантов, их системностью и интерdependенцией.

Итак, изучение понятия «лексико-семантическое поле» позволило нам, вслед за некоторыми лингвистами, выделить основные его характеристики, а именно:

- присутствие языковых единиц, объединенных общей понятийной сферой;
- частеречное напластование лексических единиц единого поля;
- взаимосвязь с языковой картиной мира;
- общность всех языковых признаков;
- взаимозависимость лексических единиц [3, С. 59-91], [4, С. 156-163].

Принимая во внимание наличие общих свойств лексико-семантического поля, заключаем, что структура реализации вербализаторов языковой картины мира взаимодействует с общей картиной мира, выступая в роли иерархического системно-структурного единства взаимосвязанных и взаимозависимых лексических единиц [11, С. 142-145].

Являясь частью теоретической основы когнитивной лингвистики, наше исследование направлено на изучение взаимосвязей между лексикой и культурой в области экономики. Под микроскоп исследования попадают метафорические выражения, которые выстраиваются в экономической прессе и сконфигурированы как ценные инструменты категоризации и деноминации, в соответствии с конкретным опытом физического, социального и культурного характера.

Процесс тесной интеграции результатов исследований логики, философии, лингвистики, нацеленных на изучение пластов сознания и подсознания, стал результатом возросшего интереса к *метафоре*, как к своеобразному результату отдельных аспектов мышления homo sapiens и дальнейшей концептуализации действительности [11, С. 142-145].

Изучению метафоры во всевозможных типах дискурса отведено отдельное место как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Являясь мощным орудием вербализации понятийной области любого языка, метафора выражает отношение к описываемому явлению и способствует диалектическому взаимодействию отдельных текстов и дискурсов.

Если в классической традиции метафора рассматривается как риторическая фигура, стилистический прием, направленный на обогащение поэтического текста и развитие эстетической функции, то для когнитивных лингвистов метафора – это, прежде всего, *создание значения, форма мышления, вовлеченная в лингвистическое выражение*.

Концептуальный подход Лакоффа различает три типа метафор, структурирующие привычную концептуальную систему нашей культуры и находящие свое отражение в лексиконе. Среди них выделяют:

структурные метафоры, образующие более сложную и абстрактную концепцию в терминах другой, более четкой и высоко структурированной концепции. Например, в метафоре «*discussion is a war*» мы активируем концептуальную сцену, в которой дебаты структурированы в форме «борьбы», словесной битвы:

(1) «*Le Ministre de l'Économie a défendu ses thèses avec véhémence, mais son argumentation présentait plusieurs points faibles*» [27].

Метафора «*time is money*» основана на культурном видении, развитом в западной культуре, особенно в индустриальных обществах, где работа связана со временем, необходимым для ее достижения, и где время определяется количественно, работа оплачивается пропорционально затраченному времени. Эта модель отражена в том, как мы структурируем нашу повседневную деятельность, поэтому мы понимаем и воспринимаем время как ценный товар, который можно потратить, инвестировать, сэкономить: *to kill time, waste of time, a dissipation of time, a fool's errand*.

— *Ориентационные метафоры*, структурирующие не столько отдельные понятия, сколько системы понятий и отражающие ориентацию в пространстве. Эти метафоры находят свое физическое и социальное обоснование в чувственном опыте и полагаются на отношения, которые мы воспринимаем, визуализируем.

— *Онтологические метафоры*, или абстрактные понятия: (2) *the world's major economies were in a perpetual state of trade negotiations*, где не исключены явления «персонификации», при которых качества и характеристики живого существа приписываются опыту и неодушевленным существам: (3) *Inflation affects the poorest nations; Inflation has hit the foundations of our economy* [23]. Из-за абстрактности и сложности характера экономических явлений наиболее многочисленными в сфере экономики считаются онтологические метафоры.

Итак, как мы видим, связь между метафорическими оборотами и культурой неоспорима, а процесс метафоризации является универсальной стратегией познания и общения.

В нашей работе мы предприняли попытку проанализировать концептуальные метафоры, характерные для экономической области и экономические метафоры, специфичные для французской и английской лексики и классифицировать их согласно построенной нами модели.

Первой, наиболее многочисленной областью, сконструированной нами модели, является **метафора борьбы**, аккумулирующая **30%** нашей выборки. Данную область представляют метафорические переносы, идентифицирующие экономическую систему с военными действиями, сопротивлением:

(4) *discriminatory tax* – a tax on particular companies or products, for example, products from foreign countries, that is intended to make it easier for other companies to compete: *Discussions are taking place concerning export bans and discriminatory taxes with the aim of protecting national industries* [25];

(5) *price war* – a situation in which different companies compete with each other by reducing prices [25]:

A supermarket price war has led to lower profit margins.

(6) *bataille parlementaire* – la lutte, qui se rapporte, qui est propre aux parlements: *La bataille parlementaire est lancée* [26];

(7) *arme marketing* – ensemble des actions qui ont pour objet de connaître, de prévoir et, éventuellement, de stimuler les besoins des consommateurs à l'égard des biens et des services et d'adapter la production et la commercialisation aux besoins ainsi précisés [26].

Следующей, выделенной нами областью, является **метафора соревнования (27%)**, разделяющая с предыдущей метафорой черту конкуренции, но имеющая конкретную конечную цель – **победа**:

(8) *vulnerable employment*: “Women were far more likely than men to be in vulnerable employment in North Africa (54.7 per cent versus 30.2 per cent), the Middle East (33.2 per cent versus 23.7 per cent), South Asia (80.9 per cent versus 74.4 per cent), South-East Asia and Pacific (63.1 per cent versus 56 per cent) and Sub-Saharan Africa (nearly 85.5 per cent versus 70.5 per cent), which, of all the regions, has the highest share of vulnerable employment, at 77.4 per cent of total employment” [23].

(9) *production record*: Résultat, niveau supérieur à tous ceux obtenus antérieurement dans un domaine économique. [26].

Ces augmentations ont néanmoins permis d'atteindre de nouveaux niveaux de production record.

(10) *être à sens unique*: qui est seul, qui existe en un seul exemplaire, par opposition à double, triple, etc. [26]:

Nous considérons que la relation entre le Conseil et l'Assemblée laisse beaucoup à désirer, mais nous pensons aussi que les efforts déployés en vue d'améliorer cette relation ne doivent pas être à sens unique [27].

Метафора транспорта представляет собой следующую, выделенную нами область и объединяет в себе **20%** всех метафорических переносов, идентифицируя ее с машиной и, приписывая ей особенности четкой, структурированной концепции:

(11) *job creation engine* – the process of creating new jobs, especially to provide work for people who are unemployed: Small business still generates 90% of new job creation in the country [25].

(12) *financial leverage* – the relationship between the amount of money that a company or organization owes and the value of the company or organization: Competitive businesses require more equity and less *financial leverage* than monopoly businesses [25].

(13) *demande accrue*: quantité d'un bien service que, à un moment donné, un consommateur est disposé à acquérir en fonction du prix de ce bien ou de ce service sur un marché. [26]:

On relève une demande accrue de traitement des toxicomanies dans la plupart des régions depuis 1998 [27].

(14) *mécanismes du marché*: combinaison d'éléments ou d'opérations qui permet le fonctionnement d'un organe, d'une activité économique [26]:

L'économie montre que lorsqu'il y a une grande incertitude à l'égard d'un risque de catastrophe, il est dangereux de trop compter sur le mécanismes du marché susciter la motivation appropriée pour y faire face [27].

Следующая область объединила в себе **метафоры веры (9%)**:

(15) *business angel* – angel investor: She was told by a *business angel* that he will match her pound for pound if she can put up £100,000.

(16) *tax haven* – a place where people pay less tax than they would pay if they lived in their own country: This *tax haven* has no exchange control regulations so that money can move in and out of the country without awkward questions being asked [25].

(17) *paradis fiscal*: État qui offre des avantages fiscaux aux étrangers. [26].

Il est un paradis fiscal connu pour son secret bancaire [27].

Метафоры медицины составили **8%** всего пласта экономических метафор:

(18) *ecological efficiency standard* – I welcome the proposal to adopt *ecological efficiency standards* in administrative management, and the call to adopt much more ambitious information and communication policies [23].

(19) *financial metastasis* – abnormality: Theoretically, however, given that there is *financial metastasis* does not in itself predict functional abnormality [25].

(20) *économies en perte de vitesse*: des économies faibles, par opposition à d'autres économies plus importantes qui pourraient être faites. [26].

Les économies en perte de vitesse et stagnantes de l'Amérique latine, qui *adopta la philosophie du consensus de Washington plus que tout autre continent, en sont la première preuve* [27].

Следующую по наполняемости область представили **метафорические обороты строения (6%)**:

(21) **currency deflation** – *a situation in which less money becomes available without a drop in production, causing prices to fall, production to slow down, and people to lose their jobs: Without proper honest controls, society suffers continual currency deflation and inflation* [25].

(22) **financial stability** – *an economic situation in which something is not likely to move or change: Financial Stability Board – a world organization that advises on safer financial and banking practices. The FSB recently published reports on the implementation of regulatory reforms for strengthening financial stability* [25].

(23) *économies stables*: ensemble des activités d'une collectivité qui produit, échange, vend et qui ne change pas [26].

En effet, il faut des économies stables pour promouvoir l'épargne et l'investissement des ménages et des entreprises et pour attirer les capitaux étrangere [27].

Заключение

Выделение обширной метафорической системы, выходящей за рамки традиционного различия между буквальным языком и образным языком, помогло подчеркнуть неразрывную связь между когнитивными структурами, культурным использованием и языковыми выражениями лингвистической составляющей английского и французского языков. Как культурная, лингвистическая и стилистическая проблема, метафора обязывает лингвиста отыскать источник, отправную точку, оправдывающую существование взаимосвязи между лингвистическими и экстралингвистическими условиями развития языка.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алимуратов, О.А. Некоторые логико-лингвистические проблемы соотношения концепта и смысла / О.А. Алимуратов // Записки по германистике и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – С. 3-17.
2. Алимуратов О.А. Интернациональная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности / О.А. Алимуратов, Н.В. Григорьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 31-37.
3. Алимуратов, О.А. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый подход / О.А. Алимуратов, О.В. Чурсин. – М.: КРАСАНД, 2009. – 200 с.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
5. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 137-138.
6. Болдырев, Н.Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке / Н.Н. Болдырев, Л.В. Бабина // Филологические науки. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – № 4. – С. 79-87.
7. Буров, А.А. Речевая номинация и языковая картина мира / А.А. Буров // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2007. – № 3-4. – С. 135-139.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании / Кубрякова Е. С. // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519-531.
10. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. – М., 2000. – С. 7-25.
11. Панкратова, С.А. Поиск метафорической альтернативы механическому взгляду на мир / С.А. Панкратова // Вопросы когнитивной лингвистики / под ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов, 2009. – № 2. – С. 142-145.
12. Петренко, В.Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект / В.Ф. Петренко // Проблемы медиапсихологии: материалы международной научно-практической конференции. – М., 2002. – С. 20-21.
13. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
14. Сорокина, Э.А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения) / Э.А. Сорокина. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 234 с.
15. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
16. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.
17. Тоцкая О.В. Концепт FEMALE FASHION: структура, способы языковой реализации (когнитивно-фреймовый подход): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена 19.04.2011; утв. 20.05.2013 / Тоцкая Ольга Владимировна. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 227 с.
18. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: КГУ, 2008. 50 с.

19. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.; 3-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
20. Maria Aloy-Mayo Evolution in political discourse addressed to women: appraisal analysis of Cosmopolitan's online coverage of the 2014 US midterm election / Maria Aloy-Mayo // *Discourse, Context and Media*. – 2017. – Volume 18. – pp. 40-48 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.06.003>
21. Susan Athley The value of information in monotone decision problems / Susan Athley, Jonathan Levin // *Research in Economics*. Volume 72, Issue 1. – 2018. – pp. 101-116.
22. Maria V. Hellenthal The effects of arousal and attention on emotional false memory formation / Maria V. Hellenthal, Lauren M.Knott, Mark L.Howe, et al. // *Journal of Memory and Language*. Vol. 107, 2019. pp. 54-68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2019.03.010>
23. Jacquemet M. Beyond the speech community: On belonging to a multilingual, diasporic, and digital social network / M. Jacquemet // *Language and Communication*. 2018. pp. 1-11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.10.010>
24. Stubbs M. Discourse analysis / Stubbs M. // *The sociolinguistic analysis of natural language*. Oxford: Blackwell, 1983. P. 269-275.
25. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 29.11.2020)
26. Larousse. Economie [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/economie/27630?q=economie#27483> (дата обращения: 29.11.2020)
27. Amérique latine : les investissements étrangers en chute libre [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.latribune.fr/economie/international/amerique-latine-les-investissements-etrangeurs-en-chute-libre-514099.html> (дата обращения: 29.11.2020)

Список литературы на английском / References in English

1. Alimuradov O.A. Nekotorye logiko-lingvisticheskie problemi sootnosheniya kontsepta i smysla [Some logical and linguistic problems of the relationship between concept and meaning] / O.A. Alimuradov // *Zapiski po germanistike i mezhkulturnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Notes on Germanic studies and intercultural communication: collection of scientific works]. – Pyatigorsk: Izdatelstvo PGLU [PSLU Publishing House], 2006. – P. 3-17. [in Russian]
2. Alimuradov O.A. Internatsyionalnaya priroda diskursa i nekotorye kriterii ego osmyslennosti [International nature of discourse and some criteria for its meaningfulness] / O.A. Alimuradov, N.V. Grigorieva // *Philologicheskikh nauk. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. – Tambov: Diploma, 2009. – No. 2 (4). – P. 31-37. [in Russian]
3. Alimuradov O. A. Kartinyi yazyika muzyiki. Funktsionalno-semanticheskaya kharakteristika angliiskoi muzyikalnoi leksiki: kognitivno-freimovyi podkhod [Pictures of the language of music. Functional and semantic characteristics of the English musical vocabulary: cognitive-frame approach] / O.A. Alimuradov, O. V. Chursin. – M.: KRASAND, 2009. – 200 p. [in Russian]
4. Apresyan Yu. D. Izbrannyye trudy [Selected Works] / Yu.D. Apresyan. – M.: Shkola "Yazyiki russkoi kulturyi", Izdatelskaya firma "Vostochnaya literatura", RAN, 1995. – T.II: Integralnoe opisanie yazika i sistemnaya leksikografiya. ["Languages of Russian culture" School, "Eastern Literature" Publishing company RAS, 1995. – Vol. II: Integral description of the language and systemic lexicography]. – 767 p. [in Russian]
5. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] / Arutyunova N.D. // *Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya Entsiklopediya [Soviet encyclopedia], 1990. P. 137-138. [in Russian]
6. Boldyrev N.N. Vtorichnaya reprezentatsiya kak osobyi tip predstavleniya znaniy v yazyike [Secondary representation as a special type of knowledge representation in a language] / N.N. Boldyrev, L.V. Babina // *Filologicheskie nauki*. – M.: Izdatelstvo MGU. [Philological sciences. - M.: Publishing house of Moscow State University], 2001. – No. 4. – P. 79-87. [in Russian]
7. Burov A.A. Rechevaya nominatsiya i yazykovaya kartina mira [Speech nomination and linguistic picture of the world] / A.A. Burov // *Vestnik PGLU* [Vestnik of PSU]. – Pyatigorsk, 2007. – No. 3-4. – P.135-139. [in Russian]
8. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse] / I.V. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p. [in Russian]
9. Kubryakova E.S. Diskurs: opredelenie i napravleniya v ego issledovanii [Discourse: definition and directions in its research] // *Yazyk i znanie*. M.: Yazyki slavyanskoi kulturyi [Language and knowledge. M.: Languages of Slavic culture], 2004. – P. 519-531. [in Russian]
10. Kubryakova E.S. O ponyatiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike [On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics] / E.S. Kubryakova // *Diskurs, rech, rechevaya deyatel'nost: funktsionalnyy i strukturnyy aspekt* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects]. – M., 2000. – P. 7-25. [in Russian]
11. Pankratova S.A. Poisk metaforicheskoi alternative mekhanicheskomu vzglyadu na mir [Search for a metaphorical alternative to a mechanical view of the world] / S.A. Pankratova // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki / pod red. N.N. Boldyreva* [Questions of cognitive linguistics / ed. by N.N. Boldyrev]. – Tambov, 2009. – No. 2. – P. 142-145. [in Russian]
12. Petrenko V.F. Psikhosemantika mentalnosti: kommunikativnyi aspekt [Psychosemantics of mentality: communicative aspect] / V.F. Petrenko // *Problemy mediapsikhologii: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of media psychology: materials of the international scientific and practical conference]. – M., 2002. P. 20-21. [in Russian]
13. Serebrennikov B.A. O materialisticheskoi podkhode k yavleniyam yazyika [On the materialistic approach to the phenomena of language] / B.A. Serebrennikov. – Moscow: Nauka, 1983. – 320 p. [in Russian]

14. Sorokina E.A. Kognitivnyie aspektyi leksicheskogo proektirovaniya (k osnovam kognitivnogo terminovedeniya) [Cognitive aspects of lexical design (to the basics of cognitive terminology) / E.A. Sorokin. – M.: Izdatelstvo MGOU [MGOU Publishing house], 2007. – 234 p. [in Russian]
15. Stepanov Yu.S. Konstantyi: Slovar russkoi kulturyi [Constants: Dictionary of Russian Culture] / Yu.S. Stepanov. – 2-e izd., ispr. i dop. [2nd ed., Rev. and add]. – M.: Akademicheskii Proekt [Academic Project], 2001. – 990 p. [in Russian]
16. Sternin I.A. Metodika issledovaniya strukturyi kontsepta [Methodology for the structure of concept researching] / I.A. Sternin // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: nauchnoe izdanie [Methodological problems of cognitive linguistics: scientific publication]. – Voronezh, 2001. – P. 58-65. [in Russian]
17. Totskaya O.V. Kontsept FEMALE FASHION: struktura, sposobyi yazyikovoï realizatsii (kognitivno-freimovyyi podkhod) [FEMALE FASHION concept: structure, methods of language implementation (cognitive frame approach)]: dis. ... kand. philol. nauk: 10.02.04: zashishena 20.04.2012: utver. 05.05.2013 [dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04: defense of the thesis 19.04.2012: approved 20.05.2013] / Totskaya Olga Vladimirovna. – Pyatigorsk: PSLU, 2012. – 227 p. [in Russian]
18. Shiryayeva T.A. Kognitivnoe modelirovanie institutsionalnogo delovogo diskursa: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk: 10.02.19 [Cognitive modeling of institutional business discourse: author. dis. ... doc. philol. sciences: 10.02.19]. Krasnodar: KSU, 2008. – 50 p. [in Russian]
19. Schur G.S. Teoriya polya v lingvistike [The theory of field in linguistics / G.S. Schur. – M.: Nauka, 1974. – 255 p.; 3rd ed. – M.: Book House "Librocomy / URSS, 2009. [in Russian]
20. Maria Aloy-Mayo Evolution in political discourse addressed to women: appraisal analysis of Cosmopolitan's online coverage of the 2014 US midterm election / Maria Aloy-Mayo // Discourse, Context and Media. – 2017. – Volume 18. – pp. 40-48 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.06.003>
21. Susan Athley The value of information in monotone decision problems / Susan Athley, Jonathan Levin // Research in Economics. Volume 72, Issue 1. – 2018. – pp. 101-116.
22. Maria V. Hellenthal The effects of arousal and attention on emotional false memory formation / Maria V. Hellenthal, Lauren M.Knott, Mark L.Howe, et al. // Journal of Memory and Language. Vol. 107, 2019. pp. 54-68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2019.03.010>
23. Jacquemet M. Beyond the speech community: On belonging to a multilingual, diasporic, and digital social network / M. Jacquemet // Language and Communication. 2018. pp. 1-11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.10.010>
24. Stubbs M. Discourse analysis / Stubbs M. // The sociolinguistic analysis of natural language. Oxford: Blackwell, 1983. P. 269-275.
25. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 29.11.2020)
26. Larousse. Economie [Electronic resource]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/economie/27630?q=economie#27483> (accessed: 29.11.2020) [in French]
27. Amérique latine : les investissements étrangers en chute libre [Electronic resource]. – URL: <https://www.la Tribune.fr/economie/international/amerique-latine-les-investissements-etrangeers-en-chute-libre-514099.html> (accessed: 29.11.2020) [in French]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.11>

ИРОНИЯ КАК ФЕНОМЕН «ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ»: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРСКИХ СКАЗОК И ПЕРЕСКАЗОВ ГРЕЧЕСКИХ МИФОВ)

Научная статья

Баханович А.С. *

Минский Государственный Лингвистический университет, Минск, Беларусь

* Корреспондирующий автор (bakhanovich1994[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена установлению специфики соотношения понятий «игра», «языковая игра», «ирония». Раскрываются причины, согласно которым ирония может считаться языковой игрой. Феномен иронии рассмотрен в когнитивно-коммуникативном плане сквозь призму языковой игры, поскольку основывается на манипулировании единицами языка, с целью порождения двуплановости. Доказано, что с помощью иронии создаются импликатуры, языковые аномалии (игремы) реализующие прагматические намерения адресанта с целью воздействия на адресата. Создание иронии репрезентируется в качестве когнитивной стратегии с вариативными логическими и семантическими тактиками.

Ключевые слова: ирония, игра, языковая игра, когнитивная стратегия, художественный дискурс.

IRONY AS A WORDPLAY PHENOMENON: A COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT (BASED ON THE BELARUSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE FAIRYTALES AND RETELLINGS OF GREEK MYTHS)

Research article

Bakhanovich A.S. *

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

* Corresponding author (bakhanovich1994[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses establishing the specifics of the relationship between the concepts of game, wordplay, and irony. The study defines the reasons why irony can be considered a wordplay. The phenomenon of irony is examined in the cognitive-communicative plan from the perspective of wordplay in order to generate a two-dimensional nature since it is based on the manipulation of language units. The authors of the article provide proof that irony facilitates the creation of implicatures, language anomalies that implement the pragmatic intentions of the sender in order to influence the recipient. The creation of irony is represented as a cognitive strategy with variable logical and semantic tactics.

Keywords: irony, game, wordplay, cognitive strategy, artistic discourse.

Ирония – зонтичный термин, которым обозначают сложные полиаспектные явления: философско-эстетическую категорию, вид комического и трагического, один из речевых жанров юмора, стилистический приём, троп, остроту, важную характеристику речевого поведения, вид речевой агрессии. Мы рассматриваем иронию как явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, разновидность импликатуры, предусматривающую смысловые подстановки или замещения.

Понятие *игра* также многогранно, поскольку имеет множество трактовок и интерпретаций. Данное явление изучается в философии, математике, физике, юриспруденции, истории, дипломатии, языкознании, литературоведении. К примеру, Г. В. Лейбниц утверждал: «Люди никогда не проявляли большего таланта, чем в изобретении игры». По мысли А. Эйнштейна, «игра – высшая форма исследования».

Цель данной работы установить роль понятий «игра» и «языковая игра» как основание порождения иронического смысла; выявить когнитивные стратегии актуализации иронической образности в современном художественном дискурсе и раскрыть её особенности как вида игровой деятельности и специфического механизма воздействия на адресата иронии. Для определения сущности понятия *игра* правомерно обратиться к трудам Й. Хёйзинга «Человек играющий» (*Homo ludens*), Л. Витгенштейна «Философские исследования», «Логико-философский трактат», Ф. Шиллера, М. М. Бахтина.

В указанных работах акцентируется, что для объяснения глубинного содержания данного многомерного явления, невозможно создать строгую критериальную систему, однако можно его представить следующим образом:

— игра не может существовать без правил, а соответственно и без определенной *структуры*: роли, которые берут на себя играющие;

— «одушевленность» игровых предметов проявляется лишь в сопряжении с человеком, игроком (в качестве примера можно привести персонажи Галатею и Пигмалиона);

— игра совершается внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но обязательным правилам, а также сознанием иного бытия.

Процесс употребления слов в языке предстает в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Л. Витгенштейн проводит аналогию между языком и игрой, делая вывод, что в языке действуют те же правила: «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» (Л. Витгенштейн) [1, С. 46].

Исследователи В. В. Котлярова, А. М. Руденко приходят к выводу, что языковые игры могут возникнуть только в среде, соответствующей ряду условий: наличие языкового сообщества, так как язык является имманентно присущим человеку свойством; каждый из участников игры должен придерживаться четко установленных правил; нарушение правил языковой игры должно осуждаться другими членами сообщества, иначе это может привести к отсутствию коммуникации в языке [2, С. 22–23].

Анализ работ вышеупомянутых исследователей позволил сделать следующие выводы:

— слова приобретают смысл только в процессе их использования, сами по себе они не несут смысловой нагрузки, а лишь становятся инструментом в выбранном контексте. Контекст, социальные практики, которые выполняются по определенным правилам, имеют решающее значение для понимания — это наблюдение позволяет сравнить деятельность человека с игрой;

— языковая игра расширяет возможности языка, позволяет выйти за грани жесткой регламентации речи.

Говоря непосредственно о соотношении понятий *игра* и *ирония* следует обратиться к работам таких авторитетных учёных-лингвистов, как Д. К. Мюкке, Ю. А. Кирюхин, О. А. Ликинова.

Прежде всего необходимо очертить границы понятия *ирония*. Наиболее целесообразным нам представляется определение иронии, данное австралийским лингвистом Д. Мюкке, который считает, что ирония — это способ говорения, письма, действия, поведения, изображения и т.д., в результате которого подлинное или подразумеваемое значение намеренно представляется и актуализируется через несовместимое с ним, показное и притворное [3, С. 35–42].

Ликинова О. А. в своей работе подчеркивает, что «языковая игра связана с порождением имплицитных смыслов, вступающих во взаимодействие со смыслами эксплицитными, посредством чего возникает второй смысловой план высказывания. Именно поэтому в результате манипулирования языком и возникает один из видов языковой игры — ирония [4, С. 455].

Ирония выходит за пределы классического логоса, старается избегать принципиальности и замкнутости строгих концептуальных построений. Ирония низвергает любые авторитеты, не гнушаясь при этом использовать любые методы — и цинизм, и черный юмор, и игру «на грани» [5, С. 13].

Мы делаем правомерный вывод, что ирония представляет собой языковую игру, по некоторым причинам: 1) ирония как игра — метод эстетической деятельности: ирония есть игра-представление; 2) ирония, как и игровые действия, обладает двуплановостью — совмещением положительного и отрицательного значений; 3) ирония и игра позволяют скрывать истинность реального значения, сталкивая между собой различные понятия, образуя причудливые соединения противоположностей; 4) языковая игра квалифицируется как аномальное отступление от фиксирующих устойчивое состояние системы языковых норм, а ирония — оппозиция узуального и нетривиального использования языка.

В художественном дискурсе акт коммуникации часто основывается на принципах языковой игры. Специфичная игра автора заключается в кодировании информации таким образом, что её толкование требует от реципиента определенных интертекстуальных знаний, апелляции к фоновой информации.

Реализация когнитивной модели иронии в художественном дискурсе затрагивает вертикальный контекст, включающий систему норм и правил отражения и восприятия окружающей действительности на ментальном уровне.

В качестве источника иронических контекстов анализируются роман-сказка Пятра Васюченка «Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага» и англоязычный сборник рассказов Стивена Фрая «Миф: Греческие мифы в пересказе», (общим объемом 648 стр.), из которых были отобраны 76 иронических конструкций (30 белорусских и 46 англоязычных).

Мы полагаем, что в создании иронии языковая игра базируется на основе **культурно ориентированного оперирования реалиями с помощью** когнитивной стратегии **рационально-аксиологического** воздействия на читателя. В рамках данной стратегии мы выделяем следующие тактики: *логические* — имитация причинно-следственной связи, контраст пропозиций; *семантические* — противоречие здравому смыслу, абсурдность положительной оценки отрицательного явления, намёк, несообразная корреляция, иллюзия правдоподобности, аллюзия.

Имитация причинно-следственной связи (17,11%) создается при помощи подчинительного союза *каб, in order that*, ‘чтобы’, однако в сложноподчиненных предложениях часто наблюдается умышленное нарушение смысловых отношений. Например, когда миссия вшей в сказке П. Васюченко видится в массаже головы: *Вошы патрэбныя, каб паны раз-пораз галаву чухалі, раздумваючы над рознымі пытаннямі. Для крывацёку карысна. Масаж галавы. Мы з панам Кубліцкім не маем столькі валасоў, каб у дастатковай колькасці іх гадаваць і рабіць сабе масаж.*

В англоязычном дискурсе С. Фрая предназначение мёртвых рассматривается в целях «оживления» ситуации, что является сочетанием несочетаемого — оксюмороном: *Hades was for the time being a quiet place, ruled over by a god with little to do. Mortal beings are needed, in order for hell to be busy* ‘Аид пока был спокойным краем, и правил им бог, которому почти нечего делать. Нужны были смертные, чтобы в аду стало поживее’.

Контраст пропозиций — логическое противоречие между двумя пропозициями (9,21%), когда ирония формируется противопоставлением ожидаемой обыденной ситуации — «портрет ў сямейным альбоме», и устрашающего описания водяного: *Зяленыя бародаўкі, пухіры, скулкі, дзве дзюркі, з якіх бесперапынку хлебасталі пеністыя зялёныя возгры, два асіметрычныя вухі, тры вокі і пашча з васьмю шэрагамі зубоў — вось партрэт Вірніка ў сямейным альбоме.*

В англоязычном тексте реализация данной иронической тактики основывается на том же принципе: сочетание неопределенного, лишённого логической закономерности положения дел «поднатужился, содрогнулся, икнул, стошнил или кашлянул» и неожиданного результата — «начал цепочку творения»: *It is enough to say that the Greeks*

thought it was Chaos who heaved, or shrugged, or hiccupped, vomited or coughed – thus began the long chain of creation that has ended with pelicans and penicillin and toadstools and toads, sea—lions, seals, human beings and daffodils and murder and art and love and confusion and death and madness and biscuits ‘Довольно сказать вот что: греки считали, что именно Хаос однажды исполински поднатужился, или содрогнулся, или икнул, или стошнил, или кашлянул – и тем самым начал длинную цепочку творения, завершившуюся пеликанами и пенициллином, поганками и жабами, морскими львами, морскими котиками, людьми, нарциссами, убийствами, искусствами, любовью, растерянностью, смертью, безумием и булочками’.

Данная тактика сопровождается стилистическим приемом нетривиальной градации несопоставимых элементов – предметов, живых существ, нравственных понятий, где человек уступает по важности нарциссам, а лучшим из творений признана булочка.

Противоречие высказывания здравому смыслу, т.е. знанию о нормальном, ожидаемом ходе событий (25%) выступает доминантой среди выявленных семантических тактик в исследуемом материале. Иронический подтекст возникает в результате моделирования парадоксальной ситуации. Автор белорусской сказки намеренно нарушаются представления о законах природы, поэтому генетическим предком рыбы, с большими глазами, называется телескоп: *Таямнічая Рыба родам паходзіла з тэлескопаў: вочы мела лупатыя, на сцябялінках, і вельмі ўважана разглядала гэтымі вачыма свет вакол сябе, панства і Космаса*.

В британском художественном тексте Царь Коринфа Сизиф обманул Смерть, заперев её в шкафу, нарушив естественный порядок вещей, поскольку смертные перестали умирать. Этим обеспокоен весь Олимп, кроме бога виноделия. Дионис поднимает тост за «излечение от цирроза печени», что само по себе вызывает когнитивный диссонанс, поскольку цирроз – результат злоупотребления алкоголем. Семантика оценочного прилагательного *hilarious* ‘веселый, потешный’ также противоречит описанной ситуации исчезновения Смерти: *This sudden stemming of the flow of souls quite perplexed the denizens of Hades, until someone remarked that they hadn't seen Thanatos in days. Search parties were sent out, but Death could not be found. Dionysus found the whole situation hilarious and drank a toast to the end of lethal cirrhosis of the liver* ‘Это внезапное усыхание потока душ немало озадачило обитателей Аида, и тут кто-то заметил, что и Танатоса не видать много дней. Отправили поисковые партии, но Смерть не отыскали. Дионис счел положение потешным и провозгласил тост за пресечение летального цирроза печени’.

Абсурдность положительной оценки отрицательного явления (18,42%), возникает в том случае, когда говорящий сознательно представляет ситуацию так, что высказывание не имеет коррелята в реальности, противоречит законам здравого смысла. Мы наблюдаем расширенный пример антропоморфизма (олицетворения) – приписывание свойств человеческой психики предметам и явлениям реального или вымышленного мира: в данном случае коту, который принес в дом мышь и отпустил её. Автор создает аллегоричный образ кота-генерала и его «мышинного войска». Языковая игра выражается в риторических вопросах, имеющих ироническую импликацию. В результате комплекс использованных стилистических средств создает абсурдистский образ: – *А гэта я пануляцыю аднаўляю, – патлумачыў кот Буркун. – Вы, панове, сваімі гаспадарчымі эксперыментамі, пасткамі ды атрутамі вынішчылі бадай усё маё мышынае войска. Кім я цяпер камандаваць буду? Хто мне пішчаць будзе: «Здароў будзь, пане генерале?». Як мне цяпер ладзіць мышыныя парады? Каго я буду ўзнагарджаць ордэнам Селядцовага хваста і медалём Малочнае сасіскі?! Дык я цяпер буду самастойна хату мышамі засяляць і страчанае сваё кацінае ўчасце вяртаць. Абвешчаецца датэрміновы восеньскі набор у мышынае войска (восень яшчэ не настала)*.

В англоязычном художественном дискурсе игровой эффект данной тактики может достигаться благодаря пародийному совмещению двух образов Зевса: могучего Громовержца и пускающего слюни младенца, которого за ножку подвесили на дереве. Создавая этот абсурдный характер С. Фрай имплицитно апеллирует к существующим в обществе представлениям, об обращении с ребенком. Автор характеризует своего героя как *pleasingly Daliesque image* ‘приятный образ в стиле Дали’, чьи картины – воплощение сюрреалистического безумия, и авангардизма. Наречие *pleasingly* ‘приятно’ выполняет функцию антифразиса, противопоставляя словарное значение контекстуальному смыслу, что и вызывает иронический эффект: *There are many different accounts as to how Zeus escaped the attention of the great Kronos, god of earth, sky and seas. One records that a nymph named ADAMANTHEA suspended the infant Zeus by rope from a tree. It is a pleasingly Daliesque image – the baby who would become the mightiest of all beings gurgling, babbling and chuckling in mid-air, hanging between the elements over which he was destined to rule* ‘Бытует много разных изложений того, как Зевс избежал внимания великого Кроноса, бога земли, неба и моря. Согласно одному варианту, нимфа по имени АДАМАНТЕЯ подвесила младенца Зевса на веревке на дереве. Приятный образ, в стиле Дали: дитяtko, что станет самым могучим из всех живых, пускает слюни, лопочет и хихикает, свисая с дерева среди стихий, какими ему суждено править’.

Намёк (11,84%) – тактика употребления неявного, косвенного суждения с имплицитным указанием на карикатурность изображаемого. В качестве способа создания иронии П. В. Васюченко использует авторский комментарий, акцентируя внимание на сатиричности образа героини: *Была у паноў за службу дзеўка Дрыта, вочынна красівая, вужасна прыўкрасная (па-літаратурнаму – вельмі прыгожая), пасвіла карову і варыла панам дэлікатэсную траву – поліўку з мухамораў, толькі аднойчы сышла з дому, бо пайшла замуж за цара Максіміяна, які насамрэч быў не цар, а выканаўца ягонаў ролі ў бадзяжным тэатры*. Контекст наполнен комичными образами: «вужасна прыўкрасная служка» – пример языковой игры, оксюморон, подливка из мухоморов, супруг – актер, заложник амплуа царя, что усиливает ироническую образность.

Интерес представляет тактика **несообразной корреляции** (9,21%), продуцент иронии сравнивает реальное положение дел с нарочито преувеличенным, искаженным. Брандербей Мидаса пообещал, что никому не расскажет о том, что у царя под тюрбаном ослиные уши. Автор сравнивает молчание цирюльника с явлениями, которые несравнимо труднее: недоенная корова, переносимые близнецы и т.д., в результате чего возникает фантазмагорическая ситуация, нагромождение причудливых образов: *But that bulging, ballooning secret had to be releas*

ed somehow before he burst. No unmilked cow with swollen udders, no mother of overdue twins, no gut-stuffed gastronome straining on the privy, could ever feel such a desperate need for relief from their agonies than this poor barber 'Но этот брякнувший, неумный секрет надо было как-то стравить, пока он не рванул. Ни одна недоенная корова, ни одна мать с переносными близнецами, ни один облопавшийся до отвала гурман, тужащийся в клозете, никогда не ощущали подобную отчаянную нужду в облегчении их мук, как тот несчастный цирюльник'.

Наблюдаются примеры создания **иллюзии правдоподобности** (5,26%), суждения о некоторой социальной норме в ситуации, когда эта норма оказывается очевидным образом нарушена. Описываются взаимоотношения Реи и Кроноса, который, опасаясь пророчества, пожирал своих детей. Ирония формируется за счет алогичности высказывания, противоречащего ценностной картине мира. Наречие *natural* 'естественно' обладает семантикой аффирмативности и может быть интерпретировано как антифразис, поскольку показанный процесс противоположен «адекватному порядку вещей». Имеющаяся литота, нарочитое смягчение *a little upset by his consumption of their six children* 'она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей' также усиливает ироничность и несообразность высказывания в целом: *It was quite natural that she had been a little upset by his consumption of their six children, but she surely understood that he had had no choice* 'Вполне естественно, что она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей, но она, разумеется, понимает, что ничего другого ему не оставалось'.

Самой малоупотребительной является тактика использования **аллюзии** (3,95%). Создавая иронию в форме аллюзии, продуцент, демонстрируя глубинные знания, играет с адресатом, рассчитывая на декодирование иронической интенции. Языковой механизм аллюзии имеет сходство с метафорой, содержит имплицитное сравнение: содержание произведений Данте и Босха, фигурально описывающих пытки в наказание за грехи, сравнивается с мифами о древних греках, также тяготеющими к изображению мук и истязаний. Ироничность интенсифицируется антифразисом, прилагательное *delightful* 'восхитительный' характеризует детально проработанные пытки: *Like Dante or Hieronymus Bosch with their cautionary hellscapes, the ancient Greeks seemed to relish the details and delightful aptness of the often elaborate and excruciating tortures* 'Как Данте и Иероним Босх с их предупреждающими описаниями адов, древние греки, судя по всему, упивались подробностями и восхитительной образностью зачастую детально проработанных и убийственных пыток'.

Мы пришли к выводу, что ирония может рассматриваться как элемент языковой игры, поскольку основывается на манипулировании единицами языка, с целью порождения двуплановости, которая создается окказиональными и узуальными значениями. В современном художественном дискурсе были выявлены когнитивные тактики актуализации иронической образности, самыми частотными из которых в обоих языках признаны имитация причинно-следственной связи, противоречие здравому смыслу, абсурдность положительной оценки отрицательного явления. В рамках анализируемых произведений специфичными лишь для англоязычного текста семантическими тактиками являются: несообразная корреляция, создание иллюзии правдоподобности, аллюзия.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы : пер. с нем. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – 47 с.
2. Котлярова, В. В. Философский анализ концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна в контексте культуры постмодерна / В. В. Котлярова, А. М. Руденко, Э. Л. Куцова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hses-online.ru/2017/01/03.pdf>. (дата обращения: 10.07.2019)
3. Muecke, D. C. Irony and the Ironic / Muecke, D. C. London; New York : Methuen, 1982. – 110 p.
4. Ликинова, О. А. Ирония как пример языковой игры (на материале англоязычного звучащего текста) / Ликинова, О. А. // Известия Самар. науч. центра РАН, 2012. Т. 14. № 2 (2). С. 455–458.
5. Кирюхин, Ю. А. Ирония как актуальная форма комического : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.04 / Кирюхин Юрий Алексеевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. – Москва, 2011. – 24 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Vitgenshtejn, L. Logiko-filosofskij traktat [Logical-philosophical treatise] / L. Vitgenshtejn // Filosofskie raboty : per. s nem. [Philosophical works: transl. from German] / L. Vitgenshtejn. – M. : Gnozis, 1994. – 47 p. [in Russian]
2. Kotlyarova, V. V. Filosofskij analiz koncepcii «yazykovykh igr» L. Vitgenshtejna v kontekste kul'tury postmoderna [Philosophical analysis of the concept of "language games" L. Wittgenstein in the context of postmodern culture] / V. V. Kotlyarova, A. M. Rudenko, E. L. Kucova [Electronic resource]. – URL: <http://www.hses-online.ru/2017/01/03.pdf>. (accessed: 10.07.2019) [in Russian]
3. Muecke, D. C. Irony and the Ironic / Muecke, D. C. London; New York : Methuen, 1982. – 110 p. [in Russian]
4. Likinova, O. A. Ironiya kak primer yazykovoj igry (na materiale angloyazychnogo zvuchashchego teksta) [Irony as an example of a language game (based on the material of an English sounding text)] / Likinova, O. A. // Izvestiya Samar. nauch. centra RAS, 2012. Vol. 14. № 2 (2). P. 455–458. [in Russian]
5. Kiryuhin, YU. A. Ironiya kak aktual'naya forma komicheskogo [Irony as an actual form of the comic] : dis. ... of PhD in Philosophy: 09.00.04 / Kiryuhin YUrij Alekseevich; [Place of thesis defense: Moscow State University of Culture and Arts]. – Moscow, 2011. – 24 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.37>

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ КАЛАМБУР В АВТОБИОГРАФИИ В.В. НАБОКОВА «SPEAK, MEMORY!»

Научная статья

Швагрукова Е.В.^{1*}, Надеева Л.В.², Поздеева Г.П.³¹ ORCID: 0000-0003-3141-7725;² ORCID: 0000-0001-6660-3611;³ ORCID: 0000-0003-1891-3388;^{1, 2, 3} Томский политехнический университет, Томск, Россия

* Корреспондирующий автор (shvagrskova[at]tpu.ru)

Аннотация

В статье рассматривается функционирование стилистического приема «каламбур» в англоязычной автобиографии В.В. Набокова «Speak, Memory!». Приводится типология каламбуров (фонетические, лексические, фразеологические, грамматические), выявляются все случаи бытования данного приема в тексте (40 случаев), используются методы лингвистического, стилистического и семантического анализа каламбуров. Освещаются вопросы специфики бытования каламбура в произведении документального жанра. В результате исследования обнаружены основные функции каламбура, актуальные для В.В. Набокова: создание комического эффекта, сарказм, нарушение ожиданий читателя и др. Результаты работы могут быть применены при чтении курсов по лексикологии и стилистике английского языка, а также в курсе зарубежной литературы.

Ключевые слова: языковые уровни, стилистический прием, англоязычный каламбур, омонимия, полисемия, Набоков, автобиография.

ENGLISH-LANGUAGE PUNS IN V. V. NABOKOV'S "SPEAK, MEMORY"

Research article

Shvagrskova E.V.^{1*}, Nadeina L.V.², Pozdeeva G.P.³¹ ORCID: 0000-0003-3141-7725;² ORCID: 0000-0001-6660-3611;³ ORCID: 0000-0003-1891-3388;^{1, 2, 3} Tomsk Polytechnic university, Tomsk, Russia

* Corresponding author (shvagrskova[at]tpu.ru)

Abstract

The article examines the functioning of puns as a stylistic device in V. V. Nabokov English-language autobiographical memoir, "Speak, Memory!". The study provides the typology of puns (phonetic, lexical, phraseological, grammatical), identifies all the cases of using this technique in the text (40 cases in total) as well as applies the methods of linguistic, stylistic, and semantic analysis of puns under study. The author of the article covers the questions of the specifics of the presence of a pun in a work of the documentary genre. The result of the research demonstrates the main functions of the pun that are relevant in V. V. Nabokov's works: creating a comic effect, sarcasm, subversion the reader's expectations, etc. The results of the work can be used in reading courses on lexicology and stylistics of the English language as well as in the courses on foreign literature.

Keywords: language levels, stylistic device, English-language pun, homonymy, polysemy, Nabokov, autobiography.

Введение

Каламбур как стилистический прием давно привлекает внимание российских и иностранных лингвистов в силу своего богатого творческого потенциала и сложных семантических связей внутри собственной конструкции. Среди основополагающих работ необходимо упомянуть труды филологов середины XX века, например, А.А. Щербины [10], В. Виноградова [2], намечающих пути изучения каламбура, и работы V. Ruskin [16], W. Redfern [15], Б.Ю. Нормана [8], В.З. Санникова [9], О.Е. Вороничева [4], А.Д. Васильева [1] – филологов конца XX-начала XXI веков, проводящих узкоспециальные исследования и выстраивающих различные типологии и классификации каламбуров.

В свою очередь, творчество В.В. Набокова, писателя, известного своей любовью к разнообразным и изощренным языковым играм, предоставляет богатый русско- и англоязычный материал для исследования каламбура и его функционирования в тексте произведения. Каламбур в художественных текстах Набокова неоднократно становился предметом анализа (см., например, работы Г. Барабтарло, Б.В. Аверина, А.Люксембурга, Г.Ф. Рахимкуловой, В. Boyd, D.B. Johnson, J.W. Connolly, N. Falk и др.). Множество работ подобного плана посвящено англоязычным романам «Lolita», «Invitation of a Beulah», «Invitation of a Beulah», а также переводу произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», сделанному начинающим писателем Сирином. Также набоковеды обращались к русскоязычным романам «Отчаяние», «Дар» и др., однако англоязычная книга автобиографической прозы «Speak, Memory!» никогда не попадала в фокус исследовательского внимания.

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении, классификации и анализе функциональных особенностей англоязычного каламбура в автобиографической книге В.В. Набокова «Speak, Memory!».

Актуальность исследования обусловлена малой изученностью автобиографической прозы писателя – в целом, и особенностями использования каламбура в произведении документального жанра, в частности.

Отличительной чертой каламбура, в отличие от других видов языковой игры, является острое комическое начало, заставляющее переосмыслить ситуацию, взглянуть на нее под неожиданным углом: «Принадлежность или

непринадлежность к каламбуру определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста» [9, С. 57]. С. Влахов и С.Флорин дают следующее определение: «Каламбур – это ... игра на несоответствии между привычным звучанием и непривычным значением» [3, С. 288], выделяя в качестве одной из важнейших характеристик каламбура «непредсказуемость» [3, С. 289].

Существует несколько классификаций каламбуров, предложенных разными учеными, например: 1) классификация В.З. Санникова, где ученый именует классы каламбуров «соседями», «масками» и «семьями» [9, С. 59-61], 2) классификация С. Влахова и С.Флорина, разделяющих каламбуры на «лексические», «фразеологические» и «фонетические» [3, С. 292-293] с дальнейшим более дробным делением лексических каламбуров, 3) классификация М. Giorgadze, где выделяются «lexical-semantic puns», «structural-syntactic puns» и «structural-semantic puns» [13, С. 273] («лексико-семантические», «структурно-синтаксические» и «структурно-семантические каламбуры» — здесь и далее перевод мой. Е.Ш.). В данном исследовании мы будем опираться на классификацию С. Влахова и С.Флорина с некоторыми собственными уточнениями.

Как было указано выше, С. Влахов и С. Флорин в своей монографии «Непереводимое в переводе», классифицируя каламбур на основе языковых уровней, выделяют «фонетические» каламбуры – «...для него характерно преобладание звуковой стороны над смысловой...» [3, С. 292], «лексические» — «...разные типы игры слов, основанные на 1) на обыгрывании целых слов или частей: а) корней, аффиксов или б) “обломков” слов 2) на многозначности или омонимии 3) на ряде других лексических категорий – антонимии, этимологии и т.д.» [3, С. 293] и «фразеологические» каламбуры как «обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний» [3, С. 293]. Если определения фонетических и фразеологических каламбуров не вызывают у нас возражений, то лексические каламбуры являются, на наш взгляд, гораздо более обширной категорией и включают в себя много разновидностей.

В данном исследовании нами были выделены следующие группы лексических каламбуров:

1. полисемические каламбуры
2. омонимические каламбуры
3. каламбуры, построенные на частях слов
4. топонимические каламбуры
5. литературные каламбуры
6. каламбуры, построенные на именах собственных.

Кроме этого, мы выделяем отдельный вид каламбура – «грамматический». Грамматический каламбур – это вид языковой игры, реализация которого возможна лишь при определенной, намеренно созданной грамматической структуре предложения. Подобный вид каламбура М. Giorgadze, опираясь на исследования Н. Gotlieb [14] и D. Delabastita [12], называет «structural-syntactic pun» [13, С. 274]: «Structural – syntactic ambiguity arises when a complex phrase or a sentence can be parsed in more than one way» («Структурно-семантическая двойственность возникает, когда сложную фразу или предложение можно по-разному подвергнуть грамматическому разбору»).

В процессе анализа текста автобиографии В.В. Набокова «Speak, Memory!» нам удалось выявить 40 каламбуров, принадлежащих к различным языковым уровням.

Первый уровень, уровень фонетических каламбуров, представлен 5-ю каламбурами, 4 из которых созданы писателем на основе созвучия слов, относящихся к разным языкам. Например, Набоков сближает такие слова, как «summer» (англ.)-«summer» (рус.) [6, С. 81] («лето-сумерки»), «pavilion» (англ.) — «papilio» (лат.) [6, С. 216] («беседка-бабочка»), «pals» (англ.)-«poules»(фр.) [6, С. 169] («дружки—цыпочки»), «skver» (рус.)-«square»(англ.) [6, С. 309] («сквер-площадь»). Русскоязычные слова писатель транслитерирует латиницей, слова из других языков приводятся в оригинальном правописании. Пятый каламбур основан на созвучии английских слов «enormous» и «morose» («огромный-мрачный»). При помощи этого каламбура писатель рисует свою гувернантку: «My enormous and morose Mademoiselle is all right on earth, but impossible in eternity» [6, С. 117] («Моя огромная и мрачная Mademoiselle приемлема на земле, но невозможна в вечности»), визуализируя ее образ. Как отмечают исследователи, для фонетического каламбура «характерно преобладание звуковой стороны над смысловой» [3, С. 292], однако в этой связи интересна фонетическая пара «pavilion-papilio». Она включает в себя две важнейших для Набокова темы, проходящих лейтмотивом через всю его жизнь, где бабочка – это символ энтомологии, которой писатель посвятил много лет, а беседка – символ творчества. В «Speak, Memory!» он говорит: «Etymologically, “pavilion” and “papilio” are closely related» [6, С. 216] («Этимологически “pavilion” и “papilio” тесно связаны»). Будучи филологом и трилингвом, автор без труда устанавливает этимологическую связь между, казалось бы, абсолютно разными семантическими единицами, и фонетический каламбур переходит на лексический уровень, превращаясь в полисемический каламбур, так как заимствованное в английский язык из старо-французского и поздней латыни слово «pavilion» имело два значения на основе метонимического переноса – «бабочка» и «павильон» [11].

Можно утверждать, что фонетические каламбуры используются Набоковым достаточно часто и создают атмосферу лингвистической свободы и взаимопроницаемости различных языков, не ограничиваясь лишь звуковой схожестью слов, но насыщая повествование дополнительными смыслами.

Лексический уровень текста «Speak, Memory!» включает в себя 30 каламбуров, поделенных нами на указанные выше группы. Нами выделено 10 каламбуров, построенных на разных частях слов, 8 каламбуров, опирающихся на имена собственные, 4 литературных каламбура, 3 топонимических каламбура, 3 омонимических каламбура и 2 полисемических каламбура. Следует отметить, что границы данных групп не являются жесткими, и некоторые каламбуры можно интерпретировать по-разному, в зависимости от их смысловой доминанты.

Наиболее частотным для книги автобиографической прозы Набокова «Speak, memory!» является группа лексических каламбуров, основанных на словообразовании. Также здесь можно встретить примеры окказионализмов (2 случая) – специально созданных авторских слов, придающих дополнительный комический эффект, либо окрашивающих повествование стилистически.

Проанализируем некоторые примеры. Так, Набоков вспоминает свои крестины в юмористических тонах: «howling, half-drowned half-Victor» [6, С. 21] (*«истонно вопящий полу-утопленный полу-Виктор»*) – священник во время обряда чуть не перепутал имя новорожденного. Интересно обыгрывает писатель слово «childhood» («детство»): «...I keep repeating... the English word “childhood”, which sounds mysterious and new, and becomes stranger and stranger as it gets mixed up in my small, overstocked, hectic mind with Robin Hood and Little Red Riding Hood, and the brown hoods of old hunch-backed fairies» [6, С. 26] (*«Я повторяю английское слово “чайлдхуд”, которое звучит таинственно и ново, и становится все страннее и страннее, смешиваясь в моем маленьком, переполненном и лихорадочном мозгу с Робин Гудом, Красной Шапочкой и бурными колпаками старых горбатых волшебниц»*). Взяв за основу словообразовательный суффикс “-hood”, писатель постепенно наделяет его смыслом, перебрасывая мостик к литературным героям, составляющим окружение ребенка в «мире райского детства» [5, С. 20] – единственном возможном, с точки зрения писателя, Рае на земле.

Повествуя о своем преподавателе живописи известном художнике и искусствоведе С.П. Яремиче, Набоков характеризует его как «a humourless and a formless person» [6, С. 92] (*«бесформенный человек без чувства юмора»*), неожиданно сочетая при помощи отрицательного словообразовательного суффикса “-less” описание психологической сущности и физической внешности человека.

Отдельно следует рассмотреть окказионализмы или авторские находки писателя. «All my life I have been a poor go-to-sleeper» [6, С. 108] (*«Всю свою жизнь я был плохим засыпальщиком»*), — говорит Набоков, демонстрируя свои деривационные возможности. Слова «go-to-sleeper» в английском языке не существует, однако автор изобретает его, чтобы, с одной стороны, имитировать эффект детской речи, поскольку в главе 5 речь идет именно о ребенке, а с другой стороны не упустить возможность языковой игры. В 9 главе писатель продолжает свою игру: «Indeed, the very essence of summer freedom – schoolles untownishness – remains connected in my mind with the motor’s extravagant roar...» [6, С. 183] (*«В самом деле, сама сущность летней свободы – бесшкольной безгородности – остается соединенной в моем сознании с экстравагантным ревом мотора...»*). Используя отрицательные аффиксы, Набоков придумывает словосочетание, состоящее из прилагательного и существительного, подчеркивающее летнее приволье школьника.

Такая сложная работа с лексемами свидетельствует как о стилистической усложненности набоковского текста, так и о мастерском владении писателя английским языком. Используя различные деривационные модели, автор насыщает повествование скрытыми смыслами и неожиданными эффектами.

Следующая крупная группа лексических каламбуров – это каламбуры, вырастающие из имен собственных (8 случаев). Здесь возможны два варианта: либо писатель выдумывает имя и фамилию, либо работает с реально существующими именами.

Так, вспоминая садовника из своего имения, Набоков указывает его фамилию «Apostolski» (*«Аностольский»*), и далее, рассказывая о нецеломудренном поведении старика, переименовывает его в «Priapostolski» [6, С. 232] (*«Приапостольский»*), отсылая читателя к древнегреческой мифологии и богу плодородия Приапу, известному как бог телесной любви. Комический эффект достигается снижением образа персонажа, путем переноса из сферы религиозной лексики и мифологическую.

Также Набоков, говоря о политических репрессиях, переименовывает оленей Санта Клауса, как, впрочем, и политического деятеля Льва Троцкого: «Political exiles escaped from Siberia with farcical ease, witness the flight of Trotsky – Santa Leo, Santa Claws Trotsky – merrily riding back in a Yuletide sleigh drawn by reindeer: On, Rocket, on, Stupid, on, Butcher and Blitzen!» [6, С. 264] (*«Политические ссыльные убежали из Сибири с фарсовой легкостью, свидетельство тому – побег Троцкого – Святого Льва, Святого Когтистого Троцкого – весело вернувшегося на Рождество в санях, запряженных северными оленями: Вперед, Ракета, вперед, Дурень, вперед, Нож Мясника!»*). В имени Троцкого писатель обыгрывает полисемию слова «лев» и имени «Лев», не случайно появляется слово «claws» («когти»), омонимически совпадающее с именем «Santa Claus». Оригинальные имена оленей Санты – «Comet» (*«Комета»*), «Cupid» (*«Купидон»*), «Dasher» (*«Стремительный»*) «Blitzen» (нем.) (*«Молния»*) превращаются в зловещие клички. Читатель сталкивается с жестким сарказмом, когда автор вместо доброго Санта Клауса с подарками рисует фанатика с упряжкой злобных помощников, несущих кровавый режим. Каламбур в данном случае построен на минус-приеме или эффекте нарушенного ожидания читателя.

Значимой группой, входящей в состав лексических каламбуров, являются литературные каламбуры – каламбуры, основанные на игре с названиями литературных произведений, именами персонажей или самих писателей и поэтов. Автобиографическая проза Набокова характеризуется большим количеством аллюзий и реминисценций из русской и зарубежной литературы, поэтому неудивительно, что в ней нашлось место и литературному каламбуру. Описывая свою родословную, Набоков упоминает Екатерину Пушкину: «Ekaterina Pushchin, sister of Ivan Pushchin, Pushkin’s schoolmate and close friend. Careful, printers: two “chin” ’s and one “kin”» [6, С. 53] (*«Екатерина Пущина, сестра Ивана Пущина, одноклассника Пушкина и его близкого друга. Внимание, наборщики: два “подбородка” и один “родственник”»*). Стремясь упростить понимание русских фамилий, писатель дробит их, обыгрывая их части на лексико-семантическом уровне, и связывая в сознании читателя свою семью с пушкинскими корнями.

О написании «Лолиты» Набоков говорит следующее: «I found it no longer physically possible to combine scientific research with lectures, belles-lettres and *Lolita* (for she was on her way – a painful birth, a difficult baby)» [6, С. 65] (*«Я более не находил физически возможным сочетать научные исследования с лекциями, беллетристикой и Лолитой (ибо она уже была в пути – сложные роды, трудный ребенок)»*). Комический эффект достигается путем олицетворения – переноса качеств живого человека на книгу, художественное произведение, объект материальной и духовной культуры. Употребляя речевые клише, писатель заставляет читателя на мгновение поверить в реальность Лолиты и удивиться такой трактовке.

Топонимическая группа лексических каламбуров сравнительно невелика, нами выявлено всего 3 случая, однако она интересна тем, что один каламбур повторяется дважды (с последующим расширением). В 6 главе писатель,

рассказывая о пойманных им бабочках и их размещении в различных американских музеях, говорит: «...they are safer there than they would be in Tomsk or Atomsk» [6, С. 125] («...они там в большей безопасности, нежели были бы в Томске или Атомске»). Каламбур, нацеленный на высмеивание агрессии СССР, создается на базе топонима «Томск»: Набоков придумывает город Атомск, удивительным образом угадывая существование города-спутника Томска, в котором действительно расположены объекты ядерной энергетики. В 13 главе этот каламбур получает свое продолжение: «When revolutionaries did get caught, banishment to Tomsk or Omsk (now Bombsk) was a restful vacation in comparison to the concentration camps that Lenin introduced» [6, С. 264] («Когда революционеров ловили, ссылка в Томск или Омск (теперь Бомбск) была каникулярным отдыхом по сравнению с концентрационными лагерями, которые учредил Ленин»). Продолжая обыгрывать названия сибирских городов, Набоков акцентирует внимание на жестокости политического режима СССР, а также высмеивает стремление к переименованию различных объектов и военизации жизни в Советском Союзе.

Группа лексических каламбуров, основанных на омонимии, так же малочисленна (3 случая). Здесь нами обнаружен пример классического каламбура, построенный на одном из типов омонимов – омоформах. Описывая политическую обстановку в Великобритании в 1916 году, Набоков вспоминает плакаты о военном призыве со следующей надписью: «"Will you march, too or wait till March 2?" as the punning posters put it» [6, С. 254] («"Вы тоже выступите в поход или будете дожидаться второго марта?" — выражение на плакатах с каламбурами»). Слова «to march» («маршировать») и «March» («март») являются омоформами, то есть совпадают в некоторых грамматических формах и произношении, но отличаются по смыслу и принадлежат к разным частям речи. Слова «too» («тоже») и «two» («два») являются омофонами, так как произносятся одинаково, но пишутся по-разному. Писатель показывает, как власть идет на разные уловки ради привлечения потенциальных солдат, используя, в том числе, и лингвистические приемы.

Самая малочисленная группа лексических каламбуров – это группа, основанная на полисемии (2 случая), хотя каламбуры, построенные на многозначности, статистически являются «наиболее типичными и многочисленными» [3, С. 294]. Так, упоминая об одной из тропинок в имении, Набоков пишет: «... a path dubbed tropinka Sfinksov ("path of the Sphingids") because of the hawkmoths visiting at dusk the fluffy lilacs...» [6, С. 41] («дорожка, окрещенная тропинкой сфинксов из-за бражников, навевающих в сумерках заросли сирени...»). Русское слово «sfinksy» дано в транслитерации, название тропинки получает смысловую двойственность благодаря игре значений, основанной на метафорическом переносе, так как в определенных положениях тело бражника похоже на позу сфинкса. В свою очередь, место действия приобретает оттенок загадочности и таинственности.

Лексические каламбуры в англоязычной автобиографической прозе Набокова дают богатый материал для исследования, являясь самой обширной категорией, что свидетельствует о максимальном внимании писателя именно к лексеме как смыслопорождающей единице языка.

Уровень фразеологических каламбуров содержит лишь один пример, где переосмысливается каламбур «to take the bull by the horns» («взять быка за рога»). Вспоминая особенности крутой дороги в одном из имений, Набоков говорит: «...where one preferred to take one's "bike by the horns" as my father, a dedicated cyclist, liked to say, and where he had proposed» [6, С. 40] («там приходилось брать велосипед "за рога", как говаривал мой отец, сам увлеченный велосипедист, и именно там он сделал предложение (моей матери)»). В данном каламбуре происходит наложение двух смыслов – преодоление трудной дороги на велосипеде и, одновременно, очередная попытка сделать предложение любимой женщине, которая, в конце концов, оказалась успешной.

Малочисленность фразеологических каламбуров в тексте «Speak, Memory!» можно объяснить стремлением писателя самостоятельно создавать новые и неожиданные литературные выражения, а не пользоваться готовыми схемами.

На грамматическом уровне нам удалось выделить 4 случая каламбуров. Эта категория достаточно сложна по своему строению. Как указывает М. Giorgadze, «Syntactic ambiguity arises when a sentence can have two (or more) different meanings because of the structure of the sentence – its syntax» [13, С. 273] («Синтаксическая двойственность возникает, когда предложение имеет два (и более) смысла из-за своей структуры, а именно — синтаксиса»). Один из грамматических каламбуров Набокова в «Speak, Memory!» выглядит так: «... At last, words are meant to mean what they mean» [6, С. 81] («...Наконец-то, словам предназначено обозначать то, то они значат»). Используя сложную грамматическую конструкцию, выраженную пассивным залогом и инфинитивом, писатель высказывает очень важную для его творчества мысль: слово должно максимально точно предавать сущность описываемого, именно тогда получится «превратить читателя в зрителя» [7, С. 342].

Заключение

Проанализировав бытование каламбура в автобиографии В.В. Набокова, мы установили следующее: писатель достаточно часто использует данный стилистический прием в произведении документального жанра, делая выбор в пользу лексических каламбуров. Цели конструирования каламбуров различны, как то: создание комического эффекта, сарказм, нарушение ожиданий читателя, характеристика персонажей, демонстрация языковых возможностей автора и т.д. В целом, активное использование каламбура в автобиографической книге свидетельствует о сложной стилистической организации текста и применении приемов, характерных для художественной прозы писателя.

В качестве перспективы исследования можно указать на возможность анализа двух других книг автобиографической прозы В.В. Набокова («Conclusive Evidence» и «Другие берега») с целью выявления каламбуров в текстах, принадлежащих к разным языкам и культурам, а также проследить их трансформацию и эволюцию от более ранних книг к более поздним.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Васильев А.Д. Цели и средства игры в слова: монография / Васильев А.Д. – Красноярск, 2012. – 159 с.
2. Виноградов В.В. Формально-обусловленный перевод каламбуров-созвучий / Виноградов В.В. Тетради переводчика. Под.ред. док.филол.н., проф. Л.С. Бархударова. – М., 1972. С. 69-80.
3. Влахов С. Непереводаемо в превод / Влахов С., Флорин С. – М., 1980. – 343 с.
4. Вороничев О.Е. Русский каламбур. Семантика, поэтика, стилистика / Вороничев О.Е. – М., 2016. – 610 с.
5. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова / Ерофеев В. / Собр.соч.в 4-х томах. Том 1. – М., 1990. С. 3-32.
6. Набоков В.В. Speak, Memory! / Набоков В.В. Vintage International, 1967. – 317 p.
7. Набоков В.В. Отчаяние. Собр.соч.в 4-х томах. Том 3 / Набоков В.В. – М., 1990. С.333-462.
8. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Норман Б.Ю. – М., 2012. – 344 с.
9. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен / Санников В.З. // Вопросы языкознания. – М. 1995. № 3. С. 56-69.
10. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) / Щербина А.А. – Киев, 1958. – 68 с.
11. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/pavilion> (дата обращения 20.03.21)
12. Delabastita D. Focus on the pun: Wordplay as a special problem in translation studies [Электронный ресурс] / Delabastita D. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263114479_Focus_on_the_Pun_Wordplay_as_a_Special_Problem_in_Translation_Studies (дата обращения 20.03.21)
13. Giorgadze M. Linguistic features of pun, its typology and classification / Giorgadze M. // European Scientific Journal, 2014. Vol.2. P. 271-275.
14. Gotlied H. Screen Translation. Eight Studies in Subtitling, Dubbing and Voice-over / Gotlied H. Copenhagen, 2005. – 125 p.
15. Redfern W. Puns / Redfern W. Oxford, 1985. – 234 p.
16. Ruskin V. Semantic mechanisms of humour / Ruskin V. // Proceedings of the 5-th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1979. Pp. 325-335.

Список литературы на английском / References in English

1. Vasilsiev A.D. Celi i sredstva igry v slova: monografiya [Aims and means of wordplay: monography] / Vasilsiev A.D. – Krasnojarsk, 2012. – 159 p. [in Russian]
2. Vinogradov V.V. Formalno-obuslovlennyj perevod kalamburov-sozvuchij [Formally determined translation of phonetic puns] / Vinogradov V.V. / Tetradj perevodchika. Pod.red. dok.filol.n., prof. L.S. Barhudarova [Translator's Notes. Edited by Prof. L.S. Barhudarova] – М., 1972. P. 69-80. [in Russian]
3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimo v perevode [Untranslatable in translation] / Vlahov S. – М., 1980. – 343 p. [in Russian]
4. Voronichev O.E. Russkij kalambur. Semantika, poetika, stilistika [Russia pun. Semantics, poetics, stylistics] / Voronichev O.E. – М., 2016. – 610 p. [in Russian]
5. Erofeev V. Russkaja proza Vladimira Nabokova [Russian prose of Vladimir Nabokov] / Erofeev V. Sobr.soch.v 4-h tomah. Tom 1. [Collected works in 4 volumes. Vol.1]. – М., 1990. P. 3-32. [in Russian]
6. Nabokov V.V. Speak, Memory! / Nabokov V.V. Vintage International, 1967. – 317 p.
7. Nabokov V.V. Otchajanie [Despair] / Nabokov V.V. Sobr.soch.v 4-h tomah. Tom 3. [Collected works in 4 volumes. Vol.3]. – М., 1990. P.333-462. [in Russian]
8. Norman B.Ju. Igra na granjah jazyka [The wordplay on language facets] / Norman B.Ju. – М., 2012. – 344 p. [in Russian]
9. Sannikov V.Z. Kalambur kak semanticheskij fenomen [Pun as a semantic phenomenon] / Sannikov V.Z. // Voprosy jazykoznanija [Topics in the study of language]. – М. 1995. № 3. P. 56-69. [in Russian]
10. Shcherbina A.A. Sushhnost i iskusstvo slovesnoj ostroty (kalambura) [The essence and art of wordplay (pun)] / Shcherbina A.A. – Kiev, 1958. – 68 p. [in Russian]
11. Etimologicheskij slovar [Etymological dictionary] [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/pavilion> (accessed: 20.03.21). [in Russian]
12. Delabastita D. Focus on the pun: Wordplay as a special problem in translation studies [Electronic resource] / Delabastita D. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263114479_Focus_on_the_Pun_Wordplay_as_a_Special_Problem_in_Translation_Studies (accessed: 20.03.21).
13. Giorgadze M. Linguistic features of pun, its typology and classification / Giorgadze M. // European Scientific Journal, 2014. Vol.2. P. 271-275.
14. Gotlied H. Screen Translation. Eight Studies in Subtitling, Dubbing and Voice-over / Gotlied H. Copenhagen, 2005. – 125 p.
15. Redfern W. Puns / Redfern W. Oxford, 1985. – 234 p.
16. Ruskin V. Semantic mechanisms of humour / Ruskin V. // Proceedings of the 5-th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1979. Pp. 325-335.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.34>**«ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ» А.И. НОВИКОВА: К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ РЕАКЦИЙ**

Научная статья

Моисеева А.В. *

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (mo_link[at]mail.ru)

Аннотация

В настоящей работе описывается часть экспериментального психолингвистического исследования, направленного на выявление стратегий восприятия и понимания текста глянцевого женского журнала. Психолингвистический эксперимент проведен в соответствии с методикой, разработанной А.И. Новиковым – выдающимся отечественным психолингвистом-практиком, заключающейся в построении «встречного текста». Автор методики выделил 16 типов реакций реципиентов, в частности, реакцию «оценка». В нашем исследовании данная реакция рассматривается как комплексная, неоднородная, состоящая из нескольких подвидов, выявленных в процессе практического эксперимента. Описываются выделенные типы реакций.

Ключевые слова: встречный текст, психолингвистический эксперимент, оценочность.

“COUNTERTEXT” BY A.I. NOVIKOV: REVISITED THE CLASSIFICATION OF EVALUATIVE REACTIONS

Research article

Moiseeva A.V. *

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (mo_link[at]mail.ru)

Abstract

This paper describes part of an experimental psycholinguistic study aimed at identifying strategies for the perception and understanding of the text of a glossy women's magazine. The psycholinguistic experiment was carried out in accordance with the methodology developed by A.I. Novikov - an outstanding Russian psycholinguist-practitioner, which consists in the construction of a "counter text". The author of the technique identified 16 types of reactions of recipients, in particular, the reaction «evaluation». In our study, this reaction is considered as a complex, heterogeneous, consisting of several subspecies identified in the course of a practical experiment. The obtained types of reactions are described.

Keywords: counter text, psycholinguistic experiment, evaluativity.

Introduction

This work is a continuation of research carried out in the mainstream of text psycholinguistics and represents an experimental analysis of the process of understanding of different text types.

We conducted our own research aimed at identifying individual reactions and strategies of understanding by recipients that underlie the perception of textual information, during which several types of evaluative reactions were found that are characteristic of understanding the text of a glossy magazine.

To identify the peculiarities of perception and understanding of a glamorous magazine text, we conducted a psycholinguistic associative experiment using the method of constructing a «counter text» by A.I. Novikov [5], or «reactive text» in the terminology of N.I. Zhinkin [1]. It is to be recalled that the experiment was based on the hypothesis of A.I. Novikov about the «active role of the recipient, who does not just passively register the information contained in the text, being a «screen» on which the content of the text is projected, but constructs a «counter text» [5, P. 65], which is a «set of individual reactions» [8]. Each set of reactions is a manifestation of an individual strategy for understanding the text by a specific recipient.

The recipient's «counter text» is the construction of a set of reactions in the form of written utterances, recorded by the addressee himself, to the stimulus sentences of the original text. A set of such statements of each specific recipient — a participant in the experimental study, according to A.I. Novikov, contains the material that enables «to judge fully and accurately about the inner side of the process of perceiving a text» and is the subject of our research [5, P. 65].

According to N.P. Peshkova, using the given method «creates the possibility of representing the process of comprehending and interpreting what is reported in a form accessible to the experimenter» [9, P. 225].

To all reactions that make up the «counter text», A.I. Novikov gave his own definition by identifying and describing sixteen types of reactions [5]. Since the object of this study is the reaction «assessment», we present the author's original definition of the reaction given by A.I. Novikov: «assessment is a reaction associated with the assessment of what is said in the proposal» [5, P. 67-69].

The experimental procedure involved the selection of textual material, which was given to the recipients, accompanied by the instructions for implementation. All the recipients were female (aged 18-24) due to the gender-specific type of the text. The text from the periodical printed edition for women «Vogue» (October 2012) was selected as an experimental material, namely an article in which N. Vodyanova gives an interview about her collaboration with the shoe group company «Centro» [3]. This text was not difficult to comprehend, was not complicated by special terms, and the interview genre ensured the predominance of colloquial vocabulary. The text consisted of 16 sentences, each of which was numbered; illustrations were missing in the text.

As an assignment, we used the original instruction used by A.I. Novikov in his research [5, P. 65]. The text of the assignment was formulated as follows: «Please read the instructions:

While reading the text, make up your own «countertext». Countertext is everything that arises in your mind as a result of understanding the next sentence. It includes not only what is directly said, but also what is implied, given in an implicit form, indirectly, including various kinds of associations. In practical terms, in order for you to complete the assignment, you must:

1. On a separate sheet of paper, write down the number of the sentence.
2. Under this number, write down information regarding the interpretation of this sentence.
3. After compiling the «countertext», formulate the general meaning of the text you have read» [ibid.].

Each subject received a piece of paper with the task and the text. The task of the subjects was to read sentences sequentially, without running ahead, and under the number of the corresponding sentence, to write down everything that arose in their consciousness in response to what was read, associations, interpretations and visual images, commenting, etc. After that, the subjects were asked to formulate the general meaning of what they had read without going back to the text or their answers.

The subjects were not limited in time, each worked at individual pace.

A characteristic feature in the perception of this text type, revealed as a result of the experiment, turned to be evaluative reactions of various types, namely, an evaluative opinion, an ironic evaluation, implicit evaluations of a positive and negative character.

Since we consider the assessment reaction to be complex, an attempt to define each of the components we have identified was made:

I. Assessment in general sense — as defined by A.I. Novikov is «a reaction associated with the evaluation of what is said in the proposal» [5, P. 68]. To this type, we attributed the answers characterizing the statement as «good / bad» and expressed mainly in exclamation sentences. For example, to the sentence stimulus: «Funds raised from the sale of shoes, that will go to all several hundred stores of the brand throughout the country, will be transferred to Vodyanova's Naked Heart Foundation», the following answers were given — 1) Well done! 2) Well, good! 3) Nice gesture! 4) What a kind girl! 5) Well done, Vodyanova! (the sentence number corresponds to the number of the recipient).

II. Evaluative opinion — a judgment expressing the evaluative attitude of the individual to what is expressed in the original sentence: «Each shoe has an elegant crown laid out with rhinestones» — 1) Unsuccessful idea, rhinestones look cheap and come off quickly; 2) I don't like rhinestones on shoes – they'll fall off in a month, but they are still included in the price.

Since the differentiation of such concepts as opinion and assessment can represent a certain complexity, consider the following definitions of these concepts:

- 1) assessment – «an opinion about the value, level or significance of someone or something» [11];
- 2) assessment – «opinion, judgment about the qualities, character of someone, something» [7];
- 3) assessment – «attitude towards something, someone, compliance with certain norms and principles of morality (approval and condemnation, agreement or criticism, etc.)» [10];

1) opinion — a concept of ancient philosophy, implying «unreliable images of reality». The opinion expresses not the objective properties of the object, but the state of consciousness of the subject, his point of view, formed under the influence of the external environment, circumstances, and even prejudices [12];

2) opinion — an unreliable idea (as opposed to a reliable one — truth) arising from sensory impressions [13];

3) opinion — an expression of an idea about any fragment of reality that does not have a sufficiently complete and reliable justification; the result of sensory perception of random and changeable characteristics of the surrounding world [14].

As can be seen from the definitions, assessment can imply, among other things, «opinion, judgment about qualities», as well as attitude in terms of approval or condemnation, hence the difficulty in distinguishing between reactions of opinion, assessment and evaluative opinion. I.V. Kirsanova considers the reaction of opinion to be judgments based on emotional principles, and defines the assessment as a positive or negative attitude of the individual. However, opinion can be accompanied by an assessment, thus the reactions are related to each other [2].

When analyzing the reactions of recipients, by «assessment» we mean a judgment that characterizes a statement as «good / bad», «beautiful / ugly», etc. ; under «opinion» — an expression of a perception of a fragment of reality, which can contain both objective and subjective assessment; under «evaluative opinion» — a subjective representation that reflects the emotional, sensory perception of objects of the surrounding world.

III. An ironic assessment is a reaction in the form of an ironic statement with an assessment of what the sentence is about: «For some reason, it is still not customary for us to advertise our participation in charity events» — 1) Oh, really? 2) Yeah, right! 3) You don't say- everyone is hiding!

IV. An implicit assessment of a negative nature, containing an implied, implicitly expressed negative attitude of the subject to what is said in the sentence: «We in Russia like to look bright in any situation and at any time of the day, I am like that myself» — Yeah, and in the village we all wear multi-colored galoshes?!

V. An implicit assessment of a positive nature, including an implied, implicit approval of what is said in the original sentence: «She turned out to be like that, girlish and fabulous, — Natalia Vodyanova shows me her creations: five pairs of high-heeled shoes, two — on a low, ankle boots and boots» — 1) I would like to see these shoes! 2) I wish I could try them all on!

As we consider these reactions to be the types of the assessment reaction, their percentage in total is quite high: assessment — 5.8%, evaluative opinion — 11%, implicit assessment of a positive character — 4.7%, implicit assessment of a negative character — 6.1%, ironic assessment — 3.5%. These several types of evaluative reactions, together account for 31.1% of the total number of reactions received [4].

Thus, the evaluation reaction takes the first place in frequency, which indicates the importance of the emotional-evaluative mechanism in the perception of information of this type of text.

Conclusion

The reactions of the subjects are secondary texts, the creation of which is «an explication of the projection of the text and its fixation by material means» [6, P. 83]. Under the projection of the text A.I. Novikov understood «mental formation, the product of the process of semantic perception of the text by the recipient, in one way or another approaching the author's version of the projection of the text» [ibid.]. Despite the individuality of each recipient, the quantitative indicators allow us to speak of the primacy of evaluative reactions that appear when perceiving a text of this type.

The general specificity of understanding the text of a glamorous magazine is due to the emotional and evaluative nature of mental activity aimed at understanding and interpreting it, which is reflected in all, without exception, «counter texts» of recipients. In the process of understanding the text of a glossy magazine, there is a tendency for the dominance of evaluative reactions of various types, expressed verbally through emotionally evaluative words and various constructions.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Жинкин Н.И. – М.: Наука, 1982. – 273с.
2. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 193 с.
3. Коронный номер. Статья [Электронный ресурс] // Vogue №11 ноябрь 2012. – URL: <http://www.vogue.ru/magazine/articles/493999/> (дата обращения: 04.12.2012).
4. Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 242 с.
5. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / Новиков А.И. // Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. – М., 2003. – С. 64–70.
6. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография /под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
7. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <http://efremova.slovaronline.com/o/65721-otsenka>. (дата обращения: 20.03.2021).
8. Пешкова Н.П. О способах и средствах воплощения смысла и содержания (в русле теории текста и смысла А.И. Новикова) / Пешкова Н.П. // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации 06–08 июня 2019 г., Москва / Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов. – Москва, 2019. – С. 259–260.
9. Пешкова Н.П. Эмоциональное пространство языковой коммуникации: аспект восприятия // Межкультурная↔Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 03–04 декабря 2020 г., Уфа / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2020. – С. 223–229.
10. Современный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://encyclopediadic.slovaronline.com> (дата обращения 28.02.2015).
11. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).
12. Философия науки и техники: словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://terme.ru/slovari/filosofija-nauki-i-tehniki-slovar.html> (дата обращения: 17.01.2015).
13. Философия: практическое руководство: учеб. пособие [Электронный ресурс] / сост.: А.Т. Лымарь. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2009. – URL: <http://terme.ru/slovari/filosofija-prakticheskoe-rukovodstvo.html> (дата обращения: 18.02.2015).
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://terme.ru/slovari/enciklopedija-epistemologii-i-filosofii-nauki.html> (дата обращения: 03.03.2015).

Список литературы на английском / References in English

1. Zhinkin N.I. Rech kak provodnik informacii [Speech as a conductor of information] / Zhinkin N.I. – М.: Nauka, 1982. – 273 p. [in Russian]
2. Kirsanova I.V. Mnogoznachnost semantiki teksta kak realizaciya individualnyh strategij ponimaniya [The polysemy of the semantics of the text as the implementation of individual strategies for understanding]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19. – Ufa, 2007. – 193 p. [in Russian]
3. Koronnyj nomer [Crown number] [Electronic resource] // Vogue. – 2012. –N 11. – URL: <http://www.vogue.ru/magazine/articles/493999/> (accessed: 04.12.2012). [in Russian]
4. Moiseeva A.V. Issledovanie psiholingvisticheskih osobennostej vospriyatiya i ponimaniya teksta glyancevogo zhurnala [Research of psycholinguistic peculiarities of perception and understanding of the text of a glossy magazine]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19. – Ufa, 2017. – 242 p. [in Russian]
5. Novikov A.I. Tekst i «kontrtekst»: dve storony processa ponimaniya [Text and "countertext": two sides of the process of understanding] // Voprosy psiholingvistiki. Tekst: vospriyatie, ponimanie, interpretaciya. – М., 2003. – P. 64–70. [in Russian]
6. Novikov A.I. Tekst i ego smyslovye dominanty [Text and its semantic dominants] / edited by N.V. Vasil'eva, N.M. Nesterova, N.P. Peshkova. – М.: Institut yazykoznanija RAN, 2007. – 224 p. [in Russian]
7. Novyj tolkovo-slovoobrazovatelnyj slovar' russkogo yazyka T.F. Efremovoj [New explanatory and derivational dictionary of the Russian language T.F. Efremova] [Electronic resource]. – URL: <http://efremova.slovaronline.com/o/65721-otsenka>. (accessed: 20.03.2021). [in Russian]

8. Peshkova N.P. O sposobah i sredstvah voploshcheniya smysla i sodержaniya (v rusle teorii teksta i smysla A.I. Novikova) [On the ways and means of embodying meaning and content (in line with the theory of text and meaning of A.I. Novikov)] // Teoriya rechevoj deyatel'nosti: vyzovy sovremennosti: materialy XIX Mezhdunar. simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii 06–08 iyunya 2019 g. [Theory of speech activity: modern challenges: materials of the XIX Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory 06-08 June 2019], Moscow / Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii nauk, Rossijskij universitet družby narodov [Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Peoples' Friendship University of Russia] . – Moscow, 2019. – P. 259–260. [in Russian]

9. Peshkova N.P. Emocional'noe prostranstvo yazykovoj kommunikacii: aspekt vospriyatiya [Emotional space of language communication: the aspect of perception] // Mezhkul'turnayaIntrakul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 03–04 dekabrya 2020 g. [Intercultural↔Intracultural communication: theory and practice of teaching and translation: materials of the IX Intern. scientific-practical conf. 03-04 December 2020], Ufa/ Bashkirskij gosudarstvennyj universitet [Bashkir State University]. – Ufa, 2020. – P. 223-229. [in Russian]

10. Sovremennyj enciklopedicheskiy slovar' [Modern encyclopedic dictionary] [Electronic resource]. – URL: <http://encyclopediaonline.com> (accessed: 28.02.2015). [in Russian]

11. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka C.I. Ozhegova [Explanatory dictionary of the Russian language C.I. Ozhegova] [Electronic resource]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/> (accessed: 20.03.2021). [in Russian]

12. Filosofiya nauki i tekhniki: slovar' [Philosophy of Science and Technology: Dictionary] [Electronic resource]. – URL: [http://terme.ru/slovari/filosofija-nauki – i – tehniki – slovar.html](http://terme.ru/slovari/filosofija-nauki-i-tehniki-slovar.html) (accessed: 17.01.2015). [in Russian]

13. Filosofiya: prakticheskoe rukovodstvo: ucheb. Posobie [Philosophy: a practical guide: textbook. manual] [Electronic resource] / edited by A.T. Lymar'. – Magnitogorsk: MGTU im. G.I. Nosova, 2009. – URL: <http://terme.ru/slovari/filosofija-prakticheskoe-rukovodstvo.html> (accessed: 18.02.2015). [in Russian]

14. Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science] [Electronic resource]. – URL: [http://terme.ru/slovari/enciklopedija – epistemologii – i – filosofii – nauki.html](http://terme.ru/slovari/enciklopedija-epistemologii-i-filosofii-nauki.html) (accessed: 03.03.2015). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.27>

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ИМИДЖА КИТАЯ В НОВЫХ СМИ

Обзор

Цзэн Тин *

Шанхайский второй политехнический университет, Шанхай, КНР

* Корреспондирующий автор (2256653[at]qq.com)

Аннотация

Исследование образа Китая в новых СМИ обозначено резким контрастом как внутри страны, так и за рубежом. Большинство исследования проводятся в Китае, и только некоторые исследования проводятся иностранными учеными. По сравнению с международными исследованиями имиджа Китая в новых СМИ, исследования внутри страны превосходят их как на макро-уровне, так и с точки зрения анализа отдельных случаев. В качестве метода исследования китайские ученые в основном прибегают к использованию контент-анализа, концентрируясь на областях журналистики и теории коммуникации. Что касается исследовательских вопросов, то они сосредоточены на изучении комплексных тем, а также на дискуссиях по отдельным вопросам. Касательно множества интерпретаций образа Китая в новых СМИ, больше всего исследований приходится на многомерную интерпретацию образа Китая, однако анализ образа Китая в одном конкретном измерении также имеет место. Говоря о размещении исследуемой информации, отечественные и зарубежные социальные сети являются основными платформами для изучения имиджа Китая. В статье указывается наличие большего объема литературы, формирующей образ страны извне, нежели признаков его "самоформирования", где источниками "формирования извне" являются средства массовой информации в европейских и американских странах, а "самоформирование" достигается официальными китайскими СМИ. В настоящее время в исследовании имиджа Китая в новых СМИ все еще существуют проблемы с методами и объемами исследования, а также моделированием имиджа.

Ключевые слова: новые СМИ, исследование имиджа Китая, статус-кво, проблемы.

A REVIEW OF RESEARCH ON CHINA'S IMAGE ON NEW MEDIA

Review article

Zeng Ting*

Shanghai Second Polytechnic University, Shanghai, China

* Corresponding author (2256653[at]qq.com)

Abstract

The research on China's image on new media is facing a sharp contrast both at home and abroad. A few studies are from foreign scholars, but the majority is done by Chinese scholars. Compared with international studies on China's image on new media, the domestic studies outperform them in both a macroscopic way and in case analysis. Chinese scholars mainly adopt content analysis as the research method, concentrating on the fields of journalism and communication science. As for the research issues, they focus on investigations of comprehensive topics, as well as some special discussions on single issues. In terms of image dimensions, the multi-dimensional interpretation of China's image on new media accounts for the most, while specific analysis of China's image in a single dimension has also begun to appear. Concerning platform distribution, domestic and foreign social networking sites are the main platforms for the study of China's image. In terms of the shaping agents, there is more literature on "other-shaping" than "self-shaping". The agents of "other-shaping" are mainstream media in European and American countries. "Self-shaping" is achieved by the official domestic media for publicity. At present, there are still problems in the research of China's image on new media with research methods, research dimensions, and image modeling.

Keywords: new media, China's image research, the status quo, problems.

National image is the perception and evaluation of a country's political, economic, social, cultural, and geographical conditions from the perspective of domestic and overseas populations. The shaping and promoting of the national image serves as an integral part of the nation's development strategy and is a critical factor for it to attract global attention and investment. With the strengthening of China's national power, the academic community has been quite enthusiastic in studying China's national image. Previous studies on international public opinions related to China were mainly based on traditional media, such as newspapers, magazines, radio, and television. With the emergence and rapid development of new media with digital, multimedia, real-time, and interactive features, traditional mainstream media have scrambled to seize a place in the new media world, while other non-mainstream media, such as enterprises, associations, and individual users, have also become active participants in the new media platforms, promoting the vigorous development of China-related reporting and research on the building of China's image in the context of new media. Therefore, figuring out the status quo of new media study on China's image and revealing problems in this regard can expand the breadth and depth of new media study on China's image and realize the shift from extensible development to connotative development.

1. Status Quo of New Media Study on China's Image**1.1 Status Quo of Overseas Study**

Foreign literature mainly relies on the theoretical framework of corpus linguistics and critical discourse analysis, and it uses a qualitative-quantitative content analysis method to analyze the themes, tendencies, and causes of the coverage related to

China's image on international mainstream media websites or English-language social media. It is chiefly written by Chinese scholars and has yielded limited results. Xiang (2013) finds that English-language social media present more neutral and diverse images of China in economic, cultural, and technological coverage than the international mainstream media. However, this English-language social media still uncritically follows the stereotypical images created by the international mainstream media when portraying China's social, political, religious, and ethnic images. Ван Синьцин и др. (2015) concludes that Tajikistan's online media has far more positive than negative reports related to China's image by arguing the tendency in China's image coverage in mainstream Tajik online media. We also note that the latest foreign literature has achieved breakthroughs in research methods and dimensions, which is pushing the new media coverage involving China's image in a deeper direction. Wang & Feng (2021) conducted a multimodal critical discourse analysis of the Xi'an promotion videos on TikTok, a short-form video social platform, in order to explore the characteristics and strategies of Chinese cities' image building in new media.

1.2 Status Quo of Domestic Study

Compared with foreign countries, Chinese scholars have yielded more research that engages diverse types of new media and coverage themes on the image of China in new media. Domestic research primarily adopts the journalism and communication perspectives, occasionally the linguistic, and the journalism-linguistic blended perspective in certain cases. This research focuses predominantly on the analysis of specific cases and less on macro themes.

Through retrieval, we obtained 61 specific case study papers on the image of China in new media. Chinese academia has paid greater attention to the image of China in new media since 2016 and reached a peak in 2018. We will do an in-depth exploration of four aspects: issue distribution, image dimension, platform distribution, and image builder.

1.2.1 Issue Distribution

Among the 61 papers, 42 deal with comprehensive topics concerning China's image in domestic and foreign new media, accounting for nearly 70% of the total. For example, Wang Qikai et al. (2018) divides the coverage of China on mainstream online media in Kyrgyzstan into four categories: political and economic, social and cultural, sports and humanities, and military. This is done to compare the number, topics, and distribution of attitudinal resources of different categories. According to Liang et al. (2017), the topics that were related to China covered by the social network site VKONTAKTE were divided into political, economic, cultural, social, diplomatic, military, science and technology, national, education, sports, health and natural environment, tourism, and insight. Based on the categories, they also analyzed the number, frequency, and length tendency of coverage in different categories.

Another 19 articles focus on individual topics concerning China's image in new media coverage. They are relatively scattered and cover the "Belt and Road" Initiative, the Rio Olympics, the COVID-19 epidemic, the Chinese dream, the 19th National Congress of the Communist Party of China, "Made in China", the Shanghai Expo, China's post-Olympic era, the Tibet issue, etc. For example, Mao Wei et al. (2018) conducted a content analysis of Twitter reports on the "Belt and Road" and investigated the actual participation of Chinese mainstream media accounts in the "Belt and Road" reports.

1.2.2 Image Dimensions

National image contains multiple dimensions of connotation, with the eight major components including the national image logo, national profile, government image, corporate image, city image, historical image, cultural image, and people's quality. Among the 61 papers, 44 provide multidimensional analyses on China's image in new media at home and abroad. For example, Fan Xiaoling (2016) reviews the political, economic, and cultural images of China in the online media *Kazakhstan Express* and *Kazakhstan Pravda*. Another 17 papers are dedicated to studying China's image in a particular dimension as portrayed by domestic and foreign new media reports related to China. They cover government image, corporate image, regional image, cultural image, public figures' image, and people's image. Pan Lulin et al. (2018) selected 50 representative blogs from Naver, the largest search engine in the Republic of Korea, that deal with Chinese culture in Korean netizens' discourse as the research corpus.

1.2.3 Platform Distribution

There are significantly more studies of China's image on foreign new media platforms than on Chinese new media. 50 of the 61 papers, more than 80% of the total, elaborate on China's image on foreign new media platforms, including official websites of mainstream media, blog and news websites, social networking websites (Facebook, Twitter, YouTube, VK, etc.), blogs, etc. Among foreign new media platforms, social networking websites have the most studies on China's image, accounting for 60%. This is followed by official websites of mainstream media and comprehensive new media platforms, which account for 20% and 14%, respectively, while other platforms have merely a handful of relevant researches.

Table 1 – Distribution of foreign new media platforms involved in China Image Research

New media platform	The integrated platform	Mainstream media	News blog	Social media	Blog	Other
Number of literature	7	10	1	30	1	1
Percentage	14%	20%	2%	60%	2%	2%

Most of the scholars select two or more social networking websites at the same time for comprehensive analysis. However, some specifically concentrate on Chinese coverage on a specific website as the object of study, with the most selected being Twitter, followed by Facebook, VK, and YouTube.

China's new media platforms mainly include government websites, official websites of mainstream media, and social networking websites (Weibo and WeChat). Weibo and WeChat, as the current mainstream social media in China, occupy a pivotal position in mass communication by virtue of their timeliness, interactivity, and convenience. However, we have not yet

found any studies involving the external communication of specialized social media platforms such as Zhihu and Douban. Thus, it is necessary to further broaden the new media platforms for China's image research.

1.2.4 Image Builder

National image is dynamic, shaped jointly by others and the nation itself. So-called "other-shaping" refers to the act of foreign media shaping the image of the country, which is a kind of external evaluation and recognition based on others' feelings and will. "Self-shaping" is the shaping of the country's image by its own media, which contains self-feeling and centers on self-will. In the literature related to the new media coverage of China, there are 35 articles on "other-shaping", 24 on "self-shaping", and two comparing the results of "other-shaping" and "self-shaping". Those involved in "other-shaping" are relatively scattered, including more than a dozen countries and regions. Scholars pay much more attention to European and American countries than other countries and regions. Among them, the image of China shaped by American media is the most popular topic, which also confirms the view that "the dominant power of other-shaping is basically in the hands of the power of media" (Liu Xiaoyan 2002: 66).

Now that any user can publish information on the platform in the age of new media, there are "other-shaping" actors everywhere. Foreign mainstream media is the most important object of China's image research, accounting for more than 50%, followed by comprehensive studies of different shaping actors accounting for nearly 30%. In contrast, there is less literature with government, associations, and individuals as research subjects.

In terms of the content tendency of "other-shaping", scholars generally conclude that the image of China in foreign new media is a combination of positive and negative. In general, the number of positive and neutral reports outweighs that of negative ones. In addition, the research results show that, compared with Western media reports, the new media in countries along the "Belt and Road", such as Russia and Central Asian countries, have a more positive and neutral tendency to report on China's image.

The image of a country is the result of the interaction of two factors: "self-shaping" and "other-shaping". China is also making full use of online media to proactively introduce China's image to the world, tell China's story, and expand its international influence. The "self-shaping" actors are also widely distributed, including comprehensive publishers, the government, official and unofficial mainstream media, and enterprises. However, compared with "other-shaping", the literature on "self-shaping" has focused on the coverage of mainstream official media and the construction of the national image, with little research done on other actors.

2. Issues in New Media Research on China's Image

The study of the status quo of new media research on China's image has contributed to the improvement of China's image at home and abroad, but there are still shortcomings. Specifically, problems exist in the new media research on China's image.

2.1 Not Enough Research Methods

At present, studies on the image of China in new media are mainly seen in the fields of journalism and communication, and few studies involve linguistics and international politics. The research basically adopts the content analysis method, one of the methods commonly used in mass communication, which is to explore the quantity, tendency, position, and varying pattern of the coverage by quantitative analysis of the content of China-related coverage of a certain subject or a certain type of subjects in a certain period of time. Among relevant studies using the content analysis method, the number of text data used for quantitative analysis is generally small, and the time span of the text is short. The analysis of attitude tendency and emotion mainly relies on the subjective interpretation of the researcher, resulting in a certain one-sidedness and limitation in the presentation of China's image in the new media. In recent years, a few scholars have started to use computer programs to capture data from larger-scale online reports in an effort to improve the objectivity and authenticity of research results. For example, Xu (2016) used "Octopus" software to automatically capture, collect, and conduct the structured extraction and storage of post page information to explore the effect of Chinese culture on YouTube.

2.2 Lack of Stereoscopic Research Dimensions

Generally speaking, the image of China in new media has two macro dimensions. One is the image of the country presented by the media in the form of text, picture, audio, and video, and the other is the national image reflected by users mainly through user data and texts, including the number of readers/likes/comments and content of comments. In contrast to the research on China's image in traditional media, which focuses on individual text, the multimodal study of China's image in new media should concentrate more on analyzing the articulation between various models and how the media "arrange and combine" the various models to construct meaning. Unfortunately, existing studies mainly involve a single modality of textual content or videos published by media, and they seldom integrate symbolic resources, such as texts, pictures, colors, and images that jointly participate in meaningful construction for multimodal interaction studies. Meanwhile, existing studies are mainly based on the national image that is shaped by the media, and they pay less attention to the national image reflected by users, such as user activity, user dissemination, post influence, and comment tendency.

2.3 Image Builders from Partial Walks of Life

New media research on China's image mainly focuses on the "other-shaping" content of mainstream Western countries, among which the US and the UK are the main subjects, with less attention paid to non-Western countries and regions. Studies on both "self-shaping" and "other-shaping" are conducted on mainstream official media reports, with less attention paid to non-mainstream media, such as enterprises, NGOs, online associations, and individual netizens. In the study of "self-shaping", the research literature on non-mainstream media is only one-fifth of that on mainstream media. The singularity of image builders makes it difficult to objectively present the whole picture of China's image in the new media and to provide an effective practical reference for enhancing the "self-shaping ability" of foreign communication. With the accelerated flow of global information and frequent media exchanges in the new media era, the voices of ordinary people are increasingly valued, and we should pay more attention to non-Western media and strengthen the research on different image builders.

3. Conclusion

New media marks the blending of multiple forms of communication. The well-defined distinction of media types will no longer make any sense in the new media stage, and "composite information" will be of great concern in the field of new media research. Therefore, we urgently need to collect a large number of multimodal corpus of national images to build a large-scale multimodal corpus. Based on systematic description of a large amount of real corpus, we seek to draw more reliable conclusions and propose countermeasures that better comply with the new media's external communication features with the help of sentiment analysis software. In addition, we also need to introduce more diverse research methods, such as questionnaires, semi-structured interviews, eye-movement tests, brain imaging, and other empirical research methods. We should also find more integrated perspectives and draw from more disciplines, such as cultural studies, anthropological studies, ethnographic studies, and interactive linguistic studies in order to actively conduct three-dimensional research on national image communication in new media.

Финансирование

Эта статья является результатом Проекта гуманитарных и социальных наук Министерства образования Китая (19YJC740003).

Funding

This article is the staged result of the Humanities and Social Science Project of the Chinese Ministry of Education (19YJC740003).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Debao X. China's image on international English language social media / Debao X. // Journal of International Communication, 2013, 19(2): pp. 252-271.
2. Lulin P. A Study on Korean Netizens' Discourses Concerning Chinese Culture from the New Media's Perspective / Lulin P. & C. Yanping // Korean Language Teaching and Studies, 2018, № 1, pp. 43-48.
3. Qikai W. A Study on China's Image in the News Discourse of Mainstream Online Media in Kyrgyzstan—Based on Journalistic and Linguistic Perspectives / Qikai W. & C. Xianghong // Journal of Tianjin Foreign Studies University, 2018, № 2, pp. 125-137.
4. Xiaoyan L. Thoughts on Media's Building of National Image / Xiaoyan L. // Chinese Journal of Journalism & Communication, 2002, № 2, pp. 61-66.
5. Xinqing W. Exploring China's Image in Tajikistan's Online Media / Xinqing W. & M. Liya, Kamila // Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology. 2015, № 5, pp. 71-80.
6. Yilei W. History, modernity, and city branding in China: a multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media / Yilei W. & Dezheng (William) F. // Social Semiotics, 2021, № 1, pp. 1-24.

Список литературы на английском / References in English

1. Debao X. China's image on international English language social media / Debao X. // Journal of International Communication, 2013, 19(2): pp. 252-271.
2. Lulin P. A Study on Korean Netizens' Discourses Concerning Chinese Culture from the New Media's Perspective / Lulin P. & C. Yanping // Korean Language Teaching and Studies, 2018, № 1, pp. 43-48.
3. Qikai W. A Study on China's Image in the News Discourse of Mainstream Online Media in Kyrgyzstan—Based on Journalistic and Linguistic Perspectives / Qikai W. & C. Xianghong // Journal of Tianjin Foreign Studies University, 2018, № 2, pp. 125-137.
4. Xiaoyan L. Thoughts on Media's Building of National Image / Xiaoyan L. // Chinese Journal of Journalism & Communication, 2002, № 2, pp. 61-66.
5. Xinqing W. Exploring China's Image in Tajikistan's Online Media / Xinqing W. & M. Liya, Kamila // Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology. 2015, № 5, pp. 71-80.
6. Yilei W. History, modernity, and city branding in China: a multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media / Yilei W. & Dezheng (William) F. // Social Semiotics, 2021, № 1, pp. 1-24.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.5>

**ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЖАНРА ПЕСЕНКИ И СПЕЦИФИКА ЕГО
ВОССОЗДАНИЯ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б. ОКУДЖАВЫ)**

Научная статья

Сычёва А.В.^{1*}, Ковынева Е.А.²

¹ ORCID: 0000-0002-4018-6087;

² ORCID: 0000-0003-1049-2021;

^{1, 2} Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

* Корреспондирующий автор (nastik-80[at]mail.ru)

Аннотация

Основополагающими задачами исследования явилось изучение жанрообразующих критериев песенки, рассмотрение отдельных стихотворений Б. Окуджавы, относящихся к данному жанру, на предмет соответствия обозначенным авторами критериям. В статье также проводится всесторонний компаративный лингвостилистический анализ «Песенки веселого солдата» Б. Окуджавы и семи ее англоязычных версий. Авторы исследования приходят к выводу, что в отличие от самого оригинала, который отвечает всем критериям жанра песенки в полном объеме, англоязычные варианты исходного текста претерпели значительные изменения в ходе перевода, что привело к потере ключевых жанрообразующих элементов. На практике результаты исследования можно использовать при критическом анализе и выявлении адекватных иноязычных воплощений текстов жанра песенки.

Ключевые слова: поэзия, жанр, песенка, перевод, Б. Окуджава.

**PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF THE POETIC "PESENKA" GENRE AND THE SPECIFICS OF ITS
RECONSTRUCTION BY MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE
(BASED ON B. OKUDZHAVA'S POETRY)**

Research article

Sycheva A.V.^{1*}, Kovyneva E.A.²

¹ ORCID: 0000-0002-4018-6087;

² ORCID: 0000-0003-1049-2021;

^{1, 2} North-Eastern State University, Magadan, Russia

* Corresponding author (nastik-80[at]mail.ru)

Abstract

The fundamental objectives of the study are to examine the genre-forming criteria of the "pesenka" (song) genre and individual poems of B. Okudzhava related to this genre on the subject of correspondence with the criteria indicated by the authors. The article also provides a comprehensive comparative linguistic and stylistic analysis of Okudzhava's "Pesenka vesyologo soldata" (The Song of the Merry Soldier) and its seven English-language versions. The authors of the study come to the conclusion that, unlike the original itself, which meets all the criteria of the "pesenka" genre in full, the English-language versions of the source text have undergone significant changes in the course of translation, which has led to the loss of key genre-forming elements. The results of the study can be used for critical analysis and identification of adequate foreign language version of the lyrics of the genre under study.

Keywords: poetry, genre, pesenka, translation, B. Okudzhava.

Введение

В поэтическом наследии Окуджавы доля *песенок* намного превосходит в численном соотношении количество стихотворений, относящихся к другим жанрам. Анализируя жанровые определения, фигурирующие в названиях стихотворных текстов Б. Окуджавы, М. В. Каманкина пишет: «Часто встречается у Окуджавы уменьшительное название *песенка*, указывающее на миниатюрность песенной формы. Обычно это бывает восьмнадцатитактовый период, соответствующий четверостишью, причем с мелодикой речитативного плана, заключенной в узкий диапазон (кварты, квинты, сексты). Определения *песенка*, *песня* <...> иногда бывают не точны <...>, но некоторые тонкие различия между этими разновидностями мы чувствуем и без подзаголовка» [1, С. 234, 235].

К сожалению, приходится констатировать, что *песенка* как жанр на данный момент фактически не изучена. Этот факт также подтверждается различной подачей тех или иных текстов, принадлежащих Б. Окуджаве, в разных изданиях. В посмертных изданиях эта тенденция лишь усилилась [2]. Так, в книге Б. Окуджавы «Стихотворения», вышедшей в 2001 году в издательстве «Академический проект» (серия «Новая библиотека поэта»), в ряде заглавий к стихотворениям слово *песенка* опущено – «Ванька Морозов», «Бумажный солдатик», «Медсестра Мария», «Голубой шарик» и др. Однако в сборнике «Стихотворения» Б. Окуджавы, изданном «Эксмо» (серия «Всемирная библиотека поэзии») в 2006 году, некоторые из вышеперечисленных заголовков выглядят так – «Песенка о Ваньке Морозове», «Песенка о бумажном солдатике». А в сборнике «Так природа захотела», также вышедшем в 2006 году в издательстве «Эксмо» (серия «Золотая серия поэзии»), в содержании читаем – «Песенка о медсестре Марии», «Песенка о голубом шарике». Разнятся книги и формулировками заглавий следующих стихотворений – «Песенка о Леньке Королеве»,

«Ленька Королев», «Король»; «Песенка про Черного кота», «Черный кот»; «Песенка про старого гусака», «Баллада о гусаке» и др.

Разногласия подобного плана наводят на мысль об отсутствии должной текстологической работы с заголовками поэтических текстов Б. Окуджавы. В своей статье «Нашествие дилетантов, или Как не надо издавать Булата Окуджаву» Р. Р. Чайковский пишет о необходимости «на солидной научной базе с привлечением широкого круга специалистов по творчеству поэта подготовить новое, полное, тщательно выверенное, профессионально откомментированное издание его поэтического наследия» [3, С. 110]. Сказанное относится и к заглавиям песенок поэта.

Методы и принципы исследования

Для того чтобы выработать свод критериев, характеризующих жанр *песенки*, необходимо, в первую очередь, воспользоваться лексикографическими источниками, в которых можно найти научно-обоснованное определение термина «*песенка*». В словаре Т. Ф. Ефремовой о *песенке* написано: «*Песенка* – 1. Уменьшительное к существительному: песня. 2. Ласкательное к существительному: песня» [4, С. 92]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова сказано, что существительное женского рода *песенка* относится к разговорной лексике, имеет характеристику – «ласкательное» и является уменьшительным к существительному *песня* [5, С. 239].

При определении *песенки*, несомненно, нельзя обойти вниманием более распространенный жанр песенной поэзии – *песню*, так как *песенка* является дериватом от *песни*, но, тем не менее, представляет собой отдельный музыкально-поэтический жанр. Чтобы получить более полное представление о термине *песенка*, рассмотрим аналоги данного существительного. Возьмем несколько примеров из «Обратного словаря русского языка» – колоколенка, басенка, сосенка, сценка, черешенка, вишенка [6, С. 45, 46]. Указанные слова содержат сочетание *-енк-*, которое употребляется в уменьшительных, а также ласкательных именах существительных, образованных от слов женского рода при помощи суффикса *-к-* от слов на *-ня* и *-на*. В данном случае мы придерживаемся трактовки морфологической структуры слова А. Н. Тихонова [7].

Исходя из имеющихся определений *песенки* и приведенных нами аналогов этого существительного, ясно, что стихотворение, имеющее в своем заглавии слово *песенка*, обладает уменьшенной формой и характеризуется иным, более смягченным изображением действительности. В тексте словно отражается ласковое отношение автора к описываемому.

Уместным в этой связи будет упомянуть и о том, что сфера распространения жанра *песенки*, в отличие от *песни*, несколько иная, поскольку отношения между автором и аудиторией в песне и песенке разные. Песня, исполняемая одним лицом или же хором, как правило, подразумевает дистанцию, ориентируясь сразу на всю аудиторию. Песенка предполагает сужение сферы распространения, привнося некий элемент интимности в атмосферу между исполнителем и слушателем. Песенка поется для себя, для близких, для каждого человека в отдельности.

К сожалению, необходимо отметить, что англоязычные исследователи не уделяют должного внимания проблеме разграничения жанров *песни* и *песенки*. Термины “song” и “little song” воспринимаются как тождественные. На основе анализа толковых и обратных словарей русского языка, музыкальных энциклопедий, «Поэтического словаря» А. П. Квятковского, исследований А. Н. Тихонова и Н.А. Богомолова, а также собственных наблюдений можно установить следующие критерии дифференциации жанра *песенки*: 1. четкость композиции, строфичность; 2. небольшой объем текста (три – пять строф); 3. зачастую наличие рефрена (припева); 4. «правильный ритмический процесс в стихе» [8, С. 245] и различные виды рифмовки; 5. всесторонняя связь мелодии со стихом («отражение в мелодии общего характера стиха, типа строфы, поэтического размера, поэтических образов, их развития и смены» [9, С. 265]; 6. суженная сфера распространения, вызванная тематической предназначенностью *песенки* для определенной группы реципиентов; 7. фольклорность; 8. использование разнообразных эмоционально-экспрессивных языковых средств для достижения интимизации; 9. применение стилистического приема иносказательного повествования, аллегоричных поэтических образов.

Обсуждение

Почти все перечисленные критерии жанра *песенки* присутствуют в текстах Б. Окуджавы. Перу поэта принадлежат такие стихотворения-песенки, как «Песенка о белой крови», «Песенка о Моцарте», «Песенка о ночной Москве», «Песенка о моей душе», «Песенка об Арбате», «Песенка об открытой двери», «Песенка о пехоте», «Песенка веселого солдата», «Песенка о молодом гусаре», «Песенка о московских ополченцах» и др. Все они характеризуются четкостью композиции и строфичностью. Следует отметить, что такой критерий как небольшой объем текста, на наш взгляд, не всегда является для него основополагающим. Примером могут служить «Песенка о белых дворниках» (6 строф), «Песенка о комсомольской богине» (6 строф), «Песенка о Сокольниках» (7 строф), «Песенка про маляров» (6 строф) и др.

Зачастую в песенках Окуджавы присутствуют повторы и рефрены. Например, в «Песенке Дуремара» и в «Песенке таинственных существ над спящим деревом» из к/ф «Приключения Буратино», в «Песенке человека, решившего жениться», в «Песенке о несостоявшихся надеждах» и в «Песенке обманутого мужа» из к/ф «Соломенная шляпка» и др. Каждая песенка выражает законченную, цельную мысль поэта, оформленную и отображенную в ее строфах. В текстах жанра *песенки* автор прибегает к различным видам рифмовки. Самая распространенная рифма – перекрестная *ABAB*, где женская рифма чередуется с мужской («Песенка о московском муравье», «Песенка о белой крови», «Песенка Белле» и др.). Важнейшей чертой его песенок является всесторонняя связь мелодии со стихом, которую наилучшим образом можно прочувствовать в уникальном авторском исполнении.

Стихотворения-песенки Б. Окуджавы попадают и под критерий суженной сферы распространения, поскольку они предоставляют свободу осмысления услышанного, тем самым выстраивая более близкие, в каком-то смысле

интимные отношения со слушателем. Н. А. Богомолов замечает: «К песенкам (и здесь подчеркну неслучайность этого уменьшительного наименования) Окуджавы человек должен был сам формировать свое отношение, и оно могло быть каким угодно, от полного и самозабвенного восторга до громокипящего негодования...» [10, С. 93]. Такие стихотворения, как «Песенка о моей жизни», «Песенка о моей душе», «Песенка короткая как жизнь сама...», «Главная песенка», «Песенка о художнике Пиромани», как правило, воспринимаются и истолковываются сугубо индивидуально.

Многие исследователи поэзии Б. Окуджавы, в их числе Р. Ш. Абельская и И. А. Соколова, отмечают, что его песенно-поэтическое творчество, помимо связи с традициями городского романса, питалось и источниками русского фольклора [11, С. 36]. Р. Ш. Абельская пишет: «Сущностные элементы поэтики русских народных песен, вошедшие в лирику Окуджавы опосредованно или неопосредованно из русского фольклора, ...остались элементами стилизации, чертами «фольклоризма» [12, С. 192]. Фольклорные корни наблюдаются не только в песенках Окуджавы, посвященных Москве и Арбату, но и в «Песенке Жени Альбаца», в «Песенке корниловца», в «Песенке о народном депутате» и др.

Такую категорию индивидуального стиля Б. Окуджавы, как интимизация, можно проследить в разнообразных формах обращений к читателю или слушателю, присутствующих в текстах песенок. Например, *Давай, брат, отрешимся. Давай, брат, воспарим...* – «Песенка о дальней дороге»; *Подумайте, простому муравью...* – «Песенка о московском муравье»; *...нелегкий путь, представьте...* – «Песенка об открытой двери»; *Уважайте маляров...* – «Песенка про маляров» и др. Еще одной отличительной особенностью его песенок является отражение в них нежного, ласкового отношения лирического героя к изображаемому. Подобные стихотворения характеризуются широким использованием слов, содержащих уменьшительно-ласкательные суффиксы (косички, курточка, маечка-футболочка, комсомолочка, колечко – «Песенка о комсомольской богине»; усадьба, свадьба, ножка – «Песенка»; пьвочки, козявочки, халывочки, раззявочки, хозяйечки – «Песенка Дуремара»; ноженьки, пальтишко, туфельки – «Песенка о московском муравье» и др.).

Вместе с тем, у поэта, который «выдумал музу Иронии», немало песенок иронического характера. Они отличаются наличием в них аллегорий, зачастую иносказательным повествованием и трагедийностью. К разряду таких песенок мы относим, например, «Песенку про дураков», «Песенку про старого гусака» и др.

На английский язык переведены 14 песенок Б. Окуджавы: «Песенка о дураках» (4), «Песенка веселого солдата» (7), «Песенка о Моцарте» (3), «Песенка об Арбате» (5), «Песенка о ночной Москве» (5), «Песенка о московском муравье» (3), «Песенка о медсестре Марии» (3), «Песенка о солдатских сапогах» (3), «Главная песенка» (2), «Песенка о пехоте» (3), «Песенка о московском метро» (3), «Песенка о молодом гусаре» (1), «Песенка кавалергарда» (1), «Песенка о художнике Пиромани» (1). Общее количество переводов песенок Окуджавы на английский язык составляет 44.

Рассмотрим одну из наиболее часто переводимых – «Песенку веселого солдата». На публичных концертах, как мы уже отмечали, Б. Окуджава называл ее «Песенкой американского солдата». Поэт дает разъяснение подобной замене в одном из своих интервью. По его словам, идея переименовать «Песенку веселого солдата» в «Песенку американского солдата» принадлежит Е. Евтушенко. Этот «ход», как его называет Окуджава, был им подхвачен и впоследствии использован, чтобы его чувство патриотизма не было подвергнуто сомнению [13, С. 335]. Приведем текст песенки:

Возьму шинель, и вещмешок, и каску, / в защитную окрашенные краску. / Ударю шаг по улицам горбатым... / Как просто быть солдатом, солдатом. // Забуду все домашние заботы. / Не надо ни зарплат, ни работы. / Иду себе, играю автоматом... / Как просто быть солдатом, солдатом. // А если что не так – не наше дело: / как говорится, родина велела. / Как славно быть ни в чем не виноватым / совсем простым солдатом, солдатом.

«Песенка веселого солдата» характеризуется четкостью композиции, строфическим строением, небольшим объемом. Песенка написана пятистопным ямбом со смежной женской рифмой. В ней также присутствует композиционный параллелизм – повтор последней строки в каждом из трех четверостиший. Однако если в первых двух строфах мы наблюдаем синтаксический параллелизм *Как просто быть солдатом, солдатом*, то в заключительном четверостишии автор прибегает к повтору последнего слова в строке *совсем простым солдатом, солдатом*. Песенка написана от первого лица. В тексте нет сложных синтаксических конструкций, в нем присутствуют элементы разговорного стиля.

В тексте «Песенки веселого солдата» находим сокращенный вариант словосочетания *вещевой мешок* – *вещмешок*, который более, чем его полная форма, привычен носителю русского языка на слух. Интимизация стиля Окуджавы находит свое отражение в парантетической вставке *как говорится*, которую поэт использует в третьей строфе песенки. Как мы убедились, анализируемая песенка Окуджавы отвечает большинству основных критериев жанра песенки за исключением одного.

Теперь мы можем перейти к английским переводам «Песенки веселого солдата» и выяснить, насколько качественно удалось переводчикам отобразить эти характеристики в своих переводах. В нашем распоряжении имеется два перевода песенки, выполненных группами переводчиков – «I'll Get Me Cap and Jacket...» (К. Босли, Д. Пospelовский, Дж. Сапиетс) и «The Song of an American Soldier» (Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос). Помимо этого, мы располагаем следующими англоязычными версиями «I'll Take My Greatcoat, My Kitbag...» (Дж. Дэвис), «Song of the 'American' Soldier» (Е. Шапиро), «Song of the 'American' Soldier» (Дж. С. Смит), «A Soldier's Ditty» (Д. Браун) и «The Song of a Happy Soldier» (А. Ваганов).

Переводы «Песенки веселого солдата» Е. Шапиро, Дж. С. Смита и Д. Брауна являются смысловыми подстрочниками, а перевод Дж. Лэнгленда, Т. Акзеля, Л. Тикоса – прозаический, что сразу же лишает эти переводные тексты статуса песенки. Сопоставим, например, первую строфу переводов Дж. С. Смита и Д. Брауна, с подлинником, процитированным ранее:

I'll get my greatcoat, kitbag, and helmet, / All of them camouflage-colored, / And off I'll stride along the humpbacked streets; / How simple it is to be a soldier, a soldier [14, P. 127].

They gave me a coat and helmet, / decorated with camouflage paint. / I'll pound along the humpbacked streets – / how easy it is to be a soldier, a soldier [15, P. 748].

Переводы К. Босли, Д. Поспеловского, Дж. Сапиетс, Дж. Дэвис и А. Вагапова – стихотворные и выполнены с соблюдением строфики оригинала. Проанализируем их с точки зрения ритмометрического построения и рифмы. Сравним третью строфу первого из упомянутых стихотворных переводов с первоисточником:

And if you get the order / there's no such thing as murder. / Guilty? – but they can't hold yer: / you're just a simple soldier [16, P. 58].

Перевод написан трехстопным ямбом в отличие от первоначального пятистопного. Переводчики передают характер рифм исходного текста, применяя смежную женскую рифму. Теперь рассмотрим третьи четверостишие переводов Дж. Дэвис и А. Вагапова:

If something goes quite wrong, we do not bother. / As people say – it's our country's order. / It's nice to be not guilty heedless slogger, / A simple soldier, usual jolly soldier [17, P. 32].

If something should go wrong, I do not care. / It's, so to say, my Motherland's affair. / It's great to be a simple barracks lodger, / an innocent and inoffensive soldier [17, P. 109].

Переводчики демонстрируют бережное отношение к метру, ритму и размеру подлинника, сохраняя пятистопный ямб «Песенки веселого солдата» и смежную женскую рифму оригинала.

В отличие от английской «Песенки веселого солдата» К. Босли, Д. Поспеловского, Дж. Сапиетс, переводы Дж. Дэвис и А. Вагапова являются эквиритмичными и эквилинеарными оригиналу. Переводчики стремились также воссоздать прием композиционного параллелизма, присутствующего в первоисточнике. Приведем заключительные строки каждой из строф переводов: *it's great to be a soldier* (первая и вторая строфы) и *you're just a simple soldier* (третья строфа) – К. Босли, Д. Поспеловский, Дж. Сапиетс; *to become a soldier, to become a soldier* (первая строфа), *Oh, it's easy to soldier; it's easy to soldier* (вторая строфа) и *and just be a soldier, just be a soldier* (третья строфа) – Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос; *It's easy to become a soldier, a soldier* (первая и вторая строфы) и *A simple soldier, a usual jolly soldier* (третья строфа) – Дж. Дэвис; *how simple to become a soldier, a soldier* (первая и вторая строфы) и *just a simple soldier, a soldier* (третья строфа) – Е. Шапиро; *How simple it is to be a soldier, a soldier* (первая и вторая строфы) и *Nothing but a simple soldier, a soldier* (третья строфа) – Дж. С. Смит; *how easy it is to be a soldier, a soldier* (первая и вторая строфы) и *just a simple soldier, a soldier* (третья строфа) – Д. Браун; *it's easy to become a real soldier* (первая и вторая строфы) и *an innocent and inoffensive soldier* (третья строфа) – А. Вагапов. Таким образом, в шести из семи переводов, за исключением перевода Дж. Лэнгленда, Т. Акзеля, Л. Тикоса, соблюден синтаксический параллелизм исходного текста.

Как и оригинал, эти переводы «Песенки веселого солдата» написаны от первого лица. Например, *Иду себе, играю автоматом...* – *I'll swing it like I told yer...* (К. Босли, Д. Поспеловский, Дж. Сапиетс); *I just fool around and play with the rifles* (Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос); *I stroll along and play with my machine-gun...* (Дж. Дэвис); *I stroll along, playing with my machine gun...* (Е. Шапиро); *Along I go, playing with my gun...* (Дж. С. Смит); *I just go along, playing with a Tommy gun...* (Д. Браун); *I'm playing with my gun, a barracks lodger...* (А. Вагапов). Помимо этого, в переводе К. Босли, Д. Поспеловского и Дж. Сапиетс широко используется разговорная форма местоимения *you – yer* (ты – А. С.), а у Д. Брауна встречаем английскую разговорную форму существительного *автомат – Tommy gun*.

Русское слово *вещмешок*, образованное безаффиксальным способом словообразования при помощи двух основ, в переводах приобретает следующие соответствия: *kitbag* – К. Босли, Д. Поспеловский, Дж. Сапиетс; Дж. Дэвис; Дж. С. Смит, *rucksack* – Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос, *knapsack* – Е. Шапиро, *A—bag* – А. Вагапов. В переводе Д. Брауна эквивалент слова *вещмешок* отсутствует совсем.

Такой стилистический прием, как парантетическая вставка *как говорится*, служащий средством достижения интимизации, находит отражение не во всех перечисленных нами переводах «Песенки веселого солдата». В переводе К. Босли, Д. Поспеловского, Дж. Сапиетс данная вводная конструкция отсутствует. Если сопоставить заключительную строфу этого перевода и оригинал, можно заметить, что основной мотив стихотворения Б. Окуджавы – беззаботная безответственность простого солдата – в переводе сохранен, но обрамлен целым рядом привнесенных элементов: *there's no such thing as murder. / Guilty? – but they can't hold yer* (букв. нет такой вещи, как убийство. / Виновен? – но они не могут тебя задержать). В других англоязычных вариантах парантетическая вставка *как говорится* находит следующие соответствия: *as the saying goes* (Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос и Дж. С. Смит), *as people say* (Дж. Дэвис), *like they say* (Е. Шапиро), *as we say* (Д. Брауна) и *so to say* А. Вагапов.

Основные результаты

Составим сводную таблицу соответствия английских переводов текста песенки Б. Окуджавы критериям жанра. Введем условные обозначения: (+) полное соответствие; (□) частичное соответствие; (–) отсутствие соответствия. Аллегоричность, иносказательность повествования в тексте первоисточника отсутствует, поэтому девятый критерий жанра песенки в таблице не учтен.

Таблица 1 — Соответствие английских переводов текста песенки Б. Окуджавы критериям жанра

	Переводы	Критерии								Итого	(+) , (□)
		1	2	3	4	5	6	7	8		
1	К. Босли, Д. Поспеловский, Дж. Сапиетс	□	+	□	□	–	+	–	–	(+) 2; (□) 3; (–) 3	5
2	Дж. Лэнгленд, Т. Акзель, Л. Тикос	□	+	□	–	–	□	–	□	(+) 1; (□) 4; (–) 3.	5
3	Дж. Дэвис	+	+	+	+	+	□	–	□	(+) 5; (□) 2; (–) 1.	7
4	Е. Шапиро	□	+	+	–	–	□	–	□	(+) 2; (□) 3; (–) 3.	5
5	Дж. С. Смит	□	+	+	–	–	□	–	□	(+) 2; (□) 3; (–) 3.	5
6	Д. Браун	□	+	+	–	–	+	–	□	(+) 3; (□) 2; (–) 3.	5
7	А. Вагапов	+	+	□	+	+	□	–	□	(+) 4; (□) 3; (–) 1.	7

Заключение

Из представленной таблицы видно, что иноязычные формы «Песенки веселого солдата» Б. Окуджавы, в отличие от самого оригинала, не отвечают критериям жанра в полном объеме. Переводы Дж. Дэвис и А. Вагапова намного ближе к оригиналу, чем стихотворный перевод К. Босли, Д. Поспеловского и Дж. Сапиетс и чем прозаические переводы Дж. Лэнгленда, Т. Акзеля, Л. Тикоса, Е. Шапиро, Дж. С. Смита и Д. Брауна. Тем не менее, можно констатировать потерю тех или иных основных жанрообразующих критериев, присущих исходному тексту, по всех его англоязычных версиях.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Каманкина М. В. Песенный стиль Б. Окуджавы как образец авторской песни / М. В. Каманкина // Окуджавы. Проблемы поэтики и текстологии. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. – С. 225–243.
2. Каганович В. Об изданиях «звучащего» Окуджавы [Электронный ресурс] / В. Каганович // Живой журнал. – URL: <http://vikaganovich.livejournal.com> (дата обращения: 22.10.2020)
3. Чайковский Р. Р. Истины Булата Окуджавы / Р. Р. Чайковский. – Магадан: Кордис, 2006. – 216 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2: П – Я / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз, 2000. – 1088 с.
5. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. — 1424 стб.
6. Обратный словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985.
8. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с.
9. Музыкальная энциклопедия. В 6 т. Т. 4: Окунев – Симович. – М.: Сов. энциклопедия, 1978. – 976 с.
10. Богомолов Н. А. Булат Окуджавы и массовая культура / Н. А. Богомолов // Булат Окуджавы: его круг, его век. Материалы Второй международной научной конференции. 30 ноября – 2 декабря 2001 г. Переделкино. – М.: Соль, 2004. – С. 91–96.
11. Соколова И. А. Фольклорная традиция в лирике Булата Окуджавы // «Свой поэтический материк...» Научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы / И. А. Соколова. – М.: МГУ, 1999. – С. 33–41.
12. Абельская Р. Ш. Поэтика Булата Окуджавы: Истоки творческой индивидуальности. Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Р. Ш. Абельская. – Екатеринбург, 2003. – 20 с.
13. ...Для думающих людей // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 5 / Сост. А. Е. Крылов. – М.: Булат, 2008. – С. 329–345.
14. Smith G. S. Songs to Seven Strings. Russian Guitar Poetry and Soviet “Mass Song” / G. S. Smith. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – P. 121–143.
15. Twentieth-Century Russian Poetry. – London: Bantam Doubleday Dell, 1994. – P. 740–749.
16. Russian Poetry: The Modern Period. – Iowa City: University of Iowa Press, 1978. – P. 216–219.
17. Fifteen Songs in Parallel Russian and English Texts / Transl. by J. Davis. – London: GB-USSR Association, 1977. – 39 p.
18. Vagapov A. Popular Poetry Pages. An Anthology of Literary Translations / A. Vagapov. – Pskov: Publishing House of Regional Center of People’s Creative Work, 2006. – P. 108–140.

Список литературы на английском / References in English

1. Kamankina M. V. Pesennyj stil’ B. Okudzhavy kak obrazec avtorskoj pesni [Song style of B. Okudzhava as an example of the author’s song] / M. V. Kamankina // Okudzhava. Problemy poetiki i tekstologii. – M.: GKCM V. S. Vysockogo, 2002. – P. 225–243. [in Russian]

2. Kaganovich V. Ob izdaniyah «zvuchashhego» Okudzhavy [About editions of "sounding" Okudzhava] [Electronic resource] / V. Kaganovich // Zhivoy zhurnal. – URL: <http://vikaganovich.livejournal.com> (accessed: 22.10.2020) [in Russian]
3. Chajkovskij R. R. Istiny Bulata Okudzhavy [Truths of Bulat Okudzhava] / R.R. Chajkovskij. – Magadan: Kordis, 2006. – 216 p. [in Russian]
4. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 t. T. 2: P – Ja [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. In 2 volumes. Vol. 2: P - Ya] / T. F. Efremnova. – M.: Rus. jaz, 2000. – 1088 p. [in Russian]
5. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. 3. [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 3.] – M.: Gos. publ. house inostr. i nac. slov. [State publishing house foreign. and nat. words.], 1939. — 1424 column [in Russian]
6. Obratnyj slovar' russkogo jazyka [Reverse dictionary of the Russian language]. – M.: Sov. jenciklopedija, 1974. – 944 p. [in Russian]
7. Tihonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka. V 2 t. [Word-formation dictionary of the Russian language. In 2 volumes.] / A. N. Tihonov. – M.: Rus. jaz., 1985. [in Russian]
8. Kvjatkovskij A. P. Pojeticheskij slovar' [Poetic Dictionary] / A. P. Kvjatkovskij. – M.: Sov. jenciklopedija, 1966. – 375 p. [in Russian]
9. Muzykal'naja jenciklopedija. V 6 t. T. 4: Okunev – Simovich [Musical encyclopedia. In 6 volumes. Vol. 4: Okunev - Simovich]. – M.: Sov. jenciklopedija, 1978. – 976 p. [in Russian]
10. Bogomolov N. A. Bulat Okudzhava i massovaja kul'tura [Bulat Okudzhava and popular culture] / N. A. Bogomolov // Bulat Okudzhava: ego krug, ego vek. Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 30 nojabrja – 2 dekabrja 2001 g. [Bulat Okudzhava: his circle, his century. Materials of the Second International Scientific Conference. November 30 - December 2, 2001]. Peredelkino. – M.: Sol', 2004. – P. 91–96. [in Russian]
11. Sokolova I. A. Fol'klornaja tradicija v lirike Bulata Okudzhavy [Folklore tradition in the lyrics of Bulat Okudzhava] // «Svoj pojeticheskij materik...» Nauchnye chtenija, posvjashhennye 75-letiju so dnja rozhdenija Bulata Okudzhavy ["Its own poetic continent ..."] Scientific readings dedicated to the 75th anniversary of the birth of Bulat Okudzhava / I. A. Sokolova. – M.: MGU, 1999. – P. 33–41. [in Russian]
12. Abel'skaja R. Sh. Pojetika Bulata Okudzhavy: Istoki tvorcheskoy individual'nosti [Poetics of Bulat Okudzhava: The Origins of Creative Personality]. Abstr. dis. ... of PhD in Philology / R. Sh. Abel'skaja. – Ekaterinburg, 2003. – 20 p. [in Russian]
13. ...Dlja dumajushhih ljudej [... For thinking people] // Golos nadezhdy: Novoe o Bulate. Vyp. 5 [Voice of Hope: New about Bulat. Issue five] / Compl. A. E. Krylov. – M.: Bulat, 2008. – P. 329–345. [in Russian]
14. Smith G. S. Songs to Seven Strings. Russian Guitar Poetry and Soviet "Mass Song" / G. S. Smith. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – P. 121–143.
15. Twentieth-Century Russian Poetry. – London: Bantam Doubleday Dell, 1994. – P. 740–749.
16. Russian Poetry: The Modern Period. – Iowa City: University of Iowa Press, 1978. – P. 216–219.
17. Fifteen Songs in Parallel Russian and English Texts / Transl. by J. Davis . – London: GB-USSR Association, 1977. – 39 p.
18. Vagapov A. Popular Poetry Pages. An Anthology of Literary Translations / A. Vagapov. – Pskov: Publishing House of Regional Center of People's Creative Work, 2006. – P. 108–140.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.4>**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «ER STARB VOR MOHAISZK» Э. М. РЕМАРКА
СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Научная статья

Ковынева Е.А.¹*, Сычёва А.В.²¹ ORCID: 0000-0003-1049-2021;² ORCID: 0000-0002-4018-6087;^{1,2} Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

* Корреспондирующий автор (elena_kovyneva[at]mail.ru)

Аннотация

Многие поэты обращались к свободным формам стиха, полагая, что только такая форма может адекватно воплотить современную действительность и восприятие этой действительности поэтом.

Обращаясь в данной статье к переводам стихотворения «Er starb vor Mohaiszk» («Он пал под Мажайском») Э. М. Ремарка, написанного в свободной форме, верлибром, авторы ставили перед собой задачу проследить, как переводчики, работая с такой формой иноязычной поэзии, воплотили основные особенности оригинала на языке перевода. Проведенный сравнительный анализ оригинала и переводов показывает, что эта форма стиха, балансируя между прозой и традиционным стихосложением, требует от переводчика предельной концентрации на всех уровнях текста: лексическом, синтаксическом и ритмико-интонационном, а отступление от адекватного воссоздания даже одного из этих элементов приводит к искажению всего произведения.

Результаты исследования можно использовать в спецкурсах и семинарах по теории художественного перевода, в курсах сопоставительной стилистики русского и немецкого языков, в творческих семинарах переводчиков, а также при критической оценке вновь создаваемых переводов поэтических текстов Э. М. Ремарка.

Ключевые слова: Э. М. Ремарк, свободный стих, верлибр, перевод.

ON THE ASPECTS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF E. M. REMARQUE'S "ER STARB VOR MOHAISZK"

Research article

Kovyneva E.A.¹*, Sycheva A.V.²¹ ORCID: 0000-0003-1049-2021;² ORCID: 0000-0002-4018-6087;^{1,2} North-Eastern State University, Magadan, Russia

* Corresponding author (elena_kovyneva[at]mail.ru)

Abstract

Many poets have turned to free verse, believing that only such a form can adequately embody modern reality and the poet's perception of this reality.

By examining the translations of the poem Erich Maria Remarque's "Er starb vor Mohaiszk" ("He fell at Mohaisk"), written in free form, vers libre, the authors of this article attempt to trace how the translators, working with this form of foreign language poetry, incorporated the main features of the original in the language of translation. The comparative analysis of the original and its translations demonstrates that this form of verse, balancing between prose and traditional versification, requires the translator to focus on all levels of text: lexical, syntactic, and rhythmic and intonation-wise, and deviating from an adequate recreation of even one of these elements leads to distortion of the entire work.

The results of the research can be used in special courses and seminars on the theory of literary translation, in courses of comparative stylistics of the Russian and German languages, in creative seminars of translators as well as in the critical evaluation of newly created translations of poetic texts by E. M. Remarque.

Keywords: E. M. Remarque, free verse, vers libre, translation.

Введение

Поэтическое наследие Э. М. Ремарка невелико и не так широко известно, поскольку он, в первую очередь, является прозаиком и прославился своими романами, такими как «На Западном фронте без перемен», «Три товарища», «Триумфальная арка» и другими. Тем не менее, творчество этого писателя достаточно разнообразно и включает в себя поэтические произведения. Среди этих текстов есть стихотворения, написанные не только в традиционной метрической, но и в свободной форме.

Все системы стихосложения разделяются на две основные категории – метрические и дисметрические.

С точки зрения стиховедения дисметрические стихи из-за своих специфических структурных и стилистических особенностей считаются сложной формой поэтического творчества. Поэтому наличие дисметрических стихотворений, свободных форм стиха, или верлибра, в произведениях Э. М. Ремарка говорит о разнообразии стиховых форм, которыми он пользовался для создания своих поэтических текстов.

Тема стихотворения «Er starb vor Mohaiszk» – война и судьбы солдат, участвовавших и погибших на войне. Иоганн Шмидт, главный герой этой мини-поэмы, – собирательный образ. На лексическом, стилистическом и тематическом уровнях стихотворения на военную тему сопоставимы с романом Ремарка «Время жить и время умирать».

Методы и принципы исследования

Чтобы понять природу свободного стиха и определить основные принципы перевода этой формы стихосложения, обратимся к работам некоторых стиховедов.

В монографии «Deutsche Verslehre» («Немецкое стихосложение») Э. Арндт пишет, что «freie Verse» имеют свободный ритмический рисунок, однако в такой форме стихосложения есть четкое тактовое деление: как правило, это стихи с постоянной сменой ударных и безударных слогов. «Freie Rhythmen» («свободные ритмы») получили свое начало от строгих стиховых форм. Однако современные типы «freie Rhythmen» приблизились к прозе в большей мере. Они построены не так ритмично, строки их не так строго связаны между собой, нет последовательной смены ударений [8, С. 181–185]. При этом имеют место необычный выбор слов и словосочетаний, повторы определенных ритмических групп, нехарактерная для метрических стихотворений длина строки. Также важную роль играет использование свободного построения предложений, благодаря чему значение строки как элемента стиха заметно увеличивается [8, С. 194–197].

Другой немецкий исследователь Д. Фрей в монографии «Einführung in die deutsche Metrik» («Введение в немецкое стихосложение») определяет «freie Verse» как стихи, которые можно подвергнуть метрическому анализу, несмотря на необычную структуру самого текста, а «Freie Rhythmen» – это стихотворения, опирающиеся в большей мере на ритмические ударения в словах, нежели на метрику [9, С. 92].

Классик немецкого стиховедения В. Кайзер в своих исследованиях также уделяет большое внимание «freie Rhythmen», которые, по его мнению, имеют упорядоченный размер, что обусловлено их историческим происхождением от строгих стиховых форм (ямба или хорей). Однако в них не прослеживается рифма, а строки могут быть разной длины. Основным признаком этого типа стихосложения, по Кайзеру, является ритмическое ударение. Форму «freie Rhythmen» Кайзер считает наиболее существенным вкладом немецкой поэзии в мировую литературу [10, С. 44–54].

Вопросам типологии свободных форм стиха большое внимание уделил К. Вагенкнехт, подразделив нетрадиционные стихотворные произведения на «freie Verse», «unregelmäßige Rhythmen», «prosaische Lyrik» и «Freie Rhythmen».

К первому типу он относит «freie Verse», которые проявляют свою связь с традиционным стихосложением.

Ко второму типу автор причисляет «unregelmäßige Rhythmen» – нетрадиционные стихотворения с «полусвободным и полустрогим ритмом», используя термин «стихи с нерегулярным ритмом».

Третий тип «prosaische Lyrik» – так называемые прозаические стихотворения, под которыми он понимает прозаические тексты, написанные в форме стиха для привлечения внимания читателя (как видим, «prosaische Lyrik» – это не стихотворение в прозе) [12, С. 101–102].

«Freie Rhythmen», верлибр (если пользоваться русской стиховедческой терминологией), К. Вагенкнехт выделяет в отдельный вид.

Обсуждение

Для перевода такой тип стихосложения как верлибр представляет определенную сложность ввиду своих синтаксических и ритмических особенностей.

Обратимся теперь к переводам стихотворения Ремарка «Er starb vor Mohaiszk». В нашем распоряжении имеется девять переводов этого произведения на русский язык. Это переводы Б. Авраменко, А. Егина, Р. Ефимова, Н. Кан, Г. Киселева, А. Красиловой, Л. Лудянской, В. Пинковского и Р. Чайковского. Стоит отметить, что из имеющихся переводов опубликован только перевод Р. Чайковского, остальные находятся в рукописном варианте в Архиве Э. М. Ремарка (Германия, г. Оснабрюк).

Сопоставление переводов стихотворения «Er starb vor Mohaiszk» показывает, что по форме и содержанию перевод Л. Лудянской уступает остальным, поскольку переводчица по каким-то лишь ей известным причинам заменила свободный стих метрическим. Из стихотворения исчезли те черты, которые характерны для верлибра. «Er starb vor Mohaiszk» в переводе Л. Лудянской становится похожим на сказку, что очень далеко от авторского замысла. Ср. начало стихотворения:

*Er starb vor Mohaiszk. In der Nacht. Es war weiß
der Schnee und die Kälte – – – –
Und die Kälte fror ihn sofort ein – sofort – erstarrt
sank er lautlos in den Schnee –
Und wurde schwer –
Und sank und sank
Jeden Tag etwas mehr, und es schneite auf ihn
seine Uhr lebte noch einen Tag länger als er –
dann blieb sie stehen um sieben Uhr dreißig –
Und dann war es weiß und flach wieder im Dezember und Januar
Und im Februar – und lautlos glitten die Skis
Der Feinde drei Meter über ihm
In der Richtung auf Smolensk –*
[3, С. 60]

и перевод приведенного отрывка:

*Он пал в ночь под Можайском. Было бело.
Очень снежно и очень морозно.
Холод мгновенно сковал его
И беззвучно в снег опустил осторожно,
На сутки лишь дольше часов длился век,
В половине восьмого прекратился их бег...
Вновь и вновь падал снег,
День ото дня становясь тяжелее.
В декабре с январем трехметровый намет
С каждым днем становился белее...
Над ним в феврале была снежная высь
И равнина от края до края.
И лыжи врагов бесшумно неслись
На Смоленск. Путь напрямик выбирая.*
[3, С. 61]

Уже этот отрывок позволяет нам утверждать, что верлибр в принципе нельзя переводить метрическим стихом, поскольку это противоречит самой природе свободного стиха, о которой мы говорили выше. Верлибр – это не прозаическое произведение, и, кроме того, свободный стих не может распадаться на метрические отрезки, поскольку его специфика основана на ударениях в строке, тщательном подборе слов и словосочетаний, а также различных синтаксических конструкциях. По мнению стиховеда Д. Лампинга, «девизом свободной формы стиха является ритмика вместо метрики» [11, С. 77]. Поэтому переводя верлибр с использованием иных стихотворных принципов и тем самым перенося текст в иную стиховую систему, переводчик нарушает законы единства содержания и формы. В верлибре, как и в других типах стиха, форма значима, она содержательно нагружена. Очевидно, что именно свободная форма стиха позволила Ремарку создать текст, которому свойственны глубокий трагизм, с одной стороны, и внутренняя напряженность, с другой.

Переводы Б. Авраменко, Р. Ефимова и Н. Кан занимают промежуточное место между переводами-верлибрами и зарифмованным вариантом Л. Лудянской, поскольку в их вариантах явно видна тенденция к упорядоченности ритма. Это легко заметить уже в самом зачине стихотворения. Приведем фрагменты переводов названных авторов. Обратимся сначала к версии Б. Авраменко:

*Он пал под Можайском. Тогда была ночь.
И белым был снег. И стужа.
Замерзло, мгновенно окоченело
тело его, без звука упало.
Все глубже и глубже...*

В данном фрагменте содержится рифма *стужа – глубже*, а также заметно стремление к упорядоченности в третьем и четвертом стихах представленного отрывка. Кроме того, подобного рода рифмы встречаются и при дальнейшем сопоставлении этого текста с оригиналом.

Уместным в этой связи будет привести высказывание Е. Г. Эткинда, который писал, что «неспособность переводчиков разобратся в интонационном строе свободного стиха заставляет их компенсировать его традиционным метром» [7, С. 322].

Перевод Б. Авраменко обнаруживает отступления от подлинника и на синтаксическом уровне. Переводчик часто прибегает к объединению, разбивке и пропуску строк оригинального текста. Все перечисленные трансформации мы находим при воссоздании первых тринадцати стихов ремарковского верлибра. Так, в переводе пропущена строка *Und wurde schwer*, седьмой стих был разбит на две отдельные строки *Jeden Tag etwas mehr, und es schneite auf ihn* – *каждый день погружался он в снег, / что намело над ним*. Кроме этого, наблюдаются ошибки в понимании синтаксических связей некоторых элементов стихотворения. Полисиндетическая связь в десятой и одиннадцатой строках оригинала, представленная союзом *und*, в переводе разрывается и воссоздается противительным союзом *a*, в результате чего смещается семантический акцент оригинала: *Und dann war es weiß und flach wieder im Dezember und Januar / Und im Februar – und lautlos glitten die Skis* – *Без перемен декабрь прошел и январь. / А в феврале беззвучно скользили лыжи*. Б. Авраменко пренебрегает особенностью авторского стиля, не используя повторяющийся союз в переводе, что создает эффект размеренности, уравновешенности и протяжности изложения, полисиндетическая связь, как отмечает М. П. Брандес, выступает приемом специальной обработки речи [1, С. 246]. Переводчику, к сожалению, не удалось воссоздать полисиндетон анализируемого отрывка оригинала, что лишает сам перевод требуемой целостности передачи ритмико-синтаксических особенностей исходного текста.

Рассмотрим теперь вариант Р. Ефимова:

*Он умер под Можайском. Ночью.
Белым был снег и холод был белым,
И холод сразу же сковал его –
сразу,
И он бесшумно погрузился в снег –
заледенелый,*

И, тяжелея, с каждым днем
 Опускался все ниже и ниже,
 А сверху шел снег.
 Часы пережили его на целый день
 И, остановились в половине восьмого –
 А потом опять
 Одна лишь равнина белела
 В декабре, январе и феврале.
 И неслышно скользили лыжи врагов
 Над ним
 По снегу высотой в три метра
 В направлении Смоленска.

При сопоставлении представленного выше отрезка оригинального стихотворения с переводным вариантом обращает на себя внимание увеличение количества строк – 18 против 13 исходного текста, в результате чего изменяется образ текста: он становится многословным. В версии Р. Ефимова на протяжении всего текста встречаются рифмованные строки, противоречащие ритмическим и интонационным законам свободного стиха: *белым – заледенелый, стал – отступал, газ – раз, земле – войне, земли – смогли, жетон – потом* и др. Сопоставительный анализ подлинника и перевода дает нам представление о том, что Р. Ефимов сконцентрировался большей частью на передаче содержательного компонента оригинала, игнорируя синтаксическую и ритмическую стороны стихотворения.

Перевод, выполненный Н. Кан, несомненно, выигрывает по сравнению с вариантами Б. Авраменко и Р. Ефимова. Однако и в ее версии заметно тяготение к рифме в зачине стихотворения:

Он пал под Можайском. Той ночью все было бело
 От снега и стужи – – – –
 И вмиг он был скован морозом – и в лед превратился,
 Стал в снег подгужаться
 Всей тяжестью он –
 Все глубже и глубже...

Нельзя не обратить внимание на элемент рифмы *стужи – глубже* и равносложности отдельных строк. При этом ритм тяготеет к напевности, что в определенной степени приближает данный перевод к тексту былинного характера. Наряду с этим Н. Кан также эксплицирует синтаксические связи, которые у Ремарка оборваны: *In der Nacht / Es war weiß / der Schnee und die Kälte – Той ночью все было бело / От снега и стужи*. Таким образом, стремление к упорядоченности стиха в переводе Н. Кан наблюдается на всех уровнях: смысловом, синтаксическом, ритмическом и на уровне рифмы.

Что касается пяти переводов, написанных верлибром, то нужно отметить хронологию их появления. Первый перевод Р. Чайковского появился в 1999 году, второй перевод выполнен В. Пинковским в 2002 году, в течение 2003 года появились переводы А. Егина и Г. Киселева, а последняя по времени версия стихотворения «*Er starb vor Mohaiszk*» принадлежит А. Красилову (2004 г.).

Ритмико-интонационный компаративный анализ оригинала и переводов названных авторов, показывает, что стремление названных переводчиков воссоздать именно верлибровый характер оригинала ощутимо уже в первых двух строках стихотворения: *Er starb vor Mohaiszk. In der Nacht. Es war weiß / der Schnee und die Kälte*. Р. Чайковский в своей версии, добиваясь равносложности строки, элиминирует парцелированный темпоральный элемент: *In der Nacht*, и перевод этих стихов оригинала выглядит следующим образом: *Он пал под Можайском. Все было бело / от снега и мороза*. Кроме того, переводчик ради ритмической адекватности отказывается также и от некоторых повторов оригинала: *sofort – sofort – вмиг*. Приведем фрагмент этого перевода:

Он пал под Можайском. Все было бело
 От снега и мороза.
 И мороз вмиг сковал его – оледеневший,
 Он беззвучно провалился в снег –
 Он тяжелея
 И проваливался все больше и больше

В этом отрывке в определенной мере прослеживается стремление к несколько большему сглаживанию синтаксического рисунка по сравнению с оригиналом. Это проявляется, в частности, в пунктуации перевода (ср. точку во втором стихе и запятую в третьем). При этом переводчик не стремится копировать синтаксическую структуру оригинала, больше заботясь о воссоздании общего верлибровый характера подлинника.

В переводе В. Пинковского мы наблюдаем перенос начальной части предложения с конца первой строки в следующую: *Он погиб под Можайском. Ночью. / Было бело от снега и стужи*. Обращает на себя внимание и постановка знаков препинания. Точка, поставленная автором перевода, манифестирует конец предложения и отсекает предыдущее предложение от последующего. В оригинале пунктуация этой строки представлена четырьмя тире, которые, на наш взгляд, являются не показателем законченности строки, а паузой перед дальнейшим развитием темы стихотворения.

А. Красилов при воссоздании первой строки оригинала увеличил количество слогов: *Он погиб под Можайском. В ночи. Все вокруг было белым. / Снег и мороз.*

Наиболее адекватно передали ритмику этих строк исходного текста А. Егин и Г. Киселев, которые не прибегали ни к элиминации парцеллята, как в варианте Р. Чайковского, ни к переносу строк, что обнаруживается в переводе В. Пинковского. Приведем переводы этих стихов оригинала:

*Он убит под Можайском. Ночью. И бел
снег был и холод — — —*

А. Егин

*Он пал под Можайском. Ночью. Было бело
от инея и снега*

Г. Киселев

Другой существенной стороной стихотворения «*Er starb vor Mohaiszk*» является его содержательная глубина и емкость. К воссозданию лексики свободного стиха предъявляются особые требования. В. Я. Брюсов писал, что «слова, являясь материалом поэзии, призваны создавать образы и выражать мысли, а в свободном стихе эти слова являются эссенцией поэтического мышления» [2, С. 543–544]. Ю. Н. Тынянов, в свою очередь, говорил о том, что «единство и теснота стихового ряда в свободном стихе способствует большей динамизации слова» [4, С. 133]. При сравнительном анализе этих пяти переводов обращает на себя внимание перевод формы глагола *starb* в том же начальном фрагменте стихотворения, что мы рассматривали выше. Так, это слово Г. Киселевым и Р. Чайковским переводится *пал*, что соответствует количеству слогов в оригинальном тексте. А. Красилов и В. Пинковский употребляют глагол *погиб*, в результате чего происходит сдвиг ударения и нарушается ритмика текста. Помимо того, использованный этими переводчиками эквивалент *погибнуть* также несколько смещает семантические аспекты. Как известно, слово *пасть* применяется в значении *погибнуть в бою, на фронте*, что соответствует содержанию оригинала, в то время как глагол *погибнуть* имеет более широкое значение и означает разные виды смерти. А. Егин предложил вариант *убит*, что также, несмотря на большее количество слогов по сравнению с оригинальной лексемой, соответствует семантике ремарковской строки.

Остановимся еще на некоторых заменах, произведенных переводчиками при воссоздании лексических единиц оригинала. В качестве примера приведем варианты перевода сочетаний (*war es*) *weiß und flach* и *die Skis der Feinde*. Прямое лексическое соответствие при переводе первого сочетания обнаруживают варианты А. Егина, Г. Киселева и Р. Чайковского – *белым и ровным*. В. Пинковский воспроизводит данные однородные прилагательные словосочетанием *ровная белизна*, придавая всей строке оттенок поэтичности. Такой эквивалент можно признать лишь контекстуальной заменой. Описательную конструкцию *сровняли и белым накрыли* использует в своем переводе А. Красилов, что несколько расширяет объем переводимой строки оригинала, а по своей выразительности предложенный им вариант уступает эквивалентам других переводчиков.

При воссоздании сочетания *die Skis der Feinde* Г. Киселев, А. Красилов и Р. Чайковский выбрали прямое соответствие *лыжи врагов*. А. Егин воспользовался синонимической заменой *лыжи противников*. В варианте В. Пинковского существительное во множественном числе *Feinde* заменено словом в единственном числе *врага*, которое выступает в качестве собирательного образа, подразумевающего под собой многочисленность армии противника. Произведенная переводчиком трансформация, тем не менее, не вполне оправдана при наличии возможности прямой передачи этой лексики оригинала в переводе.

Основные результаты

Проведенный сопоставительный анализ показал, что адекватными являются варианты (не только зачина, но всего текста) А. Егина, Г. Киселева и Р. Чайковского, поскольку они соответствуют содержанию, стилистике и ритмике оригинала (За основу классификации поэтических переводов мы взяли типологию, предложенную филологом-лингвистом Р.Р. Чайковским [5]). В переводе же Г. Киселева мы обнаружили несколько совпадений, повторов и переводческих находок, которые содержатся в варианте Р. Чайковского. Версии А. Красилова и В. Пинковского можно отнести к типу адекватного перевода с элементами вольного, поскольку в них наблюдаются незначительные отклонения от ритмико-интонационного образца оригинала, а при воссоздании лексики средствами русского языка встречаются не всегда правомерные лексические замены.

В переводах Б. Авраменко, Р. Ефимова и Н. Кан не воссозданы основные ритмико-интонационные особенности оригинала. Из-за того, что в этих версиях ощутимо стремление к метрическому выравниванию текста, статус переводов приобрел другой характер: вместо верлибра читатель получил стихотворение с нерегулярным ритмом. Этот факт позволяет признать их лишь вольными трактовками подлинника на языке перевода, поскольку данные версии «характеризуются низким показателем точности и высоким коэффициентом вольности» [6, С. 70].

Что касается перевода Л. Лудянской, то здесь встает вопрос, который в свое время задавал Е. Г. Эткинд: «Насколько правомерным является превращение свободного стиха в традиционный и не кроется ли причина в том, что русскому читателю легче и привычнее читать именно метрическую поэзию?» [7, С. 330]. Такая интерпретация Л. Лудянской стихотворения «*Er starb vor Mohaiszk*», на наш взгляд, может отрицательно сказаться на репутации переводимого автора. Очевидно, что Л. Лудянская преступила грань допустимой творческой свободы переводчика и, тем самым, создала стихотворение на мотив оригинала.

Закключение

Анализ девяти переводных вариантов позволяет выделить три типа перевода: метрическое стихотворение (Л. Лудьянская), стихотворение с нерегулярным ритмом (Б. Авраменко Р. Ефимов, Н. Кан) и, наконец, собственно верлибр (А. Егин, Г. Киселев, А. Красилов, В. Пинковский, Р. Чайковский). Сопоставительный анализ стихотворения Э. М. Ремарка «Er starb vor Mohaiszk» и переводов можно завершить словами Е. Г. Эткинда, который писал, что «свободная форма стиха требует огромного и постоянного накала: чуть ослаб накал – и поэзия сразу же утрачивает свою выразительность, снижается до пересказа. При этом исследователь считал, что нельзя забывать о художественном смысле свободного стиха, порожденного XX веком, потому что в этой поэтической системе без притворства, надрыва, усиления, со всеми своими естественными модуляциями и оттенками звучит естественный человеческий голос, который не подчиняется никаким внешним формальным правилам, он индивидуален и правдив» [7, С. 336–344].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высш. школа, 1990. – 320 с.
2. Брюсов В. Я. Заметки переводчика / В. Я. Брюсов. // Избранные сочинения в 2-х т. – Т.2. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 543–544.
3. Ремарк Э. М. Стихотворения / Пер. с нем. Р. Чайковского. – Текст парал. нем., рус. / Э. М. Ремарк. – Магадан: Кордис, 1999. – 75 с.
4. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Сов. писатель, 1963. – 301 с.
5. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты) / Р. Р. Чайковский. – Магадан: Кордис, 1997. – 197 с.
6. Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть: Уч. пособие / Р. Р. Чайковский. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. – 182 с.
7. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. – М.–Л.: Сов. писатель, 1963. – 429 с.
8. Arndt E. Deutsche Verslehre / E. Arndt. – Berlin: Volk und Wissen Verlag, 1968. – 259 P.
9. Frey D. Einführung in die deutsche Metrik / D. Frey. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1996. – 143 P.
10. Kayser W. Geschichte des deutschen Verses / W. Kayser. – Tübingen: Francke Verlag, 1991. – 156 P.
11. Lamping D. Das lyrische Gedicht / D. Lamping. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1989. – 282 P.
12. Wagenknecht Ch. Deutsche Metrik. Eine historische Einführung / Ch. Wagenknecht. – München: Beck, 1999. – 140 P.

Список литературы на английском / References in English

1. Brandes M. P. Stilistika nemeckogo jazyka [German stylistics] / M. P. Brandes. – М.: Vyssh. shkola, 1990. – 320 s. [in Russian]
2. Brjusov V. Ja. Zametki perevodchika [Translator's notes] / V. Ja. Brjusov. // Izbrannyye sochineniya v 2-h t. – T.2. [Selected works in 2 vol. – Vol. 2] – М.: Goslitizdat, 1955. – P. 543–544. [in Russian]
3. Remark Je. M. Stihotvoreniya [Poems] / Trans. from Germ. R. Chajkovskogo. – Tekst paral. nem., rus. [Parallel text German, Russian] / Je. M. Remark. – Magadan: Kordis, 1999. – 75 p. [in Russian]
4. Tynjanov Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka. Stat'i [The problem of poetic language. Articles] / Ju. N. Tynjanov. – М.: Sov. pisatel', 1963. – 301 p. [in Russian]
5. Chajkovskij R. R. Real'nosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty) [Realities of poetic translation (typological and sociological aspects)] / R. R. Chajkovskij. – Magadan: Kordis, 1997. – 197 p. [in Russian]
6. Chajkovskij R. R. Osnovy hudozhestvennogo perevoda: vvodnaja chast': Uch. posobie [Fundamentals of literary translation: introductory part: Uch. allowance] / R. R. Chajkovskij. – Magadan: Publ. house SVGU, 2008. – 182 p. [in Russian]
7. Jetkind E. G. Pojezija i perevod [Poetry and translation] / E. G. Jetkind. – М.–Л.: Sov. pisatel', 1963. – 429 p. [in Russian]
8. Arndt E. Deutsche Verslehre [German verse theory] / E. Arndt. – Berlin: Volk und Wissen Verlag, 1968. – 259 P. [in German]
9. Frey D. Einführung in die deutsche Metrik [Introduction to German metrics] / D. Frey. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1996. – 143 P. [in German]
10. Kayser W. Geschichte des deutschen Verses [History of the German verse] / W. Kayser. – Tübingen: Francke Verlag, 1991. – 156 P. [in German]
11. Lamping D. Das lyrische Gedicht [The lyric poem] / D. Lamping. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1989. – 282 P. [in German]
12. Wagenknecht Ch. Deutsche Metrik. Eine historische Einführung [German metric. A historical introduction] / Ch. Wagenknecht. – München: Beck, 1999. – 140 P. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.33>**ШОТЛАНДСКАЯ ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ США XIX В.: СЮЖЕТЫ И СИМВОЛЫ**

Научная статья

Велилаева Л.Р. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются основные социокультурные явления, происходившие в Шотландии и в США I половины и середины XIX века, актуальные для эмиграционных процессов. С позиций символики и сюжетики «своего-чужого (другого)» определены основные особенности текстов Х. Эйнсли (1792-1878), Д.К. МакКаллума (1815-1878) и В. Вильсона (1801-1860) – ведущих поэтов шотландской эмиграции США того времени. Сюжетообразующая символика проанализирована с учетом языкового, этнического и религиозного критериев. «Свое» пространство связано с обращением к историческим событиям, реалиям и национальным героям Шотландии, попыткой сохранить свой родной язык – скотс. «Чужое» пространство становится «другим», потому что языковой и религиозный контексты США заметно отличались от традиционных для Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, США, эмиграция, поэзия, XIX век.

SCOTTISH EMIGRATIONAL POETRY OF THE USA OF THE SIXTH CENTURY: PLOTS AND SYMBOLS

Research article

Velilaeva L.R. *

ORCID: 0000-0002-6491-8633,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

* Corresponding author (lilivelilaeva[at]yandex.ru)

Abstract

The paper examines the main sociocultural phenomena that occurred in Scotland and the United States during the first half and the middle of the XIXth century that are relevant to emigration processes. From the point of view of symbolism and the plot of «their own-alien (other)» the main features of the texts of H. Ainslie (1792-1878), D.C. McCallum (1815-1878) and W. Wilson (1801-1860) – leading poets of Scottish emigration of the USA at that time are defined. The symbolism of the plot is analysed according to linguistic, ethnic and religious criteria. «Their own» space is connected with the appeal to the historical events, actuals and national heroes of Scotland, an attempt to preserve their native language – Scots. «Alien» space becomes «different» because the linguistic and religious context of the USA differed markedly from traditional for Scotland.

Keywords: Scotland, the USA, emigration, poetry, XIX century.

Introduction

Scots can be called travellers based on their ethnic origin. The ethnic base of the Scottish nation was formed by the Celtic tribes of Gaels and Briton, Picts and Scots, Angles and Danes. They were all permanent migratory people. Emigration processes are an integral part of Scottish history. Emigration as a specific feature of the historical development of Scotland and the Scottish ethnic group attracted the attention of historians, writers, social and political figures.

The purpose of this work is to analyze key plots and symbols in the poetry of Scottish emigrants of the USA of the middle of the XIX century. It was necessary to solve the following **tasks**: 1) to systematize the main socio-economic and political events in Scotland and the USA in 1800-1860 and the causes of the Scottish emigration of that period; 2) substantiate the general criteria for nuclear story-forming symbols in the USA's emigrant literature of the specified years; 3) to analyze from this point of view the plot and symbolism of Scottish poets-emigrants (H. Ainslie, W. Wilson and D.C. McCallum).

The poetic texts of the Scottish emigrants of the middle of the XIX century were the material of this research paper. The relevance of the work is due to the need for a detailed consideration of Scottish poetry in a more general context of the USA-Scottish emigrational literature. The novelty of the study is an attempt to systematize and analyze the leading stories and symbols of poetic texts of H. Ainslie, W. Wilson and D.C. McCallum from the standpoint of the symbolism of «their own – alien».

Historic and literary and socio-cultural approaches, as well as methods of contextual, motive and symbolic analyses are used the article.

Growth of emigrational processes in Scotland of the first half of the XIXth century was determined by: 1) industrialization, 2) urbanization, 3) demographic explosion, 4) the violent abolishment of the ancient clan system and 5) the loss or transformation of the traditional Scottish lifestyle [3], [8].

The Northern American history of the same period was different with its specificity. Among the most significant foreign policy and internal political events, are the following: 1) armed conflicts between the United States and the United Kingdom; 2) United Kingdom Union with Indian tribes; 3) the world enclosed between the British, Americans and Indians after the 3-year war (1812-1815); 4) «Southern Emigration» from the USA in Mexico; 5) Abolitionism [2], [9], [11].

What was the position of Scottish emigrants in all these conflicts? Did it coincide with their position in the centuries-old conflict of the Scottish Kingdom with the Kingdom of England? The main symbolic opposition of this conflict («close, but different») for the Scots in Scotland meant the opposition «Scotland-England». In the United States, the same opposition acquired the form of confrontation between North and South.

Summarizing the analysis of the sociocultural background of the emigrational Scottish poetry of the mentioned period, a hypothesis can be expressed about what plots and symbols will be leading in it. These are the symbols of the Motherland (Center), «their» and «alien's» space, as well as contact: less often friendly, more often intense. At the same time, these are the plot motifs of parting, nostalgia, loneliness, fraternity, mission (calling), the feat, death, immortality. In other words, emigration and new American history intensified the experience of old, even «eternal» characters and plots, turning them into modern and topical symbols and plots.

What is the meaning of the listed phenomena and processes for Scottish emigration? How did all these factors affect the poetry of Scots-emigrants? To answer this question, turn to the nuclear story-forming symbolism of any emigrant literature — the symbolism of «their own – alien».

The correlation differs, depending on the criterion taken into account. All the chosen criteria influenced biographies of emigrational poets who were involved and interrelated to different languages, ethnical groups and religions.

1. *Language Criterion.* The North of the United States, the Anglo-Saxon Yankees culture was closer to Scottish emigrants, since they knew English. Spanish (dominant for the South of the country) – was unfamiliar for them. At the same time, English has been associated in Scotland with an unfriendly (although socially more privileged) British culture of the «Lords», not partners or friends [5], [6], [7], [9].

2. *Ethnic criterion.* Emigrants from Scotland collided with several ethnic groups in the USA in the XVIII-XIX centuries: 1) Anglo-Saxons (Yankees); 2) Spaniards and other Latin Americans; 3) Indians and metis; 4) with African Americans and mulattos. Historically Yankees were the latest emigration flow. Spaniards (Latin Americans) preceded them. African Americans followed the Latin Americans. The Indians were aborigines, and therefore the colonists exterminated them first, «testing» territories for their own development. Thus, the position of the Indians socially should have been extremely close to the Scots. However, they were separated by a religious criterion (see below). Latin Americans were associated for the Scots with an English version of Catholicism – Anglicanism (as it evolved precisely towards Catholics). So Latin Americans could not be perceived by the Scots as «their own», despite the fact that according to the dominant activities (cattle breeding; «manual», not mechanized agriculture) they stood closer to the island Scots [5], [6], [7], [9].

3. *Religious criterion.* Scottish emigrants also could not identify themselves more or less complete with a single ethnic group of the United States in accordance with that criterion. Celtic pagan tradition (active just in Scotland) brought them closer to the Indian pagans and African American pagans. But the Scots became Christians in the VI-VIII centuries. And the Indians and African Americans were Christianized only recently. Celtic church (relatively autonomous) of the first millennium AD functionally reminded in the New World rather the religious situation of the USA's North. The leading Yankee's, denomination was Protestantism, which had also had to bring them closer to the Scots. At the same time, many pure American denominations that have arisen later in the United States have not had analogues for Scottish emigrants [5], [6], [7], [9].

As a result, for the Scots in the United States, on the one hand, it was easier to become closer with many ethnic groups, on the other hand, it was much more difficult (or simply impossible) to join in any of them. Did this dual position affect the poetics and the issues of American-Scottish emigrational poetry?

The whole cluster of Scottish writers emigrated to the United States of America from the end of the XVIII century and throughout the XIX century.

Among the most famous poets should be mentioned such figures as Hugh Ainslie (1792-1878), William Wilson (1801-1860) and Daniel McCallum (1815-1878). In general, however, preachers and / or publicists were dominant among the writers (James Moffat, Thomas Latta, John Lyon, Daniel Henderson, William Brownley, etc.). Then come prose writers (Francis Wright). Anthologies and collections of American-Scottish poetry [1], [4], [10], [12] make it possible to trace exactly what authors, as well as plots and motives represented its classic fund.

All three poets chosen for more detailed analysis were emigrants from well-to-do families. All three left Scotland in the 1820-1830s in order to improve their material welfare [1], [10], [14]. All of them began to create poems in their homeland, in Scotland, and then continued their work on the North American continent. Resonant were such collections of their poems and poems as H. Ainslie's «Scottish songs, ballads and poems» (1855), D.K. McCallum's «Water Mill and other poems» (1870) and Wilson's «Poem» (1875). The last collection was published after the death of W. Wilson. In this regard, he hardly managed to go through the final author's alteration. However, this did not deprive its originality [14].

Analysis of the poetic texts of the authors mentioned from the point of view of their subjects and symbols is based on certain assumptions. We assume a priori that the symbols of the former, «their» and new, «other» space, expressed as a system of realities (including characters) and the system of the tropes. Both symbolic systems have been concentrated already in the names of these books and / or individual works included in them.

The fact that in addition to similar biographical actuals (the main events, places, as well as historical figures of Scotland and the USA), the texts are united by the language they are written – Scots, which should be taken as starting point of the analysis. These are the poems «Auld Hame Yearnings», «Come owa to the West», «The Auld Frieen's an' the New», «The Last Look o' Hame», «On wi' the Tartan», «A Morning An Hail to Coila» by H. Ainslie; «An O'er True Tale» by D. McCallum and «O, Blessing on thee, Land» by W. Wilson. The use of Scots in poems, not English almost always entails the motives of longing in their homeland, memories of its Scottish actuals (checked woolen fabric – Tartan, South-West region of Koyla, Western Islands) and symbols (native land, old friends, etc.)

The next group of texts of common topics and symbols are poems about Scottish historical events and their heroes: H. Ainslie's «Farewell to the Land of Burns»; D. McCallum's «King Robert The Bruce», «Song of the Anniversary of the Birthday of Burns». There is not a significant number of actuals and constancy of characters: almost all of them coincide with the symbolism of the first group of texts. The historical memory of poets-emigrants has managed to maintain only the most important actuals of their native history, which have already become symbols, political (Robert Bruce I, the first king of independent Scotland) or artistic (Burns, the first world-famous Scottish poet). For example, in H. Ainslie's poem «The Knight O' Ellerslie» the main hero W. Wallace addresses to his mates with patriotic speech: «<...> Step out, step out, my gallant

knight, / By thysel' thou shanna stride; / Tho' white the locks lie on my brow, / An' my shirt o' mail hings wide <...>» [1, P. 134-135]. This speech correlates with Scottish emigrants' reality to a large extent, it encourages them to defend «their own» history reminding not only the history itself but the language as well.

Scottish poets in Scotland itself allow themselves different feelings towards «their» native places, different ratings of «their» historical past. In emigration (at least during the analyzed period), feelings and appraisal are sharply aligned. Motherland (Scotland) causes only the delight (as a memory) or longing (as a lost paradise). This motif can be traced in H. Ainslie's poem «The lads far awa». First lines of the poem recreate old Scotland as «the land far awa'», which poet left. But in the next lines spatial image of Scotland transforms into the temporal symbol. It is the country of the past: childhood, friendship and love: «When I think on the lads, an' the land I hae left, / An' how love has been lifted, an' friendship been reft, / How the hinny o' hope has been gumbl'd wi' ga', / Then I lang for the lan' an' the lads far awa <...>» [1, P. 46]. Then both temporal and special images of the country underwent two transformations at once: from the one hand they represent only one meeting with someone very close, from the other hand they became global and universal. «The land far awa'» is now the space and time of eternal peace, kindness, love and joy, which make it very close and similar to the Paradise: «<...> When I think of the nights that we spent hand in hand, / When love was our solder, an' friendship our band, / This warld gets dark – but ilk night has a daw', / An' I yet may rejoice wi' far awa» [1, P. 46].

As for the «alien's» space, the analysis gave the following results: Scottish emigrants (including writers-emigrant), were not absolutely alien to the culture, life line and population of the United States. In poetry this leads to the fact that the symbolism and the plot of the «alien» are implemented not so persistently and evaluated not so categorical.

Such regularity is fixed again the titles of works: H. Ainslie's «Harvest Home in America», «A Foreigner's Feeling in the Great West»; D.C. McCallum's «Song of the Western Settler». From the analysis of the headlines, it follows that poets-emigrants do not consume sharply negative assessments, on the contrary, often poeticize a new place of residence. In D.C. McCallum's poem «Soldier's Song of Freedom» American civil war is truly supported by Scottish poet-emigrant: «<...> Precious blood hath been shed, and our sons have been given – / A sacrifice sacred, recorded in Heaven! / But in God we will trust – our Protector and Friend – / Having confidence still in a glorious end! <...>» [10, P. 52-53].

Conclusions

1. For Scotland the middle of the XIX century is characterized by industrialization, population growth, urbanization. However, in parallel, negative phenomena were increasing: weak medical care, food deficiency, violent breaking of the traditional clan system. All this has activated emigration processes. In the history of the United States of the same period, a civil war (1861-1865), abolitionism, abolition of slavery (1865) occurred. All this strengthens the migration mobility of the North American population.

2. Nuclear for Scottish emigrant poets (in particular, for H. Ainslie, D.C. McCallum, W. Wilson) becomes the symbolism of «their own» space. It is implemented through the appeal to the main historical events, actuals and heroes of Scotland, the desire to preserve the native language – Scots. This symbolism of «their own» is supported by extremely emotional attitude towards the Motherland: delight or longing.

3. «Alien» space for Scottish emigrational poets is more about the image of it as «other» than absolutely «alien». This is due to the fact that the language of the US ethnic groups and the religious panorama of the new continent had a lot in common with Scotland.

4. The specific correlation of a unified symbolism of «their own – alien (other)» varies from different poets and in different texts depending on the contexts of social, ethnic or religious contexts.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ainslie H. Scottish songs, ballads and poems / Ainslie H. – New York : Redfield, 1854. – 216 p.
2. Beard Ch.A. The history of the United States / Ch.A. Beard. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 440 p.
3. Cameron V.R. Emigrants from Scotland to America, 1774-1775 / V.R. Cameron. – Baltimore : Southern Book Co., 1959. – 117 p.
4. Carruthers G. Scottish literature / G. Carruthers. – Edinburgh University Press, 2009. – 228 p.
5. Daniels R. Coming to America : A History of Immigration and Ethnicity in American Life / R. Daniels. – New York : Harper Collins, 2002. – 576 p.
6. Erickson Ch. Invisible immigrants : The adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America (Documents in American Social History) / Ch. Erickson. – Cornell University Press, 1990. – 531 p.
7. Fender S. Sea Changes : British Emigration and American Literature / S. Fender. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 416 p.
8. Hanley C. History of Scotland / C. Hanley. – Dorset Press, 1989. – 192 p.
9. Jenkins Ph. A history of the United States / Ph. Jenkins. – Palgrave Macmillan, 2012. – 368 p.
10. McCallum D. C. The water-mill, and other poems / McCallum D. C. – Brooklyn, N.Y., 1870. – 63 p.
11. Outline of U.S. History. – Bureau of International Information Programs, 2005. – 368 p.
12. Scottish poets in America with biographical and critical notes / ed. by J.D. Ross. – New York : Pagan & Ross Publishers, 1889. – 220 p.
13. The Edinburgh History of Scottish Literature. / ed. by I. Brown, T.O. Clancy, S. Manning. – Edinburgh University Press, 2007. – In 3 vol. Vol 2. – 390 p.
14. Wilson W. Poems / by William Wilson, ed. by B.J. Lossing. – Poughkeepsie [N.Y.] : Archibald Wilson, 1875. – 243 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Ainslie H. Scottish songs, ballads and poems / Ainslie H. – New York : Redfield, 1854. – 216 p.
2. Beard Ch.A. The history of the United States / Ch.A. Beard. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 440 p.
3. Cameron V.R. Emigrants from Scotland to America, 1774-1775 / V.R. Cameron. – Baltimore : Southern Book Co., 1959. – 117 p.
4. Carruthers G. Scottish literature / G. Carruthers. – Edinburgh University Press, 2009. – 228 p.
5. Daniels R. Coming to America : A History of Immigration and Ethnicity in American Life / R. Daniels. – New York : Harper Collins, 2002. – 576 p.
6. Erickson Ch. Invisible immigrants : The adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America (Documents in American Social History) / Ch. Erickson. – Cornell University Press, 1990. – 531 p.
7. Fender S. Sea Changes : British Emigration and American Literature / S. Fender. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 416 p.
8. Hanley C. History of Scotland / C. Hanley. – Dorset Press, 1989. – 192 p.
9. Jenkins Ph. A history of the United States / Ph. Jenkins. – Palgrave Macmillan, 2012. – 368 p.
10. McCallum D. C. The water-mill, and other poems / McCallum D. C. – Brooklyn, N.Y., 1870. – 63 p.
11. Outline of U.S. History. – Bureau of International Information Programs, 2005. – 368 p.
12. Scottish poets in America with biographical and critical notes / ed. by J.D. Ross. – New York : Pagan & Ross Publishers, 1889. – 220 p.
13. The Edinburgh History of Scottish Literature. / ed. by I. Brown, T.O. Clancy, S. Manning. – Edinburgh University Press, 2007. – In 3 vol. Vol 2. – 390 p.
14. Wilson W. Poems / by William Wilson, ed. by B.J. Lossing. – Poughkeepsie [N.Y.] : Archibald Wilson, 1875. – 243 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.22>**ВРЕМЕННЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ В СКАЗКЕ Л. ТИКА «БЕЛОКУРЫЙ ЭКБЕРТ»**

Научная статья

Соколова Г.А. *

ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (ga.sokolova[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена лингвистическому анализу и интерпретации понятий времени и пространства, а также способам их лингвистического выражения на примере сказки Л. Тика «Белокурый Экберт». Целью исследования было установить характер временной и пространственной структур сказки, выявить основные особенности темпоральных и локальных параметров, а также определить их лингвопрагматические функции в сюжете сказки. Методом сплошной выборки были установлены языковые средства воплощения временных и пространственных параметров. В статье подробно рассматривается путь, одна из концептуальных составляющих пространственной структуры сказки. Также были обнаружены и указаны приемы и эффекты, которые задействовал Л. Тик в повествовании сказки для изображения ее ключевых событий.

Ключевые слова: сказка, время, пространство, лингвистические средства, символ.

TIME AND SPACE PARAMETERS IN LUDWIG TIECK'S THE FAIR-HAIRED ECKBERT

Research article

Sokolova G.A. *

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (ga.sokolova[at]mail.ru)

Abstract

This article contains a linguistic analysis and interpretation of the concepts of time and space as well as the ways of their linguistic expression based on Ludwig Tieck's fairytale The Fair-Haired Eckbert (Der blonde Eckbert). The aim of the study is to establish the nature of the temporal and spatial structures of the fairytale, to identify the main features of the temporal and local parameters, and to determine their linguistic and pragmatic functions within the story of the fairy tale. The continuous sampling method was used to determine the language means of embodying temporal and spatial parameters. The article deals in detail with the concept of a path as one of the conceptual components of the spatial structure of the fairytale. The study also identifies and points to the techniques and effects used by Ludwig Tieck in his depiction of key events within the literary work.

Keywords: fairytale, time, space, linguistic means, symbol.

Вступление

Как известно, литературная сказка возникла в эпоху Просвещения. Позже произошли существенные изменения этого жанра, которые способствовали синтезированию литературных и фольклорных элементов в литературной сказке, усложнению ее композиции. Волшебный мир сказки стал некой проекцией реального мира, а сама сказка превратилась в своеобразный инструмент писателей-романтиков.

Стоит заметить, что сказки Людвига Тика принадлежат к ранней эпохе Романтизма. Примечательно, что его произведения больше похожи на сказки-новеллы, в которых с помощью языковых средств находят выражение временные и пространственные параметры [10, С. 141].

Размышляя о жанре сказки и рассматривая различные виды сказок, сам Л. Тик считал, что достаточно сложно определить, в чем заключается жанр сказки, а также какой характер присущ самой сказке. По его мнению, каждый раз писатель вносит что-то новое в свои произведения, тем самым способствуя дальнейшему развитию жанра литературной сказки [9, С. 68]. С одной стороны, в сказке «Белокурый Экберт» обнаруживаются признаки, присущие жанру сказки, с другой стороны, в этом произведении прослеживаются элементы новеллистического повествования.

Для писателей-романтиков было характерно обращение к природе. Многие их произведения пронизаны мистикой и таинственностью. Ночь как нельзя лучше подходила для создания соответствующего фона действия. Л. Тик часто изображал ночь, чтобы показать душевный настрой героев своих сказок, передать их эмоциональное состояние [10, С. 143]:

Nachts schlafe ich schlecht. Was höre ich da? Wölfe, Bären, den Wind? [11, С. 12].

Как отмечают немецкие исследователи, действие в сказке «Белокурый Экберт» развивается линейно, оно носит фрагментарный характер, предоставляя читателю возможность лишь эпизодически следить за судьбами главных героев [6, С. 163].

При анализе композиционной структуры сказки «Белокурый Экберт», обнаруживается, что система временных параметров в ней носит линейный характер. Однако стоит сказать, что линейная цепочка изображения действий прерывается ретроспекциями, служащими неким ключом к пониманию и интерпретации основных событий сказки. Для поворота действия назад, возвращение в прошлое, Л. Тик задействовал глагольные формы в предпрошедшем времени (плюсквамперфекте).

Примечательно, что зачин сказки характеризуется неопределенностью пространственных координат:

In einer Gegend des Harzes wohnte ein Ritter [11, С. 9].

Использование неопределенного артикля (*einer*) создает неопределенную пространственную координату начала действия. С другой стороны, упоминается конкретный географический объект – горы Гарц. *Где-то в горах* жил рыцарь Экберт, и *где-то недалеко* от этого места родилась его сестра Берта:

Ich bin in einem Dorfe geboren [11, С. 10].

Художественное время в сказке переключается с субъективным временем. Повествование ведется в ускоренном темпе, действие развивается в больших временных интервалах, границами между ними служат упоминания возраста сказочных персонажей.

Пространственная структура сказки находит выражение в моделировании пути. Л. Тик подробно описывает странствия Берты, Экберта и Вальтера. Однако основное внимание автор сосредотачивает на главной героине сказки. Независимо от расстояния и цели передвижения в пространстве путь сказочных персонажей оказывается не легким, а полным препятствий и опасностей. В языковом плане были использованы имена существительные для детализации движения сказочных героев и сложности их пути:

Walther klagte über den weiten Rückweg [11, С. 10].

В ходе исследования было установлено, что перемещение персонажей в сказочном пространстве носит циклический характер: персонажи сказки возвращаются вновь к тому месту, откуда начинается их движение. Передвижение сказочных героев проходит по открытому пространству, таящему в себе порой опасные природные зоны: *dunkle Wälder, furchtbare Felsen, schwindlichte Abgründe, Klippen, schluchzende Wasserbäche* [11, С. 121].

В языковом плане моделирование и изображение пути нашло выражение в сочетании предлога с именем существительным: *durch die Felsen, auf einen Wasserfall, über Berge und durch einige Wälder*.

Примечательно, что при сравнении временных и пространственных параметров наиболее важными оказываются координаты времени, поскольку расстояние, пройденное сказочными героями, измеряется временем, которое словно «концентрируется» на определенной пространственной зоне:

Ich kam nun nach einer Wanderschaft von vielen Tagen in einem Dorfe an [11, С. 23].

Путь Берты длился несколько дней. Из языковых средств выражения Л. Тик отдал предпочтение сочетанию предлога с именем существительным: *nach + Wanderschaft, von vielen + Tagen*. Примечательно, что последнее сочетание лингвистических средств передает в тексте сказки длительность пути главной героини. Это служит подтверждением того факта, что средством измерения пространства в сказке «Белокурый Экберт» является время [5, С. 168].

По мнению М. М. Бахтина, в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время сгущается, уплотняется, пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени; именно время является ведущим началом в хронотопе. Ю. М. Лотман выделяет пространство в качестве главного звена в хронотопе [5, С. 163].

Интересно, что использование глаголов и имен существительных с темпоральным значением в сказке «Белокурый Экберт» помогло изобразить динамику действия, с помощью которого был передан душевный настрой главной героини, ее желание как можно быстрее убежать от старой колдуньи.

Проведя в пути четыре дня, Берта не столкнулась с большими опасностями, серьезными природными преградами. Однако затем на ее пути возникли скалы:

So war ich ungefähr vier Tage fortgewandert, als ich auf einen kleinen Fußsteig geriet. Die Felsen um mich her gewannen jetzt eine andere, weit seltsame Gestalt. Es waren Klippen [11, С. 12].

Примечательно, что число «четыре» (*vier*) символизирует женское начало и гармонию [7, С. 319]. Берта странствовала четыре дня, не встречая природных опасностей на своем пути. Также число «четыре» связано со сторонами света и временами года [4, С. 105].

При проведении исследования в сказке «Белокурый Экберт» обнаруживается сложная система символов. Она включает в себя числовую символику, в частности: 4 (*vier*), 14 (*vierzehn*), 40 (*vierzig*). Берте было четырнадцать лет, когда она ушла от колдуньи, у которой прожила шесть лет.

Интересно, что в христианстве число «четырнадцать» символизирует добро и милосердие, дарует защиту [7, С. 319]. Судьба словно сжалась над Бертой, которой удалось в четырнадцать лет сбежать от злой колдуньи. Шесть лет, проведенных вместе со старой колдуньей, переключаются с выражением «шестой круг ада» [2, С. 276].

Однако старая колдунья вновь появилась в жизни Берты, когда ее мужу было сорок лет. Число «сорок» может быть истолковано как символ покаяния и наказания [7, С. 319]. Именно в этом возрасте Экберт теряет жену, свою сестру Берту.

Как считают немецкие исследователи, Л. Тик неслучайно подобрал имена для сказочных персонажей таким образом. При сопоставлении имен обнаруживается следующее:

Eckbert → Berta,
Walther → Alte.

В антропонимах закодирована информация, проливающая свет на происходящие события в сказке и приоткрывающая завесу тайны. Если убрать первый слог в имени Экберт, то получится имя Берт(а), что сигнализирует об их родстве. «Друг» этой пары Вальтер оказывается злой колдуньей. Если убрать начальную и конечную буквы в имени Вальтер, то получится Альте *Alte* (старуха), именно так Берта, будучи юной девушкой, называла колдунью [8, С. 34].

Рассматривая природные препятствия, возникающие на пути главной героини, скалы, переходящие в отвесные скалы, доминируют над другими природными объектами. Во многих культурах скала является символом силы, прочности, непоколебимости, незыблемости, твердости [1, С. 171], [7, С. 85]. Однако она также может быть

интерпретирована в прямом значении как преграда на пути, в переносном значении — как некое препятствие, таящее в себе опасность [3, С. 56].

Заключение

В ходе исследования было установлено, что темп повествования в сказке «Белокурый Экберт» достаточно ускоренный, действие отличается динамикой и разворачивается линейно, однако включает в себя ретроспекции. Моделирование и подробное изображение пути сказочных персонажей играют важную роль. Обнаруживается взаимосвязь между географическим путем сквозь природные ресурсы и жизненным путем (преодоление многочисленных испытаний и трудностей). Подробное изображение странствия сказочной героини Берты образует некую противоположность фрагментарному изложению ее жизненного пути. При сопоставлении временных и пространственных параметров обнаруживается, что время становится средством измерения сказочного пространства.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адамчик М. В. Словарь символов / Адамчик М. В. — Минск: Харвест, 2010. — 224 с.
2. Баешко Л. С. Энциклопедия символов / Баешко Л. С., Гордиенко А. Н. — М.: Эксмо, 2007. — 302 с.
3. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / Вовк О. В. — М.: Вече, 2006. — 528 с.
4. О'Коннелл М. Знаки и символы / О'Коннелл М., Раджи Э. — М.: Эксмо, 2008. — 256 с.
5. Соколова Г. А. Временная и пространственная концептуализация в немецкой романтической сказке: дис. канд. филол. наук: 10.02.04.: защищена 04.02.2013; утв. 23.07.2013 / Соколова Галина Александровна. — М., 2013. — 204 с.
6. Bausinger H. Formen der „Volkspoesie“ / Bausinger H. — Berlin: Schmidt Verlag, 1968. — 384 S.
7. Becker U. Lexikon der Symbole / Becker U. — Köln: KOMET Verlag GmbH, 2007. — 352 S.
8. Castein H. Erläuterungen und Dokumente zu Ludwig Tieck: Der blonde Eckbert / Castein H. Der Runenberg. — Stuttgart: Philipp Reclam jun. Verlag GmbH & Co., 1998. — 91 S.
9. Schödel S. Märchen / Schödel S. — Stuttgart: Philipp Reclam jun. Verlag GmbH & Co., 2002. — 160 S.
10. Stöbel M. D. Geschichte der deutschen Literatur / Stöbel M. D. — М.: Hochschulverlag, 1984. — 264 S.
11. Tieck L. Der blonde Eckbert / Tieck L. — Leipzig: Plötnner Verlag, 2003. — 368 S.

Список литературы на английском / References in English

1. Adamchik M. V. Slovar simvolov [Dictionary of Symbols] / Adamchik M. V. — Minsk: Harvest, 2010. — 224 p. [in Russian]
2. Baeshko L. S. Enciklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols] / Baeshko L. S., Gordienko A. N. — Moscow: Eksmo, 2007. — 302 p. [in Russian]
3. Vovk O. V. Enciklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of Signs and Symbols] / Vovk O. V. — Moscow: Vechе, 2006. — 528 p. [in Russian]
4. O'Konnell M. Znaki i simvolov [Signs and Symbols] / O'Konnell M., Radgy E. — Moscow: Eksmo, 2008. — 256 p. [in Russian]
5. Sokolova G. A. Vremennaya i prostranstvennaya konceptualizacia v nemeckoy romanticheskoy skazke [Time and Space Conceptualisation in German Romantic Fairy-Tale]: dis. of PhD in Philology: 10.02.04: defense of the thesis 04.02.2013: approved 23.07.2013 / Sokolova Galina Alexandrovna. — М., 2013. — 204 p. [in Russian]
6. Bausinger H. The Forms of Folk Poetry / Bausinger H. — Berlin: Schmidt publishing house, 1968. — 384 p. [in German]
7. Becker U. Lexicon of Symbols / Becker U. — Cologne: KOMET, 2007. — 352 p. [in German]
8. Castein H. Explanations and Documents for Eckbert the Blond by Ludwig Tieck / Castein H. — Stuttgart: Philipp Reclam jun. publishing house LLM, 1998. — 91 p. [in German]
9. Shoedel S. Fairy-tale / Shoedel S. — Stuttgart: Philipp Reclam jun. publishing house LLM, 2002. — 160 p. [in German]
10. Stoesel M. D. The History of German Literature / Stoesel M. D. — Moscow: Higher School, 1984. — 264 p. [in German]
11. Tieck L. Eckbert the Blond / Tieck L. — Leipzig: Ploettner publishing house, 2003. — 368 P.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.8>

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Обзор

Беляев Д.В. *

ORCID: 0000-0003-4630-7940,

Европейский Университет Фленсбург, Фленсбург, Германия

* Корреспондирующий автор (dvbtallinn[at]gmail.com)

Аннотация

Статья носит обзорный характер, посвящена публицистическим жанрам городского немецкого фольклора. Предпринята попытка предварительной систематизации, дана краткая характеристика жанров, в том числе малоизученных в российской лингвистике. Немецкий городской фольклор характеризуется широким разнообразием уникальных жанров. Особо выделяются публицистические жанры городского фольклора, такие как историческая песня (historisches Lied), нравоучительно-повествовательные (ярмарочные) куплеты (Bänkelsang), бюттенреде, шванк, а также шуточные песни, или рифмы (Spottlied, Spottreim). Хотя некоторые из этих жанров в той или иной степени описаны в литературе, их типология до сих пор не разработана, а язык и стиль не изучены. В статье намечается перспектива дальнейшего масштабного исследования с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: публицистические жанры, городской фольклор, народная песня, моритат, нравоучительно-повествовательные куплеты, публицистический стиль.

PUBLICISTIC GENRES OF GERMAN URBAN FOLKLORE

Review article

Belyaev D.V. *

ORCID: 0000-0003-4630-7940;

Europe University of Flensburg, Flensburg, Germany

* Corresponding author (dvbtallinn[at]gmail.com)

Abstract

The article is of an overview nature and discusses the publicistic genres of urban German folklore. The paper attempts at preliminary systematization and a brief description of genres, including those that have not yet been extensively studied in Russian linguistics. German urban folklore is characterized by a wide variety of unique genres. Among them are the publicistic genres of urban folklore, such as historical song (historisches Lied), didactic and narrative couplets (Bänkelsang) sung at fairs, bütttenrede, schwank, as well as humorous songs, or rhymes (Spottlied, Spottreim). Although some of these genres are described in literature to varying degrees, their typology has not been developed and their language and style have not been studied as well. The article also outlines the prospects for further large-scale research from a linguistic point of view.

Keywords: publicistic genres, urban folklore, folk song, moritat, moral and narrative couplets, publicistic style.

Introduction

Среди жанрового многообразия в немецком фольклорном тезаурусе особо выделяются публицистические жанры городского фольклора, такие как историческая песня (historisches Lied), нравоучительно-повествовательные (ярмарочные) куплеты (Bänkelsang), бюттенреде, шванк, а также шуточные песни, или рифмы (Spottlied, Spottreim). Хотя некоторые из этих жанров в той или иной степени описаны в литературе, их типология до сих пор не разработана, а язык и стиль не изучены.

Изначально, в эпоху медийной ограниченности, посредством таких жанров распространялись новости. Поскольку распространялись они преимущественно устно и довольно медленно, постепенно подобные «новости» обрастали художественными виньетками вымысла, что в конце концов приводило к тому, что от изначальной «правдивой» истории в лучшем случае оставались имена ее героев, некоторые детали и названия мест, где разворачивалось действие. Отсюда берет начало их двойственная фольклорно-публицистическая натура, отраженная в ёмком немецком термине «народная публицистика» (Volkspublizistik). В свете такой «народности» совершенно неоправданным является некоторое пренебрежительное отношение к ним в немецкой лингвистической науке как к низким жанрам, не заслуживающим ученого внимания, тем более что некоторые из них (бюттенреде, «бенкельзанг») оказали значительное влияние на формирование, например, немецкой политической речи.

Рассуждая о жанровом многообразии немецкого городского фольклора, следует упомянуть проблему терминологического характера, связанную как с нечеткостью терминологической номинации в немецких источниках, так и с отсутствием единства соответствий в обозначении жанров городского публицистического фольклора в немецкой и российской традициях, что, однако, является предметом отдельного рассмотрения.

В настоящей статье дается краткая характеристика указанных жанров и намечается перспектива их дальнейшего исследования.

Совершенно неизученные с лингвистической точки зрения нравоучительно-повествовательные куплеты (нем. Bänkelsang, Bänkellieder, Bänkelgesang) выделяются из всех публицистических жанров городского немецкого фольклора особенностью своей структуры и своеобразной историей развития. Их структура трехчастна: песня, прозаическая история и иллюстративный материал. При этом наличие первого и последнего компонентов факультативно. Таким образом, нравоучительно-повествовательные куплеты являют собой повествовательные песнопения и историю в прозе с драматическим развитием сюжета и нередко сатирическим содержанием, в основе

которого, как правило, лежит какой-то необычный случай. Истоки жанра следует искать, вероятно, в конце 15 – начале 16 вв. В 16 веке «бенкельзанг» (Bänkelsang) испытал на себе сильное влияние духовной, а в 18 веке светской литературы [ср.: 8 (2), С. 147]. Вплоть до 19 века нравоучительно-повествовательные куплеты были общеевропейским феноменом. Их исполнитель выступал в то время в роли одного из главных распространителей новостей. Характерной чертой являлась иллюстративность. Оратор вставал на маленькую скамеечку (bänkel) и, указывая на кустарные плакаты-иллюстрации, способствовавшие наглядности повествования. Само выступление было своего рода «наживкой» для слушателя, поскольку главным источником дохода являлась печатная продукция, распространявшаяся тут же. В ней история описывалась более подробно и в красках. Нередко именно «в печати» следовало искать финал повествования. В Германии расцвет этого публицистического жанра городского фольклора приходится на 19 век и продолжается вплоть до начала Первой мировой войны [9], [10].

Сегодня традиция «бенкельзанга» живет в базельском, а также в швабо-алеманском карнавале. Следует заметить, что Bänkelsang – это общее понятие для целого ряда входящих в него малых жанров, как, например, Moritat – «печальная баллада» (термин наш – Д.Б.), посвященная реальному событию (нередко убийству) и повествующая о нем. Исполнение таких баллад сопровождалось обычно также картинками-иллюстрациями описываемого события, на которые указывал исполнитель во время представления. Жанр просуществовал до 1930-х гг., а затем постепенно исчез из общественной жизни. Сегодняшней его формой можно назвать так называемую «балладу об убийце» (Mörderballade).

Еще одним жанром «бенкельзанга» является «кухонная песня» (Küchenlied), представляющая собой пародированную форму моритата. К «бенкельзангу» относятся также народные баллады и разного рода песни, как правило, назидательно-нравоучительного характера. Сюда же могут примыкать и некоторые смежные жанры, например, «погребальные песни» Михаэля фон Юнга (Grablieder, Michael von Jung, 1839).

Шванк (нем. Schwanck, от свн. swanc — весёлая идея) — еще один публицистический немецкий фольклорный жанр, аналогичный французскому «фаблио» и итальянской «фацции». Существуют разные его определения, суть которых сводится к тому, что шванк — это небольшой юмористический рассказ в стихах или прозе, часто сатирического и назидательного характера. Он представляет собой зачастую диалог или диалог-перебранку между двумя лицами. Темой служат ситуации и события из повседневной жизни. Язык шванка может быть достаточно грубым, что является его существенной чертой. Шванк появился в Германии в 13 веке и вплоть до 16 века существовал как шуточный рассказ или короткая комедия-фарс [см. также: 7, С. 312].

Бюттенреде (Büttenrede) — рифмованная шутливая речь на злобу дня (зачастую с политическим подтекстом). Büttenrede — это важная и неотъемлемая часть так называемых «карнавальных заседаний, или слушаний», на которых чаще всего высмеиваются и критикуются политика, политические лидеры, известные люди, социальное устройство, а также проблемы и ситуации повседневной жизни. Подробно особенности поэтической формы бытования бюттенреде рассматриваются автором статьи в его монографии «Немецкий речевой жанр Büttenrede. Функции и языковые особенности» [2]. Бюттенреде живут в немецком карнавале и поныне, составляя основную форму его речевого существования.

Многослойное явление представляет собой и жанр исторической песни [ср.: 8 (13), С. 200-201], включающий в себя несколько поджанров:

— газетно-публицистическая песня в стихах (Zeitungslied), сообщавшая актуальные события и распространявшаяся на листовках (Flugblätter) в 15-16 вв. [см. также: 7, С. 335-336], [8 (20)]. Она была, по сути, предшественницей «бенкельзанга»;

— партийная песня (Parteilied), воспевавшая ту или иную политическую силу;

— песня-сообщение (Berichtslied), документирующая события в хронологическом порядке;

— хвалебная песня (Preislied), мифологизирующая исторические события;

— историко-критическая песня (historisch-kritisches Lied), порицающая политические явления.

Жанр исторической песни был призван освящать современные актуальные события, делая их достоянием истории. При этом сочинитель таких песен, как и автор шванков, остается, как правило, анонимным.

Произведения жанра шуточной песни (Spottlied) — это тексты общественно-политического содержания, высмеивающие, порицающие и обличающие оппонентов, врагов, экономическое положение [ср.: 8 (21), С. 171].

Публицистический характер нравоучительно-повествовательных куплетов (Bänkelsang), бюттенреде, шванков, исторической песни (historisches Lied), шуточных песен (Spottlied, Spottreim) раскрывается в их существенных и специфических признаках. В частности, в широте тематики, охватывающей сферы повседневной жизни, экономики, политики, актуальных событий и т. д.

Основная задача публицистических жанров городского фольклора заключается в сообщении новостей, их комментировании и оценке. Таким образом, эти жанры реализуют три языковые функции: информативную, развлекательную и воздействующую, которые организуют языковые средства публицистического стиля. Взаимодействие и взаимопроникновение названных функций составляют специфику публицистических жанров городского фольклора. Главной особенностью языка перечисленных жанров является социальная оценочность и, как следствие, интерпретация. Для выражения оценки широко используется ирония. Несмотря на преобладающую анонимность перечисленных здесь жанров (вследствие их специфики или вследствие утраты имени составителя с течением времени), публицистический характер данных произведений проявляется также в субъектной организации текста [ср.: 3, С. 141].

Что касается структуры публицистической речи, то, в отличие от речи художественной, она характеризуется однолинейностью и однослойностью. Эту однонаправленность и однослойность определяет, прежде всего, авторский монолог (даже если автор неизвестен), который может перемежаться диалогическими вставками и несобственно-прямой речью. Одним из существенных признаков диалогичности в монологичных по форме произведениях

публицистических жанров немецкого городского фольклора является их ориентированность на диалог с реципиентом. Диалог служит динамизации, нагнетанию напряженности повествования (даже в диалогических образцах произведений публицистических жанров), являясь признаком экспрессивности и силы публицистической речи, проявляющейся в прямом обращении к читателю, документализации сообщаемого, персонализированности, то есть личностности и эмоциональности. Именно личностность и эмоциональность составляют структуру авторского «я» [4, С. 313-314].

Перечисленные публицистические жанры немецкого городского фольклора можно разделить на: информационные (*historisches Lied*), информационно-развлекательные (*Schwank*), аналитические (*Moritat*) и художественно-публицистические (*Büttenrede*). Подобное деление следует признать условным, поскольку некоторые жанры могут сочетать в себе разные черты. В таком случае их отнесенность к определенному типу может осуществляться по принципу доминирования той или иной составляющей.

Такие публицистические жанры городского фольклора Германии, как историческая песня (*historisches Lied*), нравоучительно-повествовательные (ярмарочные) куплеты (*Bänkelsang*), бюттенреде, шванк, шутливые песни, или рифмы (*Spottlied*, *Spottreim*), представляют собой не рудиментарное или ушедшее в историю языковое и культурное явление, они продолжают жить, соседствуя со своими жанрами-потомками. В современной культуре германского ареала происходит ревитализация упомянутых жанров, а некоторые из них, как, например, бюттенреде, никогда не прекращали своего существования. Кроме того, многообразие черт публицистических жанров городского фольклора способствует появлению разных вариаций, которые могут развиваться совершенно самостоятельно.

Преимственность прослеживается в современных жанрах газетно-публицистического стиля. Так, в жанре хроники, представляющей собой подборку сообщений о событиях настоящего, ближайшего прошлого или ближайшего будущего, легко угадываются черты немецкой исторической песни. В репортаже фиксируется естественный ход какого-то события, действие которого разворачивается параллельно; в интервью в диалогической форме ведется обсуждение и анализ различных проблем – все это присуще и жанру *Büttenrede*. Фельетон, в котором высмеиваются в адресной или безадресной форме факты и социальные явления, роднит его с *Büttenrede*, шванком и шуточной песней одновременно. У моритата и очерка общими являются, например, такие признаки, как рассказ о реальном событии, разворачивающемся в логичной последовательности от начала к концу, при этом автор может выступать как сторонний наблюдатель, а в изложении нет прямого обращения к реципиенту.

Произведения публицистических жанров городского фольклора представляют собой разнообразные по форме, композиции и стилю тексты, которые можно рассматривать как своего рода „пражанры“ современной жанровой системы немецкой прессы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Бартми́нский Е. – М., 2005. С. 133-187, 281-417.
2. Беляев Д. В. Немецкий речевой жанр *Büttenrede*. Функции и языковые особенности / Беляев Д. В. // LAP Lambert Academic Publishing. AV Akademieverlag GmbH & Co. KG. – Saarbrücken, 2012. – 266 с.
3. Кройчик Л.Е. Система журнальных жанров / Кройчик Л.Е. // Основы творческой деятельности. – СПб., 2000. – С. 141.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭС) / Под ред. М. Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
5. Hansel S. *Büttenreden. Witzige Reden für die 5. Jahreszeit. Tipps für gelungene Vorträge* / Hansel S. Hannover 2009.
6. Lewandowska A. Karnevalisierung des Sprachgebrauchs / Lewandowska A. // In: Zeitschrift für angewandte Linguistik (ZfAL), 45, 2006, S. 31-32.
7. Meyer E.H. *Deutsche Volkskunde* / Meyer E.H. Straßburg, Verlag von Karl J. Trübner 1898. – 362 S.
8. Meyers grosses Taschenlexikon in 25 Bd., 7., neu bearb. Aufl., B.I.-Taschenbuchverlag Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1999. – Bd. 2, 7, 13, 20, 21.
9. Naumann H. Studien über den *Bänkelsang* / Naumann H. // In: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Hrsg. von Fritz Boehm 30. bis 32., Jahrgang 1920 – 1922. Berlin, Behrend & Co., 1922. – S. 1 - 21.
10. Sternitzke E. Der stilisierte *Bänkelsang* / Sternitzke E. Inaugural-Diss. Zur Erlangung der Doktorwürde. Diss.druckerei und –Verlag Konrad Triltsch, Marburg 1933. – 79 S.

Список литературы на английском / References in English

1. Bartminskij E. Jazykovoj obraz mira: ocerki po etnolingvistike [Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics] / Bartminskij E. – М., 2005. - P. 133-187, 281-417. [in Russian]
2. Belyaev D. V. Nemeckij rechevoj zhanr *Büttenrede*. Funkcii i yazykovye osobennosti [The German speech genre *Büttenrede*. The functions and the language peculiarities] / Belyaev D. V. // LAP Lambert Academic Publishing. AV Akademieverlag GmbH & Co. KG. – Saarbrücken, 2012. – 266 p. [in Russian]
3. Krojchik L.E. Sistema zhurnal'nyh zhanrov [The system of the magazine genres] / Krojchik L.E. // Osnovy tvorcheskoj deyatel'nosti. – SPb., 2000. – P. 141. [in Russian]
4. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka (SES) [The stylistic encyclopaedia of the Russian language] / Under the editorship of M. N. Kozhinoj. - M.: Flinta: Nauka, 2006. – 696 p. [in Russian]
5. Hansel S. *Büttenreden. Witzige Reden für die 5. Jahreszeit. Tipps für gelungene Vorträge* [Hand-made speeches. Funny speeches for the 5th season. Tips for successful presentations] / Hansel S. Hannover 2009. [in German]

6. Lewandowska A. Karnevalisierung des Sprachgebrauchs [Carnival of language use] / Lewandowska A. // Zeitschrift für angewandte Linguistik (ZfAL), 45, 2006, P. 31-32. [in German]
7. Meyer E.H. Deutsche Volkskunde [German folklore] / Meyer E.H. // Straßburg, Verlag von Karl J. Trübner 1898. – 362 P. [in German]
8. Meyers grosses Taschenlexikon in 25 Bd., 7. neu bearb. [Meyer's large pocket dictionary in 25 vol., 7-th, revised], Aufl., B.I.-Taschenbuchverlag Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1999. – Bd. 2, 7, 13, 20, 21. [Vol. 2, 7, 13, 20, 21.] [in German]
9. Naumann H. Studien über den Bänkelsang [Studies on the banter song] / Naumann H. // In: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde [Journal of the Association for Folklore]. Hrsg. von Fritz Boehm 30. bis 32., Jahrgang 1920 – 1922. Berlin, Behrend & Co., 1922. – P. 1 - 21. [in German]
10. Sternitzke E. Der stilisierte Bänkelsang / Sternitzke E. Inaugural-Diss. Zur Erlangung der Doktorwürde. Diss.druckerei und –Verlag Konrad Tritsch, Marburg 1933. – 79 P. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.3>

ПРИЗНАКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД» В СКАЗКЕ МЭРИ НОРТОН «THE BORROWERS»

Научная статья

Рындина Ю.В.*

ORCID: 0000-0003-0276-6213,

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал ВГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»), Ишим, Россия

* Корреспондирующий автор (y.v.ryndina[at]utmn.ru)

Аннотация

Концепт «семейный уклад» мы относим к уникальным концептам английской языковой картины мира, поскольку в нем отражаются ментальные, культурные и поведенческие особенности англичан. Предметом исследования данной статьи явились признаки художественной репрезентации концепта «семейный уклад» на примере сказки Мэри Нортон «The Borrowers». Автор подробно описывает такие аспекты концепта «семейный уклад» как семейные традиции и быт, взаимоотношения между членами семьи, структуру семьи, воспитательный стиль родителей, правила, нормы поведения и привычки. Научная новизна исследования заключается в дополнении и углублении существующих представлений о понятии «семейный уклад» в английской языковой картине мира на уровне его вербальной репрезентации в сказке Мэри Нортон «The Borrowers».

Ключевые слова: семейный уклад, репрезентация концепта, признак, сказка, английская языковая картина мира.

SIGNS OF ARTISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "PATTERNS OF FAMILY LIFE" IN MARY NORTON'S "THE BORROWERS"

Research article

Ryndina Yu.V.*

ORCID: 0000-0003-0276-6213,

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, the branch of the University of Tyumen, Ishim, Russia

* Corresponding author (y.v.ryndina[at]utmn.ru)

Abstract

The concept of "patterns of family life" is one of the unique concepts of the British linguistic worldview, since it reflects the mental, cultural and behavioral characteristics of the British. The subject of this article is the signs of artistic representation of the concept of "patterns of family life" as exemplified by Mary Norton's fantasy novel "The Borrowers". The author describes in detail such aspects of the concept of "patterns of family life" as family traditions and everyday life, relationships between family members, family structure, ways of parenting, rules, norms of behavior and habits. The scientific novelty of the study can be attributed to supplementing and deepening the existing ideas on the concept of "patterns of family life" in the British linguistic worldview at the level of its verbal representation in Mary Norton's "The Borrowers".

Keywords: patterns of family life, concept representation, feature, fairy tale, British linguistic worldview.

Introduction

The topical nature of the research is defined by the following: the concept of "patterns of family life" is one of the most important reference points for human behavior and one of the most durable and significant concepts in the linguistic consciousness of an individual.

The identification and description of the features of the artistic representation of the concept of "patterns of family life" allow for a more defined presentation of the system of value priorities in the British linguistic worldview with Mary Norton's "The Borrowers" serving as a central example.

In the field of linguistics, the concept of "patterns of family life" has yet to be subject to independent study. Therefore, its study presents particular interest as it opens up the potential for understanding the deep omnitude of the conceptual apparatus of linguistics.

Research methods

The main methods of research used in this study are the analytical (analysis of theoretical literature and factual material on the topic of research), the continuous sampling and the descriptive method.

Results

1. The definition of the term «patterns of family life»

For the purpose of providing a more complete description of the concept of the term "patterns of family life" (semejnyy uklad), the author considers it important to perform a theoretical analysis of this concept on the basis of pedagogical, psychological, philosophical, economic and linguistic literature.

For instance, the modern explanatory dictionary of the Russian language provides the following definitions: "an established order and way of life of someone or something (a person, family, social group, etc.); an economic form, type of business within the framework of a socioeconomic formation" [10, P. 864].

In the philosophical literature, the concept of "way of life" (uklad) is considered from a socioeconomic point of view. For instance, according to Yu. I. Semenov, "patterns of life" are a more or less formed set of production relations, forming an independent system of social economy that is different from the rest" [9, P. 26].

The analysis of these definitions shows that the concept of "way of life" is used in relation to a person, groups of people and society as a whole and implies a set of social relations, a certain constancy and order in the functioning of society and each person individually. The term is not present in psychological, pedagogical and linguistic dictionaries.

In the light of the current research, the work of T. A. Berseneva, in which she examines the concept of "way of life" (uklad zhizni), is of particular interest. According to the scientist, it is "an established order of relations that is reflected in lifestyle and incorporates the existing system of moral values learned from previous generations aimed at consolidating the ideals, meanings, norms and routines in the succeeding generations" [3, P. 20]. The scientist emphasizes the importance of studying the concept of «way of life» as a «guarantee of preserving ethnic diversity, social stability and effective economic policy of the state» [3, P. 27].

In the area of psychology, the concept of "patterns of family life" was considered in the works of T. V. Andreeva [1], V. M. Bekhtereva [4], O. A. Karabanova [5] and others. V. M. Bekhterev proposes the concept of the emergence of the family, according to which «the key reason for the formation of families is associated with the presence of the instinct of reproduction, the desire of humans to survive» [4, P. 60]. The author considered the concept itself as «... a set of conditions for group living...» [4, P. 60]. T. V. Andreeva understands the term as «a power structure in a family» [1, P. 68]. O. A. Karabanova interprets the term through «a system of values, family consciousness and the distribution of roles in it» [5, P. 34].

F. I. Kevlya, A. A. Ogarkova and E. N. Rydnina consider the concept of "patterns of family life" through a systematic approach. In their view, the structure of a particular family is manifested "in an established order of the family life and the style of relations between the members; in its attitudes, needs, interests, traditions, value orientations; in the level of psychological and pedagogical culture of parents; in the health of all family members" [6, P. 40].

The analysis of psychological and pedagogical literature on the problem of research allowed the author to conclude that there is no single approach to the categorical status of the term under study.

O. M. Potapovskaya identifies the following five components of the term: customs; traditions; relationships; rules and habits; daily, weekly or yearly routine" [8, P. 20] while R. Burns also includes «the educational style of parents, family size and seniority among children» [2, P. 135].

According to V. N. Kunitsyna and E. A. Yumkina, "to understand the peculiarities of patterns of family life, it is necessary to consider the environment in which these relations unfold" [7]. In the semantic content of the term, the authors include «the composition of the family, including progenitors; hierarchy within the family; interpersonal relationships; housekeeping, home improvement; contact with the immediate and distant environment; order within the family, the presence of a family script» [7].

Having analyzed the concept of "patterns of family life" from various scientific perspectives, the author came to the conclusion that the semantic content of the term is an integral concept that includes the material, emotional, intellectual and moral components of family life. It manifests itself in family composition, the system of interpersonal relationships between family members, life, family traditions and orders, and in the contact of the family with close and distant environment. It should be noted that all the components of the term are interrelated and interdependent.

2. Artistic representation of the concept of "patterns of family life"

Mary Norton characterizes various aspects (family traditions and life, relationships between family members, family structure, educational style of parents, rules, norms of behavior and habits) by using the indicators of artistic representation of the term. Such indicators can be contradictory (love and mutual understanding – conflicts, quarrels, hostility between family members; care and upbringing of children – lack of care; a married couple may be happy or unhappy in marriage, etc.).

The analysis of the interpretation of the semantics of language units objectifying the concept of "patterns of family life" in "The Borrowers" allowed for identifying some of the most distinct cognitive features of this concept:

1) A man is the head of the family. His main duty is to take care of the family, to protect it from trouble: «It was only Pod who knew the way through the intersecting passages to the hole under the clock. And only Pod could open the gates. There were complicated clasps made of hairpins and safety pins of which Pod alone knew the secret. His wife and child led more sheltered lives in homelike apartments under the kitchen, far removed from the risks and dangers of the dreaded house above...» [11].

2) Men are responsible for the material well-being of their respective families: "Borrowing's a skilled job, an art like. Of all the families who've been in this house, there's only us left, and do you know for why? [11].

3) Each family member is aware of their responsibilities, hard work is instilled in children from an early age: "For the next three weeks Arrietty was especially "good": she helped her mother tidy the storerooms; she swept and watered the passages and trod them down; she sorted and graded the beads (which they used as buttons) into the screw tops of aspirin bottles; she cut old kid gloves into squares for Pod's shoemaking; she filed fish-bone needles to a bee-sting sharpness; she hung up the washing to dry by the grating so that it blew in the soft air" [11].

4) Parents cultivate a careful attitude towards food: "... You have ruined this potato. You can't roll it back now in all that dust, not once it's been cut open, she grumbled. Do you realize that your poor father risks his life every time he borrows a potato?» [11].

5) Parents take care of their children and strive to give them a good education regardless of their social status: "Homily encouraged any form of culture. Homily herself, poor ignorant creature, could not even say the alphabet..." [11].

6) It is customary for families to spend evenings together: «How cozy those winter evenings could be. Arrietty, her great book on her knees, sometimes reading aloud; Pod at his last (he was a shoemaker, and made button-boots out of kid gloves – now, alas, only for his family); and Homily, quiet at last, with her knitting» [11].

7) A wife is the face of a family. She always tries to look well-groomed and neat: "Your father! Oh, look at me! Where's the comb?" [11].

8) Wives are the keepers of the hearth. Their duty is to raise children and run a household: "I never heard of no girl going borrowing before" [11].

9) Negative attitude towards alcohol: "He's always lived steady, your father has, and not only the tobacco jars, but the whisky decanters too, were kept in the morning room..." [11].

10) An individual is proud of their family: "Because we Clocks live under the kitchen, that's why. Because we don't talk fancy grammar and eat anchovy toast. But to live under the kitchen doesn't say we aren't educated. The Clocks are just as old a family as the Harpsichords. You remember that, Arrietty, and don't let anyone tell you different" [11].

11) The role of a mother is of major significance. She is the mainstay of the family, its stronghold: "It's no good, Arrietty, I'm not going to emigrate – not for you nor anyone else" [11].

12) Each member of a family must follow the interests of the family and strictly follow its rules and traditions: "Save the race! ... They are people like you, my girl, who do things sudden like with no respect for tradition, who'll finish us Borrowers once for all. Don't you see what you have done..." [11].

13) The British express a lukewarm attitude towards relatives, emphasizing not only individualism but also the independence of an individual. Relatives are rarely invited: "They live in a badger's set, two fields away, beyond the spinney. We don't see them because it's too far. There are weasels and things and cows and foxes ... and crows..." [11].

14) For a housewife, her house is the embodiment of her personality. It maintains harmony, provides space for each member of the family, denounces the openness of the house, its emptiness: "Homily, every time she swept the sitting room, would grumble about the carpet". It may be a curtain-and-chair job," she would say to Pod, "but it wouldn't take you not a quarter of an hour, with your pin and name-tape, to fetch me a bit of blotting paper from the desk in the morning room ... anyone would think, looking at this floor, that we lived in a toad hole. No one could call me house-proud," said Homily. "You couldn't be, not with my kind of family, but I do like to keep nice things nice", she said» [11].

15) All members of a family dedicate their free time to improving their home and ensuring comfort: "... and Arrietty, in a dream of joy, would see her home transformed. All kinds of surprises there were – even, one day, lace curtains at the grating, looped up with pink string» [11].

Conclusion

Summarizing the material for the analysis of the concept of "a family way of life" in Mary Norton's "The Borrowers", the following conclusions can be drawn:

This work creates a fairly holistic image of a common Victorian way of family life that contains a number of forming aspects such as mutual responsibility and understanding, household problems, relationships between spouses and children, family traditions, distribution of family roles, family consciousness, succession in parenting, relationships with relatives and neighbors. It should be recognized that all these meanings can carry both positive and negative connotations in the British linguistic worldview.

The analysis of the emotive component of the concept of "patterns of family life" as exemplified by the Clock family showed that in British society this term is associated with such concepts as peace, home, comfort, warmth, something close, native and very personal. This closeness of feelings and space, as shown through the material under study, is deeply embedded in the mentality of the British people. This allows for a conclusion that the term "patterns of family life" possesses a positive emotive quality.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андреева Т. В. Семейная психология: учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2004. – 224 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание: пер. с англ. / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986. – 421 с.
3. Берсенева Т. А. Духовно-нравственные основания традиционного уклада жизни как социально-педагогическая проблема: дис. ... д-ра пед. наук / Т. А. Берсенева – Курск, 2008. – 432 с.
4. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / В. М. Бехтерев. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
5. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О. А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
6. Кевля Ф. И. Семья и семейный уклад в России: монография / Ф. И. Кевля, Е. Н. Рыднина, О. Е. Черствая. – М.: «Русь», 2006. – 137 с.
7. Куницына В. Н. Семейный уклад в социально-психологическом аспекте [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования / В. Н. Куницына, В. Н. Юмкина. – 2012. – № 4. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6696> (дата обращения: 23.12.2020)
8. Потаповская О. М. Педагогическое сопровождение семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей / О. М. Потаповская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Планета, 2003. – 64 с.
9. Семенов Ю. И. Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук // Философские науки / Ю. И. Семенов. – 1964. – №3. – С. 25-33.
10. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2002. – 960 с.
11. Norton M. The Borrowers [Электронный ресурс] / М. Norton. – URL: https://bookfrom.net/mary-norton/47662-the_borrowers.html (дата обращения: 23.12.2020)

Список литературы на английском / References in English

1. Andreeva T. V. Semejjnaja psikhologija: ucheb. posobie [Family Psychology: A Textbook] / T. V. Andreeva. - St. Petersburg: Rech, 2004. - 224 p. [in Russian]
2. Burns R. Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie [Development of the Self-Concept and Education] / R. Burns. - M.: Progress, 1986. - 421 p. [in Russian]
3. Berseneva T. A. Dukhovno-nravstvennye osnovanija tradicionnogo uklada zhizni kak social'no-pedagogicheskaja problema [Spiritual and Moral Foundations of the Traditional Way of Life as a Socio-Pedagogical Problem] / T. A. Berseneva. Candidate's thesis, 2008. - 432 p. [in Russian]
4. Bekhterev V. M. Izbrannye raboty po social'noj psikhologii [Selected Works on Social Psychology] / M. Bekhterev. - M.: Nauka, 1994. - 400 p. [in Russian]
5. Karabanova O. A. Psikhologija semejjnykh otnoshenij i osnovy semejjnogo konsul'tirovanija [Psychology of Family Relations and the Basics of Family Counseling] / O. A. Karabanova. - M.: Gardariki, 2005. - 320 p. [in Russian]
6. Kevlya F. I. Sem'ja i semejjnyj uklad v Rossii: monografija [The Family and the Way of Family Life in Russia: A Monograph]. F. I. Kevlya, E. N. Rydnina, O. E. Cherstvaya. - M.: "Rus", 2006 - - 137 p. [in Russian]
7. Kunitsyna V. Semejjnyj uklad v social'no-psikhologicheskom aspekte [Way of Family Life in the Socio-Psychological Perspective] [Electronic resource] / V. N. Kunitsyna, V. N. Yumkina // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern Problems of Science and Education]. - 2012. - № 4. - URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6696> (accessed: 23.12.2020) [in Russian]
8. Potapovskaya O. M. Pedagogicheskoe soprovozhdenie sem'i v voprosakh dukhovno-nravstvennogo vospitanija detej [Pedagogical support of the family in matters of spiritual and moral education of children] / O. M. Potapovskaya. - 2nd Edition, Revised and Updated -M.: Planeta, 2003. - 64 p. [in Russian]
9. Semenov Yu. And. Kategorija «obshhestvenno-ehkonomicheskij uklad» i ee znachenie dlja filosofskoj i istoricheskij nauk [The "Socioeconomic Way of Life" Category and Its Significance for Philosophical and Historical Sciences] / Yu. I. Semenov // [Philosophical Sciences] – 1964, No. 3, pp. 25-33 [in Russian]
10. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language] / Edited by S. A. Kuznetsov. - SPb: Norint, 2002. - 960 p. [in Russian]
11. Norton M. The Borrowers [Electronic resource] / M. Norton. - URL: https://bookfrom.net/mary-norton/47662-the_borrowers.html (accessed: 23.12.2020)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.26>**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СУПРАСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ПЕРЕДАЧА НА АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК**

Научная статья

Аида Алла*

ORCID: 0000-0002-3014-0667,

Колледж ААВ, Приштина, Республика Косово

* Корреспондирующий автор (aida.alla[at]aab-edu.net)

Аннотация

Супraseгментные единицы, а именно тон, интонация, ударение, вариации дикции, паузы и т. д., являясь акустическими явлениями, накладываемыми на звуки речи, могут рассматриваться как область фонетики. Однако, эти средства заменяются графическими, когда устная речь переводится в письменную форму. Их присутствие в литературе очень важно, учитывая семантические функции, которые они выполняют. Данная статья преследует следующие две цели: во-первых, предпринята попытка изучить графические средства, заменяющие супraseгментные признаки, а также их стилистические функции в тексте первых трех книг серии "Гарри Поттер"; во-вторых, варианты перевода данных книг на албанский язык рассматривались с помощью сравнительного анализа с целью выяснения того, сохраняется ли в процессе перевода графический аспект супraseгментных средств вместе с их функциями, чтобы ребенок, получатель текста перевода, мог воспринимать коннотативные уровни заложенного значения. Методология исследования заключается в использовании описательного и сравнительного анализа с целью сравнения и противопоставления как исходного текста, так и текста перевода с точки зрения использования и функции супraseгментных признаков в обоих вариантах исследуемого текста. Исследование также обращает внимание на исследование эффекта, который оказывают эти единицы, а также перенесении аналогичного эффекта на воспринимаемый ребёнком текст перевода.

Ключевые слова: семейный уклад, репрезентация концепта, признак, сказка, английская языковая картина мира, супraseгментные единицы, графические средства, сравнительный анализ, схожий эффект.

THE SEMANTIC FUNCTION OF SUPRA-SEGMENTAL FEATURES IN CHILDREN'S LITERATURE IN ENGLISH AND THEIR TRANSFERENCE INTO ALBANIAN

Research article

Alla Aida*

ORCID: 0000-0002-3014-0667,

AAB College, Prishtina, Kosovo

* Corresponding author (aida.alla[at]aab-edu.net)

Abstract

Supra-segmental features, namely, the tone, intonation, stress, variations in diction, pauses etc., as acoustic phenomena imposed on speech sounds, can be considered a domain of phonetics. However, such features are replaced by graphics when the spoken discourse is rendered into the written form. Their presence in literature is very important, considering the semantic functions that they entail. The aim of this paper is twofold. Firstly, it attempts to study the graphical tools that replace the supra-segmental features as well as their stylistic functions in literature in the first three Harry Potter novels. Secondly, the translated variants of Harry Potter into Albanian will be looked upon through the comparative analysis, with the aim of investigating whether the graphical aspect of supra-segmental features along with their functions are preserved during the translation process, so that the child reader of the target text receives the connotative layers of intended meaning. As for as the methodology of this paper is concerned, the descriptive, comparative analysis will be utilised with the aim of comparing and contrasting both the source text and the target text in terms of the use and the function of supra-segmental features in both the Harry Potter variants. The emphasis will be placed on the investigation of the effect that these features have and the transference of the similar effect to the child reader of the target text.

Keywords: supra-segmental features, graphic tools, contrastive analysis, similar effect.

Introduction

Supra-segmental features, also known as "prosodic elements", [8. P. 13] can be considered as acoustic units which overlap with the physical units of sound [2. P. 248]. Being considered as phenomena of the spoken discourse, these features are studied by the discipline of phonetics. However, given that literature, although a written medium, encompasses in its entirety dialogues and conversational discourses, supra-segmental features are expressed by means of graphics which replace their acoustic version [1. P.103]. This paper aims to investigate the typology and functions of these features in the source language and then to examine whether these features are also preserved in the target language in the first three novels of the Harry Potter saga, namely *Harry Potter and the Philosopher Stone* [9], *Harry Potter and the Chamber of Secrets* [11], *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* [13] translated into Albanian by translator Amik Kasoruho as *Harry Potter dhe Guri Filozofal* [10], *Harry Potter dhe Dhoma e të Fshehtave*, [12], *Harry Potter dhe Burgu i Azabanit* [14]. This study is based on the descriptive and analytical-contrast method. The first three novels of the Harry Potter series will serve as the corpus of this contrasting study. The samples were selected based on the criterion of variety of shapes and functions, and not on the basis of their density.

According to Christiane Nord, super-segmental features are all those features of a textual organization, which are placed on lexical and syntactic segments, on sentences and paragraphs, thus creating the phonological configuration frame or the specific tone of the text. Nord [6 P. 131]. The particular framework of a text depends, above all, on the medium through which a text is being transmitted. In written texts, super-segmental features are expressed through visual aids, such as italics, spaces or words in bold, punctuation and quotation marks, hyphens, parentheses, and so on. In spoken language, super-segmental features are expressed by means of acoustic means, such as tone, variations in diction and volume, and so on [6. P. 141].

These graphic tools with complementary meaning are also treated by the researcher Xhevat Lloshi in his book entitled "Albanian Language Stylistics and Pragmatics". He states that "Spelling changes can evoke emotional reactions". [7. P. 63]. Writing forms constitute graphemes, which is studied by graphematics. In the Harry Potter saga, different types of written forms can be identified, which by opposing the embedded orthographic norm, give additional signals apart from the denotative meaning that words of the respective sentences carry. According to Lloshi, we distinguish two levels of graphemes. The first has to do with letters, namely the uppercase, lowercase, straight, black, italic and underlined ones. [7. P. 63]. Thus, writers, depending on the situation, can "play" with different graphic combinations, with the aim of signaling and creating an emotional effect. It is common to use words to point out something, change characters, use italics, pause words in syllables, if the latter can derive a second meaning separately, and so on.

According to Lloshi, the second level is about general shaping, which is subject to layout techniques, starting from the paper format, column width, spaces, titles, frames, etc. [7. P. 63]. Punctuation marks are also traits that are studied by graphematics. Lloshi states that in literary prose punctuation is related to the ways of narration and the evolution of types of discourse [7. P. 64]. For example, quotation marks that are not quoted are used to express irony. Authors intentionally distort the conventional punctuation rules, or use them subjectively.

The Importance of Super segmental Features in the Harry Potter Novels

Considering the fact that the primary readers of the Harry Potter saga are children aged from 9 to 14, these visual aids, with the function of conveying additional information, would help them improve their understanding of the tone and other implications which are hidden behind the words. For example, in our corpus we usually encounter words and sentences marked in capital letters, by means of which, the reader is signaled for a change in the tone of the sentence. The speaker may be angry, may attract attention, and so on.

Additionally, the nature of the fantasy text and the presence of magic would be more appropriate if the title of the book and the titles of the chapters were marked with a special font, which could be similar to those of the old papyri. This effect would create a resemblance and a connection between the magic in the book and the mystical nature that the old writings create.

In this respect, such supra-segmental features in the present corpus are of high importance, because their absence would create an interpretive gap to the readers of both variants. In fact, in the Harry Potter novel, these features are diverse in both form and function. Below we will analyze some examples of cross-segmental features compared to the variant in the target language, to see if these visual "signals" are also expressed in the target language.

Contrast analysis: Changes in the types (characters) of writing

As we can see from the example below, the letters in the source text are marked in the Edwardian Script ITC style, more like a handwriting. In the target language we notice that the only change in the font are the italics, thus moving away from the style of the source text.

KWIKSPELL
A Correspondence Course in Beginners'
Magic
Intrigued, Harry flicked the envelope open and pulled out the sheaf of parchment inside. More curly silver writing on the front page said:
Feel out of step in the world of modern magic? Find yourself making excuses not to perform simple spells? Ever been taunted for your woeful wandwork?
There is an answer!
Kwikspell is an all-new, fail-safe, quick-result, easy-learn course. Hundreds of witches and wizards have benefited from the Kwikspell method! (HPCS, p.113)

Magjivrik
Kurs Magjie me Korrespondencë për Fillestarë
U bë kureshtar, e hapi zarfin dhe nxorri prej tij një fletë pergamene. Me shkronja të argjenda, në faqen e parë shkruhej:
Ndiheni mbrapa të tjerëve në botën moderne të magjisë? Jeni kujtuar se përdorni gjithfarloj shfaqjesimesh, mjaft që të mos kryeni as shortitë më të thjeshta? A ju kanë tallur ndonjëherë për shkak të rezultateve të dobëta të shkpit tuaj magjik?
Ja si i përgjigjemi:
MagjiVrik është kursi më i ri me rezultate të garantuara, të shpejta dhe që përvetësohen me lehtësi. Më qindra magjistarë dhe magjistrica kanë përfituar së tepërmi nga metoda MagjiVrik! (HPDF, 105)

We can say that the feeling conveyed by the font in the original version of a handwritten text is not conveyed in the target text, thus failing to convey the sense of informality.

Contrast analysis: The use of words in italics

Italics are similar in shape to handwriting. From the stylistic point of view, they mark a contrast with the correct writing and, through this opposition, the reader manages to understand the super-segmental function or the purpose of the author. There are many such examples in the Harry Potter saga, from individual words to sentences or even larger texts. Their functions are also numerous. The cursive marking of particular words has mainly an emphatic function, or indicates that the respective word is a borrowed word or a neologism of the author, such as lotions or magical objects. Pragmatic micro-texts dealing with correspondence are marked with italics. For example, the informal letter sent to Harry by his godfather, Sirius Black, is all written in italics.

In addition to the linguistic elements, which mark the intimacy and friendship that Harry has with his godfather, the graphic element, namely the italic letters, add this dose of intimacy by making the letter look like it is handwritten. Meanwhile, in the official correspondence we notice the spelling. It is precisely this opposition that signals the transition from a formal situation to a more intimate discourse situation.

Below we see an example in italic words or phrases, which are used for emphatic reasons:

"This is our last chance — *my last chance* — to win the Quidditch Cup," he told them, striding up and down in front of them. "I'll be leaving at the end of this year. I'll never get another shot at it.

"Gryffindor hasn't won for seven years now. Wood swallowed, as though the memory still brought a lump to his throat. "But we also know we've got the *best — ruddy — team — in — the — school*," he said, punching a fist into his other hand, the old manic glint back in his eye. "We've got three *superb* Chasers."

Wood pointed at Alicia Spinner, Angelina Johnson, and Katie Bell.

"We've got two *unbeatable* Beaters."

"Stop it, Oliver, you're embarrassing us," said Fred and George Weasley together, pretending to blush.

"And we've got a Seeker who has *never failed to win us a match!*" Wood rumbled, glaring at Harry with a kind of furious pride. "And me," he added as an afterthought. (HPPA, p. 115)

Ky është rasti ynë i fundit, rasti *im* i fundit për të fituar kupën e Kuidiçit, tha duke u çapitur para e mbrapa. – Në fund të këtij viti do të largohem. Nuk do të kem më rast tjetër. Grifarti ka shtatë vjet që nuk fiton. Bastuni u gëlltit, sikur kujtimet t'ia ngushtonin grykën. – por ne e dimë edhe se skuadra jonë është *skuadra më e mirë e shkollës*, — tha duke përplasur grushin me pëllëmbë të dorës, ndërsa në sy i shkrepinte flakërima e kahershme entuziaste. – Kemi tri gjuajtëse *të hatashme*.

Bastuni bëri me dorë nga Liza Spineti, Enxhëllin Xhonsoni dhe Ketii Belli.

Kemi goditës që *s'i thyen dot kush*. Mjaft, Oliver, po na bën të skuqemi, — thanë me një zë Fredi dhe Xhorxhi, duke bërë kinse po e ndjenin veten ngushtë.

Dhe një Kërkues *që na ka çuar gjithnjë në fitore!* — ushtoi Bastuni duke ia ngulur sytë Harrit me një farë krenarie të papërmbyjtur.

Pastaj jam edhe unë, — tha mbasi u mendua pak. (HPBA, fq. 111)

As we see from the example in Table 2, the graphic aspect in italics is also preserved in the translated text, conveying their emphatic effect. It is a short speech that Bastuni gives in front of his team players, his role is to motivate and lead the team players to victory. It is precisely his motivating words which are marked in italics: *my last chance; the best — ruddy — team — in — the — school; two unbeatable Beaters; a Seeker Who has never failed to win us a match*. However, the phrase: "*best — ruddy — team — in — the — school*", which is separated by lines creating the idea of a single word, is not transmitted as such in the target language. Also, in the same phrase, the adjective ruddy belongs to the informal register (slang) in the source language. It would be appropriate to find a word with the same degree of informality, such as: *Skuadra jonë është skuadra më e hatashme e shkollës*.

Contrast analysis: The use of words and sentences in capital letters

Words and capital letters are ubiquitous in the Harry Potter volume. They are used for stylistic and pragmatic purposes by the author. Their functions are also numerous. For example, whenever we have a change in the emotional state of a character, such as expressing surprise, happiness, anger, giving an order or for emphatic reasons. Table 3 presents an example, where sentence in capital letters has an emphatic function and it is part of a pragmatic micro-text with a normative and authoritative nature.

Students may also bring an owl OR a cat OR a toad PARENTS ARE REMINDED THAT FIRST YEARS ARE NOT ALLOWED THEIR OWN BROOMSTICKS (HPPS, p. 72)

Nxënësit mund të sjellin edhe një buf, OSE një mace, OSE një zhabë
U KUJTOJMË PRINDËRVE SE NXËNËSVE TË VITIT TË PARË NUK U LEJOHET PËRDORIMI I BISHTAVE VETJAKE TË FSHESAVE (HPGF, fq. 58)

In the examples in table 3, the coordinating conjunction OR and OSE in the source language is given in capital letters to indicate that students can only take one of the soft animals with them, ie no more than two. The sentence that follows is a definite order of the school regulations and as such, the capital letters are marked. We see that the same graphic element is preserved in the target language.

Table 4

“Silence! SILENCE!” Snape roared.
“Anyone who has been splashed, come here for
a Deflating Draught — when I find out who did
this —” (HPCS, p. 197)

Qetësi! QETËSI!- bubullonte Pitoni. Të
gjithë ata që janë goditur nga stërpikat, të vijnë
tek unë që t'i Shfjy. Po ta kap atë që e
bëri...(HPDF, Fq. 153)

The other example in Table 4 demonstrates a change in the speaker's tone. If we were to hear the character talking, we would notice the voice rising to indicate an escalation of his emotional state.

The following two examples show the expression of anger by the speaker in a harsh tone and have an acoustic effect:

“WHAT HAVE I TOLD YOU,” thundered
his uncle, spraying spit over the table,
“ABOUT SAYING THE ‘M’ WORD IN OUR
HOUSE?”

“But I —” “HOW DARE YOU
THREATEN DUDLEY!” roared Uncle
Vernon, pounding the table with his fist.

“I just —” “I WARNED YOU! I WILL
NOT TOLERATE MENTION OF YOUR
ABNORMALITY UNDER THIS
ROOF!”(PHCS, p. 2)

A S'TA PATA THËNË? – ofshani xhaxhai i
tij, duke stërpikur me pështymë tërë tryezën. –
NË KËTË SHTËPI NUK DUA TA DËGJOJ
FJALËN MAGJ...Nuk dua TA DËGJOJ! Por
unë...- DHE SI GUXON TA KËRCËNOSH
DADLIN? – gjëmoi xhaxha Vernoni po me atë
vrazhdësi, duke shëmbur grushtin mbi tryezë.
TA KAM THËNË! NUK DUA TË NXJERRË
KRYE NË KËTË STREHË GJENDJA JOTË
ASPAK NORMALE! (HPDF, fq. 8)

“What's a Howler?” he said. He thought for
a moment it *had* exploded; a roar of sound filled
the huge hall, shaking dust from the ceiling.

“— **STEALING THE CAR, I WOULDN'T
HAVE BEEN SURPRISED IF THEY'D
EXPULSED YOU, YOU WAIT TILL I GET
HOLD OF YOU, I DON'T SUPPOSE YOU
STOPPED TO THINK WHAT YOUR
FATHER AND I WENT THROUGH**

WHEN WE SAW IT WAS GONE —
” (HPCS, p. 92)

Ç'është letra ulëritëse? — pyeti. Aty për aty
iu duk sikur letra plasë: sallën e gjerë e mbushi
një ulërimë luani, aq sa nga tavani nisi të binte
pluhur.

...TË VJEDHËSH MAKINËN! NUK DO
TË ÇUDITESHA ASPAK SIKUR TË
PËRZININ! PRIT PA TA TREGOJ UNË! NUK
MENDOVE ASFARE SE Ç'HOQËM, YT ATË
DHE UNË, KUR PAMË SE NUK ISHTE MË
ATY... (HPDF, fq. 74)

One of the magical objects in the world of wizards is also *the screaming letter*, which was sent to Ron by his mother after Ron and Harry had stolen the flying car. They had broken the rules and this had infuriated Ron's mother and all her anger came out screaming when Ron opened the envelope. This acoustic effect is reflected in uppercase, lowercase, and italics in the source language. In the target language, presented in Table 6, we find it only in capital letters. However, the "screaming" effect of the text is also transmitted in the target language.

Contrast analysis: The repetition of the same letter

The repetition of the same letter serves as additional information during the characters' speech. In the following case they accompany the feeling of fear, hesitation or, in the case of repetition of vowels accompanied by capital letters, have an acoustic effect or extension of the voice during the speech. conversational.

Dudley stumbled backward at once, a look
of panic on his fat face.

“You c-can't — Dad told you you're not to
do m-magic — he said he'll chuck you out of the
house — and you haven't got anywhere else to
go — you haven't got any *friends* to take you —
” “*Jiggery pokery!*” said Harry in a fierce voice.
“*Hocus pocus — squiggly wiggly —*”

“**MUUUUUUM!**” howled Dudley, tripping
over his feet as he dashed back toward the house.
“**MUUUUUM!** He's doing you know what!”
(PHCS, p. 10)

Dadli u mbprapst në çast dhe u pengua, me
fytirën që i shprehte tmerr: -T-ti nuk mund ta
bësh...Babai t-të ka thënë se nuk mund të
bësh m-magji...k-ka thënë se do të përzejë
nga sh-shtëpia...dhe ti nuk ke ku të
shkosh...nuk ke *shokë* që të të strehojnë...

—“*Nomen Omen!*” — shqiptoi Harri me një zë
të thellë. — *Hokus Pokus...Arti Morti...*”

— Mama moj! — bërtiti Dadli, duke u
penguar në këmbët e veta, teksa po vërsulej drejt
shtëpisë. Mama, Harri se ç'po bën aty! (HPDS,
fq. 13)

In the example in Table 7, there is a dialogue between Harry and Dudley where, the latter is terrified for fear that Harry will do some magic to him. The fear he is experiencing is expressed with hesitation of words, which in the novel are illustrated with these graphic effects of repetition of letters combined with the use of capital letters. We note that this stylistic effect is also preserved in the target language.

Contrast analysis: Using three points (...)

Another punctuation mark with complementary meaning is the three points, which can express reluctance, change of emotional state, suspense, or any thought that passes through the head. Rami Memushaj in his book, "Standard Albanian, how

to speak and write" mentions the following functions of this punctuation mark: a) when the speaker's words are interrupted by the interlocutor or something that happens suddenly; b) to indicate the interruption of the speech by the speaker himself, due to a strong feeling, when he cannot find the right word, when he cannot speak, when he hesitates or changes his mind; c) to show slow-paced, long-paced speech; d) to indicate the interruption of a statement that the reader takes for granted; e) instead of a word that we do not want to mention, or in the writing of words that, for one reason or another, we do not give in full; f) when the lecture is over but the speaker has not said it all; g) in quotations to show that parts, sentences, words have been left out. [5. P. 202 – 203]. Writers can use three dots to indicate a pause, or a reformulation of a sentence. This graphic sign, like other signs, is very common in the source language of our corpus and mainly signals hesitation, or lack of eloquence on the part of the speaker.

"Yer ticket fer Hogwarts, " he said. "First o' September — King's Cross — it's all on yer ticket. Any problems with the Dursleys, send me a letter with yer owl, she'll know where to find me.... See yeh soon, Harry." (HPPS, p. 93)

"Këtu ke biletën për në Huguorts" i tha. "Më 1 shtator, në King's Kross ... i ke të gjitha të shkruara në biletë. Në paç probleme me Dërsit, nismë një letër me kukuvajkën tënde, ajo e di ku mund të më gjejë ... Mirupafshim, Harri". (HPGF, fq. 74)

As we can see from the above examples, we encounter a variety of orthographic features, which convey complementary meanings of the contexts in which they are used, helping the reader to grasp the over-segmental shades. It can be stated that the same effects have been transmitted in the target language, thus making the child reader of the target text experience the same feelings while reading.

Conclusions

As proved during the analysis, the supra-segmental features expressed in the graphically written medium in the first Harry Potter books are found in a variety of forms and functions. In children's literature, they play a special role, as they express complementary and connotative meanings for young readers and add to their reading pleasure. The most pronounced graphic features in the Harry Potter corpus are the changes and contrasts of the fonts (types of fonts) in order to signal the change of styles within the macro text, words and sentences in capital letters to indicate the tone of voice of the speaker and respectively the state of their emotional letters, italics to refer to magical terms and neologisms that oppose standard language terms, repetition of the same letter to express confusion on the part of the speaker / character, three points to refuse hesitation, and so on. All these layers of meaning should not be left unnoticed by the translator, who should try to find graphic tools in the target text which would convey the same effect they carry for the reader in the source language.

As for their equivalents in the target language, we can say that in general graphic images are conveyed carrying with them connotations and semantic layers. Their formal substitution in the target language is not always recommended as even graphic tools, in particular punctuation, may reflect the author's idiosyncrasy features, contrary to their conventional rules. The translator must first identify these contradictions and understand their function. Next, he must analyze whether the same form would convey the same effect in the target language. This is also the reason why in some cases the translator has used alternative means to convey the same effect.

In conclusion, we can say that supra-segmental features play an important role in conveying the semantic layers and the emotional state of the characters. Therefore, they deserve the attention of scholars for further research.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Alla, A. Aspekte të barasvlershmërisë në përkthimet e letërsisë bashkëkohore për fëmijë nga Amik Kasoruh / Alla, A. dis. ... of PhD in Philology, University of Tirana, 2017.
2. Collins, Band Mees, I.M. Practical Phonetics and Phonology: A Resource Book for Students, 3rd ed. Routledge, 2013.
3. Edwards, H. T. Applied Phonetics: The Sounds of American English / Edwards, H.T. Cengage Learning, 2003.
4. David Crystal. Dictionary of Linguistics and Phonetics / David Crystal. 6th ed. Blackwell, 2008
5. Memushaj, R. Shqipja Standarde, si ta flasim dhe ta shkruajmë / Memushaj, R. – Tiranë: Botimet TOENA, 2011.
6. Nord, C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Nord, C. – Amsterdam: Rodopi. 2005.
7. Lloshi, XH. Stilistika e Gjuhës Shqipe dhe Pragmatika / Lloshi, XH. – Tiranë: Albas. 2005.
8. Varga, L. Introduction to English Linguistics A Companion to the Seminar / Varga, L. Eötvös Loránd University Budapest 2010.
9. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher Stone / Rowling, J.K. – London: Bloomsbury. 1997.
10. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Guri Filozofal. (përkthet nga Amik Kasoruh) / Rowling, J.K. – Tiranë, Shtëpia Botuese Dituria. 2002.
11. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / Rowling J.K. – London: Bloomsbury. 1998.
12. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Dhoma e të Fshehtëve. (përkthyer nga Amik Kasoruh) / Rowling, J.K. – Tiranë: Shtëpia botuese Dituria. 2002.
13. Rowling, J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / Rowling, J.K. – London: Bloomsbury. 1999.
14. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Burgu i Azkabanit. (përkthyer nga Amik Kasoruh) / Rowling, J.K. – Tiranë, Shtëpia Botuese Dituria. 2003.

Список литературы на английском / References in English

1. Alla, A. Aspekte të barasvlershmërisë në përkthimet e letërsisë bashkëkohore për fëmijë nga Amik Kasoruhó [Aspects of equivalence in children's literature translations by Amik Kasoruhó] / Alla, A. dis. ... of PhD in Philology, University of Tirana, 2017. [in Albanian]
2. Collins, Band Mees, I.M. Practical Phonetics and Phonology: A Resource Book for Students, 3rd ed. Routledge, 2013.
3. Edwards, H. T. Applied Phonetics: The Sounds of American English / Edwards, H.T. Cengage Learning, 2003.
4. David Crystal. Dictionary of Linguistics and Phonetics / David Crystal. 6th ed. Blackwell, 2008
5. Memushaj, R. Shqipja Standarde, si ta flasim dhe ta shkruajmë [Standard Albanian, how to speak and write it] / Memushaj, R. – Tiranë: Botimet TOENA, 2011. [in Albanian]
6. Nord, C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Nord, C. – Amsterdam: Rodopi. 2005.
7. Lloshi, XH. Stilistika e Gjuhës Shqipe dhe Pragmatika [Albanian Language Stylistics and Pragmatics] / Lloshi, XH. – Tiranë: Albas. 2005. [in Albanian]
8. Varga, L. Introduction to English Linguistics A Companion to the Seminar / Varga, L. Eötvös Loránd University Budapest 2010.
9. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher Stone / Rowling, J.K. – London: Bloomsbury. 1997.
10. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Guri Filozofal. (përkthet nga Amik Kasoruhó) [Harry Potter and the Philosopher's Stone. (translated by Amik Kasoruhó)] / Rowling, J.K. – Tiranë, Shtëpia Botuese Dituria. 2002. [in Albanian]
11. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / Rowling J.K. – London: Bloomsbury. 1998.
12. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Dhoma e të Fshehtëve. (përkthyer nga Amik Kasoruhó) [Harry Potter and the Chamber of Secrets. (translated by Amik Kasoruhó)] / Rowling, J.K. – Tiranë: Shtëpia botuese Dituria. 2002. [in Albanian]
13. Rowling, J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / Rowling, J.K. – London: Bloomsbury. 1999.
14. Rowling, J.K. Harry Potter dhe Burgu i Azkabanit. (përkthyer nga Amik Kasoruhó) [Harry Potter and the Prison of Azkaban. (translated by Amik Kasoruhó)] / Rowling, J.K. – Tiranë, Shtëpia Botuese Dituria. 2003. [in Albanian]

ОСНОВНЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАСТИЦЫ 了 (LE) В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Костенюк Н.В.^{1*}, Шмакова А.С.²^{1,2} НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

* Корреспондирующий автор (nkudrash[at]mail.ru)

Аннотация

В китайском языке у глаголов нет спряжения, а также морфологических показателей времени, поэтому для выражения времени используются лексические средства, контекст, а также различные видовременные суффиксы и частицы. Одной из таких частиц является частица 了 (le). В статье производится анализ и систематизация основных случаев употребления частицы 了 (le) в китайском языке, а также их классификация по трем группам: 了 (le)-1 как видовременной суффикс (указывает на завершенность действия), 了 (le)-2 как модальная частица (указывает на изменение состояния) и 了 (le)-3 как элемент конструкции для «усиления» прилагательных. В статье выделяются основные вопросы, возникающие у русскоязычных обучающихся при изучении данной темы, что, по мнению авторов, позволит снять трудности в дальнейшем изучении китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, частица 了 (le).

THE MAIN CASES OF THE USE OF THE PARTICLE 了 (LE) IN MODERN CHINESE

Research article

Kosteniuk N.V.^{1*}, Shmakova A.S.²^{1,2} Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

* Corresponding author (nkudrash[at]mail.ru)

Abstract

Since verbs in the Chinese language do not have conjugation and morphological indicators of time, the lexical means, context, as well as various aspectual-temporal suffixes and particles are used to express it instead. One of these particles is the particle 了 (le). The current study analyzes and systematizes the main cases of the use of the particle 了 (le) in the Chinese language as well as the classification of these cases into three groups: 了 (le) -1 as an aspectual-temporal suffix (indicates the completion of the action), 了 (le) -2 as a modal particle (indicates a change in state) and 了 (le) -3 as a construction element for "strengthening" the adjectives. The article highlights the main issues of Russian-speaking students when studying this topic, which, according to the authors of this article, will help overcome the difficulties in further learning of the Chinese language.

Keywords: Chinese, grammar, particle 了 (le).

Китайский язык – крупнейший в мире по числу носителей, является одним из рабочих языков ООН. В настоящее время изучение китайского языка становится все более популярным и востребованным, это связано прежде всего с небывалым экономическим ростом Китая. Поэтому перед преподавателями китайского языка стоит важная стратегическая задача – создание качественных учебных материалов, а также грамматических сборников с доступным разъяснением трудностей в разных областях и на разных ступенях обучения. В данной статье мы попытаемся дать ответы на часто задаваемые вопросы, связанные с употреблением в речи морфемы 了 (le), а также классифицировать случаи ее употребления, что поможет снять трудности, возникающие у обучающихся. Для исследования мы взяли ряд учебных пособий и тщательно изучили способы изложения и подачу грамматического материала (список представлен в списке литературы). Следует отметить, что, хотя во всех учебниках материал и изложен достаточно подробно, присутствуют примеры употребления 了 (le) в различных ситуациях, однако ни в одном из них не получилось найти информацию по всем пунктам приведенной нами классификации. Чтобы у обучающихся сложилось полное представление о 了 (le), им нужно обращаться к нескольким учебникам, но даже в этом случае обучающиеся не смогут получить полные ответы на все свои вопросы.

В китайском языке у глаголов нет спряжения, а также морфологических показателей времени, поэтому для выражения времени используются лексические средства, контекст, а также различные видовременные суффиксы и частицы. Одной из таких частиц является частица 了 (le). Многие обучающиеся находят использование 了 (le) достаточно сложным: иностранцу не ясно, когда необходимо ее использовать и в какое место в предложении ее нужно поставить; наконец, как перевести фразу, которая содержит две частицы 了 (le).

Принято различать разные значения 了 (le) в зависимости от позиции частицы в предложении: 了 (le)-1 ставится после глагола (между глаголом и следующим за ним дополнением), а 了 (le)-2 ставится в конце предложения [1, С. 37]. На наш взгляд, в зависимости от позиции в предложении 了 (le) можно рассматривать как три варианта морфемы:

I. Видовременной суффикс (указывает на завершенность действия);

II. модальную частицу (указывает на изменение состояния) – смену действия, связанное с универсально-языковым аспектуальным значением, выражаемым совершенным видом русского языка [14];

III. элемент конструкции для «усиления» эмоционально-экспрессивной составляющей речи.

I. 了(le) — видовременной суффикс.

В качестве глагольного суффикса 了(le) относится к глаголу, ставится сразу после него и указывает на выполненное или завершенное действие [2, С. 126], [8, С. 199-200], [13, С. 183]:

Подлежащее + сказуемое + глагольный суффикс 了(le) + дополнение

В некоторых случаях это можно сравнить с прошедшим временем, указывая на то, что действие уже закончилось:

我跑了四公里。(Wǒ pǎole sì gōnglǐ). Я пробежал 4 километра.

我吃了早饭。(Wǒ chīle zǎofàn). Я позавтракал.

В связи с этим у обучающихся часто возникают вопросы:

1) Является ли суффикс 了(le) показателем прошедшего времени?

Ответ: частица 了(le) не является показателем прошедшего времени, она лишь указывает на завершенность действия; то есть в сочетании с результативным глаголом образуется некое лексико-синтаксическое единство, указывающее на результат, и в зависимости от контекста результат этого действия может относиться как к плану прошедшего времени, так и к плану будущего. Например:

明天我吃了午饭以后就跟朋友出去玩儿。(Míngtiān wǒ chī le wǔfàn yǐhòu jiù gēn péngyou chūqù wánr). Завтра, позавтракав, я пойду гулять с другом.

我吃了最后一个苹果以后, 我会再买四个。(Wǒ chī le zuì hòu yí ge píng guǒ yǐ hòu, wǒ huì zài mǎi sì ge). После того, как я съем последнее яблоко, я куплю еще четыре штуки.

В данных фразах 2 действия, которые происходят одно за другим в будущем. Становится понятно, что первая функция 了(le) – указать, что действие выполнено в прошлом или в будущем. Если речь идет о будущем времени, следует учесть, что 了(le) добавляется после первого глагола, выражая таксис (предшествование), чтобы сказать, что только когда первое действие будет выполнено, мы сможем выполнить второе действие [6, С. 348], [7, С. 549], [11, С. 159].

2) Если мы рассказываем о чем-то в прошлом, нужно ли всегда добавлять 了(le)?

Ответ: нет. Давайте рассмотрим случаи, где не нужно употреблять 了(le):

— При отрицании в прошедшем времени [4, С. 52], [5, С. 56], [9, С. 150]. Это имеет смысл, так как отрицание указывает на то, что действие не завершено. Для отрицания в этом случае используется частица 没(méi):

他没有去公园。(Tā méiyǒu qù gōngyuán). Он не ходил в парк.

妹妹没买那条裙子。(Mèimei méi mǎi nà tiáo qúnzi). Младшая сестра не купила юбку.

— Если речь идет о действии, которое регулярно/часто повторялось/происходило в прошлом, [3, С. 52], [4, С. 200], [12, С. 62]:

我常常去图书馆看书。(Qùnián wǒ chángcháng qù túshūguǎn kàn shū). В прошлом году я часто ходил в библиотеку читать книги.

以前我每天都锻炼。(Yǐqián wǒ měitiān dōu duànliàn). Раньше я каждый день занимался спортом.

Регулярность действия в данном случае выражается лексическими средствами, а именно 常常(chángcháng) и 每天(měitiān).

— 了(le) не используется со вспомогательными глаголами, такими как 要(yào), 想(xiǎng), 能(néng), 可以(kěyǐ), 得(děi), 会(huì), 打算(dāsuan), 喜欢(xǐhuan), то есть с глаголами, выражающими возможность, желание, необходимость, а также с глаголами, которые не имеют совершенного вида — 是(shì), 在(zài) [3, С. 265], [5, С. 56], [12, С. 62]:

昨天我想吃苹果, 但是我没吃。(Zuótiān wǒ xiǎng chī píngguǒ, dànshì wǒ méi chī). Вчера я хотел съесть яблоко, но не съел.

— Если вы просто хотите описать ситуацию или событие в прошлом, не акцентируя внимание на завершенности действий, а указывая на факт их свершения:

回到家里以后, 我做饭、收拾房间、写作业。Huí dào jiālǐ yǐhòu, wǒ zuò fàn, shōushí fángjiān, xiě zuòyè. (После того, как я вернулся домой, я поел, прибрался в квартире и сделал домашнее задание.)

В этом предложении можно не использовать 了 после глаголов, потому что сообщение, которое мы хотим передать, заключается в том, что «я вернулся домой и занимался разными делами». Нам не важны детали, уборка, приготовление еды, выполнение домашнего задания – это не то, что говорящий хочет выделить/поместить на первый план.

С другой стороны, если задать вопрос: «Что ты делал, когда вернулся домой?», тогда говорящий будет отвечать, что он конкретно делал, когда вернулся. В этом случае в ответе при перечислении действий нужно добавить 了 в свой ответ:

回到家里以后, 我做了饭、收拾了房间、写了作业。Huí dào jiālǐ yǐhòu, wǒ zuò le fàn, shōushí le fángjiān, xiě le zuòyè. (После того, как я вернулся домой, я поел, прибрался в квартире и сделал домашнее задание.)

II. Модальная частица 了(le) (语气词) указывает на смену состояния.

Модальная частица 了(le) всегда ставится в конце предложения и указывает на изменение/обновление ситуации или состояния. Она актуализирует информацию всей фразы и может употребляться после прилагательных, существительных, глаголов состояния, динамических глаголов. Эта модальная частица служит для привлечения внимания, чтобы отметить или предупредить об изменении, дать совет или прокомментировать новую ситуацию [4, С. 85], [7, С. 576-578], [13, С. 208]. Сложности употребления связаны с тем, что на русский мы часто не переводим это 了(le).

我有点饿了。(Wǒ yǒu diǎn è le). Я немного проголодался.

Мы даже можем перевести это предложение как «Я начинаю немного испытывать голод». Это новая ситуация. Раньше я не был голоден, но теперь мое состояние изменилось, я голоден. Когда 了(le) стоит после глаголов состояния, таких как «饿 (è): быть голодным», «渴 (kě): испытывать жажду», «困 (kùn): быть сонным», «高兴 (gāoxìng): быть счастливым», «累 (lèi): быть уставшим» и т.д., мы должны понимать, что это новая ситуация, наш собеседник, хочет сказать нам, что что-то изменилось.

老师累了。(Lǎoshī lèi le). Учитель (начинает) уставать.

我困了。(Wǒ kùn le). Я (начинаю) чувствую сонливость.

她不高兴了。(Tā bù gāoxìng le). Она больше не радуется.

Итак, 了(le) в конце предложения, которое следует за прилагательным или глаголом, указывает на изменение состояния.

Однако у обучающихся опять возникает ряд вопросов:

1) Когда 了(le) стоит в конце предложения после глагола, обозначающего действие, это совершенное действие или изменение состояния?

Давайте посмотрим на следующее предложение: 下雪了。(Xià xuě le).

«下雪 (xià xuě)» — это глагол «идет снег». Если у этого предложения нет контекста, трудно сказать, является ли это «изменением состояния» или «законченным действием», т.е. необходим контекст.

Например, сейчас мы открываем окно и видим «啊! 下雪了! (À! Xià xuě le!)». Это изменение состояния. Говорящий имеет в виду: «Идет снег!! До этого снега не было, а сейчас идет снег». Мы указываем на это изменение. С другой стороны, если мы скажем «昨天下雪了。(Zuótiān xià xuě le.)» «Вчера шел снег», это будет совершенное действие».

Другой пример, две школьника спорят и ругаются, а потом вдруг один из них начинает плакать. В этот момент мы можем сказать: «看, 他哭了。(Kàn, tā kū le.)» «Посмотри, он плачет». Мы хотим, чтобы вы заметили это изменение и как-то отреагировали.

Также мы можем представить, что после этого они помирились, извинились, пошутили, тогда мальчик перестает плакать и начинает смеяться. В этот момент мы можем сказать «他笑了! (Tā xiào le!)» «Он смеется!» Он больше не грустит. Его состояние снова изменилось.

Если у вас все еще есть проблемы с пониманием, вы можете перевести это 了(le) как «начать, начинается...» или просто добавить в конце слово «сейчас».

下雨了。(Xià yǔ le). Начинается дождь / Сейчас идет дождь.

她哭了。(Tā kū le). Она начинает плакать. / Она сейчас плачет.

她笑了。(Tā xiào le). Она начинает смеяться. / Она сейчас смеется.

我饿了。(Wǒ è le). Я начинаю чувствовать голод. / Я сейчас голоден.

我困了。(Wǒ kùn le). Я начинаю чувствовать сонливость. / Я сейчас хочу спать.

2) В чем разница между фразами 他去了中国(Tā qù le Zhōngguó) и 他去中国了(Tā qù Zhōngguó le)?

Эти два предложения можно перевести как «Он уехал в Китай». Но разница все же есть.

В первом случае 了(le) стоит сразу после глагола, это означает, что это действие завершено, он уехал в Китай и теперь мы не знаем, где он, и что с ним стало. Он может быть где угодно, но мы понятия не имеем.

Во втором предложении 了(le) стоит в конце предложения, это означает, что это новая ситуация. Например, он был в России, но теперь его там нет, он в Китае. И в этом случае весьма вероятно, что он все еще находится в Китае. Мы добавляем контекст, чтобы было понятнее.

Представьте, что вы собираетесь увидеться с Ван Шенем в его офисе. Вы спрашиваете секретаря: «王生在吗? Wáng Shēng zài ma?» «Ван Шень здесь?» Она отвечает: «不在, 他去中国了。Bú zài, tā qù Zhōngguó le.» «Нет, его здесь нет, он уехал в Китай». Такой ответ предполагает, что Ван Шен сейчас находится в Китае, и неизвестно, когда он вернется; в то время как фраза «他去中国了。Tā qù le Zhōngguó.» означает, что он отправился в Китай, но мы не знаем, где он сейчас.

Итак, когда 了(le) стоит сразу после глагола, она является перфектной частицей и указывает на «совершенное действие», а когда 了(le) стоит в конце предложения — является модальной частицей и указывает на «изменении состояния, обновление ситуации».

3) В чем разница между 我不做作业(wǒ bú zuò zuòyè), 我没做作业(wǒ méi zuò zuòyè) и 我不做作业了(wǒ bú zuò zuòyè le)?

我不做作业。(Wǒ bú zuò zuòyè). Я не делаю домашнее задание.

我没做作业。(Wǒ méi zuò zuòyè). Я не сделал домашнее задание.

我不做作业了。(Wǒ bú zuò zuòyè le). Я больше не делаю домашнее задание.

В последнем предложении 了(le) стоит в конце, это означает изменение, новую ситуацию, в этом случае 了 употребляется для выражения фазы действия. «我不做作业了。(Wǒ bú zuò zuòyè le.)» Я больше не делаю домашнее задание — это новая ситуация. С этого момента я больше не выполняю это действие. Раньше я делал домашнее задание, но сейчас перестал, так как закончил университет.

Итак, конструкция «不(bú) + что-то делаю + 了(le)» («больше не делаю...») является способом выразить фазу действия, в данном случае прекращение действия.

我不想吃了。(Wǒ bù xiǎng chī le). Я больше не хочу есть.

你们不能打了。(Nimen bù néng dǎ le). Вы больше не можете драться.

你不喜欢我了吗? (Nǐ bù xǐhuan wǒ le ma?) Ты больше не любишь меня?

Однако, мы должны помнить, что с глаголом «иметь», мы должны использовать «没 (有)... 了 (méi(yǒu)...le)», чтобы сказать «больше не имею...», а не «不... 了 (bú(yǒu)...le)». «不 (bù)» никогда не используется с «有 (yǒu)»!

没有纸了。(Méiyǒu zhǐ le). Больше нет бумаги.

他没有家了。(Tā méiyǒu jiā le). У него больше нет дома.

4) Как понять предложение с двумя 了(le)?

1) В простом предложении перфектная частица 了(le) может стоять сразу после глагола, если объект, следующий за ним, имеет определение, выраженное сочетанием числительного (или указательного местоимения) со счетным словом, прилагательным, существительным, а также другими частями речи [2, С. 126], [8, С. 199-200], [10, С. 166-167]:

王老师买了一本书。(Wáng lǎoshī mǎi le yì běn shū). (了(le) — перфектная частица). Учитель Ван купил машину.

— Если же в простом предложении глагольный объект не имеет какого-либо определения (счетного слова, прилагательного, указательного местоимения и т.д.) перфектная частица 了(le) не используется; вместо этого в конце предложения используется модальная частица 了(le). Например:

王老师买书了。(Wáng lǎoshī mǎi shū le). (了(le) — модальная частица, которая ставится в конце предложения.) Учитель Ван купил машину. (Это простое предложение.)

— В простом предложении также может использоваться обязательная модальная частица и факультативная перфектная частица.

王老师买了书了。(Wáng lǎoshī mǎi le shū le). (=王老师买书了。(Wáng lǎoshī mǎi shū le).) (Неверно: 王老师买了书。(Wáng lǎoshī mǎi le shū).) Учитель Ван купил книгу.

2) Также предложение может иметь одновременно и перфектную частицу 了(le), которая указывает, что действие выполнено, и модальную частицу 了(le), которая актуализирует/обновляет информацию на данный момент [3, С. 266], [4, С. 54], [12, С. 63]. Чтобы лучше понять данный тип предложений давайте сравним следующие фразы:

他在上海住了半年。(Tā zài Shànghǎi zhù le bàn nián). Он шесть месяцев жил в Шанхае.

他在上海住了半年了。(Tā zài Shànghǎi zhù le bàn nián le). Он живет в Шанхае уже шесть месяцев.

Таким образом, добавление второго 了(le) актуализирует информацию на данный момент и может полностью изменить смысл предложения.

他要了三杯茶。(Tā yào le sān bēi chá). Он заказал три чашки чая. (когда мы были в кафе на прошлой неделе)

他要了三杯茶了! (Tā yào le sān bēi chá le). Он заказал три чашки чая! (к этому моменту: это означает, что он, вероятно, закажет еще)

3. Частица 了(le), как элемент конструкции

Для усиления прилагательных, 了(le) обычно используется в составе специальных конструкций: 太。。。了(tài...le), 。。。死了(...sǐ le), 。。。极了(...jí le). Остановимся подробнее на каждой из них:

А) 太。。。了(tài...le). Эта конструкция в зависимости от контекста может придавать прилагательному как положительный, так и отрицательный оттенок [8, С. 100], [11, С. 108], [12, С. 64]. Например: 这本书太有意思了! (Zhè běn shū tài yǒu yìsi le!) Эта книга такая интересная! 这件毛衣太大了。(Zhè jiàn máoyī tài dà le.) Этот свитер слишком большой.

Б) 。。。死了(...sǐ le). Эта конструкция чаще всего придает прилагательному негативную коннотацию [2, С. 130], [11, С. 135]. 我们饿死了。(Wǒmen è sǐ le.) Мы такие голодные, сил нет. 我累死了。(Wǒ lèi sǐ le.) Я до смерти устал.

В) 。。。极了(...jí le). Эта конструкция обычно придает прилагательному положительную коннотацию [4, С. 548], [11, С. 178], [12, С. 64]. 今天天气好极了! (Jīntiān tiānqì hǎo jí le!) Погода сегодня просто прекрасная! 她穿的裙子好看极了! (tā chuānde qúnzi hǎokàn jí le.) Юбка, которая на ней надета, чрезвычайно красивая!

Д) Конструкция 要。。。了[7, С. 611-612], [8, С. 289], [11, С. 172]. Конструкция 要。。。了 указывает на действие, которое вот-вот должно произойти. 他们的孩子要出生了。(Tāmen de hái zi yào chūshēng le.) Их ребенок вот-вот родится. 9点了, 超市要关门了。(Jiǔ diǎn le, chāoshì yào guānmén le.) Уже 9 часов, магазин вот-вот закрывается.

Следует отметить, что, во-первых, приведенные конструкции с 了, не исчерпывают весь перечень существующих конструкций. а во-вторых, конструкции с частицей 了(le) используется главным образом в устной речи, для выражения экспрессии; в печатной прессе, как правило, не используются.

Таким образом, мы видим, что варианты употребления 了(le) многочисленны. Во-первых, 了(le) является показателем завершенности действия. Важно помнить, что 了(le) указывает не на прошедшее время, а на завершенность действия. Мы говорим о выполненных действиях или изменениях состояния, которые никоим образом не могут быть сведены к прошлому. Во-вторых, 了(le) актуализирует информацию. Значение предложения может полностью измениться, если мы, например, используем два 了(le) в одном предложении. Поэтому необходимо быть особо внимательным, чтобы избежать путаницы, важно знать, к чему относится каждый 了(le) и как его использовать. В-третьих, 了(le) является частью конструкций для усиления прилагательных, а также частью других синтаксических конструкций для передачи эмоционально-экспрессивных оттенков речи, делая речь более эмоциональной и «живой».

Выражаем надежду, что данная статья поможет обучающимся не допускать ошибок, связанных с употреблением 了 (le), правильно строить высказывания с 了 (le), а обилие конкретных примеров употребления частицы поможет им без труда перевести предложение с 了 (le) как на русский, так и на китайский язык.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Haijin Sun. La temporalité et l'aspectualité en français et en chinois (étude contrastive) [Electronic resource] / Haijin Sun // Linguistique. 2012. 94 p. – URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00743387> (accessed: 09.04.2021)
2. Мощенко И. А. Грамматика китайского языка в таблицах: учебное пособие / И. А. Мощенко и др. – Москва: Издательство ВКН, 2018. – 160 с.
3. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – Москва: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
4. Шафир М.А. Китайский язык. Грамматика с упражнениями / М.А. Шафир. – Санкт-Петербург: КАРО, 2017. – 96 с.
5. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В.И. Горелов. – Москва: Просвещение, 1989. – 318 с.
6. Кошкин А.П. Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями) / А.П. Кошкин. – Москва: Издательский дом ВКН, 2017. – 480 с.
7. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1. / А.Ф. Кондрашевский. – Москва: Издательство ВКН, 2015. – 768 с.
8. Сирко Е.В. Новый практический курс китайского языка / Е.В. Сирко, Liu Xun. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2011. – 248 с.
9. Rong Jihua. Developing Chinese Elementary Comprehensive Course 1 / Rong Jihua. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2011. – 350 p.
10. Yang Jizhou. Hanyu Jiaocheng / Yang Jizhou. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2009. – 231 p.
11. Li Xiaoli. Boya Chinese Elementary / Li Xiaoli. – Beijing: Peking University Press, 2013. – 227 p.
12. Шеньшина М.А. Элементарная грамматика китайского языка. Начальный уровень / М.А. Шеньшина. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 128 с.
13. Задоев Т.П. Основы китайского языка. Основной курс / Т.П. Задоев, Хуан Шуйн. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 719 с.
14. Акимов И.И. Представление морфемного состава глагольного слова в целях лингводидактики / И.И. Акимов // Вестник Кемеровского государственного университета, 2018. №1. – С. 168–177.

Список литературы на английском / References in English

1. Haijin Sun. La temporalité et l'aspectualité en français et en chinois (étude contrastive) [Electronic resource] / Haijin Sun // Linguistique. 2012. 94 p. – URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00743387> (accessed: 09.04.2021)
2. Moshchenko I. A. Grammatika kitajjskogo jazyka v tablicakh: uchebnoe posobie [Chinese Grammar in Tables: A Textbook] / I. A. Moshchenko et al. - Moscow: Izdatelstvo VKN, 2018. - 160 p. [in Russian]
3. Kurdyumov V. A. Kurs kitajjskogo jazyka. Teoreticheskaja grammatika [Chinese language course. Theoretical grammar] / V. A. Kurdyumov - Moscow: CITADEL'-TREJJD; LADA, 2005. - 576 p. [in Russian]
4. Shafir M. A. Kitajjskij jazyk. Grammatika s uprazhnenijami [Chinese language. Grammar with exercises] / M. A. Shafir - Saint-Petersburg: KARO, 2017. - 96 p. [in Russian]
5. Gorelov V. I. Teoreticheskaja grammatika kitajjskogo jazyka: Ucheb. Posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. «Inostr. jaz.». [Theoretical Grammar of the Chinese Language: A Manual For Students of Pedagogical Education Institutions in Foreign Language Programs] / V. I. Gorelov - Moscow: Prosveshchenie, 1989 – 318 p. [in Russian]
6. Koshkin A. P. Ehlementarnaja grammatika kitajjskogo jazyka (s pojasnenijami i uprazhnenijami) [Elementary Grammar of the Chinese Language (With Explanations and Exercises)] / A. P. Koshkin. – Moscow: Izdatelstvo VKN, 2017. - 480 p. [in Russian]
7. Kondrashevsky A. F. Prakticheskij kurs kitajjskogo jazyka: v 2 t. T. 1. [Practical Course of the Chinese Language: In 2 Volumes. Vol. 1] / A. F. Kondrashevsky - Moscow: Izdatelstvo VKN, 2015 – 768 p. [in Russian]
8. Sirko E. V. Novyj prakticheskij kurs kitajjskogo jazyka [A New Practical Course of the Chinese Language] / E. V. Sirko, Liu Xun. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2011. – 248 p. [in Russian]
9. Rong Jihua. Developing Chinese Elementary Comprehensive Course 1 / Rong Jihua. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2011. – 350 p.
10. Yang Jizhou. Hanyu Jiaocheng / Yang Jizhou. – Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2009. – 231 p.
11. Li Xiaoli. Boya Chinese Elementary / Li Xiaoli. – Beijing: Peking University Press, 2013. – 227 p.
12. Shenshina M. A. Ehlementarnaja grammatika kitajjskogo jazyka. Nachal'nyj uroven' [Elementary Grammar of the Chinese Language. The Entry Level] / M. A. Shenshina. - Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. - 128 p. [in Russian]
13. Zadoenko T. P. Osnovy kitajjskogo jazyka. Osnovnoj kurs [Fundamentals of the Chinese Language. The Main Course] / T. P. Zadoenko, Huang Shuin. - Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1986 – 719 p. [in Russian]
14. Akimov I. I. Predstavlenie morfemnogo sostava glagol'nogo slova v celjakh lingvodidaktiki [Representation of the Morphemic Composition of a Verb Word for Language Teaching Purposes] / I. I. Akimov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University], 2018. No. 1. - pp. 168-177 [in Russian]